

П. Н. ПОЛЕВОЙ

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Polevoĭ, Petr Nikolaevich

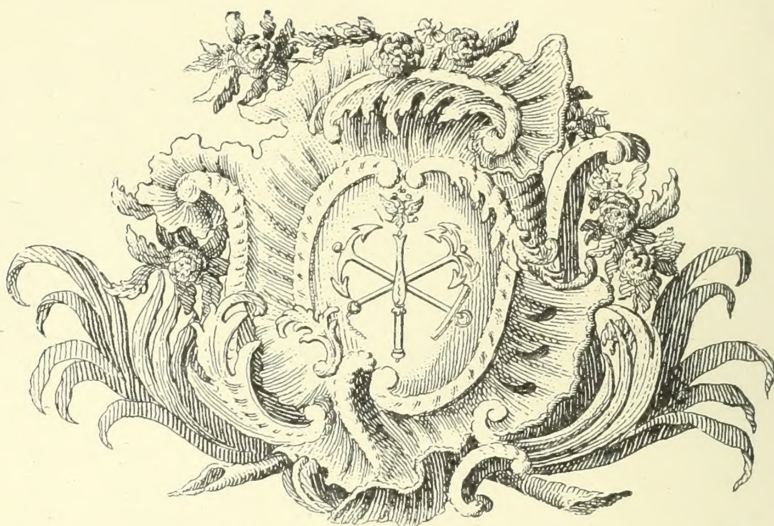
Istoriia russkoĭ slovesnosti

t. 1

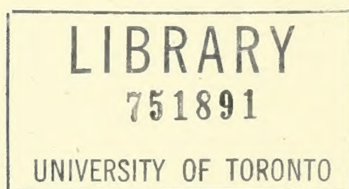
[ch. 2]

Исторія Русской Словесности

въ XVIII и XIX вѣкѣ.

Виньетка Петровскихъ временъ съ гербомъ города Петербурга.

Періодъ первый.

Эпоха Преобразованій отъ начала XVIII вѣка до начала царствованія Императрицы Екатерины II.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Значеніе Эпохи Преобразованій.—Петръ Великій и его заслуги по отношенію къ русскому просвѣщенію.—Заботы о книгахъ и школахъ.—Сношенія съ иностранными учеными.—Поощренія переводческой дѣятельности.—Публичный театръ.

Многознаменательная, памятная въ историческомъ смыслѣ и плодотворная по своимъ культурнымъ результатамъ Эпоха Преобразованій не была вовсе чѣмъ-нибудь случайнымъ, не являлась полною неожиданностью для современниковъ, хотя и была весьма крупнымъ и чрезвычайно крутымъ переворотомъ, до неузнаваемости измѣнившимъ русскую жизнь и русское общество въ теченіе какого-нибудь тридцатилѣтія. Въ сущности, Эпоха Преобразованій была только крайнимъ развитіемъ того просвѣтительнаго и культурнаго движенія, которое еще съ шестнадцатаго вѣка проявилось на Юго-Западѣ Руси, отчасти, подъ вліяніемъ движенія, охватившаго всю Европу въ Эпоху Возрожденія, отчасти же—вызвано было мѣстными потребностями національно-религіозной борьбы между русскою и польско-литовскою народностью. Зародившись

здѣсь, это движеніе, вслѣдствіе совершенно иныхъ побужденій и случайныхъ историческихъ столкновеній, перешло на Сѣверо-Востокъ Руси, въ Москву, гдѣ, среди сна и застоя, въ центрѣ громаднаго государства, окруженнаго китайскою стѣною, все же ощущалась потребность въ обновленіи, въ усиленіи свѣта, въ измѣненіи тягостныхъ условій жизни, стѣснявшихъ и личность, и волю, и всѣ проявленія духовной дѣятельности человѣка. Но какъ измѣнить? На что промѣнять,—когда ужъ изстари внушенъ страхъ ко всякой новизнѣ, ко всякой перемѣнѣ? Когда все запечатлѣно благословеніемъ или заклятіемъ... Кому довѣриться, когда всѣ извѣрились въ Востокъ и его лукавыхъ представителей—грековъ, и когда, въ то же время, всѣ привыкли ненавидѣть латинскій Западъ, опасаясь его козней и ухищреній?.. Но, съ половины XVII вѣка поворотъ на новый путь, хотя и медленный и едва примѣтный, начинаетъ совершаться въ высшихъ слояхъ общества и въ самомъ правительствѣ. Ощущается настоятельная потребность въ ученьи, въ опытныхъ, знающихъ людяхъ, которые помогли бы намъ въ разработкѣ нашихъ естественныхъ богатствъ, научили бы насъ преодолѣвать техническія трудности въ различнаго рода сооруженіяхъ, промыслахъ и производствахъ... И мы, поневолѣ, обращаемъ взоры къ Западу, и хотя съ большими оговорками и затрудненіями, но все же допускаемъ переселеніе въ предѣлы Московскаго Государства все бо̀льшаго и бо̀льшаго количества иноземцевъ. Подъ самою Москвою наростаетъ ихъ цѣлая слобода, и процвѣтаетъ, и богатѣетъ съ каждымъ днемъ, и живетъ своею особою жизнью — веселою, привольною, нестѣсняемою строгими правилами Домостроя и суровыми требованіями искони установившагося обычая. Изъ этой-то нѣмецкой слободы постепенно и понемногу начинаютъ проникать въ тѣсный кружокъ московскихъ „западниковъ“ кое-какія европейскія диковинки и соблазнительныя новинки, такія, какъ хоровая музыка, какъ музыкальные заводные инструменты, какъ театральныя представленія, какъ роскошь и удобства европейской домашней обстановки. Все это дѣйствуетъ постепенно и понемногу способствуетъ развитію желанія сблизиться съ Западомъ; но дѣло сближенія идетъ черепашьимъ шагомъ и возможность его предвидится лишь въ весьма далекомъ будущемъ.

И вдругъ, во главѣ этой горсти западниковъ и сторонниковъ новизны является молодой царь, рано присмотрѣвшійся къ нѣмецкой слободѣ, къ западнымъ обычаямъ и строю жизни, проникнутый страстнымъ влеченіемъ къ совершенствованію и къ неутомимой борьбѣ съ тѣмъ вялымъ равнодушіемъ, съ тѣмъ празднымъ застоемъ, которые онъ видитъ кругомъ себя.

Уже съ юныхъ лѣтъ этотъ геніальный царь понимаетъ нуж-

ды своего отечества лучше старыхъ и опытныхъ государственныхъ мужей и въ особенности главную изъ нуждъ — настоятельную нужду въ просвѣщеніи, въ ученіи, принимая это слово въ самомъ широкомъ его значеніи. „А для этого надо сблизиться съ Западомъ—сблизиться не только дипломатическимъ или военнымъ путемъ, а путемъ тѣснаго, внутренняго сближенія, путемъ уподобленія своей жизни, своихъ воззрѣній и потребностей — тому, что̀ существуетъ на Западѣ“. Геніальнымъ умомъ своимъ, царь Петръ понимаетъ, что для этого нужна громадная ломка, упорная борьба, долгая и неутомимая работа — и ничего этого не пугается, и, надѣясь на свою несокрушимую энергію, на свою желѣзную волю, смѣло приступаетъ къ дѣлу пересозданія всей русской жизни по новому, западному образцу. Тогда-то, съ первыхъ шаговъ Петра по этому новому пути, наступаетъ Эпоха Преобразованій—одна изъ самыхъ важныхъ и самыхъ тягостныхъ въ жизни русскаго общества и русскаго народа.

Тяжка была школа, которую въ эту эпоху приходилось проходить русскимъ людямъ; неумолимо-суровъ былъ и учитель ихъ; но за то изумительны были и результаты, которыхъ онъ достигъ въ сравнительно короткое время. Россія, двинутая по новому пути могучею рукою Преобразователя, вступила въ семью европейскихъ государствъ и, несмотря на многія невыгодныя условія историческія, несмотря на всѣ усилія рьяныхъ приверженцевъ старины, не могла уже повернуть на старый путь—вернуться къ идеаламъ своего прошлаго.

Не вдаваясь въ подробныя и всестороннія обсужденія „Эпохи Преобразованій“, ни въ разсмотрѣніе давно уже возникшаго среди нашихъ ученыхъ спора о томъ, въ какой именно степени эта эпоха борьбы и ломки была вредна или полезна по своему вліянію на дальнѣйшій ходъ развитія русской жизни, — мы укажемъ на тѣ стороны этой знаменательной эпохи, которыя значительно способствовали развитію нашей литературы въ первой половинѣ XVIII вѣка и придали нѣкоторое опредѣленное направленіе нашему просвѣщенію.

Громадною заслугою Петра по отношенію къ нашему русскому просвѣщенію было то, что онъ призналъ образованіе одною изъ первыхъ и насущнѣйшихъ потребностей человѣка, и право на образованіе призналъ за всѣми равное. Мало того, онъ и самое образованіе сталъ понимать гораздо шире, нежели до него понимали всѣ русскіе люди, которые держались того взгляда, что образованіе должно быть исключительно религіозное (а потому и составлять главнымъ образомъ достояніе духовенства); а на образованіе свѣтское, примѣненное къ достиженію мірскихъ цѣлей и къ удовлетворенію мірскихъ потребностей, смотрѣли недовѣрчиво.

Печать при Петрѣ.

Другою немаловажною заслугою Петра, по отношенію къ развитію нашей литературы, должно признать усвоенное имъ воззрѣніе на значеніе печатнаго слова. Несмотря на то, что типографское искусство существовало въ Россіи до Петра уже въ теченіе цѣлыхъ полутораста лѣтъ, примѣненіе его являлось крайне ограниченнымъ, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что количество книгъ, напечатанныхъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, было значительно менѣе того, которое вышло изъ-подъ типографскаго станка въ продолженіе одного царствованія Петра Великаго. Онъ первый примѣнилъ печатное слово къ насущнымъ потребностямъ общественной и государственной жизни, и придалъ русской книгѣ возможно широкое распространеніе, способное удовлетворять быстро нарождающимся потребностямъ въ чтеніи разнообразномъ и общеобразовательномъ. Не надѣясь на то, что русскія типографіи въ состояніи будутъ выполнить эту задачу успѣшно и во-время, Петръ не затруднился этою ограниченностью средствъ въ Россіи и заручился помощью одной изъ европейскихъ типографій, которой сдалъ подрядъ на печатаніе русскихъ книгъ. То была извѣстная типографія амстердамскаго богатаго купца *Яна Тессинга*, съ которымъ Петръ познакомился въ бытность свою въ Голландіи. По порученію Петра, Тессингъ завелъ типографію съ спеціальною цѣлью: печатать книги на славянскомъ и латинскомъ языкахъ вмѣстѣ, „тако и славянскимъ и голандскимъ языкомъ по-особну, отъ чего бы русскіе подданные много службы и прибытка могли получить и обучатися во всякихъ художествахъ и свѣдѣніяхъ“— такъ гласитъ данная Тессингу грамота. Въ помощь Тессингу приданъ былъ нѣкто *Илья Копіевичъ* (или Копіевскій), по происхожденію полякъ или, можетъ-быть, уроженецъ Западной Руси, хорошо знакомый съ книжною русскою рѣчью; онъ долженъ былъ слѣдить за изданіями и переводить на русскій языкъ книги по порученію Петра [1]). По возвращеніи въ Россію изъ перваго путешествія, Великій Преобразователь поощрялъ и въ Россіи развитіе типографскаго дѣла и до такой степени цѣнилъ услуги, которыя ему оказывалъ типографскій станокъ, что въ дальнихъ походахъ своихъ, въ послѣдніе годы жизни, постоянно имѣлъ подъ руками свою небольшую походную типографію (см. стр. 372).

Сначала, когда Петръ только-что принялся за свои реформы и почувствовалъ необходимость въ усиленіи грамотности, въ распространеніи образованія и увеличеніи образовательныхъ средствъ, онъ, очевидно, при множествѣ другихъ дѣлъ, не составилъ себѣ (да и не могъ составить) такого опредѣленнаго плана, на осно-

---

1) Сначала они работали вмѣстѣ, потомъ разссорились, и Копіевичъ завелъ свою особую типографію, на которую Петръ выдалъ ему особую привилегію на печатаніе русскихъ книгъ, въ теченіе 15 лѣтъ.

Портретъ Петра I въ юности

ваніи котораго первоначальное или среднее образованіе, въ которомъ ощущалась наибольшая нужда, могли бы болѣе или менѣе равномѣрно распространиться по Россіи.

Школы при Петрѣ.

Одновременно съ отправкою многихъ молодыхъ русскихъ людей для обученія за границу, Петръ озаботился также и объ улучшеніи преподаванія въ Московской Академіи и о расширеніи программы преподаванія въ этомъ заведеніи. Но это не могло привести къ желаемымъ результатамъ. Преобразованіе Академіи Московской, по образцу Кіевской, произошло уже только въ 1701 г., когда „протекторомъ" ея былъ назначенъ *Стефанъ Яворскій*, митрополитъ Рязанскій. Преобразованная имъ „Славяно-греко-латинская академія" утратила свой исключительно духовный характеръ и обратилась въ учебное заведеніе, пригодное и для духовнаго, и для гражданскаго сословія. Въ нее стали поступать всѣ, желавшіе получить необходимую подготовку, какъ для продолженія ученія за границей, такъ и для поступленія въ иныя, новыя, только при Петрѣ явившіяся, школы.

Ученики московскихъ школъ. Пробный листъ къ букварю Каріона Истомина.

Одновременно съ преобразованіемъ этого главнаго учебнаго центра на Сѣверо-Востокѣ Руси, по настоянію Петра, въ разныхъ городахъ стали открываться епархіальныя школы, и мы имѣемъ свѣдѣнія о такихъ школахъ въ Смоленскѣ, Ростовѣ, Тобольскѣ и т. д., а въ 1706 г., при посредствѣ извѣстныхъ уже намъ братьевъ Лихудовъ, въ Новгородѣ было заведено среднее учебное заведеніе подъ названіемъ *Славяно-греческой школы*, въ которую также поступали дѣти не только духовныхъ, но и свѣтскихъ людей. Въ концѣ царствованія Петра Великаго изъ этой новгородской школы, какъ изъ разсадника, возникло въ разныхъ мѣстахъ около полутора десятка низшихъ школъ.

Но для быстро развивавшейся, кипучей дѣятельности Петра однихъ обще-образовательныхъ заведеній было мало: ему необходимы были школы спеціальныя, изъ которыхъ бы, по его собственному выраженію, „во всякія потребы люди происходили". И вотъ, не довольствуясь посылкой молодыхъ людей за границу для обученія различнымъ спеціальностямъ, царь Петръ выписываетъ учителей изъ-за границы и при ихъ помощи заводитъ въ Москвѣ школы, гдѣ бы эти иноземцы могли обучать русское юношество необходимымъ наукамъ. Такимъ образомъ являются

въ Москвѣ двѣ новыя школы: *математическая* и *навигацкая*, гдѣ первыми преподавателями были англичане: ***Фарворсонъ, Гвиль*** и ***Грейсъ.*** Школы эти находились въ вѣдѣніи Оружейной Палаты, слѣдовательно подъ надзоромъ любимцевъ Петра,—адмирала ***Головина*** и дьяка ***Курбатова;*** а „вспомоществователемъ“ при иноземцахъ-преподавателяхъ назначенъ былъ извѣстный авторъ перваго учебника по ариѳметикѣ, *Леонтій Магницкій*—человѣкъ добросовѣстный, знающій и толковый. Въ 1703 г. въ школахъ этихъ было уже много учениковъ, и хотя они, вѣроятно, вначалѣ набраны были неволею, но, уже годъ спустя, дьякъ Курбатовъ могъ донести государю о Математической школѣ, что „нынѣ многіе изъ всякихъ чиновъ и прожиточные люди припознали тоя науки сладость, отдаютъ въ ту школу дѣтей своихъ, а иные и сами недо-

Црю моему радосте црю петру алеξеевичю здравствуи свѣтъ мои на множество лѣтъ просим милости пожалуи црь буди к нам не замешкав а я при милости матушкини жива женишка твоя дунка челом бьет

Письмо къ Петру отъ первой его супруги, царицы Евдокіи Ѳеодоровны.

росли, и рейторскіе дѣти, и молодые изъ приказовъ подъячіе приходятъ съ охотою немалою“.

Цыфирныя школы.

Значительно позднѣе быстрое возрастаніе новыхъ административныхъ учрежденій привело къ необходимости основать еще иныя, новыя школы, собственно, для подготовки писцовъ и мелкихъ чиновниковъ. Въ ноябрѣ 1721 года царь Петръ предписалъ: „Учинить школу, гдѣ учить подьячихъ ихъ дѣлу, а именно: цыфири, и какъ держать книги, ко всякому дѣлу пристойныя, и кто тому не выучится—къ дѣламъ не употреблять“.

Программа этихъ новыхъ, такъ-называемыхъ „цыфирныхъ“ школъ была весьма проста: дѣти приказныхъ или сторонніе по своей охотѣ поступавшіе въ „цыфирную“ школу, обучались въ ней ариѳметикѣ, формѣ книгъ и различныхъ таблицъ и „всему, что доброму подьячему вѣдать надлежитъ“. Эти „цыфирныя“ школы

впослѣдствіи приказано было соединить съ тѣми, которыя, по требованію „Духовнаго Ратомента“, положено было основать при всѣхъ архіерейскихъ домахъ.

Первыя «Вѣдомости».

Одновременно съ первыми указами объ учрежденіи спеціальныхъ училищъ, Петръ озаботился и еще объ одномъ важномъ примѣненіи печатнаго слова, какъ средства къ расширенію умственнаго кругозора русскаго человѣка. 17-го декабря 1703 года царь указалъ: „о всякихъ дѣлахъ, которыя подлежатъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ, *печатать куранты*“. И вотъ, съ 1703 года, въ Москвѣ стали издаваться куранты подъ заглавіемъ: „*Вѣдомости* о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ“.

Планы высшаго образованія.

Заботясь, такимъ образомъ, о введеніи въ Россіи образованія, о пробужденіи въ русскомъ обществѣ потребности къ чтенію и объ удовлетвореніи этой потребности и книгами, и курантами, царь Петръ въ то же время сознавалъ недостаточность всего этого, неполноту и ограниченность того плана, по которому просвѣщеніе проникало и распространялось по Россіи. Онъ видѣлъ на европейскомъ Западѣ, кромѣ низшихъ и среднихъ, еще высшія ученыя учрежденія, тѣсно съ ними связанныя—университеты и академіи, въ которыхъ ученые спеціалисты занимались разработкою высшей науки. Сознавая всю важность подобныхъ учрежденій, онъ, въ то же время, понималъ, что ихъ нельзя цѣликомъ заимствовать съ Запада и перенести къ намъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали въ Европѣ; поэтому онъ долго и зрѣло обдумывалъ ту форму, въ которой подобныя учрежденія могли бы принести наибольшую пользу Россіи. Въ тѣхъ же видахъ онъ вступалъ въ сношенія съ европейскими учеными знаменитостями, совѣщался съ ними лично и письменно и даже выплачивалъ имъ пожизненныя пенсіи за составленіе плановъ и проектовъ, по которымъ можно было бы ввести въ Россіи высшее образованіе. Въ числѣ такихъ знаменитостей, въ близкихъ сношеніяхъ съ Петромъ состояли двое ученыхъ нѣмцевъ: *Лейбницъ* и ученикъ его, *Христіанъ Вольфъ*. Первый изъ нихъ былъ человѣкъ широко-образованный—энциклопедистъ, по обычаю многихъ ученыхъ того времени, почти въ равной степени знакомый съ философіей, математикой, филологіей и исторіей. По предложенію Петра, который, при первой же встрѣчѣ, наградилъ его чиномъ тайнаго совѣтника и богатою пенсіею, Лейбницъ весьма охотно принялся за составленіе проектовъ и плановъ по вопросу о просвѣщеніи Россіи. Чрезвычайно любопытно, что Лейбницъ предложилъ Петру, въ своемъ проектѣ о внутреннемъ устройствѣ Россіи, все управленіе раздѣлить на девять коллегій, изъ которыхъ одна вѣдала бы

военную часть, другая—юстицію, третья — торговлю и т. д., и, наконецъ, послѣдняя, девятая — *ученая коллегія* — занималась бы исключительно распространеніемъ научныхъ свѣдѣній, заводила бы учебныя заведенія, высшія, среднія и низшія, устраивала бы библіотеки, обсерваторіи, музеи и т. п. При этомъ, какъ на главные центры научнаго образованія, въ которыхъ слѣдовало бы завести академіи, университеты и школы, Лейбницъ указывалъ на Москву, Кіевъ, Астрахань и Петербургъ. По проекту Лейбница, академіи должны были быть только высшими учебными заведеніями для обученія юношества, и преподаваніе въ нихъ должно было ограничиваться слѣдующими предметами: богословіе, латынь, ѳоика, медицина, хирургія, исторія, естественное и государственное право, астрономія, географія, химія и разные языки.

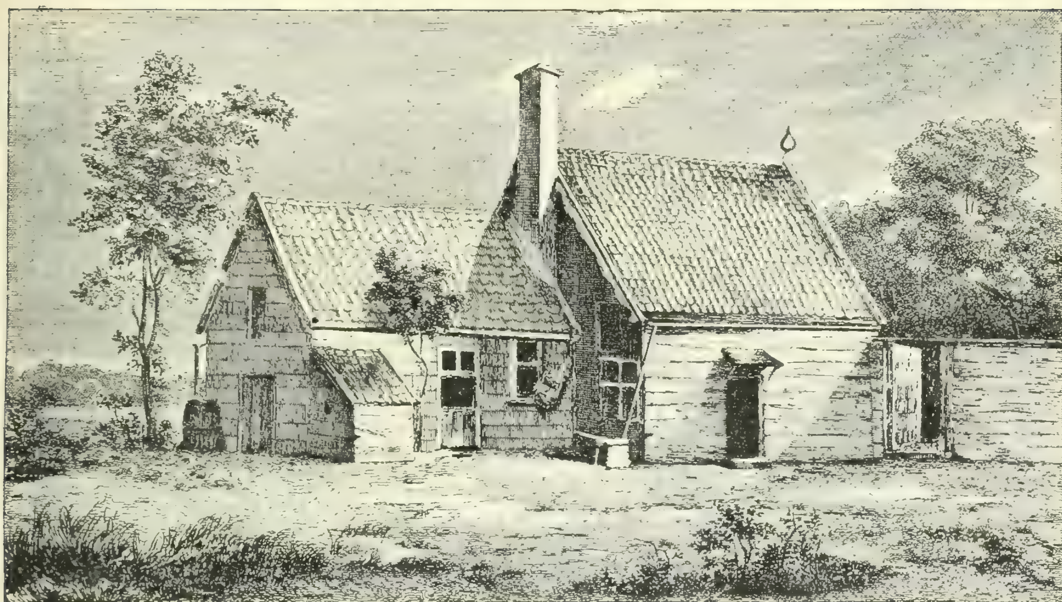
Другой знаменитый ученый, Христіанъ Вольфъ, также былъ энциклопедистомъ и занимался одновременно философіей, физикой, математикой и другими науками. Самъ будучи профессоромъ университета (сначала въ Галле, потомъ въ Марбургѣ), онъ былъ близко знакомъ съ университетскимъ преподаваніемъ и совѣтовалъ Петру заводить въ Россіи не академіи, а университеты, которые, какъ онъ полагалъ, болѣе должны завлекать молодежь къ ученью живостью своего преподаванія.

Собственный планъ Петра.

Но Петръ не послѣдовалъ ни плану Лейбница, ни совѣтамъ Вольфа, а сдѣлалъ по-своему. Принимая въ соображеніе нужды Россіи, онъ выработалъ для Россіи особый и довольно сложный проектъ высшаго учебнаго учрежденія, которое одновременно должно было служить и цѣлямъ научнымъ, и цѣлямъ учебно-образовательнымъ. Въ самомъ концѣ своей жизни, въ указѣ объ учрежденіи академіи наукъ въ С.-Петербургѣ (28 января 1724 г.), великій государь еще разъ выказалъ свой замѣчательный практицизмъ и тонкое пониманіе духовныхъ потребностей современнаго русскаго общества. Приводимъ изъ этого указа важнѣйшее: „Къ расплоенію художествъ и наукъ употребляются обычайно два образа дѣйствія: первый образъ называется университетъ; второй — академія или соціететъ художествъ и наукъ. Понеже нынѣ въ Россіи зданіе къ возращенію художествъ и науки учинено быть имѣетъ, того ради не возможно, чтобы здѣсь слѣдовать въ прочихъ государствахъ принятому образцу; но надлежитъ, смотря по состоянію здѣшняго государства, какъ въ разсужденіе обучающихъ, такъ и обучающихся, и такое зданіе учинить, чрезъ которое не токмо слава сего государства для размноженія наукъ по нынѣшнимъ временамъ распространилась, но и чрезъ обученіе и распространеніе оныхъ польза въ народѣ впредь была. При заведеніи простой академіи наукъ обои намѣренья не исполнятся, ибо хотя чрезъ оную художества и науки въ своемъ

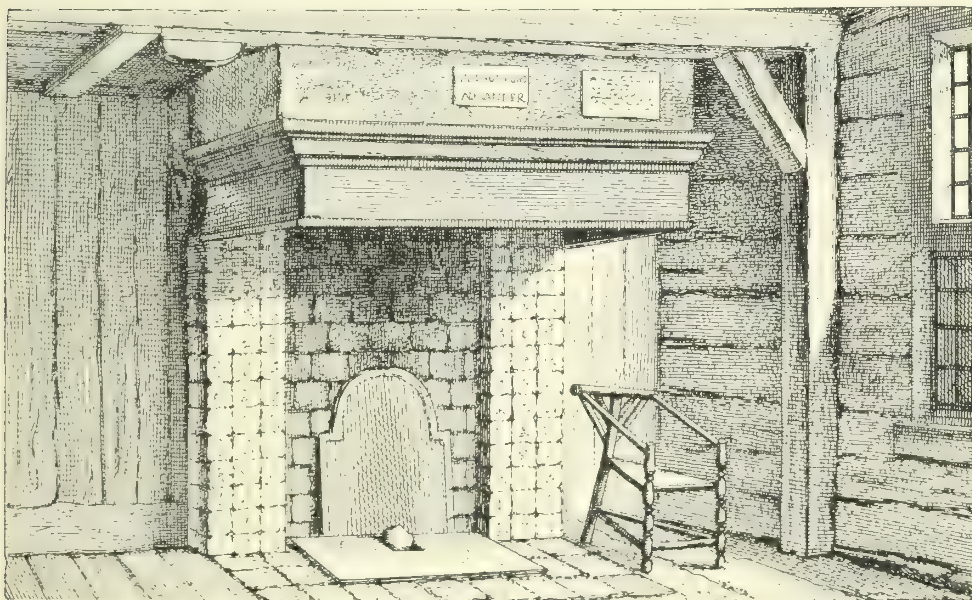
1721

Автографъ Петра Великаго въ зрѣломъ возрастѣ, изъ послѣдняго періода жизни.

Домикъ Петра Великаго въ Сардамѣ. Внѣшній видъ.

состояніи производятся и распространяются, однакоже-де оныя не скоро въ народѣ расплодятся, а при заведеніи университета—

Тотъ же домикъ Петра Великаго. Внутренній видъ.

меньше того; ибо когда разсудить, что еще прямыхъ школъ, гимназіевъ и семинаріевъ, нѣтъ, то невозможно, дабы при такомъ состояніи университетъ нѣкоторую пользу учинить могъ. Итакъ,

потребнѣе всего, чтобы здѣсь таковое собраніе заведено было, ежели-бъ изъ самыхъ лучшихъ ученыхъ людей состояло, которые довольны (т.-е. способны) суть: 1) науки производить и совершить, однакоже-де тако, чтобы они тѣмъ наукамъ 2) молодыхъ людей публично обучали и чтобы они 3) нѣкоторыхъ людей при себѣ обучали, которые бы младыхъ людей первымъ фундаментамъ всѣхъ наукъ паки обучать могли, и такимъ бы образомъ одно зданіе съ малыми убытками тое же бы съ великою пользою чинило, что въ другихъ государствахъ три разныя собранія чинятъ“ [1]).

Такимъ образомъ Петру представлялось возможнымъ выработать для Россіи особый типъ высшаго учено-учебнаго учрежденія, въ которомъ бы, подъ общимъ названіемъ „академіи“, сосредоточены были и подготовительныя для нея среднее и высшее учебное заведеніе. Въ какой степени удачнымъ оказался этотъ замыселъ Великаго Преобразователя Россіи, мы это увидимъ впослѣдствіи, когда намъ придется говорить о первыхъ годахъ существованія академіи наукъ, открытой вскорѣ послѣ кончины Петра; нельзя, однакоже, не признать до нѣкоторой степени вполнѣ законнымъ и справедливымъ желаніе Петра—примѣнить европейское образованіе, при его распространеніи въ Россіи, къ потребностямъ и нуждамъ русскаго народа. Не слѣдуетъ забывать, что, въ томъ обществѣ, среди котораго приходилось жить и дѣйствовать Петру, образованнѣйшіе люди только въ 1717 г. (изъ перевода книги астронома Гюйгенса) впервые получили понятіе о системѣ Коперника.

Цѣли новаго образованія.

Въ заключеніе того, что сказано нами о Петрѣ, какъ главномъ дѣятелѣ Эпохи Преобразованій, замѣтимъ, что, какъ въ понятіяхъ своихъ о потребностяхъ образованія, такъ и въ своихъ отношеніяхъ къ литературѣ, Петръ не преслѣдовалъ никакихъ туманныхъ и отвлеченныхъ цѣлей; напротивъ того, онъ шелъ неуклонно однимъ и тѣмъ же путемъ практицизма и непосредственной пользы, какую можно было извлечь изъ образованія тотчасъ, не ожидая ея отъ далекаго и неизвѣстнаго будущаго. На основаніи такихъ воззрѣній, образованіе представлялось Петру только однимъ изъ средствъ къ тому, чтобы сравняться въ матеріальныхъ силахъ съ сосѣдями, чтобы научиться умѣнью пользоваться природными богатствами Россіи и доставить современному русскому обществу возможность жить съ удобствомъ и достаткомъ. Точно также и литература, свѣтская и духовная, одинаково являлись ему лишь средствомъ къ усиленію, проведенію въ жизнь и оправданію его преобразованій, орудіемъ оборонительнымъ противъ клеветъ и

---

[1]) Т.-е. академія, университетъ и гимназія.

безсмысленныхъ обвиненій, взводимыхъ иностранцами на Россію, и орудіемъ наступательнымъ противъ внутреннихъ, домашнихъ враговъ: раскольниковъ, ханжей, приверженцевъ старины, невѣжества и застоя. И въ этой области, какъ и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ своей геніальной дѣятельности, Петръ является изумительно-неутомимымъ. Онъ слѣдитъ за переводами книгъ съ иностранныхъ языковъ, указываетъ, *какъ* ихъ слѣдуетъ переводить и *на что* при переводахъ обращать особенное вниманіе; онъ даетъ проповѣдникамъ тэмы для ихъ проповѣдей и поученій и выправляетъ собственноручно статьи, помѣщаемыя въ „Вѣдомостяхъ". Подъ его зоркимъ и внимательнымъ наблюденіемъ печатаются и русскія книги для Россіи, и книги на иностранныхъ языкахъ о Россіи, чтобы опровергнуть клеветы враговъ и дать возможность иноземцамъ поближе ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ новой, преобразованной Петромъ странѣ.

Новыя типографіи.

Чтобы дать понятіе о томъ быстро-возрастающемъ значеніи, которое, благодаря Петру, пріобрѣтаетъ въ Россіи книгопечатаніе, достаточно будетъ припомнить здѣсь, что не далѣе какъ въ концѣ XVII вѣка во всей Россіи только и было двѣ типографіи: одна въ Кіево-Печерской лаврѣ, другая въ Москвѣ, на Печатномъ дворѣ. Въ 1711 году появляется *первая типографія* въ Петербургѣ, а съ 1720 года въ той же столицѣ видимъ уже четыре типографіи. Одновременно, въ тотъ же періодъ, и въ Москвѣ является уже не одна, а двѣ типографіи; кромѣ того, новыя типографіи возникаютъ совершенно самостоятельно въ Черниговѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ и Новгородѣ.

Народный театръ.

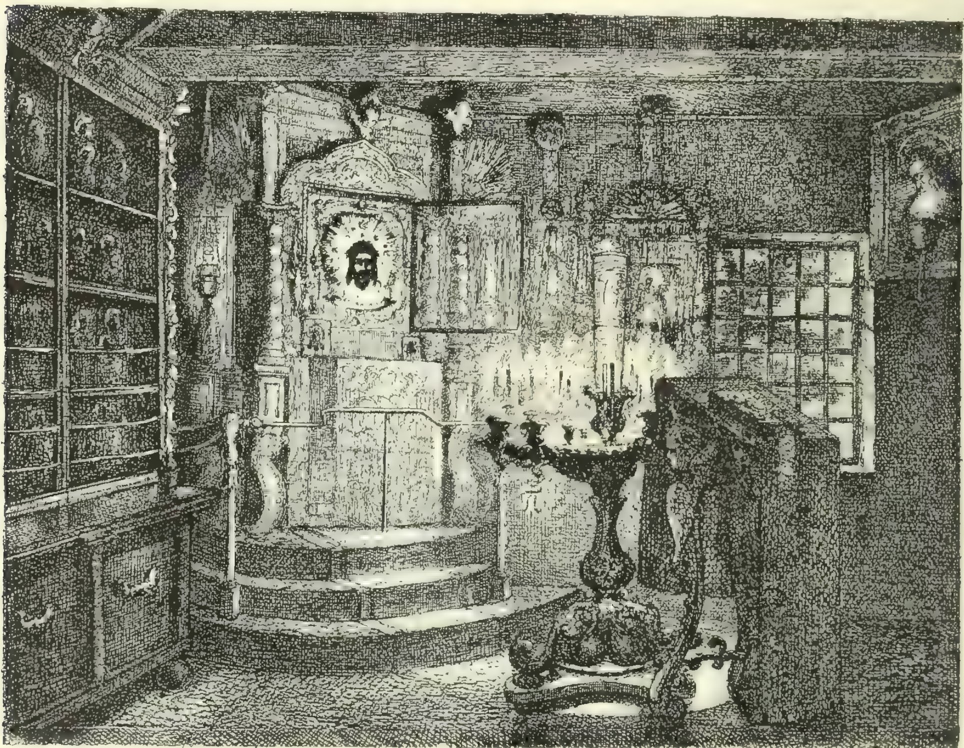
Мы увидимъ далѣе, при обзорѣ различныхъ родовъ и видовъ литературы въ Эпоху Преобразованій, что Петръ не довольствовался только устною проповѣдью и печатною книгою для распространенія своихъ идей въ Россіи: онъ умѣлъ изыскать и иныя средства къ тому, чтобы открыть новымъ понятіямъ наиболѣе удобные и легкіе пути для проникновенія въ массу народа.

Въ числѣ такихъ средствъ не послѣднее мѣсто, по воззрѣніямъ Петра, долженъ былъ занимать и *театръ*, который былъ и забытъ, и заброшенъ по кончинѣ царя Алексѣя Михайловича. Родной братъ Петра, царь Θеодоръ Алексѣевичъ, отвращаясь отъ всякихъ „комидійныхъ дѣйствъ", приказалъ даже (въ 1676 г.) очистить во дворцѣ „палаты, занятыя подъ комедію". Петръ Великій поступаетъ иначе: не возобновляя театра дворцоваго, домашняго, онъ расширяетъ кругъ дѣйствій театра, даетъ „комидійнымъ дѣйствамъ" иную публику, иное назначеніе: учреждаетъ *театръ народный*, доступный для всякаго чина людей, для всякихъ „охотныхъ смотрѣльщиковъ". Мѣсто для новаго театра, по его приказу, избирается самое лучшее, въ центрѣ города, на

Красной площади, близъ такъ называемыхъ „Тріумфіальныхъ избъ“. Въ 1701 году комедіантъ *Иванъ Сплавскій* отправленъ былъ Петромъ за границу и имъ-то въ Данцигѣ заключенъ былъ контрактъ съ содержателемъ одной изъ странствующихъ нѣмецкихъ труппъ, *Іоганномъ Куништомъ* [1]), и съ іюня 1702 года этотъ новый „Царскаго Величества комидіантскій правитель“ пріѣхалъ въ Москву. Въ началѣ октября того же года собраны были разныхъ приказовъ подьячіе въ Посольскій Приказъ и отданы „подъ началъ“ Кунышту „для ученія комидійныхъ дѣйствъ“. Этимъ

Петръ Великій въ одеждѣ голландскаго рабочаго.

Внутренность домика Петра Великаго въ С.-Петербургѣ, въ настоящее время.

подьячимъ сказанъ государевъ строгій указъ, чтобы они Кунышту „были въ ученіи послушны“, а Кунышту, въ свою очередь, объяв-

[1]) Іоганнъ Куништъ вскорѣ умеръ и мѣсто его заступилъ нѣкто Артемій Фюрстъ.

Min her

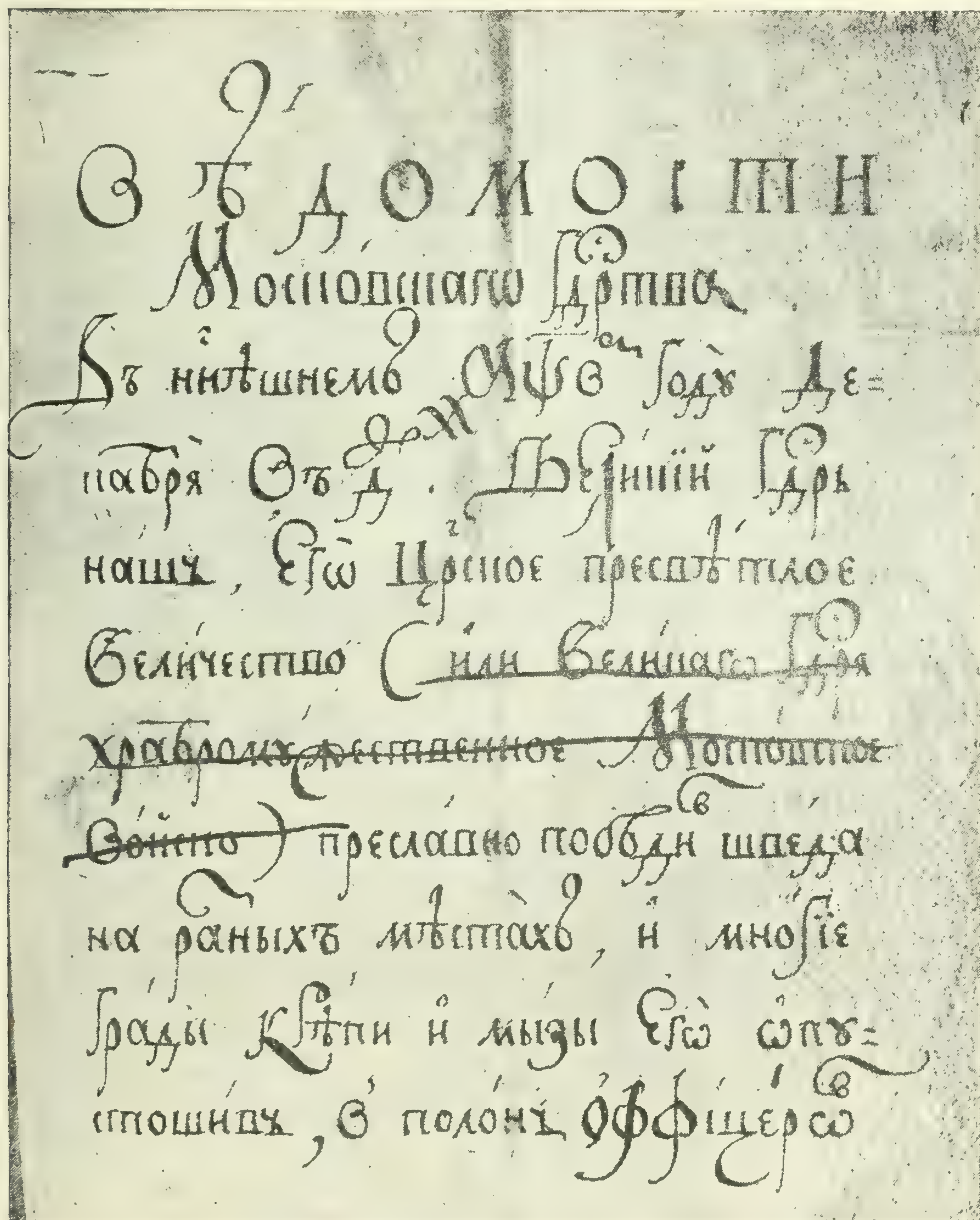
Іюля въ 12.

Piter

Автографъ Петра Великаго (въ юности).
Письмо къ Виніусу отъ 12-го іюля 1694 года.

лено, чтобы онъ ихъ „комидіямъ всякимъ училъ съ должнымъ радѣніемъ и со всякимъ откровеніемъ“.

Русскимъ ученикамъ Куншта положено было жалованье, „смотря по персонамъ (т.-е. по ролямъ): за кѣмъ дѣла больше, Труппа Куншта.

Вѣдомости
Московскаго государства
Въ нынѣшнемъ [illegible] годѣ декабря въ [illegible] д. Великій государь
нашъ, его царское пресвѣтлое
величество (или великаго государя
храброе пресвѣтлое московское
войско) преславно побѣдилъ шведа
на разныхъ мѣстахъ, и многіе
грады крѣпи и мызы его опу-
стошилъ, в полонъ офицеров

Черновые листы первыхъ «Вѣдомостей», хранящіеся въ Типографской библіотекѣ, въ Москвѣ.

тому и дать больше“; и переводчикамъ Посольскаго Приказа была тоже задана работа для возникающаго театра: имъ велѣно было перевести „малыя оперы и комидіи“ Кунштова репертуара, стараясь передавать ихъ „простымъ русскимъ языкомъ, не высо-

кою славянскою рѣчью". Репертуаръ этотъ, заимствованный и отъ французской, и отъ нѣмецкой, и отъ итальянской сцены, былъ очень разнообразенъ: „играли о крѣпости Грубстона, въ ней же первая персона Александръ Македонскій; Сципій Африканскій или погубленіе королевы Софонизбы; о графинѣ Тріерской Геновевѣ; два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Кесарь; порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитеръ; комидія о Баязетѣ и Тамерланѣ". На русской сценѣ всѣ пьесы этого репертуара явились въ свободной обработкѣ, въ которой многое было передано довольно удачно, а иное совершенно искусственно примѣнено къ русскимъ нравамъ, понятіямъ и быту. Камнемъ преткновенія для переводчиковъ оказывались всѣ сцены патетическія и сентиментальныя, всѣ изліянія нѣжныхъ чувствъ, которымъ еще не поддавался мало-обработанный и грубый языкъ русско-славянской книжной прозы. Еще менѣе доступными для перевода оказывались вычурныя, многосложныя заглавія всѣхъ этихъ „на скорую руку" передѣланныхъ для сцены иноземныхъ пьесъ, которыя передавались буквально и часто являлись совершенною безсмыслицей по нашимъ нынѣшнимъ воззрѣніямъ. Таковы заглавія, въ родѣ: „*Докторъ принужденный*" (Medecin malgré lui) или „*Прельщенный любящій или Донъ-Педро, почитанный шляхта*" и, наконецъ, „*Жоделетъ или самый свой тюрмовый заключникъ*" (Jodelet ou le gêolier de soi-même)—могутъ служить весьма любопытными памятниками давно-минувшаго прошлаго, нѣкогда пережитаго русскимъ литературнымъ языкомъ.

Русскія пьесы.

Но Петръ не довольствовался однимъ только переводнымъ репертуаромъ для Кунштовой труппы: онъ желалъ видѣть на русской сценѣ русскія пьесы и притомъ тѣсно связанныя съ русской современностью и дѣйствительностью. По порученію царя, дьяки Посольскаго Приказа требуютъ отъ Куншта, чтобъ онъ „въ скорости, какъ мощно, составилъ новую комедію „*о побѣдѣ и о врученіи великому государю крѣпости Орѣшка*". Въ отвѣтъ на это послѣдовало со стороны Куншта ходатайство къ дьякамъ, чтобы „они дали ему роспись, какъ обложеніе совершилось, закрытыми именами генераловъ и градъ называть"... Вѣроятно такимъ же образомъ созданы были и двѣ другія современныя пьесы: „*Преславное торжество освободителя Ливоніи и присоединеніе къ Россіи Ингерманландіи*" [1]), „*Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе*", въ которой весьма подробно представлена побѣда надъ шведами при Полтавѣ, измѣна и бѣгство Мазепы и т. п.

Не довольствуясь даже и этими заказными пьесами, въ родѣ

[1]) Пьесы эти были сочинены префектомъ московской славяно-греко-латинской академіи, *Іосифомъ Туробойскимъ*.

только-что помянутыхъ, Петръ не пренебрегалъ и произведеніями болѣе грубой формы для того, чтобы выставить на общее осмѣяніе тѣ типы современной, общественной и народной жизни, которые подвергались съ его стороны суровымъ, неумолимымъ преслѣдованіямъ. Для этой цѣли, между дѣйствіями пьесъ, представляемыхъ на народной сценѣ, вставлялись „*интерлюдіи*“ или, какъ онѣ назывались на современномъ литературномъ языкѣ, „*между-врошенныя забавныя игралища*“. Въ этихъ интерлюдіяхъ на сцену выводились раскольники, съ ихъ постояннымъ пристрастіемъ къ внѣшнимъ сторонамъ стариннаго русскаго быта, дьячки, оплакивающіе дѣтей, отправляемыхъ въ семинарію, безграмотные ставленники, добивающіеся мѣста незаконными путями, подьячіе, ловящіе въ мутной водѣ рыбу и т. п. Эти интерлюдіи настолько любопытны по общему своему складу и по тѣмъ чертамъ быта и эпохи, которыя въ нихъ сохранились, что заслуживаютъ серьезнаго изученія не только какъ первые образцы грубой площадной сатиры, служившей орудіемъ правительству для его спеціальныхъ цѣлей, но и вообще какъ первыя попытки набросать нѣчто въ родѣ цѣлаго ряда сценъ и очерковъ изъ жизни такихъ слоевъ общества, которые до Петровскаго времени никогда не привлекали къ себѣ вниманія литературы. Интерлюдія.

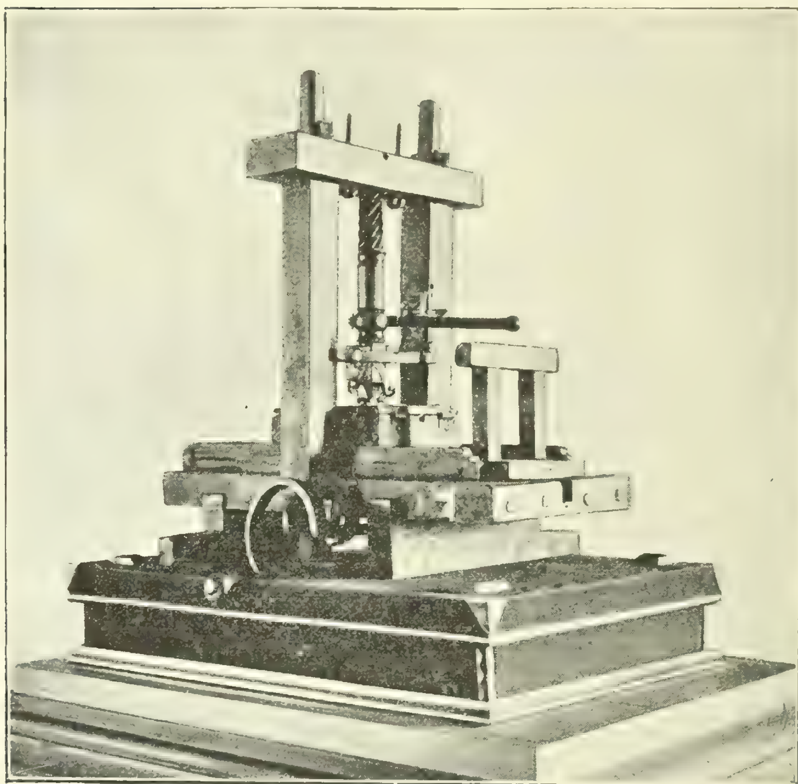
Приведемъ изъ этихъ интерлюдій небольшіе отрывки, которые могутъ ознакомить нашихъ читателей съ общимъ характеромъ этого рода произведеній.

Вотъ, напримѣръ, какъ сѣтуетъ на свою судьбину раскольникъ, приведенный въ ужасъ новыми порядками петровскаго времени:

«Какъ-то нынѣ люди увязли глубоко,
Какъ-то жить въ мірѣ несносно и жестоко.
Послѣднія-бо времена, видимъ, что приспѣли,
Бо и нѣкоторые отъ нашихъ старцевъ антихриста зрѣли.
Подобаше ему пріити на землю, когда нашу стару вѣру попрали
Никонщики проклятые, свою же нѣкую новую незнаемо откуду взяли
И не только вѣру нашу стару, святу и Богомъ устроенну
Попрали, но и платье долгое уже премѣнили,
Еже апостоли святые и пророки носили.
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы.
И тоё они откуду взяли, ей недоумѣваемъ,
И сказать о томъ истинно не знаемъ.
Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняютъ:
Свои брады нáголо желѣзомъ обриваютъ.
Человѣцы ходятъ, яко облезьяны.
Вмѣсто главныхъ волосъ, носятъ паруки, будто нѣмцы поганы...
Куда убѣгнешь отъ строящихъ раздоры
Нашей вѣрѣ старой: въ воду и горы!»

Въ той же интерлюдіи, въ другой сценѣ, подьячій приходитъ къ дьячку, чтобы взять дѣтей его въ семинарію. Дьячокъ, конечно, въ отчаяніи и старается ихъ отстоять всѣми силами:

Дьячокъ. Лучше мнѣ теперь умереть,
Нежели на это смотрѣть,
Какъ меня дѣтей они лишаютъ
И въ семинарію на муку отбираютъ.
Пожалуй, батюшка, умилосердись надъ нами,
Напиши, пожалуй, что они не годны лѣтами.

Походный печатный станокъ Петра Великаго.

Подьячій соглашается и беретъ съ дьячка пятнадцать рублей взятки, какъ вдругъ является *другой подьячій*, и говоритъ:

Ты еще здѣсь, съ дьячкомъ тѣмъ, изволишь балакать;
А намъ, право, тамъ лишь плакать;
Ужъ третью промеморію изъ семинаріи прислали,
Чтобъ вы скорѣе ихъ (т. е. дѣтей дьячка) сыскали.

Первый подьячій. Ну, братъ, какъ-нибудь свободи его дѣтей.
Второй. Боюсь, за это, вѣдь, въ приказѣ схватишь плетей!
Ну, дьячокъ, давай ихъ скоря,
Нимало не отлагая.

Прототипъ гражданскаго шрифта, гравированный, по заказу Петра Великаго, Петромъ Пикаромъ.

Дьячокъ. Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, сберитеся сюда!
Посмотрите, какая на меня пришла бѣда!
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ.
И въ проклятую серимарію на муку обираютъ:
О, мои дѣтушки сердечныя:
Не на ученье васъ берутъ, а на мученье безконечное.
Лучше вамъ не родиться на сей свѣтъ, а хотя и родиться,
Того же числа киселемъ задавиться и въ воду утопиться.

О, мои милыя дѣтушки
И бѣлыя лебедушки!
Лучше бы васъ своими руками въ землю закопалъ,
Нежели въ семинарію на муку отдалъ.

Первый подьячій. О, у тя, какъ вижу, плачу конца не дождаться;
Пора ужъ намъ къ городу подвигаться.
Ну, дьячокъ, прощай добрый человѣкъ,
Дай тебѣ Богъ множество лѣтъ;
И впредь, пожалуй, знайся съ нами,
Съ подьячими и приказными строками. (*Уходятъ*).

Эти небольшія сценки, не лишенныя своеобразнаго юмора и написанныя съ знаніемъ народнаго быта и нравовъ, должны были, несомнѣнно, въ однихъ вызывать смѣхъ, въ другихъ негодованіе, и, во всякомъ случаѣ, побуждали задумываться надъ многими явленіями современной жизни, побуждали обсуждать ихъ съ разныхъ сторонъ. Такимъ образомъ, театръ, по справедливому замѣчанію профессора Тихонравова, „долженъ былъ служить Петру тѣмъ же, чѣмъ была для него (съ другой стороны) горячая, искренняя проповѣдь Өеофана Прокоповича: онъ долженъ былъ разъяснить всенародному множеству истинный смыслъ дѣяній Преобразователя“ [1]).

Дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, обучавшій Петра Великаго грамотѣ.

[1]) Тихонравовъ. Первое пятидесятилѣтіе русской исторіи. М. 1873 г. Стр. 14.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Средства и способы новаго просвѣщенія, внесеннаго Петромъ.—Перенесенныя къ намъ научныя и общеобразовательныя сочиненія иноземныя.—Усиленная типографская дѣятельность.—Проявляющаяся любовь къ собиранію печатныхъ книгъ.

Несомнѣнною и осязательною гранью древняго періода русской словесности можно назвать тотъ знаменательный 1701 годъ, когда боярину *Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину* указано было вѣдать домъ св. патріарха, архіерейскіе дома и монастырскія дѣла. Тогда же черезъ него было указано, чтобы и „монахи въ кельяхъ, наединѣ, ничего не писали, и ни чернилъ, ни бумаги не держали; а если что и занадобится писать, то писали бы въ трапезной, съ дозволенія начальства, по преданію древнихъ отецъ". Такимъ образомъ, со времени изданія въ свѣтъ этого указа, старинная русская рукописная литература фактически перестала существовать. Между тѣмъ, новая, книжная литература только-что начинала зарождаться, и великій преобразователь Россіи, задумавъ и литературой воспользоваться какъ однимъ изъ орудій для приведенія въ дѣйствіе своихъ плановъ, спѣшилъ создать эту новую литературу, спѣшилъ пополнить ее полезными и необходимыми книгами, хотя бы переводными, за неимѣніемъ оригинальныхъ. Знаніе языковъ Петръ цѣнилъ чрезвычайно; изученіе новѣйшихъ языковъ считалъ одною изъ важнѣйшихъ задачъ образованія и могущественнымъ орудіемъ для внесенія въ отечественную литературу обильнаго запаса новыхъ и полезныхъ знаній. Одною изъ цѣлей, ради которыхъ онъ заботился объ учрежденіи Академіи Наукъ въ Россіи, являлось именно изученіе языковъ и дѣятельность переводческая [1]).

Конецъ лѣтописямъ.

Знаніе языковъ иностранныхъ было весьма мало распространено у насъ въ до-Петровской Руси. Изучались языки только тѣми, кто нуждался въ знаніи языковъ по самой должности своей, т.-е. *толмачами* (или присяжными переводчиками) Посольскаго Приказа, хотя и въ ихъ средѣ, главнымъ образомъ, преобладало знаніе латинскаго языка, общаго дипломатическаго языка того времени. Петръ не замедлилъ ихъ знаніями воспользоваться, и былъ ихъ переводами настолько доволенъ, что слогъ ихъ даже ставилъ въ образецъ другимъ переводчикамъ (преимущественно духовнаго званія). Такъ одному изъ переводчиковъ отъ имени Государя было передано, чтобы онъ исправилъ свой переводъ „не высокими словами славянскими, но простымъ русскимъ языкомъ. Высокихъ

Толмачи Посольскаго Приказа.

[1]) „Учинить Академію — такъ писалъ Петръ въ своемъ указѣ 28 января 1724 г. — въ которой бы *учились языкамъ*, также прочимъ наукамъ, извѣстнымъ художествамъ и *переводили бы книги*".

ГЕОМЕТРІА

СЛАВЕНСКИ

ЅЕМЛЕМѢРІЕ

Ізда̀дѐся новотѵпографскимъ тисненіемъ.

повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя нашего царя, і великаго княѕя,

Петра Алексіевича,

Всея великія . і малыя і бѣлыя россіи самодержца.

прі благороднѣйшемъ государѣ нашемъ царевичѣ і великомъ княѕѣ

АЛЕКСІІ ПЕТРОВІЧѢ.

Въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ.

Въ лѣто мірозданія 7216 . Отъ рождества же по плоти бога слова 1708 . Індикта перваго. мѣсяца Марта.

Титульный листъ первой книги, отпечатанной новымъ гражданскимъ шрифтомъ.

ПРІКЛАДЫ
КАКО ПІШУТСЯ
КОМПЛЕМЕНТЫ

разные на немецкомъ языкѣ,

ТО ЕСТЬ ПІСАНІЯ

ОТЪ ПОТЕНТАТОВЪ
КЪ ПОТЕНТАТОМЪ,

поздравітелные і сожалѣтелные, і иные:

Такожде между сродніковъ
і пріятелеі.

Переведены съ Немецкого на Россиискіи языкъ напечатаные повелѣніемъ благочестівѣішаго великого Государя Царя, І великого Князя

ПЕТРА АЛЕКСІЕВІЧА

Всея велікія і малыя ібѣлыя Россіи самодержца.

При благороднѣішемъ Государѣ царевічѣ, і велікомъ Князѣ

АЛЕКСІИ ПЕТРОВІЧѢ.

Въ царствующемъ велікомъ Градѣ Москвѣ.
лѣта Господня 1708. Апріллія.

Титульный листъ второй книги, отпечатанной новымъ гражданскимъ шрифтомъ.

словъ славянскихъ—класть не надобеть, но *посольскаго приказа употреби слова*". Въ числѣ толмачей Посольскаго Приказа бывали и поляки, и другіе иноземцы. Такъ, въ царствованіе Петра, серьезныя услуги были оказаны русской словесности толмачами: *Говзинскимъ*, по рожденію полякомъ, грекомъ *Николаемъ Спафаріемъ* и голландцемъ Андреемъ Виніусомъ, который настолько хорошо зналъ языкъ русскій, что государь поручалъ ему лично не только переводы книгъ, но еще и выправку чужихъ переводовъ. Второе мѣсто за толмачами занимали духовныя лица (воспитанники Кіевской и Московской Академіи) и справщики типографіи; всѣ они знакомы были съ языкомъ латинскимъ, на которомъ въ то время еще писались ученыя сочиненія, и съ языкомъ польскимъ. Къ этому разряду переводчиковъ относились многіе весьма дѣятельные труженики въ этой области литературной: *Гавріилъ Бужинскій*, *Симонъ Кохановскій*, *Өеофилактъ Лопатинскій*, *Өеофилъ Кроликъ* (знавшій, кромѣ латинскаго языка, еще и языкъ нѣмецкій). Въ число переводчиковъ включены были Петромъ и *братья Лихуды*, которымъ онъ давалъ книги для перевода и въ бытность ихъ Москвѣ, и тогда, когда они переселились изъ Москвы въ Новгородъ, чтобы тамъ основать свое училище; замѣтимъ кстати, что эти ученые греки, кромѣ своего родного и латинскаго языка, знали еще и языкъ итальянскій [1]).

Видное мѣсто между переводчиками занимали справщики типографій, для которыхъ знакомство съ древними языками было обязательно. Наиболѣе дѣятельными въ числѣ ихъ были *Өедоръ Поликарповъ* и *Барсовъ*—оба сначала бывшіе справщиками, а потомъ управляющими московской типографіей. Для усовершенствованія переводчиковъ въ ихъ искусствѣ, Петръ, не жалѣя средствъ, отправлялъ ихъ за границу: такъ Өеофилъ Кроликъ, Леонтій Воейковъ и ученики славяно-латинской московской школы — *Анохинъ*, *Козловскій* и *Суворовъ*—были отправлены Петромъ въ Прагу, въ томъ предположеніи, что западнымъ славянамъ, постоянно вращавшимся между европейцами, новѣйшіе языки должны быть болѣе знакомы и потому они легче могутъ научить имъ русскихъ людей.

Когда же, въ 1720 году, учрежденъ былъ Св. Сунодъ, представлявшій собою духовную ученую коллегію, то Петръ и членовъ этого учрежденія обязалъ участвовать въ его излюбленной переводческой дѣятельности, и имъ посылалъ чрезъ Өеофана Прокоповича книги для перевода, съ указаніями, что̀ именно изъ тѣхъ книгъ слѣдовало выпустить и на что въ нихъ обратить преиму-

[1]) Еще до своего перваго путешествія за границу, Петръ прослышалъ, что братья Лихуды частнымъ образомъ обучаютъ философіи, латинскому и итальянскому языкамъ (кромѣ своего преподаванія въ Московскомъ греко-латинскомъ училищѣ), и тотчасъ повелѣлъ, чтобъ у Лихудовъ учились итальянскому языку дѣти бояръ и иныхъ чиновъ.

щественно вниманіе. Такъ, напримѣръ, при переводѣ одного нѣмецкаго сочиненія о хлѣбопашествѣ, выправленнаго самимъ Петромъ, сохранилось и слѣдующее собственноручное его и весьма характерное примѣчаніе:

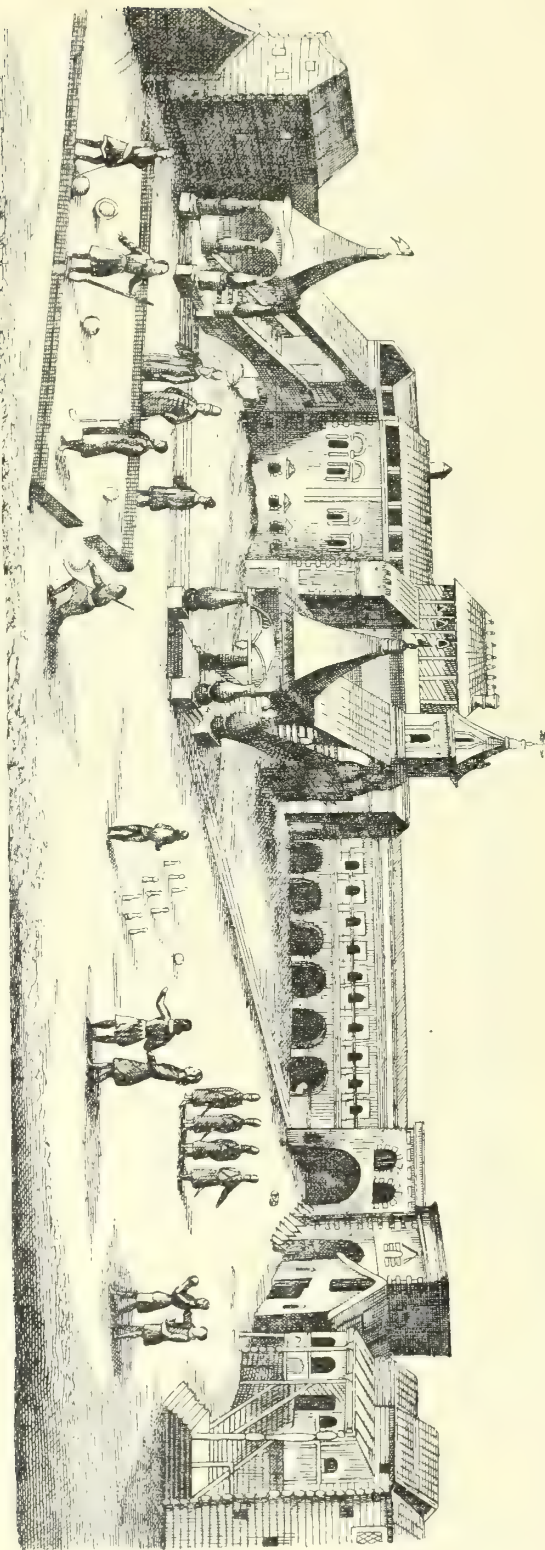
„Понеже нѣмцы многими разсказами негодными книги свои наполняютъ только для того, чтобы велики казались, чего, кромѣ самаго дѣла и краткаго предъ всякою вещью разговора, переводить не надлежитъ; но и выше реченный разговоръ, чтобы не праздной ради красоты, а для вразумленія и наставленія о томъ чтущему былъ, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ (вычерня негодное) и для примѣра посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ".

Указъ о переводахъ.

Но этого мало; Петръ не только самъ интересовался всѣмъ, что переносилось съ иноземной почвы на русскую, не только самолично принималъ участіе въ значительной долѣ всего переводимаго съ иностранныхъ языковъ, онъ постоянно, днемъ и ночью, въ трудахъ и на досугѣ [1]), думалъ о томъ, что̀ еще бы слѣдовало перевести для пользы „чтущихъ", и даже рѣшился внести въ переводческую дѣятельность строгія правила, подчинить ее извѣстнымъ весьма разумнымъ условіямъ. Эти условія, или, лучше сказать, наставленія переводчикамъ изложены были въ особомъ указѣ, изданномъ въ 1724 году. Въ указѣ этомъ,—который начинается съ заявленія, что переводчики „зѣло нужны для перевода книгъ, а особливо для художественныхъ" (то-есть спеціально-научныхъ или техническихъ),—встрѣчаемъ указаніе на то, что къ переводческой дѣятельности слѣдуетъ тщательно подготовлять дѣятелей. Подготовленіе это должно было состоять въ слѣдующемъ: „которые умѣютъ языки, а художества не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ, а которые умѣютъ художеству, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ". Это уже цѣлая теорія, и притомъ совершенно правильно-выработанная на опытѣ, который указываетъ, что „никакой переводчикъ, не умѣя того художества, о которомъ переводитъ, перевесть (о немъ) правильно не можетъ"...

При такой ревностной заботливости о распространеніи полезныхъ сочиненій въ средѣ обновленнаго русскаго общества, царь Петръ бывалъ чрезвычайно радъ и доволенъ, если и помимо его, по замыслу частнаго человѣка и безъ всякой казенной поддержки, являлись какіе-нибудь переводы классическихъ произведеній и

[1]) Сохранилось любопытное извѣстіе, что однажды, *среди свадебнаго веселья* (на свадьбѣ князя II. Голицына), Петръ обратился къ Мусину-Пушкину, и спрашивалъ его: «почему до сихъ поръ не переведена книга Виргилія Урбина о началѣ всякихъ изобрѣтеній? Книга небольшая, а такъ мѣшкаете»,—замѣтилъ государь.

Видъ Посольскаго Двора въ Москвѣ, по рисунку Мейербера (1661 года).

ученыхъ трудовъ. Такъ сохранилось извѣстіе, что графъ Брюсъ, одинъ изъ близкихъ къ Петру и весьма образованныхъ современниковъ, переводилъ „многія къ знанію нужныя книги“ съ англійскаго и нѣмецкаго языка. Рядомъ съ нимъ встрѣчаемъ имена и другихъ вельможныхъ переводчиковъ: князя *Ивана Андреевича Щербатова*, который перевелъ сочиненіе Джона Лоу: „*Деньги и Купечество*“; графа *Петра Андреевича Толстого*, потрудившагося надъ переводомъ „*Метаморфозъ*“ Овидія и графа *Андрея Матвѣева*, который перевелъ въ сокращенномъ видѣ обширную „*Церковную Исторію*“ Баронія.

Благодаря неистощимой энергіи царя Петра и усердному рвенію многихъ изъ его современниковъ, переводная литература, въ короткій періодъ времени, возросла до весьма значительнаго объема, и по качеству переведенныхъ книгъ представляла собою даже весьма цѣнный литературный вкладъ, прочную основу для будущихъ самостоятельныхъ трудовъ русскихъ образован-

ныхъ людей. Вообще говоря, переводная литература Петровскаго времени отличалась большимъ разнообразіемъ; въ ней видимъ по нѣскольку капитальныхъ сочиненій, заимствованныхъ весьма толково и осмотрительно изъ различныхъ областей знанія. Тутъ видимъ сочиненія по юриспруденціи и исторіи права, по политикѣ, по исторіи и географіи [1])—и все это представляетъ собою для Петровскаго времени то, что мы привыкли называть *послѣднимъ словомъ науки*. Рядомъ съ сочиненіями научными и обще-образова-

Посольская изба на Посольскомъ дворѣ, въ которой происходили черезъ толмачей переговоры съ иноземными послами (по рисунку Олеарія).

тельными переводились и другія, очевидно предназначавшіяся для легкаго и занимательнаго чтенія и для назиданія юношества въ правилахъ общежитія и свѣтскихъ приличій. Сюда относятся, на-

[1]) Изъ многаго укажемъ на важнѣйшее: *Гуго Гроція*: «*О законахъ брани и мира*»; *Самуила Пуффендорфа*: «*О законахъ естества и народовъ*», «*О должностяхъ человѣка и гражданина*»; *Николая Вернуллія*: «*Установленій политическихъ книги*»; *Іоанна Слейдена*: «*О четырехъ великихъ монархіяхъ*»; *Стратемана*: «*Θеатронъ или Позоръ историческій*»; *Мавра Орбини*: «*О славянахъ*»; *Гюйгенса*: «*Книга мірозрѣнія*», изъ которой впервые русскіе люди ознакомились съ системою Коперника; *Филиппа Клюверія*: «*Введеніе въ географію древнюю и новую*» (въ шести томахъ); *Бернгарда Вереннія* «*Всеобщая географія*»; *Іоанна Гибнера*: «*Краткіе вопросы по новой географіи*»; *Аполлодора*: «*Библіотека о богахъ*»; *Квинта Курція*: «*О дѣлахъ, содѣланныхъ отъ Александра Великаго, царя Македонскаго*»; и т. д.

примѣръ, „*Притчи Эзопа*“ и *Ватрахоміомахія*“ (т.-е., бой мышей и лягушекъ), напечатанная въ 1700 году въ Амстердамѣ, съ гравюрами; „*Исторія о разореніи Трои*“, изданная въ Москвѣ въ 1709 году; „*Апофѳегмата*“, т.-е., *краткихъ, витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей книги* (Москва, 1716 годъ). Для насъ, въ числѣ этихъ книгъ особенно любопытны двѣ, имѣющія значенія кодексовъ свѣтскихъ приличій для Петровскаго времени. Первая изъ нихъ подъ заглавіемъ: „*Юности честное зерцало, или показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ*“ — пользовалась большимъ значеніемъ и успѣхомъ въ современномъ обществѣ. Вторая: „*Приклады, како пишутся комплементы*“, т.-е., „посланія отъ потентатовъ къ потентатамъ поздравительныя и сожалительныя и иныя, такожде между сродниковъ и пріятелей“ (Москва, 1708 г.)— должна была служить руководствомъ для всякаго рода письменныхъ сношеній, вызываемыхъ общественными отношеніями.

Книги эти были переведены съ нѣмецкаго, по желанію Петра, который не мало заботъ прилагалъ даже и къ тому, чтобы придать русскимъ людямъ пріемы и внѣшность современныхъ европейцевъ, и грубые пріемы междулюдскихъ отношеній замѣнить болѣе тонкими и приличными.

Первые учебники. Рядомъ съ этими переводными сочиненіями научнаго, общеобразовательнаго и иного характера, пополнялся и весьма еще скудный у насъ запасъ книгъ учебныхъ новыми переводными учебниками и компиляціями, составленными по иностраннымъ источникамъ. Въ числѣ ихъ видимъ книги по исторіи [1]), по грамматикѣ славянской и латинской [2]), по математикѣ и географіи. Очень видное мѣсто между этими учебниками занимаетъ учебникъ ариѳметики, составленный уже извѣстнымъ намъ *Леонтіемъ Магницкимъ*.

Этотъ учебникъ вышелъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „*Ариѳметика, сирѣчь наука числительная. Съ разныхъ діалектовъ на славянскій языкъ переведена и воедино собрана и на двѣ книги раздѣлена. Въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ типографскимъ тисненіемъ ради обученія мудролюбивыхъ россійскихъ отроковъ и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произведена*“. Первое изданіе этого учебника вышло въ свѣтъ въ 1703 году, и отъ всѣхъ того же рода книгъ, прежде изданныхъ, отличалось тѣмъ, что въ немъ впервые числа были обозначены арабскими цифрами, а не славянскими буквами [3]).

---

[1]) Переводные учебники по исторіи не могли, однакоже, помѣшать тому, что «Синопсисъ» Инокентія Газіеля былъ дважды изданъ при Петрѣ,—такъ быстро сталъ возрастать спросъ на учебныя книги.

[2]) Въ основу учебниковъ грамматическихъ полагалась грамматика Смотрицкаго.

[3]) Очень любопытна виньетка на заглавномъ листѣ этой книги. Она изображаетъ храмъ, на которомъ по-еврейски начертано имя Божіе. Внутри храма — женщина въ коронѣ, съ ключомъ въ рукѣ, изображающая ариѳметику. Къ ея трону ведутъ пять ступеней:

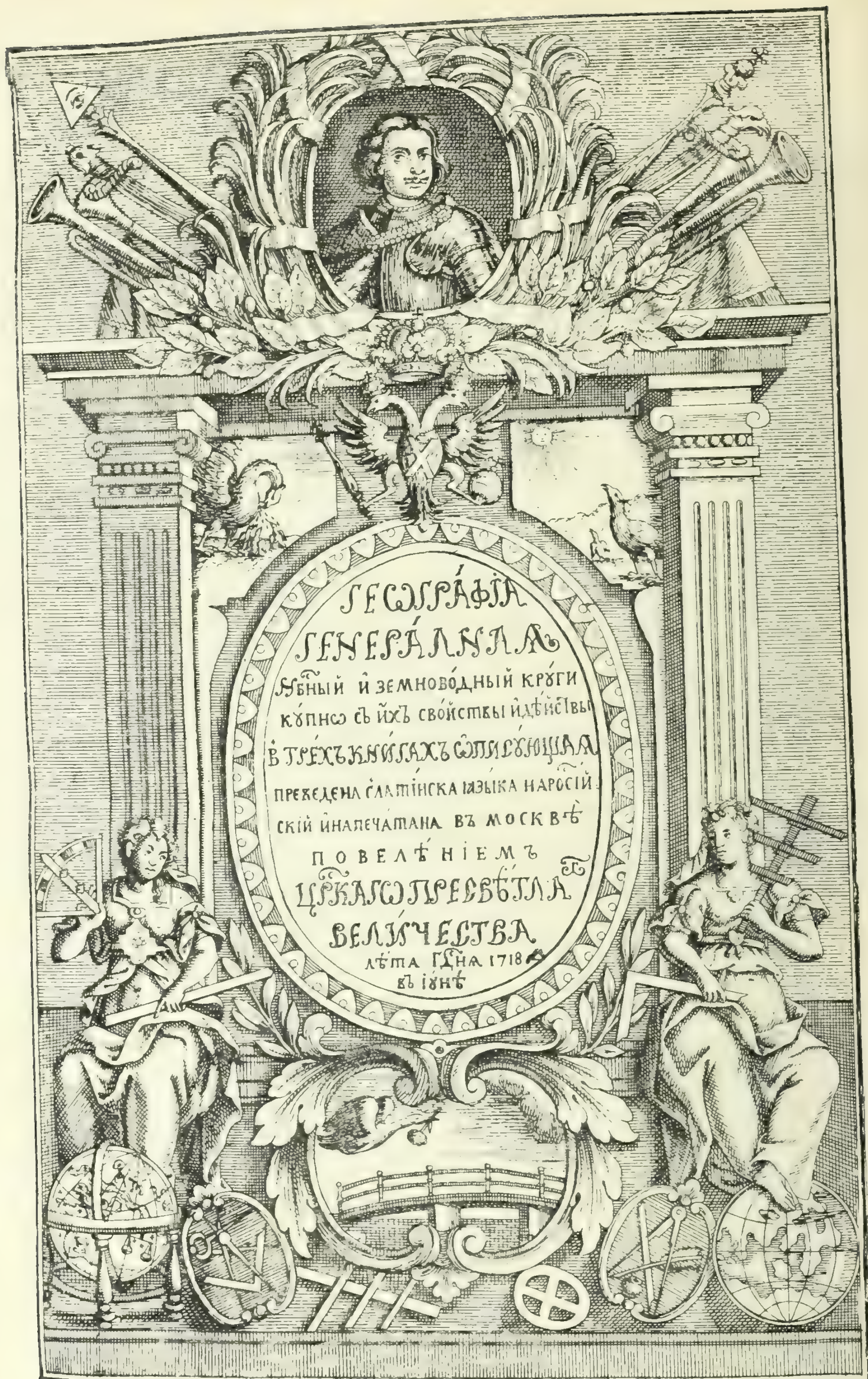
Размножались книги — а вмѣстѣ съ ихъ размноженіемъ начинала проявляться и любовь къ собиранію ихъ, къ составленію обширныхъ библіотекъ. Сохранились современныя свидѣтельства, изъ которыхъ узнаемъ о прекрасной библіотекѣ князя Дмитрія Михайловича Голицына; о цѣнной и тщательно составленной

Андрей Виніусъ.

библіотекѣ графа Брюса; о значительныхъ собраніяхъ книгъ Виніуса и вице-канцлера Шафирова; о богатыхъ и обширныхъ библіотекахъ митрополита новгородскаго Ѳеофана Прокоповича и

счисленія, сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія. Портикъ храма съ надписями: тщаніемъ и ученіемъ поддерживается семью столбами: геометріей, стереометріей, астрономіей, оптикой, навигаціей, географіей и архитектурой. Внизу надпись: Ариѳметика что дѣетъ, на столпахъ то все имѣетъ».

ГЕѠГРАФІА
ГЕНЕРАЛНАЯ
Нбный и земноводный круги
купно съ ихъ свойствы и дѣйствы
в трехъ книгахъ ѡписующая
преведена с латинска языка на россій-
скій и напечатана въ москвѣ
повелѣніемъ
црскаго пресвѣтлаго
величества
лѣта Гдна 1718
въ іунѣ

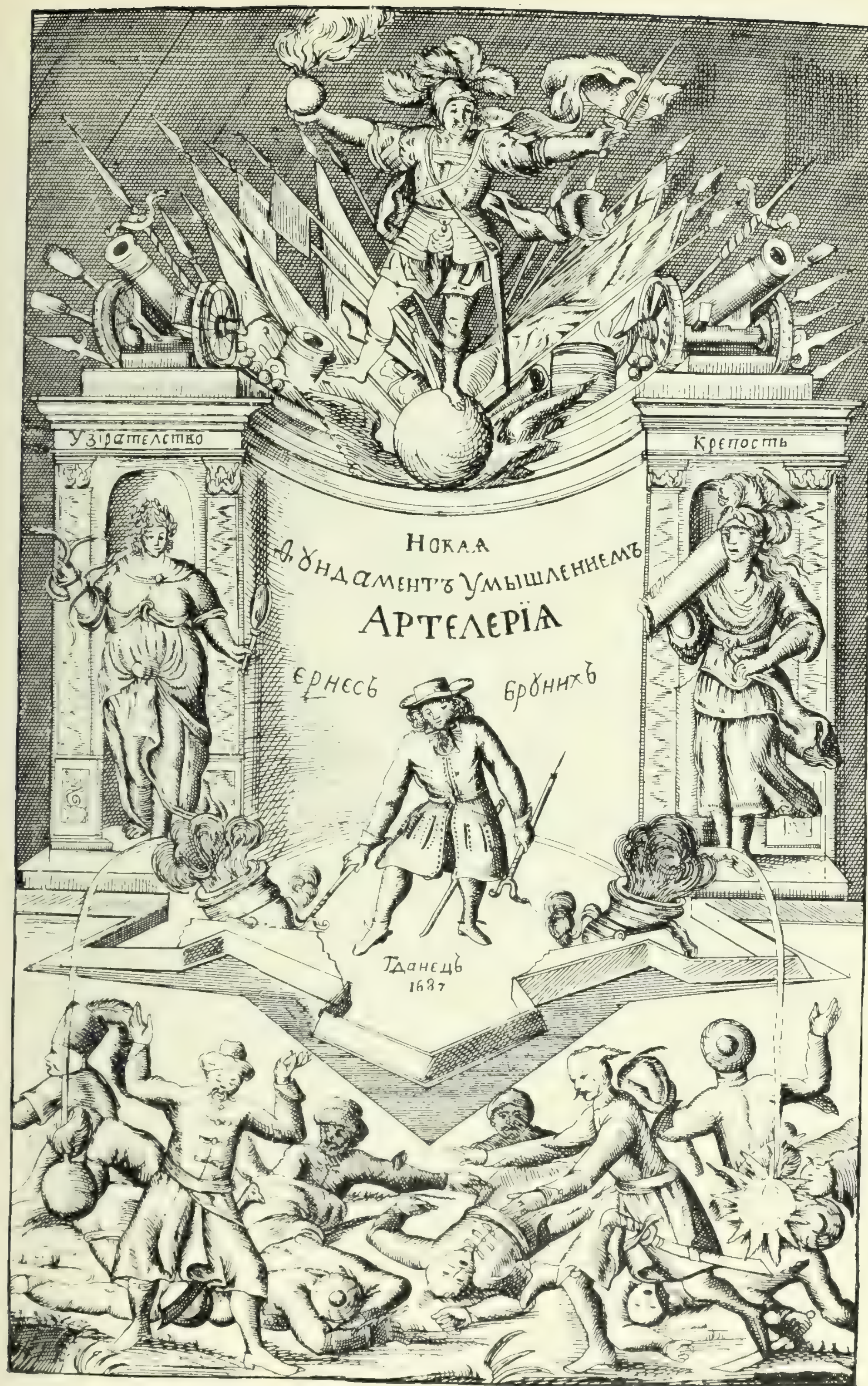
Титульные листы изданій Петровскаго времени.

Титульные листы изданій Петровскаго времени.

Титульные листы изданій Петровскаго времени.

Титульные листы изданій Петровскаго времени.

Титульные листы изданій Петровскаго времени.

историка Татищева. И въ этой области опять встрѣчаемся съ заботами Петра, который зналъ цѣну даже и книжнымъ сокровищамъ. Въ началѣ 1723 года Сунодъ получилъ отъ него указъ— „напечатать немедленно и представить ему каталогъ рукописей

PETRUS DE Iste.
Bygenaamd de Groote,
KEIZER VAN RUSLAND.

G. de Moor Eques pinxit — I. Tirion? de Linden excudit — J. Houbraken sculps 1752.

Петръ Великій, въ зрѣломъ возрастѣ. Гравюра Губракена.

Патріаршей библіотеки [1]), составленный Скіадою"; весною 1724 г. новый указъ: „содержать библіотеку отдѣльно отъ ризницы патріаршей, а не купно съ нею имѣть, какъ прежде сего донынѣ было". Не этимъ-ли заботамъ Великаго Преобразователя обязаны мы тѣмъ, что эта драгоцѣнная библіотека сохранилась неприкосновенною и до настоящаго времени?

Виньетка Петровскаго времени.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Кіевскіе ученые въ Москвѣ.—Ихъ значеніе и роль въ реформѣ Петра.—Стефанъ Яворскій.—Его проповѣдническая дѣятельность.—Сочувствіе реформамъ и опасеніе за Церковь.—Шаткость положенія во главѣ Сѵнода.—Сочиненія Стефана.

Петръ, занятый своею обширною и разностороннею преобразовательною дѣятельностью, прекрасно понималъ значеніе духовенства въ глазахъ народа и весьма усердно искалъ среди него людей, на которыхъ онъ могъ бы опереться съ нѣкоторою увѣренностью. Но онъ зналъ, что среди духовенства московскаго, относившагося къ реформамъ и новшествамъ съ нескрываемою непріязнью, онъ не найдетъ для себя пригодныхъ людей; и онъ сталъ искать между тѣми, которые въ Москвѣ не пользовались ни доброю славою, ни уваженіемъ московскаго духовенства, и даже заподозрѣвались въ пристрастіи то „къ папежскому духу", то „къ люторскому и калвинскому". Однимъ изъ такихъ пригодныхъ людей показался Петру игуменъ Никольскаго Пустынскаго монастыря *Стефанъ Яворскій*, котораго кіевскій митрополитъ Варлаамъ прислалъ въ Москву, къ патріарху Адріану, для посвященія во епископы во вновь учрежденную епархію Переяславскую [2]). Здѣсь-то, въ Москвѣ, Петръ увидѣлъ Стефана, услышалъ

[1]) Съ учрежденіемъ Сѵнода, патріаршая библіотека была наименована Сѵнодальною.

[2]) Переяславля Южнаго, впослѣдствіи Полтавской губерніи.

его проповѣдь при погребеніи боярина А. С. Шеина, и сразу рѣшилъ, что такого ученаго и краснорѣчиваго духовнаго оратора полезно будетъ всегда имѣть подъ руками. Рѣшеніе это привело къ тому, что Петръ велѣлъ патріарху поставить Стефана въ архіерея одной изъ ближайшихъ къ Москвѣ епархій. Это было въ началѣ 1700 года. Весною того же года очистилось мѣсто митрополита рязанскаго, и Стефанъ былъ возведенъ въ этотъ санъ по волѣ государя. Переведенный въ тотъ же годъ изъ Рязани въ Москву, онъ былъ назначенъ государемъ, въ званіи „протектора", начальникомъ московской Славяно-греко-латинской академіи, въ которой, какъ мы уже видѣли выше, произвелъ значительныя улучшенія и ввелъ всѣ порядки Кіевской-Могилянской академіи.

Стефанъ Яворскій (род. 1658 г., ум. 1722 г.) воспитаніе получилъ сначала въ Кіевской академіи, а потомъ дополнялъ свое образованіе въ польскихъ школахъ, во Львовѣ и Познани. Возвратясь въ Кіевъ, онъ поступилъ въ монахи и былъ сначала проповѣдникомъ при церквахъ, а потомъ преподавателемъ въ Академіи и даже префектомъ ея. Изъ различныхъ современныхъ свидѣтельствъ и отношенія къ нему современниковъ, мы можемъ заключить, что Стефанъ былъ человѣкъ способный и знающій, и что онъ умѣлъ свои знанія выставить въ выгодномъ свѣтѣ, такъ что многіе считали его весьма ученымъ знатокомъ въ области Св. Писанія и въ твореніяхъ Св. Отцовъ. Такому выгодному мнѣнію о Стефанѣ много способствовалъ прекрасный даръ слова, которымъ онъ искусно умѣлъ пользоваться. Объ этомъ сохранилось любопытное свидѣтельство одного изъ современниковъ, который былъ прямымъ противникомъ мнѣній Стефана и котораго потому, понятно, можно считать вполнѣ безпристрастнымъ въ его похвалахъ, обращенныхъ къ Стефану; а между тѣмъ онъ прямо говоритъ: „что витійства касается, правда, что имѣлъ удивительный даръ, и едва подобные ему въ учителяхъ россійскихъ обрѣстися могли, ибо мнѣ довольно случися видѣть въ церкви, что онъ могъ въ ученіи слушателей привесть плакать или смѣяться, которому (т. е. ученію, поученію) движеніе его тѣла и рукъ, помаваніе очей и лица премѣненіе весьма помоществовало, которое ему природа дала" [1]).

Біографія Стефана.

Вполнѣ довѣряя этому современному свидѣтельству, притомъ же еще высказанному недоброжелателемъ Стефана, мы, однакоже, полагаемъ, что, вѣроятно, эти внѣшніе пріемы, о которыхъ онъ говоритъ и которые считаетъ „природнымъ даромъ" Стефана, какъ духовнаго оратора, придавали особенную красоту

[1]) Такъ пишетъ о Стефанѣ анонимный авторъ «*Молотка*» — книги, заключающей въ себѣ возраженія противъ знаменитаго «*Камня Вѣры*», написаннаго Стефаномъ Яворскимъ.

и силу убѣдительности его проповѣдямъ. Въ сущности же, дошедшія до насъ проповѣди Стефана ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ проповѣдей кіевскихъ проповѣдниковъ и не поражаютъ никакими особенными красотами, никакою силою мысли, никакимъ искреннимъ паѳосомъ. Всѣ онѣ написаны умно, складно, по установленнымъ въ кіевской школѣ правиламъ и образцамъ: всѣ переполнены аллегоріями, сравненіями, уподобленіями, къ которымъ Стефанъ Яворскій добавляетъ еще одну новую черту — страсть къ каламбурамъ, къ игрѣ словъ, иногда весьма натянутой и искусственной, и даже нѣсколько нарушающей гармонію общаго плана проповѣди, какъ произведенія духовнаго ораторства.

Стефанъ о Петрѣ.

Проповѣди Стефана Яворскаго въ теченіе многихъ лѣтъ очень нравились Петру, несмотря на свой, нѣсколько вычурный панегирическій характеръ, нравились, можетъ-быть, потому, что Петръ вѣрилъ въ искренность Стефана, и видѣлъ, что Стефанъ, дѣйствительно, многому въ его дѣятельности сочувствуетъ и понимаетъ его замыслы и намѣренія лучше нѣкоторыхъ изъ числа приближенныхъ къ нему людей. И нельзя не отдать справедливости этому духовному оратору: мѣстами въ его проповѣдяхъ находились прекрасно подмѣченныя черты личности Петра и очень вѣрныя характеристики его дѣятельности. Такъ, въ одномъ изъ своихъ словъ онъ говоритъ:

„Петръ нашъ Россійскій, по подобію Христа, ставши рабомъ государству своему, толикія тяжести, толикія работы, рабомъ приличныя на себѣ носитъ. А титла какія? Къ титламъ пресвѣтлымъ царскимъ сердца не прилагаетъ, но простыми воинскими титлами—ово солдатомъ, ово поручикомъ, ово маіоромъ, ово капитаномъ—велитъ себя нарицать... Смотрите, каково его прилежаніе въ наученіи воинскаго чина? Самъ, сущи монархъ, аки единъ отъ солдатъ, вси воинскія и наименьшія степени переходилъ, даючи образъ прочимъ, да послѣдуютъ стопамъ его. Смотри на корабли, галеры, флоты, кои его промысломъ и рукодѣліемъ построены! Смотри прилежно на его рукодѣліе—чѣмъ упражняется? Монархъ сый, яко единъ отъ работникъ—дѣла корабельныя, дѣла пушкарскія и прочія военныя рукодѣльства: сами по рукамъ его царскимъ мозоли свидѣтельствуютъ". Выставляя здѣсь на видъ трудолюбіе царя, въ другой, подобной же проповѣди, Стефанъ такъ изображаетъ его простоту въ жизни и обхожденіи со всѣми:

„Удивляемся не только мы, видящи, но и вся вселенная слышащи, толикому толикаго лица преклонству, толикому смиренію и снисходительству: съ нами ястъ и піетъ, спитъ, сидитъ, любовнѣ беседуетъ; аки единъ отъ соседъ и друговъ нашихъ премирно сожительствуетъ, и, забывъ себя быти царя и монарха, его же подсолнечная трепещетъ, всякому есть приступенъ, жи-

Современное гравированное изображеніе Стефана Яворскаго.

лица наши посѣщаетъ, обѣдомъ, вечерію и охотою нашею не гнушается. Съ нами какъ отецъ съ чадами, — и больше реку: — аки братъ съ братіею житіе свое проводитъ".

Петръ и Стефанъ.

Петру нравились проповѣди Стефана, выхвалявшаго его побѣды, его громкія дѣянія, свойства его души и живыя черты его характера, и онъ часто и щедро (по свидѣтельству самого Стефана) награждалъ его за эти проповѣди, хвалилъ и повышалъ

Смиреныи Стефанъ Митрополитъ резанскіи

Автографъ Стефана Яворскаго.

быстро по ступенямъ церковной іерархіи, хотя отъ его прозорливости, конечно, не ускользала нѣкоторая двойственность въ дѣятельности (можетъ-быть, даже въ самой натурѣ) Стефана... Онъ возвышаетъ его до первостепеннаго значенія въ Россійской іерархіи: назначаетъ его, по смерти патріарха Адріана, „мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола“; но не даетъ ему власти, постоянно ограничиваетъ его зоркимъ наблюденіемъ боярина Мусина-Пушкина, поставленнаго вѣдать Монастырскій Приказъ. И Стефанъ это чувствуетъ, и тяготится своимъ невѣрнымъ и ненадежнымъ положеніемъ во главѣ Церкви, тяготится и тѣмъ, что ему приходится, скрѣпя сердце, соглашаться на такія „новшества“ въ управленіи Церковью, которымъ онъ самъ не можетъ сочувствовать и которымъ не въ силахъ противиться... Въ результатѣ получается нѣчто весьма странное. Стефанъ, осыпанный милостями государя, состоявшій въ частной перепискѣ съ Петромъ, подписывающійся подъ своими посланіями къ царю не иначе, какъ *„вѣрный подданный, недостойный богомолецъ, рабъ и подножіе, смиренный Стефанъ, пастушокъ Рязанскій“* — въ то же время избѣгаетъ встрѣчи съ Петромъ, когда тотъ зоветъ его на житье въ Петербургъ, выражаетъ постоянное недовольство своимъ положеніемъ и грозитъ все бросить и посхимиться... И послѣдняя угроза представляется всѣмъ въ такой степени вѣроподобною, что бояринъ Мусинъ-Пушкинъ видитъ себя вынужденнымъ всѣмъ архимандритамъ и священникамъ предписать, чтобы никто Стефана „не схимилъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія!“ Открыто объясниться съ Петромъ, вступить съ нимъ въ какія бы то ни было пререканія — Стефанъ не чувствовалъ въ себѣ ни смѣлости, ни силы; не чувствовалъ себя способнымъ и открыто стать на сторону царя... И только разъ въ жизни онъ измѣнилъ свою молчаливую, пассивную оппозицію на открытую и явную: въ извѣстной проповѣди 17 марта 1712 г. дозволилъ онъ себѣ открыто порицать мѣропріятія правительства (назначеніе фискаловъ), намеками порицать даже и дѣйствіе самого Петра и высказать, какъ бы наперекоръ ему, явныя симпатіи къ нелюбимому царемъ наслѣднику престола, царевичу Алексѣю Петровичу. Но чуть только на эту „предику“ было обращено вниманіе царя, Стефанъ перепугался, смутился и поспѣшилъ униженно молить о прощеніи писаніемъ, *„слезами, а не чернилами писаннымъ“*... И умолилъ, и сохранилъ положеніе, но въ рукахъ его осталась только тѣнь власти, и самое значеніе его сократилось до-нельзя, потому что въ это время уже былъ найденъ человѣкъ, котораго такъ долго искалъ и желалъ найти Петръ: Ѳеофанъ Прокоповичъ входилъ уже въ великую силу и громкую славу.

Напрасно было бы, однакоже, думать, что та двойственность Стефана, о которой мы упоминали выше, была въ немъ основана

на лукавствѣ, лицемѣріи или двоедушіи. Нѣтъ! Стефанъ является намъ постоянно искреннимъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, и самъ прозорливый Петръ, не ошибаясь на его счетъ, убѣжденъ въ его искренности. Но Стефанъ — типическій представитель того тяжелаго, переходного времени, въ которое онъ жилъ. Онъ не можетъ не изумляться Петру, онъ преклоняется передъ его величіемъ и не въ силахъ примириться съ суровыми, а подчасъ и жестокими пріемами его дѣятельности. Онъ сочувствуетъ многимъ его реформамъ, но только не въ области церковной, въ которую Петръ вторгается такъ безпощадно, не обращая вниманія ни на какія традиціи, ни на какіе обычаи и уставы. И вотъ, не смѣя вступить съ нимъ въ борьбу и мучаясь своимъ малодушіемъ, Стефанъ искренно хочетъ уйти отъ міра и его соблазновъ, и покоряется только силѣ и непреклонной волѣ монарха, и „оставляетъ свое схимническое житіе, которое обѣщалъ Господу Богу на смертной постели лежачи: хотя и ужасно было сломити обѣтъ, однакоже монаршей волѣ не дерзалъ противиться"... И въ этихъ словахъ—исповѣдь всей его жизни.

Труды Стефана.

Стефанъ Яворскій, кромѣ проповѣдей своихъ, оставилъ два весьма обширныхъ труда, которые, хотя и принадлежатъ по содержанію къ области богословія, но, по своей тѣсной связи съ Эпохою Преобразованія, имѣютъ и важное историко-литературное значеніе. Такое именно значеніе имѣютъ два сочиненія Стефана Яворскаго: „*Знаменія пришествія Антихриста и кончины міра*" и „*Камень вѣры*" [1]).

Первое изъ этихъ сочиненій было вызвано тѣми толками и слухами, которые распространялись въ народѣ раскольниками и другими злонамѣренными людьми, утверждавшими, будто приблизилась уже кончина міра и Антихристъ пришелъ на землю въ лицѣ царя Петра. Второе явилось вскорѣ послѣ осужденія Тверитинова (на соборѣ 1713 г.), распространявшаго по Москвѣ новую ересь, происшедшую подъ непосредственнымъ вліяніемъ протестантизма и кальвинизма.

Но написать объемистую книгу и собрать въ ней ученые доводы въ опроверженіе заблужденій иновѣрцевъ и въ предостереженіе русскимъ людямъ было гораздо легче, нежели напечатать ее, такъ какъ во главѣ печати стоялъ строгій и разумный цензоръ—самъ царь Петръ. Разсмотрѣвъ книгу Стефана, Петръ не допустилъ ее печатать, опасаясь того, что масса иноземцевъ, занимавшихъ важныя должности и необходимыхъ ему при его преобразованіяхъ—обидятся нападками Стефана на ихъ религіоз-

[1]) Полное заглавіе этого труда слѣдующее: *Камень вѣры православно-каѳолическія Восточныя Церкви сынамъ на утвержденіе и духовное созиданіе, претыкающимся же о камень претыканія и соблазна на возстаніе и исправленіе»*.

Автографы современниковъ Петра: В. В. Голицына, А. Виніуса, Я. Брюса, И. Гизеля, Блюментроста, И. Копіевскаго, В. Татищева, В. Ясинскаго, Ѳ. Прокоповича.

ныя вѣрованія и книга вызоветъ задорную и нежелательную полемику, въ которой обѣ стороны должны будутъ коснуться вопросовъ весьма щекотливыхъ. Въ результатѣ разсмотрѣнія книги Петромъ получился одинъ непреложный выводъ: печатанье книги было бы не современнымъ... И книга осталась подъ спудомъ, на горе тѣмъ, которые, впослѣдствіи, вздумали ее напечатать [1]).

Стефанъ перенесъ эту неудачу съ глубокимъ огорченіемъ, которое пришлось затаить въ сердцѣ. Поставленный въ положеніе весьма почетное, но совершенно безправное, ограничиваемый

Столпъ црквe восточныя, истинны ревнитель,
въ россіи патріарша престола блюститель.
СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ силенъ мужъ дѣломъ и словомъ
Пастыремъ добрымъ образъ, честь, и Богословомъ.
Стѣнь лица его плоти, можеши здѣ зрити
А ума невозможе хитрость изъявити
О смерте неисцѣлно ты насъ уязвила,
Егда сего предивна мужа умертвила
Грыдорова Иванъ Зубовъ

Стихотворная надпись къ современному портрету Стефана Яворскаго.

не одною только волею Государя, но и волею Сената, который, до учрежденія Св. Сνнода, вѣдалъ многими церковными дѣлами, Стефанъ очутился въ положеніи еще худшемъ послѣ учрежденія Св. Сνнода. Повидимому, онъ былъ главою этого новаго учрежденія; но рядомъ съ собою на засѣданіяхъ сνнодскихъ онъ долженъ былъ видѣть своего злѣйшаго врага — всесильнаго Ѳеофана Прокоповича, и на каждомъ шагу подчиняться тому „*Духовному регламенту*“, который былъ отъ первой и до послѣдней строки написанъ Ѳеофаномъ. Жизнь при такихъ условіяхъ была Стефану

[1]) Мы не упоминаемъ о его чисто-богословскомъ трактатѣ: «Отвѣтъ Сорбонской академіи о соединеніи Церквей». О его полемикѣ съ Ѳеофаномъ будетъ упомянуто далѣе.

въ тягость, и душа его постоянно волновалась за грозящія православной Церкви невзгоды.

„Корабль церкви и всего отечества христіанскаго въ морѣ міра сего страждетъ волны бѣдъ“, — такъ восклицаетъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей. — „День отъ дне въ силахъ своихъ изнемогая, близъ есть сокрушенія и потопленія, развѣ самъ Господь,

Одинъ изъ видовъ кораблей, гравированныхъ П. Пикаромъ для Петра Великаго.

ходяй по морю, въ помощь пріидетъ и запретитъ вѣтрамъ и морю, и тишину сотворитъ: той бо обнадежилъ Церковь свою святую, яко врата адова не одолѣютъ ее“.

Питаясь только этою надеждою, онъ тихо скончался, и смерть была для него послѣднимъ утѣшеніемъ. По кончинѣ его, то званіе „мѣстоблюстителя патріаршаго престола“, которое онъ носилъ, было упразднено, и, вмѣстѣ съ этимъ званіемъ, отжили свой вѣкъ всякія притязанія нашего духовенства на „патріаршество“. Новоучрежденный Сѵнодъ полновластно и безповоротно вступилъ въ свои права по управленію Церковью.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Θеофанъ Прокоповичъ и его значеніе въ кругу дѣятелей Эпохи Преобразованій.— Θеофанъ, какъ проповѣдникъ и истолкователь идей Петра. — Просвѣтительная дѣятельность Θеофана и «Духовный регламентъ».—Θеофанъ въ періодъ реакціи.

Если мы назвали Стефана Яворскаго типическимъ представителемъ переходной эпохи отъ старо-московскихъ порядковъ и понятій къ новымъ порядкамъ и понятіямъ, внесеннымъ Эпохою Преобразованій, то самымъ яркимъ выразителемъ этой эпохи слѣдуетъ, конечно, назвать того врага и соперника Стефанова, который разомъ выдвинулся изъ среды духовенства въ самый блестящій періодъ царствованія Петра и, поразивъ всѣхъ блескомъ своего обширнаго, гибкаго ума и силою своего таланта, сразу занялъ первенствующее мѣсто въ кругу лицъ, приближенныхъ къ Великому Преобразователю. Этотъ противникъ Стефана, этотъ искренній другъ Петра и его реформъ былъ *Θеофанъ Прокоповичъ*.

Онъ родился въ Кіевѣ 7-го іюня 1681 г., и происходилъ изъ купеческаго сословія. Воспитаніемъ его занимался дядя его, по имени тоже Θеофанъ Прокоповичъ, занимавшій мѣсто ректора въ Кіевской академіи. Его-то имя, можетъ-быть изъ признательности, и принялъ впослѣдствіи юный Прокоповичъ при поступленіи въ монастырь (въ мірѣ онъ назывался Елеазаромъ). Во время пребыванія его въ кіевскихъ школахъ и въ академіи, Прокоповичъ поражалъ всѣхъ своихъ наставниковъ необычайною даровитостью, живымъ и острымъ умомъ и ненасытимою жаждою знанія. Эта жажда знанія повлекла его и далѣе академіи. Подобно многимъ другимъ своимъ сверстникамъ, онъ пожелалъ отправиться за границу и поступить въ польскія школы. Съ этою цѣлію онъ долженъ былъ принять Унію, такъ какъ православныхъ въ польскія школы не принимали... Но и тамъ Прокоповичъ не нашелъ себѣ удовлетворенія, и вскорѣ, черезъ славянскія земли, черезъ сѣверную Италію, пробрался въ отчизну наукъ и искусствъ—въ Римъ. Здѣсь онъ поступилъ въ знаменитую коллегію св. Аθанасія, которую папа Григорій XIII учредилъ со спеціальною цѣлью воспитанія молодыхъ людей изъ грековъ и славянъ въ духѣ католической Церкви. Преподавателями въ коллегіи были іезуиты— и Прокоповичъ до конца своей жизни вспоминалъ о нихъ съ любовію и признательностью. Всѣ они полюбили живого, веселаго и высокоталантливаго юношу. Они отличили его отъ всѣхъ его товарищей за его чрезвычайныя способности къ наукамъ и открыли ему доступъ во всѣ библіотеки, гдѣ молодому ученому удалось вдоволь „насладиться книжною сладостью". Здѣсь-то, въ Римѣ -

Біографія Θеофана.

центрѣ католическаго міра—Прокоповичъ запасся громадною богословскою ученостью и усвоилъ себѣ блестящее классическое образованіе; здѣсь же собралъ онъ и обильный матеріалъ для правдивой оцѣнки „папежскаго духа“, и, можетъ-быть, потому именно навѣки остался заклятымъ врагомъ Рима.

Около 1702 года Прокоповичъ вернулся въ Кіевъ, былъ разрѣшенъ отъ всякихъ связей съ Уніей, постриженъ въ монахи и принятъ въ Академію преподавателемъ, сначала піитики и реторики, затѣмъ философіи, съ званіемъ префекта, и, наконецъ, богословія — уже въ должности ректора Академіи. При этомъ, не довольствуясь существующими учебниками, онъ самъ составлялъ учебники по преподаваемымъ имъ предметамъ и написалъ трагикомедію „*Владиміръ*“, представленную студентами Академіи 3 іюля 1705 г. Послѣднее произведеніе замѣчательно уже по той смѣлости, съ которой авторъ отрѣшился отъ обязательныхъ въ его положеніи сюжетовъ библейскихъ и предпочелъ имъ сюжетъ, заимствованный изъ отечественной исторіи; кромѣ того, по выработкѣ нѣкоторыхъ выведенныхъ въ ней характеровъ, эта пьеса

Современный, гравированный портретъ Ѳеофана Прокоповича.

стоитъ далеко выше всѣхъ современныхъ ей школьныхъ драмъ. И насколько Ѳеофанъ Прокоповичъ явился оригинальнымъ въ этой своей драмѣ, настолько же оригинальнымъ явился онъ и въ своемъ преподаваніи, въ которомъ сумѣлъ отрѣшиться отъ схола-

Латинскій автографъ Ѳеофана Прокоповича.

стическихъ пріемовъ и отъ польско-католическихъ образцовъ и учебниковъ и въ основу своего изложенія положилъ труды новѣйшихъ протестантскихъ богослововъ.

Встрѣча съ Петромъ.

Первое знакомство съ Петромъ произошло въ 1706 г., когда, во время пребыванія царя въ Кіевѣ, Ѳеофанъ привѣтствовалъ его

торжественной рѣчью, въ которой панегирикъ Петру былъ очень ловко связанъ съ воспоминаніями изъ отечественной исторіи, для которыхъ кіевскіе памятники служили благодарною почвою. Въ концѣ рѣчи, онъ очень тонко польстилъ Петру, выставивъ на видъ простоту его жизни и одежды, и постоянное отвращеніе отъ роскоши. „Множае удивляемся величеству твоему“, — такъ закончилъ рѣчь Θеофанъ: — „видяще тя въ общей одеждѣ, нежели аще бы виденъ былъ еси въ царскомъ украшеніи: величество-бо царское не въ порфирѣ свѣтлой, не въ златой діадимѣ зрится, но въ силѣ, крѣпости, мужествѣ, въ храбрости и удивленія достойныхъ дѣлахъ...“

Петръ, вѣроятно, замѣтилъ и запомнилъ молодого и энергичнаго проповѣдника; но только три года спустя, обратилъ на него серьезное вниманіе, когда Θеофанъ привѣтствовалъ царя другимъ торжественнымъ поздравительнымъ словомъ, двѣ недѣли спустя послѣ Полтавской побѣды (въ іюлѣ 1709 года). Всѣмъ слушателямъ особенно понравилось въ этомъ словѣ чрезвычайно ловко и красиво вставленное въ немъ сближеніе Петра съ библейскимъ Сампсономъ... [1]) „Яко иногда (т. е. нѣкогда) Сампсонъ въ растерзанномъ отъ себя львѣ обрѣте пчелы и медъ, и усладився отъ него... Подобно и тебѣ, пресвѣтлѣй монархо, Божіимъ благословеніемъ случися: растерзалъ еси, аки вторый Сампсонъ, мужественнѣ льва Свейскаго — и се убо обрѣтаеши въ немъ сладкій нектаръ... Се и на тебѣ Сампсоново гаданіе исполняется: „отъ ядущаго изыде ядомое“, — отъ того, иже пожре бяше отеческія твои земли и многихъ народовъ пожре имѣнія, имѣеши ядомое, толикій и толь дивный воинства его плѣнъ, и вся пребогатыя корысти. *Отъ крѣпкаго изыде сладкое* — понеже крѣпкій и страшный непобѣдимою твоею десницею побѣжденъ есть: того ради сладчайшая есть торжественная радость“. „Слово“ Θеофана такъ понравилось Петру, что онъ велѣлъ немедля напечатать его на славянскомъ и латинскомъ языкахъ, вмѣстѣ съ русскими, польскими и латинскими стихами, которыми отовсюду привѣтствовали побѣдителя [2]).

Θеофанъ въ Яссахъ. Съ этого времени Петръ уже не выпускалъ Θеофана изъ виду, и всѣмъ стало ясно, что онъ хочетъ приблизить къ себѣ этого умнѣйшаго человѣка и талантливѣйшаго писателя, одинаково искусно и сильно умѣвшаго владѣть и перомъ, и живою рѣчью. Въ 1711 году, во время несчастливаго Прутскаго похода,

[1]) Прокоповичъ воспользовался тѣмъ, что Полтавская битва происходила въ день св. Сампсонія.

[2]) Для характеристики Θеофана не мѣшаетъ замѣтить, что онъ, при случаѣ, не забылъ и сильнаго любимца царскаго, Меньшикова, и ему, въ томъ же году, посвятилъ особое похвальное слово.

Петръ вызывалъ Ѳеофана въ Яссы, гдѣ 27-го іюля, въ день воспоминанія Полтавской битвы, Ѳеофанъ говорилъ проповѣдь. Когда же, пять лѣтъ спустя, Петръ рѣшился окончательно привести въ исполненіе давно назрѣвшіе уже въ его умѣ важныя церковныя реформы, онъ выписалъ Ѳеофана изъ Кіева на постоянное пребываніе въ новой столицѣ, и съ этой минуты Ѳеофанъ пошелъ быстро и неуклонно своимъ путемъ — къ тому высокому назначенію, котораго онъ былъ вполнѣ достоинъ по уму, талантамъ и громадному своему образованію—и еще болѣе по своему страстному и безкорыстному увлеченію тѣмъ великимъ дѣломъ, которому Петръ посвящалъ всю свою жизнь и всѣ свои силы.

Хотя Ѳеофанъ прибылъ въ Петербургъ въ отсутствіе царя, совершавшаго въ это время свое второе путешествіе за границу, хотя и встрѣченъ онъ былъ духовенствомъ весьма недружелюбно—однакоже, онъ, не смущаясь ничѣмъ, тотчасъ принялся за дѣятельность проповѣдническую. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ являлся скорѣе свѣтскимъ ораторомъ, нежели духовнымъ проповѣдникомъ, такъ какъ въ основу ихъ онъ обычно избиралъ изложеніе и разъясненіе современныхъ политическихъ вопросовъ и событій, а также дѣйствій и мѣропріятій правительства и даже видовъ и предположеній его на будущее время. Все это, конечно, было вполнѣ согласовано съ намѣреніями Петра и, въ то же время, было такъ тонко и превосходно изложено, что многое, послѣ проповѣдей Ѳеофана, дѣйствительно представлялось для большинства болѣе яснымъ и болѣе понятнымъ, и проповѣди эти, по отношенію къ современности, имѣли такое важное значеніе, что каждая изъ нихъ тотчасъ же отдавалась въ печать и пересылалась государю за границу. Ѳеофанъ въ столицѣ.

Въ 1718 году, несмотря на открытое противодѣйствіе всего высшаго духовенства и самого Стефана Яворскаго, Ѳеофанъ, по приказанію Петра, возведенъ былъ въ епископы Псковскіе. Незадолго передъ тѣмъ онъ (по поводу прискорбнаго дѣла царевича Алексѣя Петровича) сказалъ свою знаменитую проповѣдь *„о власти и чести царской“*, въ которой сурово укорялъ въ „папежскомъ духѣ“ тѣхъ своихъ противниковъ, которые обвиняли его передъ Петромъ въ „кальвинской ереси“... Ѳеофанъ проводитъ въ своей проповѣди ту мысль, что всѣ сословія въ государствѣ должны быть подчинены и подсудны Государю, и прибавляетъ многозначительно:

„Многіе мыслятъ, что не всѣ весьма людіе симъ долженствомъ обязаны суть, но нѣкіе выключаются, именно же: священство и монашество. Се тернъ, или паче рещи, жало; но жало се зміино есть — папежскій се духъ, невѣмъ, какъ-то досягающій и

касающійся насъ. Священство-бо иное дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, а не иное государство (въ государствѣ)“.

Трудъ: Феофана

Въ этомъ „словѣ“ уже ясно видны намеки на подготовляемыя Петромъ важныя реформы въ церковномъ устройствѣ. Въ головѣ Петра уже созрѣлъ около этого времени планъ духовной коллегіи, которой предстояло замѣнить единоличную власть патріарха; и вотъ, въ 1719 году онъ поручаетъ Ѳеофану въ высшей степени трудное дѣло — составленіе устава для будущей духовной коллегіи, который Ѳеофанъ и составляетъ подъ общимъ заглавіемъ „*Духовнаго Регламента*“. Современники передаютъ относящійся къ этому времени слѣдующій разговоръ Петра съ Ѳеофаномъ. Петръ спрашивалъ: „скоро ли нашъ патріархъ поспѣетъ (т.-е. регламентъ)?“ Ѳеофанъ отвѣчалъ: „скоро; я дошиваю ему рясу“.—„А у меня ужъ и шапка для него готова“, добавилъ Петръ.

Въ январѣ 1721 года „Регламентъ“, по пунктамъ исправленный и дополненный Петромъ, былъ изданъ при манифестѣ, въ которомъ выяснялись поводы къ учрежденію Св. Сунода и сущность новаго устройства Церкви. Когда же Св. Сунодъ былъ учрежденъ, то (въ 1721 году) Ѳеофанъ былъ назначенъ вторымъ его членомъ [1], а въ сущности, сталъ во главѣ

КАЛЕНДАРЬ
или
МѢСЯЦОСЛОВЪ
На лѣто отъ рождества Господа нашего Іисуса Хрїста, 1722.
указующіи затмѣнія солнечная, мѣсячная рожденія, и полныи мѣсяцъ съ четвертми.
Такожде время солнечнаго восхожденїя и захожденїя. долгоденствїе и долгонощїе на всякїи день.
учиненныи по мерїдіану, и широтѣ царствующаго Санктъпітербурха.

Ѵ Санктъпітербургской Тѵпографїи, Лѣта Господня, 1721. Декемврїа въ день.

Титульный листъ перваго русскаго календаря.

[1]) Первымъ былъ предсѣдатель Св. Сунода, Стефанъ Яворскій.

Изображенія отдѣльныхъ мѣсяцевъ (Марта, Апрѣля, Іюня и Сентября) со знаками зодіака, гравированными для календаря.

всего церковнаго управленія. Какъ велики были въ это время сила и значеніе Өеофана, это можемъ видѣть изъ той чрезвычайно-рѣзкой проповѣди, которую Өеофанъ произнесъ въ присутствіи государя, по случаю открытія дѣйствій Св. Сѵнода (14 февраля 1721 года). Безпощадно порицая все управленіе церковное допетровскаго времени, онъ позволялъ себѣ въ этой проповѣди самыя рѣзкія нападки и на современное состояніе духовенства.

„До того пришло,—говорилъ Өеофанъ,—что пріемшіе власть—наставляти и учити людей,—сами христіанскаго перваго ученія, еже апостолъ млекомъ нарицаетъ, не вѣдаютъ. До того пришло, и въ та мы времена родилися, когда слѣпіи слѣпыхъ водятъ, саміи грубѣйшіе невѣжды богословствуютъ и догматы, смѣха достойные, пишутъ, ученія бѣсовскія предаютъ, и въ преданіи бабьимъ баснемъ скоро вѣруется; прямое же и основательное ученіе не точію не получаетъ вѣры, но и гнѣвъ, вражду, угроженіе вмѣсто возмездія пріемлетъ“...

Календарная картинка, изображающая въ какіе мѣсяцы слѣдуетъ производить кровопусканіе изъ той или другой части тѣла.

Послѣ смерти Стефана, въ 1724 г., Өеофанъ былъ возведенъ въ архіепископа Новгородскаго и остался въ этомъ санѣ до самой своей кончины (въ 1736 году).

Послѣ кончины Петра.

Кончина Петра была несомнѣнно величайшимъ горемъ, какое пришлось въ жизни испытать Өеофану, потому что Петръ представлялся ему идеаломъ человѣка и царя, и его преданность Петру и дѣяніямъ Петра была безгранична. Обливаясь искренними, нелицемѣрными слезами, Өеофанъ надъ гробомъ Петра сказалъ знаменитое похвальное слово почившему Государю и всѣхъ присутствующихъ растрогалъ своею рѣчью, которую началъ словами:

„До чего мы дожили, о Россіяне! Что видимъ? Что дѣлаемъ? *Петра Великаго погребаемъ*! Виновникъ безчисленныхъ благополучій, потѣхъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ такую силу и славу, или паче—рождшій и воспитавшій—прямый отечества отецъ, скончалъ жизнь“.

Өеофану пришлось пережить еще три царствованія, въ теченіе которыхъ „дѣлу Петрову“ неоднократно угрожала большая опасность... Къ чести Өеофана надо сказать, что онъ и въ са-

мыхъ трудныхъ обстоятельствахъ не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ; при Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ оставался все тотъ же, что былъ и при Петрѣ Великомъ, и одинъ вынесъ на плечахъ своихъ введенныя въ Русскую Церковь преобразованія. Одинокій среди ожесточенныхъ враговъ, онъ сдѣлался цѣлью ихъ злобныхъ клеветъ, доносовъ и обвиненій всякаго рода и защищался отъ нихъ, какъ умѣлъ, иногда не разбирая средствъ... Онъ самъ на нихъ доносилъ, самъ обвинялъ ихъ въ противозаконныхъ стремленіяхъ, въ государственной измѣнѣ, въ потворствѣ ересямъ—и предавалъ ихъ судьбу въ руки той страшной „тайной

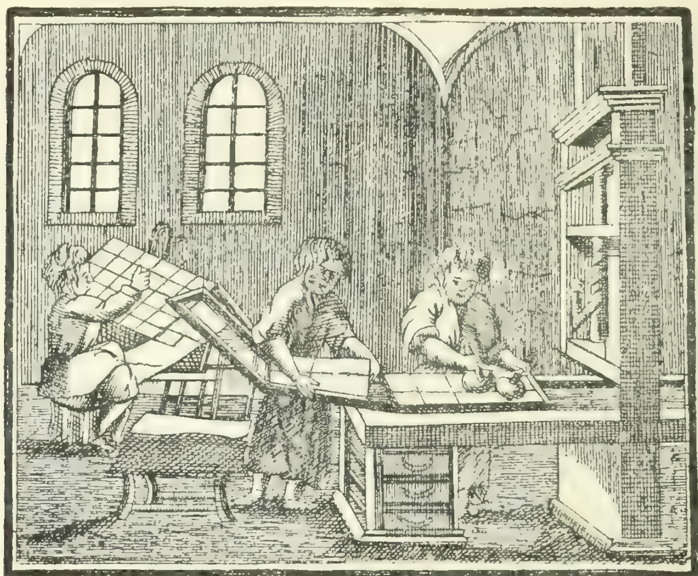
Бумага

Гравюра начала XVIII вѣка, изображающая бумажное производство.

канцеляріи“, въ которую они тщетно пытались упрятать своего изворотливаго и хитраго врага. Многіе осуждаютъ Ѳеофана за такой способъ дѣйствій и называютъ его „позорнымъ“, но, кажется, упускаютъ изъ вида, какое ужасное время приходилось переживать Ѳеофану, который, только благодаря своему необычайно гибкому уму, могъ и самъ уцѣлѣть, и „дѣло Петрово сберечь отъ непрестанно грозившаго ему уничтоженія“.

Очень многіе современники Ѳеофана, русскіе и иноземцы, сообщили намъ подробныя свѣдѣнія о частной жизни Ѳеофана, о его личномъ характерѣ и дѣятельности, какъ человѣка общественнаго. Какъ ученый, Ѳеофанъ пользовался въ свое время обширною и вполнѣ заслуженною извѣстностью. Всѣ досуги свои отъ дѣлъ служебныхъ онъ посвящалъ занятіямъ научнымъ и Ѳеофанъ и современники.

сношеніямъ съ учеными (германскими и англійскими), съ которыми всю жизнь состоялъ въ постоянной перепискѣ. Не даромъ сказалъ онъ въ „Духовномъ Регламентѣ“: „прямымъ ученьемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престаетъ никогда же учитися, хотя бы онъ Маѳусаиловъ вѣкъ пережилъ“... Онъ оправдывалъ эти слова свои на дѣлѣ: постоянно углубленный въ сокровища своей богатой и обширной библіотеки (заключавшей въ себѣ 30,000 томовъ), онъ зорко слѣдилъ за всѣми новѣйшими явленіями и открытіями въ области науки; всѣ печатанныя въ Россіи русскія книги обязательно прохо-

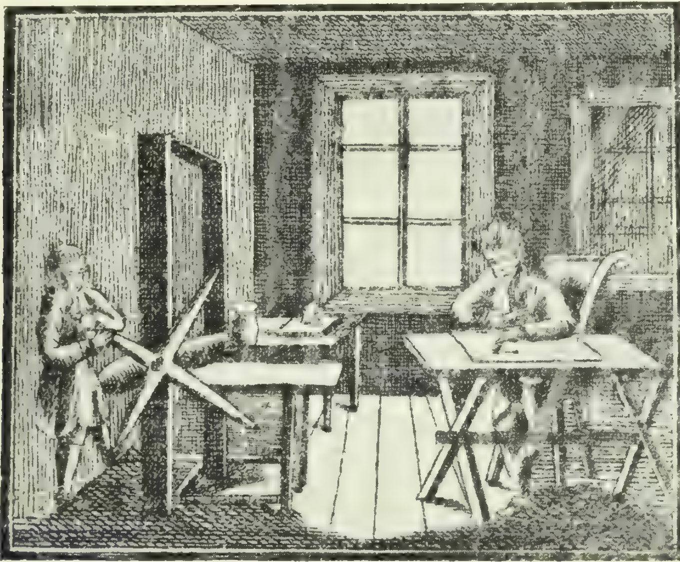
Типографія.

Гравюра начала XVIII вѣка, изображающая наборъ и печатанье книгъ.

дили черезъ его руки и, по его именно указанію или даже побужденію, многія классическія и иностранныя сочиненія были переведены на русскій языкъ. Нѣкоторые ученые иностранцы (напримѣръ, нѣмецкій путешественникъ фонъ-Гавенъ или академикъ С. Байеръ) отзывались съ восторгомъ о его обязательности, о его увлекательной, несравненной бесѣдѣ, о его радушныхъ пріемахъ въ томъ загородномъ архіерейскомъ домѣ, который былъ построенъ на Аптекарскомъ островѣ, на берегу рѣчки Карповки, впадающей въ Невку. Открыто и пышно жилъ онъ здѣсь, приглашая и роскошно угощая небольшой кружокъ друзей и близкихъ знакомыхъ своихъ. Въ спорахъ и разсужденіяхъ о предметахъ серьезныхъ онъ былъ неподражаемъ по своему спокойствію и логической послѣдовательности; а когда начиналъ мѣшать шутку съ дѣломъ,

то проявлялъ такое блестящее и тонкое остроуміе, что собесѣдники съ жадностью ловили и старались запомнить его изреченія, его латинскія и русскія эпиграммы и шуточныя стихотворенія, которыхъ не мало сохранилось и до настоящаго времени. Къ числу людей, близкихъ къ Ѳеофану, принадлежали всѣ выдающіеся дѣятели его времени и, между прочимъ, русскіе писатели — Кантемиръ и Татищевъ.

Но Ѳеофанъ тратилъ большія матеріальныя средства, которыми онъ обладалъ, не на одни только пріемы и угощенія:—домъ его былъ постоянно открытъ для всѣхъ нуждающихся въ его (Заботы о просвѣщеніи.)

Гравировальщикъ

Гравюра начала XVIII вѣка, изображающая гравированіе.

помощи, для всѣхъ иноземцевъ православнаго исповѣданія (грековъ, славянъ и другихъ), для всѣхъ странниковъ съ Аѳона и Ливана. Сверхъ того, въ 1729 году, онъ основалъ у себя въ домѣ, на Карповкѣ, школу для сиротъ и бѣдныхъ дѣтей всякаго званія. Въ школѣ преподавали: Законъ Божій, славянское чтеніе, русскій, латинскій и греческій языкъ, грамматику, реторику, логику, римскія древности, ариѳметику, геометрію, географію, исторію и рисованіе. Эта школа, по тому времени, являлась лучшимъ приготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ въ Россіи, и ученики, окончившіе въ ней курсъ, были первыми по времени поступленія воспитанниками гимназіи, учрежденной при Академіи Наукъ. Умирая, Ѳеофанъ оставилъ средства на поддержаніе своей домашней школы и просилъ императрицу Анну не оставлять „его сиротъ“

своимъ высокимъ покровительствомъ: „дать имъ способы продолжать образованіе и поручить ихъ людямъ, достойнымъ довѣрія, пока они сами придутъ въ совершенный возрастъ и разумъ“ [1]).

Нельзя не обратить вниманія на то, что въ исторіи нашей литературы, науки и просвѣщенія въ началѣ XVII вѣка, Ѳеофанъ представляетъ собою явленіе въ высокой степени привлекательное. Замѣчателенъ Ѳеофанъ не только своимъ обширнымъ умомъ и талантами, не только блестящею образованностью, не только горячимъ рвеніемъ къ дѣлу „преобразованій“, въ которомъ онъ является однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ сподвижниковъ Петра: — Ѳеофанъ еще болѣе замѣчателенъ своимъ умѣньемъ отрѣшиться отъ старыхъ схоластическихъ предубѣжденій и согласовать духовныя традиціи съ непреложными истинами новѣйшей науки. Въ этомъ отношеніи любопытно и поучительно сравнить его съ Стефаномъ Яворскимъ въ ихъ воззрѣніяхъ на одинъ и тотъ же предметъ:— на солнечную систему Коперника. Стефанъ зналъ о ней, и не только отвергалъ ее, какъ противную Св. Писанію, но даже глумился надъ Коперникомъ: „нѣкоему Копернику приснилось, будто солнце, луна и звѣзды стоятъ, а земля оборачивается, противно Св. Писаніямъ“. Ѳеофанъ Прокоповичъ, который не только зналъ о системѣ Коперника, но даже и самъ занимался астрономическими наблюденіями, относился къ этому вопросу совершенно иначе: онъ говорилъ, что тексты Св. Писанія, упоминающіе о движеніи солнца, нимало не противорѣчатъ достовѣрнымъ физическимъ и математическимъ доводамъ ученыхъ: только тексты эти слѣдуетъ понимать не „въ прямомъ, а въ иносказательномъ смыслѣ“.

Благодаря такого рода воззрѣніямъ, Ѳеофанъ, несмотря на свой духовный санъ, несмотря на свою богословскую и церковно-административную дѣятельность, является, въ началѣ XVIII вѣка, первымъ русскимъ свѣтскимъ писателемъ и первымъ русскимъ ученымъ. Онъ указалъ дорогу—другіе за нимъ послѣдовали.

Сочиненія Ѳеофана.

Ѳеофанъ оставилъ много и притомъ весьма разнообразныхъ по содержанію сочиненій: кромѣ учебниковъ, составленныхъ имъ еще въ то время, когда онъ былъ преподавателемъ Кіевской Академіи, кромѣ сочиненій чисто-догматическихъ [2]), кромѣ начальнаго краткаго катехизиса подъ заглавіемъ: „*Первое ученіе отрокамъ*“, кромѣ массы проповѣдей, сказанныхъ имъ въ разное время, Ѳеофанъ оставилъ еще нѣсколько сочиненій чисто-историческаго характера. Это—„*Родословная роспись князей и царей*“, „*По-*

[1]) Его библіотека была передана въ Невскую Семинарію; его глобусы, математическіе и астрономическіе инструменты—въ Академію Наукъ.

[2]) „Распря Павла и Петра объ игѣ неудобоносимомъ“, „Увѣщаніе отъ имени Сvнода къ учителямъ раскола“, „Толкованіе Христовыхъ заповѣдей о блаженствахъ“.

вѣсть о Кириллѣ и Меѳодіи" и „*Повѣсть о смерти Петра Великаго*". Но самымъ капитальнымъ трудомъ, и притомъ — трудомъ, имѣющимъ весьма важное историческое значеніе, слѣдуетъ, конечно, считать его „*Духовный Регламентъ*", надъ которымъ Θеофанъ Прокоповичъ трудился долго и упорно. Этотъ трудъ есть памятникъ эпохи и живая исповѣдь воззрѣній, мнѣній и убѣжденій, составлявшихъ нравственную физіономію передовыхъ дѣятелей Петрова вѣка.

„Регламентъ" состоитъ изъ трехъ частей. Первая посвящена исключительно разъясненію поводовъ, побудившихъ царя Петра къ учрежденію Сѵнода; во второй опредѣляется кругъ дѣйствій Сѵнода; въ третьей говорится объ обязанностяхъ правителей. Сверхъ того, нѣкоторые, особенно-важные вопросы разсматриваются въ особыхъ прибавленіяхъ, какъ-то: о домахъ училищныхъ, о проповѣдникахъ слова Божія, о бракахъ правовѣрныхъ лицъ съ иновѣрными и т. п. „Регламентъ", въ основѣ своей, возлагаетъ на членовъ Сѵнода обязанность—разыскать и искоренить въ русскомъ народѣ ложные предразсудки, суевѣрія и религіозно-нравственныя заблужденія, и главныхъ орудій для искорененія всего этого предлагаетъ два: съ одной стороны— *проповѣдь*, для которой указываетъ и основы, и предѣлы, и опредѣляетъ общій характеръ [1]; съ другой стороны—ученіе и просвѣщеніе, распространяемое и въ народѣ, и, главнымъ образомъ, въ средѣ пастырей. При этомъ и самый вопросъ просвѣщенія ставится сразу на твердую почву:

„Когда нѣтъ свѣта ученія,"— говоритъ Прокоповичъ въ „Регламентѣ",—„нельзя быть доброму поведенію церкви и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ. Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновно въ ересяхъ... наши-то раскольники не отъ грубости ли и невѣжества столь жестоко возбѣсновались?.. И если посмотримъ черезъ исторію, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣка, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ, временахъ?.."

Затѣмъ авторъ „Регламента" переходитъ къ опредѣленію того, что̀ слѣдуетъ называть истиннымъ ученіемъ, и предлагаетъ „чинъ" (порядокъ, планъ) ученія для тѣхъ академій и семинарій духовныхъ, которыя правительство предполагало завести. Программа этихъ учебныхъ заведеній ужъ очень замѣчательна. Весь курсъ ученія назначается семилѣтній: первый годъ ученія по- „Чинъ" ученія.

[1]) «Регламентъ» изъ Отцовъ Церкви указываетъ, главнымъ образомъ, на Златоуста, какъ на лучшаго руководителя проповѣдниковъ; въ противоположность обычаю кіевскихъ ученыхъ, «Регламентъ» остерегаетъ духовныхъ ораторовъ отъ подражанія «легкомысленнымъ польскимъ проповѣдничишкамъ».

священется грамматикѣ и географіи съ исторіей: во второй — изучается ариѳметика съ геометріей; въ третій — логика съ діалектикой, въ четвертый — риторика и „стихотворное ученіе“, въ пятый — физика съ краткой метафизикой, въ шестой — „политика Пуффандорфова“, въ седьмой и въ восьмой — Богословіе. При этомъ уже имѣются въ виду и учебныя пособія. Такъ, для географіи требуются глобусы и карты, и вообще при школѣ полагается имѣть „библіотеку довольную, изъ книгъ русскихъ и иностранныхъ“. Въ программѣ Прокоповича не забыты и требованія гигіеническія, и требованія эстетическія: при академіи по-

Училище

Гравюра начала XVIII вѣка, изображающая училище.

лагается имѣть врача, больницу и аптеку; для развитія же и укрѣпленія физическихъ силъ назначаются прогулки и физическія упражненія; точно также для развитія чувства изящнаго — пѣніе, музыка, „акціи и комедіи“. Обращаемъ особенное вниманіе на то, что „Богословіе“ въ этихъ проектируемыхъ учебныхъ заведеніяхъ предписывалось преподавать въ послѣднихъ двухъ классахъ, т.-е. тогда, когда воспитанникъ уже достаточно подготовленъ къ воспринятію этой „науки изъ наукъ“. Этою важною чертою, какъ и вообще всѣми подробностями плана преподаванія, программа Ѳ. Прокоповича значительно отличается отъ всѣхъ предшествующихъ ей школьныхъ программъ, по какимъ создавались до того времени училища на Западѣ Руси и въ Москвѣ. Какъ въ братскихъ школахъ Сѣверо-Западнаго края, такъ и въ

Кіево-Могилянской академіи и тѣхъ заведеніяхъ, которымъ онѣ служили образцомъ, цѣль обученія была исключительно полемическая; въ ученикахъ старались, довольно односторонне, развить діалектику, какъ орудіе борьбы противъ воинствующаго, гнетущаго католицизма и Уніи. Въ школахъ, предлагаемыхъ Ѳ. Прокоповичемъ, уже имѣется въ виду совсѣмъ иная цѣль,—дать будущимъ пастырямъ церкви основательное и многостороннее общее образованіе и на немъ основать ихъ богословское вѣдѣніе, независимо отъ какихъ-бы-то ни было полемическихъ средствъ и цѣлей.

Вслѣдъ за этими программами преподаванія въ будущихъ

Книгопродавецъ

Гравюра начала XVIII вѣка, изображающая книжную лавку.

академіяхъ и семинаріяхъ духовныхъ, „Регламентъ“ и ко всѣмъ епископамъ обращается съ обязательнымъ требованіемъ, чтобы каждый изъ нихъ завелъ въ своемъ домѣ школу „для священническихъ дѣтей и дѣтей другихъ сословій“, предназначаемыхъ къ священству. Въ заключеніе, для того, чтобы всѣмъ грамотнымъ людямъ изъ народа сдѣлать доступными важнѣйшія истины вѣры и правила благочестія, „Регламентъ“ предписываетъ составить „новыя, краткія, вразумительныя и ясныя книжицы“, которыя „могли бы быть куплены малымъ иждивеніемъ“.

Конечно, большая и важнѣйшая часть этихъ предположеній „Регламента“ временно осталась неисполнимою мечтою, идеаломъ: ни академій, ни семинарій духовныхъ не было заведено по предложенной Прокоповичемъ программѣ, потому что для осуществле-

нія ея не было ни учителей, ни матеріальныхъ средствъ. Но епископскія школы стали мало-по-малу кое-гдѣ появляться и изъ нихъ-то, впослѣдствіи, стали возникать духовныя семинаріи. Стали такъ же, мало-по-малу, являться кое-гдѣ „книжицы“ по образцу составленнаго и изданнаго Өеофаномъ „Ученія отрокамъ“. Во всякомъ случаѣ, важно было то, что указанъ былъ путь и намѣчены были идеалы, къ которымъ по этому пути предстояло стремиться: остальное надо было ожидать отъ времени и предоставить работѣ подрастающаго поколѣнія...

Апоөеозъ Петра Великаго—современная гравюра.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Меньшіе духовные ораторы Петровскаго времени: Өеофилактъ Лопатинскій, Гавріилъ Бужинскій и Симонъ Кохановскій. — Исторія одной книги. — Восторженный поклонникъ Петровской реформы.

Наиболѣе крупными дѣятелями литературными въ Эпоху Преобразованій, какъ мы уже видѣли, были двое пастырей церкви: Стефанъ Яворскій и Өеофанъ Прокоповичъ. Они были оба представителями двухъ разныхъ направленій, и около нихъ группировались всѣ, кто только считалъ себя принадлежащимъ къ „ученой дружинѣ“ и прикосновеннымъ къ книжному и печатному дѣлу. На сторонѣ Стефана были всѣ приверженцы старой школы и члены той церковной партіи, которая, хотя и тщетно, однако, все же старалась отстоять старые церковные порядки, не отрицая, впрочемъ, пользу бо̀льшей части Петровыхъ преобразованій и даже во многомъ служа дѣлу реформы. На сторонѣ Өеофана были всѣ „новые“ люди, всѣ дѣятели, порожденные Эпохою Преобразованій, всѣ мо-

лодые, начинающіе писатели, всѣ люди, которые, съ бо́льшимъ или меньшимъ правомъ, могли назвать себя „передовыми“.

Ѳеофилактъ Лопатинскій.

Рядомъ съ Стефаномъ Яворскимъ, на поприщѣ духовной проповѣди, видимъ еще троихъ кіевскихъ ученыхъ: *Ѳеофилакта Лопатинскаго, Гавріила Бужинскаго* и *Симона Кохановскаго.* Первый изъ нихъ былъ особенно извѣстенъ своею книжною ученостью, своею добросовѣстностью въ трудѣ и неподкупною, ничѣмъ не поколебимою честностью. Такъ какъ онъ доканчивалъ свое образованіе за границею, то хорошо былъ знакомъ съ языками и поставленъ былъ Петромъ во главѣ переводческой дѣятельности. Все, наиболѣе трудное, отсылалось для переводовъ въ Москву къ „отцу Лопатинскому“, и тотъ исполнялъ заданное точно и добросовѣстно [1]). Отлично зная греческій языкъ, онъ много и успѣшно трудился надъ исправленіемъ текста Славянской Библіи. Петръ уважалъ его и какъ ученаго, и какъ проповѣдника. Стефанъ покровительствовалъ ему, какъ ближайшему своему другу и помощнику, и Ѳеофанъ дружилъ съ нимъ, благодаря необыкновенному миролюбію и уживчивости Лопатинскаго. Подъ конецъ царствованія Петра, Лопатинскій былъ уже архіепископомъ тверскимъ и послѣ кончины Стефана Яворскаго, во время царствованія Екатерины I и Петра II, пользовался большимъ значеніемъ и былъ близокъ къ тому, чтобы занять высокій постъ въ духовной іерархіи. Когда, по смерти Петра, при ближайшихъ его преемникахъ, наступила временная реакція и дѣло Петровскихъ церковныхъ преобразованій поколебалось, когда стали даже поговаривать о возстановленіи патріаршества, то всѣ указывали на Лопатинскаго, какъ на единственное духовное лицо, которое могло бы быть избрано въ патріархи... Но ему предназначена была судьбою иная, горькая участь, какой онъ не могъ ожидать и которой онъ подвергся впослѣдствіи безъ всякой вины со своей стороны.

Гавріилъ Бужинскій

Гавріилъ Бужинскій, по окончаніи воспитанія въ Кіево-Могилянской академіи, назначенный учителемъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію, также принялъ ревностное участіе въ переводческой дѣятельности „отца Лопатинскаго“ [1]), и не упускалъ случая выказать свои недюжинныя ораторскія способности, какъ проповѣдникъ. Петръ оцѣнилъ его, какъ духовнаго оратора, и опредѣлилъ на мѣсто оберъ-іеромонаха во флотъ (1718 года): три года спустя онъ былъ возведенъ въ архіепископы Троице-

---

[1]) Переводы его, однакоже, не всегда были удачны. Однажды, когда онъ, переводя книгу Пуффендорфа—«Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ»—вздумалъ выпустить изъ этого сочиненія то мѣсто, гдѣ авторъ дурно и оскорбительно отзывается о характерѣ русскаго народа. Петръ замѣтилъ пропускъ и гнѣвно потребовалъ переводчика къ отвѣту. «Развѣ это переведено?» закричалъ Петръ: «тотчасъ пойди и сдѣлай то, что я тебѣ приказалъ, и переведи книгу такъ, какъ она въ подлинникѣ есть».

Сергіевской лавры, былъ совѣтникомъ Сѵнода и, наконецъ, въ 1726 году, мы видимъ его въ санѣ епископа рязанскаго.

Бужинскій также принадлежалъ къ числу искреннихъ и восторженныхъ поклонниковъ царя Петра, и многія мѣста его проповѣдей, посвященныя восхваленію доблестей великаго Преобразователя, проникнуты неподдѣльнымъ чувствомъ къ нему и тонкимъ пониманіемъ его характера. Прекрасно то мѣсто одной изъ проповѣдей Бужинскаго, гдѣ онъ говоритъ о самоотверженной любви Петра къ Россіи:

„Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя!"—восклицаетъ проповѣдникъ, примѣняя извѣстный текстъ Св. Писанія.—„Въ сей любви Петръ истинный подражатель Христа Господа не щадяще дражайшія души своея за отечество свое... въ трудахъ и подвигахъ, въ морозѣ и зноѣ, въ путешествіи и мореплаваніи;... не щадяще души своей въ баталіяхъ, и въ такомъ былъ случаѣ, яко на дражайшей главѣ его шляпа пулею бысть пробита; не щадяще жизни своей въ мореплаваніи, яко единою въ толикомъ былъ на Балтійскомъ морѣ обуреваніи, идѣже уже всякая надежда спасенія пресѣчена бысть; все же сіе претерпѣвалъ за отечество, полагалъ душу свою за други своя".

Симонъ Кохановскій. *Симонъ Кохановскій*, также бывшій іеромонахъ флота, направлялъ свое проповѣдническое краснорѣчіе, главнымъ образомъ, противъ раскольниковъ и тѣхъ приверженцевъ старины, которые изыскивали всѣ мѣры къ избѣжанію царской службы и къ противодѣйствію распоряженіямъ правительства. Въ духовной іерархіи онъ не пошелъ далеко и, удаленный въ 1733 году на покой въ Кіево-Печерскую лавру, умеръ іеромонахомъ.

Послѣ кончины Петра Великаго, когда впервые съ такою силою проявилась борьба различныхъ придворныхъ партій, многіе дѣятели Эпохи Преобразованій очутились въ очень затруднительномъ и неловкомъ положеніи. Партія приверженцевъ старины, которая высоко подняла было голову при Петрѣ II, и, въ лицѣ верховниковъ, задумала даже ограничить державную власть вступавшей на престолъ императрицы Анны — пробудила во многихъ надежды на возможность, до нѣкоторой степени, даже возвращенія къ прошлому и на ослабленіе того значенія, которымъ пользовались въ Россіи иноземцы. Въ этотъ именно періодъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, побуждаемый къ тому нѣкоторыми представителями русской партіи и еще болѣе подстрекаемый своимъ глубокимъ уваженіемъ къ памяти Стефана Яворскаго, рѣшился напечатать лежавшую подъ спудомъ книгу Стефана: „**Камень Вѣры**". Послѣ разныхъ споровъ и пререканій по поводу этой книги въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, книга была напечатана и выпущена

въ свѣтъ; а потрудившійся надъ ея изданіемъ „отецъ Лопатинскій" и не предвидѣлъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ должно будетъ привести появленіе этой книги.

Роковая полемика.

„Камень Вѣры"—изданный въ 1728 году—вызвалъ цѣлую бурю между протестантами. Въ Лейпцигскихъ „Ученыхъ Вѣдомостяхъ" (Acta eruditorum) помѣщена была жестокая критика на „Камень Вѣры". Вслѣдъ за этой критикой явилась цѣлая книга, приписываемая ученому Буддею, въ которой всѣ доводы Стефана были подробно разобраны, и самъ онъ подвергся жестокому поруганію. Затѣмъ явились еще и еще диссертаціи и разсужденія разныхъ ученыхъ нѣмецкихъ богослововъ противъ „Камня Вѣры", а со стороны католиковъ выпущено было въ свѣтъ, въ защиту Стефана и многихъ положеній его книги, сочиненіе доминиканца Рибейры.

Завязалась борьба, въ которой и Θеофилактъ Лопатинскій захотѣлъ высказаться въ защиту священной для него памяти Стефана Яворскаго; онъ написалъ „*Апокризисъ или возраженіе на письмо Буддея*". Но выпустить въ свѣтъ эту книгу было невозможно безъ Высочайшаго соизволенія. Поэтому Θеофилактъ сталъ просить разрѣшенія черезъ духовника императрицы Анны.

Ходатайство имѣло успѣхъ. Θеофилакта вызвали изъ Твери въ Москву—и императрица дала ему позволеніе писать противъ Буддея, и почти тотчасъ же взяла свое позволеніе обратно, воспретивъ Лопатинскому критиковать Буддея, подъ страхомъ жестокаго наказанія... Лопатинскій вынужденъ былъ молчать—но его противники не приняли на себя этого обязательства. Какъ разъ около того времени, когда на „отца Лопатинскаго" наложено было невольное молчаніе, явилось новое рукописное возраженіе, подъ заглавіемъ: „*Молотокъ на Камень Вѣры*"—приписываемое какому-то протестанту. Въ этомъ сочиненіи авторъ порочилъ память Стефана Яворскаго, называя его папистомъ и іезуитомъ, и т. д. И почитатели памяти Стефана должны были молчать... А Θеофанъ Прокоповичъ, разгнѣванный тѣмъ, что книга Рибейры указывала на его склонность къ протестантизму, вознегодовалъ, и потребовалъ суда надъ переводчиками книги, членами Сѵнода, архимандритами: новоспасскимъ—*Евфиміемъ* и ипатьевскимъ—*Платономъ* (Малиновскимъ). Оба были заключены въ петербургскую крѣпость. Къ начатому слѣдственному дѣлу, по доносу, привлеченъ былъ и Лопатинскій, котораго и Θеофанъ Прокоповичъ обвинялъ въ томъ, что онъ „раздражаетъ иностранные народы на россійскій народъ и производитъ внутреннюю въ россійскомъ народѣ смуту". Лопатинскій былъ вызванъ въ Петербургъ и призванъ къ отвѣту въ начавшемся безконечномъ слѣдственномъ дѣлѣ. Въ самомъ началѣ его Θеофанъ Прокоповичъ скончался

(8 сентября 1736 г.); а въ 1738 году несчастный „отецъ Лопатинскій“ за „злоумышленныя, непристойныя и продерзостныя разсужденія и нареканія“, лишенъ архіерейства, священства и монашества и осужденъ на тяжкое одиночное заключеніе въ выборгскомъ за̀мкѣ, гдѣ онъ и скончался въ 1741 году. Одинъ изъ переводчиковъ книги Рибейры умеръ въ крѣпости во время слѣдствія; другой былъ разстриженъ и сосланъ въ Сибирь.

Посошковъ. Точно такъ же безвинно, жертвою времени, полнаго борьбы и ненависти, погибъ другой, благороднѣйшій дѣятель Эпохи Преобразованій — *Иванъ Тихоновичъ Посошковъ*, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей начала XVIII вѣка.

И. Т. Посошковъ былъ крестьяниномъ какого-то подмосковнаго села Покровскаго. Родился онъ около 1670 года. Онъ не получилъ ровно никакого школьнаго образованія, но одаренъ былъ отъ природы замѣчательнымъ умомъ, глубокимъ и яснымъ, и обладалъ весьма обширною начитанностью, преимущественно въ старыхъ книгахъ и рукописной литературѣ, можетъ-быть, потому, что нѣкоторое время (какъ самъ о томъ свидѣтельствуетъ) былъ раскольникомъ.

Біографическія свѣдѣнія о Посошковѣ весьма скудны и притомъ еще отрывочны. Какое было его общественное положеніе, чѣмъ собственно онъ занимался или какія несъ на себѣ обязанности—все это остается для насъ почти загадкою. Въ то же время мы знаемъ, что онъ обладалъ многими практическими свѣдѣніями и имѣлъ понятіе о многихъ техническихъ и механическихъ производствахъ. Такъ, мы знаемъ, что онъ одно время работалъ на денежномъ дворѣ, устанавливалъ тамъ денежные ста̀ны [1]); знаемъ, что онъ же занимался издѣліемъ рогатокъ для огнестрѣльнаго оружія; знаемъ также, что онъ былъ хорошо знакомъ съ винокуреніемъ, носился одно время съ проектомъ большого винокуреннаго завода, а около 1724 года даже и владѣлъ винокуреннымъ заводомъ, къ которому были приписаны и земли, и поселенные на нихъ крестьяне. Несомнѣнно одно, что Посошковъ былъ человѣкомъ не только состоятельнымъ, но почти богатымъ; что онъ много на своемъ вѣку перевидѣлъ и передумалъ, и бывалъ въ сношеніяхъ съ массою людей въ различныхъ слояхъ общества. Мы знаемъ и о его личныхъ отношеніяхъ къ князьямъ Б. А. и Д. М. Голицы-

[1]) Въ 1697 году, въ дѣлѣ о монахѣ Авраамія упоминаются: «Покровскаго села оброчные крестьяне — Ивашка да Ромашка Посошковы» — въ числѣ знакомцевъ монаха. При допросѣ, однакоже, «Иванъ Посошковъ сказалъ, что Авраамій знакомецъ ему третій годъ: призвалъ онъ его, Ивашку, къ себѣ для дѣла денежнаго стану, который дѣлалъ на образецъ въ подносъ къ Великому Государю, а онъ, Ивашко, никакихъ словъ, что въ тетрадяхъ написано (у Авраамія), не говаривалъ». И Авраамій объявилъ, что Посошковъ дѣйствительно ничего не говорилъ. («Исторія Россіи», Соловьева; XIV, стр. 225—226. Первое изданіе).

нымъ, къ боярамъ Л. К. Нарышкину и Ѳ. Головину, къ митрополиту Стефану Яворскому и Ѳ. Прокоповичу. Самому Петру онъ былъ несомнѣнно извѣстенъ по тѣмъ проектамъ и сочиненіямъ, которые ему подносилъ „изъ презѣльной любви къ отечеству“; легко можетъ быть, что былъ извѣстенъ царю и лично [1]). Но лишь этими немногими фактами и ограничивается весь кругъ нашихъ біографическихъ свѣдѣній о И. Т. Посошковѣ; однакоже, скудость свѣдѣній нимало не мѣшаетъ тому, чтобы онъ, какъ живой, представалъ предъ нами, когда мы читаемъ его сочиненія, по счастью, сохранившіяся намъ и сохранившія въ себѣ прекрасный обликъ простого, средняго русскаго человѣка, который былъ горячимъ поклонникомъ Петра и его преобразовательной дѣятельности, и, въ то же время, былъ далекъ отъ всякихъ крайностей, вызываемыхъ борьбою между сторонниками старины и рьяными западниками.

Труды Посошкова.

Важнѣйшими сочиненіями Посошкова являются слѣдующія три: 1) „*Завѣщаніе отеческое*“; 2) „*Зерцало, сирѣчь изъявленіе очевидное и извѣстное на суемудрія раскольничьи*“, и 3) „*Книга о скудости и богатствѣ*“ [2]). Кромѣ этихъ сочиненій, извѣстно еще нѣсколько объемистыхъ „доношеній“ Посошкова Стефану Яворскому и другимъ лицамъ, по разнымъ вопросамъ, съ различными проектами, предложеніями улучшеній и практическими указаніями.

Въ „Отеческомъ завѣщаніи“ Посошковъ излагаетъ свои взгляды на жизнь и частную дѣятельность отдѣльнаго лица въ его отношеніяхъ къ ближнему, къ семьѣ и къ обществу. Многіе, не безъ основанія, сравнивали это сочиненіе Посошкова съ „Домостроемъ“ попа Сильвестра по общему его содержанію и по радикальному характеру. Если допустить такое сравненіе, то, въ результатѣ его, мы должны будемъ прійти къ тому убѣжденію, что средній русскій человѣкъ, за полтораста съ небольшимъ лѣтъ, значительно успѣлъ подвинуться впередъ въ смыслѣ нравственномъ и въ смыслѣ расширенія своего умственнаго кругозора.

Свое „Завѣщаніе“ сыну Посошковъ начинаетъ предостереженіемъ его отъ крайностей, которыя представляются ему одинаково зловредными: отъ уклоненія въ расколъ и односторонняго преклоненія предъ стариною, съ одной стороны; а съ другой — отъ неразумнаго увлеченія новымъ европейскимъ образованіемъ и бытомъ, сопряженнаго съ отреченіемъ отъ исконныхъ благоче-

[1]) Это отчасти можно предположить по тому прошенію, при которомъ онъ представилъ царю свою книгу: «О скудости и богатствѣ». Въ этомъ прошеніи онъ говоритъ: «возжелахъ *предъ очи* твоего императорскаго величества о достовѣрныхъ и слышанныхъ и о мнимыхъ дѣлахъ предложити изъявленіе».

[2]) Полное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: «О скудости и богатствѣ сіе есть изъявленіе, отъ чего приключается нищенская скудость и отъ чего гобзовитое (изобильное) богатство умножается».

1

САНКТЪПІТЕРЗБУРХЪ.

ВѢДОМОСТЪ.

Какова получена сего Генваря 1 числа, 1712.

Отъ полномочного посла князь грігорья долгорукова, пісанная ізъ померанїи изъ подъ стралзунта, отъ 1 чісла декабря, прошлого 1711, о учіненной вікторіи

1 дацкіхъ

2 Генварь

дацкіхъ воіскъ надъ шведами подъ городомъ вісмаремъ которые вылоску изъ оного чініли.

Третіяго дня получена здѣсь въ обозѣ подъ стралзунтомъ отъ вісмара вѣдомость, что обрѣтающеіся тамо дацкои генералъ порутчікъ господінъ раіцовъ послалъ отъ себя для провіанту 800 человѣкъ, о чемъ увѣдавъ комендантъ вісмарской, и чая оного раіцова быть безъ сілна, выслалъ изъ города гарнізонъ состоящеи конніцы и пѣхоты въ трехъ тысячахъ, и велѣлъ на дацкіе воіска нападеніе учініть, но помянутои господінъ раіцовъ збівъ непріятельскую конніцу отрѣзалъ отъ города

2000

Первый номеръ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей: страницы первая и вторая.

стивыхъ обычаевъ и установившагося строя русской жизни. Онъ совѣтуетъ ему избрать средній путь и на немъ стать неподвижно, „яко мраморный столпъ, на неподвижномъ камени утвержденный".

Нравственный идеалъ, по мнѣнію Посошкова, сводится къ одному евангельскому правилу: „вся, елика хощете, да творятъ вамъ человѣки, и вы творите имъ такожде"... „Такъ живи",— поучаетъ Посошковъ сына,—„дабы не токмо человѣкомъ, но и скотомъ милъ бы ты былъ; и всякое дѣло первѣе къ себѣ приложи—угодно ль оно будетъ тебѣ, и аще тебѣ оно угодно, то и инымъ твори безъ сумнѣнія"... Большое и важное значеніе придаетъ Посошковъ воспитанію и обученію дѣтей, причемъ программа обученія представляется довольно сложною и удовлетво-

Генварь 3

2000 пѣхоты, и оную со всѣхъ сторонъ атаковалъ, которая положа ружье въ полонъ отдалась, на мѣстѣ шведовъ побіто 470 человѣкъ, а другіе врознь розбѣжались, но самое малое чісло въ крѣпость возвратілось.

А сколко какова чіну Офіцеровъ и рядовыхъ взято въ полонъ. тому слѣдуетъ ніже сего роспісь.

Подполковніковъ	2
Маеоровъ	2
Капітановъ	7
Порутчіковъ	14
Прапорщіковъ	16
Отъютантовъ	2
Обознои	1
Ітого Офіцеровъ	44

Ундеръ

4 Генварь

Ундеръ офіцеровъ	127
Рядовыхъ салдатъ	1330
Раненыхъ	470
Ітого	1926

Всего офіцеровъ и ундеръ офіцеровъ и рядовыхъ 1970

Да при томже взято пушекъ желѣзныхъ 9

Первый номеръ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей: страницы третья и четвертая.

рительною: кромѣ обязательнаго чтенія и письма, тутъ видимъ и славянскую грамматику, и „выкладку цифирную", и языки: латинскій, греческій и польскій, и какое-нибудь „художество" (тоесть, ремесло). Большое значеніе Посошковъ придаетъ черченію— умѣнью „нарисовать по размѣру", такъ какъ оно „ко великому мастерству будетъ способно".

Прекрасно характеризуется понятіе Посошкова о супружескихъ отношеніяхъ по тѣмъ указаніямъ, которыя онъ даетъ сыну: „Безъ женинаго совѣта ничего не предпринимай", — говоритъ онъ,—„потому что она отъ Бога дана тебѣ въ помощь"... „И аще кто будетъ жену ничтожить— претворять ее въ рабій образъ, и той будетъ Богу противное чинити; Богъ ее нарекъ помощницею, а не работницею, и не простою помощницею, но подобною".

Подробно останавливаясь на обрядахъ внѣшняго благочестія и богопочитанія, Посошковъ стоитъ за строгое соблюденіе ихъ, и съ самою безпощадною критикою относится къ церковнымъ обрядамъ нѣмцевъ, которые во время богослуженія „ни одного часа на ногахъ постоять не могутъ", а на вечеринкахъ танцуютъ до упаду, „и тако утрудившеся, спятъ даже до обѣда. И то ихъ житіе, стало-быть, не христіанское, но самое языческое",—замѣчаетъ Посошковъ. Особенно рьяно выступаетъ онъ съ порицаніями противъ модъ и подражаній иностранцамъ въ одеждѣ и ношеніи париковъ [1]). „Намъ ни златомъ, ни серебромъ, ниже накладными волосами подобаетъ себя украшать, но въ воинскомъ дѣлѣ храбростью, въ судейскомъ дѣлѣ—правосудіемъ, въ купечествѣ—праведнымъ и неподвижнымъ словомъ... въ духовномъ же дѣлѣ, книжнымъ ученіемъ грамматическимъ, и риторскимъ, и философскимъ разумомъ".

Такими же нападками на подражаніе западнымъ обычаямъ и на усвоеніе западныхъ религіозныхъ воззрѣній переполнено „Зерцало суемудрія раскольничья", написанное Посошковымъ въ 1709 г. Послѣ изложенія краткой исторіи раскола, его происхожденія и его заблужденій, Посошковъ указываетъ на распространеніе въ народѣ просвѣщенія, какъ на единственное средство для успѣшной борьбы съ расколомъ.

Книга о скудости и богатствѣ. Важнѣе обоихъ вышеупомянутыхъ сочиненій Посошкова, его книга „О скудости и богатствѣ", составляющая, сама по себѣ, явленіе поразительное, какъ вполнѣ самостоятельный трудъ простого русскаго человѣка, затрогивающаго политико-экономическіе вопросы въ такое время, когда политическая экономія, какъ наука, еще не существовала въ Европѣ. Да и вообще авторъ, въ этомъ своемъ сочиненіи, выказываетъ себя человѣкомъ почти геніальнымъ, предлагая, для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, такія мѣры и предположенія, которыя, по достоинству и значенію замысла, далеко опережали современность, окружавшую Посошкова.

Книга „О скудости и богатствѣ" представляетъ собою почти полное изслѣдованіе о внутреннемъ состояніи Россіи во время Петра Великаго и подраздѣлена на девять отдѣловъ, которые скорѣе можно назвать отдѣльными статьями, нежели главами одного сочиненія. Въ этихъ статьяхъ авторъ послѣдовательно говоритъ: „1) о духовенствѣ, 2) о воинскихъ дѣлахъ, 3) о правосудіи, 4) о купечествѣ, 5) о художествахъ (т.-е. о ремеслахъ и о

---

[1]) «Перуки» или «паруки», какъ ихъ называетъ Посошковъ, особенно смущали русскаго человѣка. Онъ изумляется тому, что многіе «въ церкви стоятъ въ парукахъ и въ явленіи пресв. Тѣла Христова не снимаютъ ихъ съ главъ своихъ». И онъ настойчиво твердитъ сыну: «аще въ парукѣ стояти (въ церкви) безгрѣшно, то и въ шапкѣ уже безгрѣшно: вся бо сія едино есть покрывало».

мастерствахъ), 6) о разбойникахъ (вообще объ уголовщинѣ), 7) о крестьянствѣ, 8) о дворянѣхъ, крестьянѣхъ и земляныхъ дѣлахъ, 9) о царскомъ интересѣ".

Посошковъ указываетъ въ книгѣ своей на средства, „коими возможно истребить изъ народа неправду и водрузить прямую правду" и „безпечное житіе народное". Для этого „безпечнаго житія" не нужны вещественныя богатства: для этого „надлежитъ всѣмъ намъ пещися о невещественномъ богатствѣ, то-есть о истинной правдѣ. Правдѣ отецъ — Богъ, и правда весьма богатства и славу умножаетъ и отъ смерти избавляетъ; а неправдѣ отецъ — діаволъ и неправда въ нищету приводитъ"... „По моему мнѣнію", говоритъ Посошковъ, „сіе дѣло не великое и весьма нетрудное, еже царская сокровищница наполнити богатствомъ; но то великое и многотрудное есть дѣло, *еже бы народъ весь обогатить:* понеже безъ насажденія правды и безъ истребленія обидчиковъ и воровъ, и разбойниковъ, и всякихъ разныхъ, явныхъ и потаенныхъ грабителей никоими мѣрами народу всесовершенно обогатитися невозможно".

Въ главѣ о духовенствѣ, которому Посошковъ придаетъ большое значеніе, онъ указываетъ на необходимость имѣть пастырей ученыхъ и образованныхъ и, прежде всего, обезпечить ихъ отъ нужды, въ особенности духовенство сельское, которое, по бѣдности своей, болѣе вынуждено проводить времени въ сельскихъ работахъ, нежели въ поученіи народа и исполненіи требъ.

Переходя отъ духовенства къ другимъ сословіямъ, онъ требуетъ, для общаго блага, чтобы „судъ былъ близкій, прямой и правый", доступный и для высокаго, и для „низкочиннаго человѣка". Съ негодованіемъ восклицаетъ онъ, говоря о злоупотребленіяхъ суда, что „и бусурманы чтятъ судъ правиленъ, — а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда не годная". Для такого „прямого суда" и Уложеніе должно быть составлено заново, по мнѣнію Посошкова. Всѣ сословія, начиная отъ духовенства и боярства, и даже крестьянства—должны участвовать въ составленіи этого „Уложенія", и притомъ такъ, что „новосоставленные пункты должно освидѣтельствовать всѣмъ народомъ, самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ". Предвидя, что его многіе за это осудятъ, скажутъ, будто онъ „снижаетъ самодержавную власть народосовѣтіемъ", онъ высказывается смѣло и увѣренно: „азъ не снижаю самодержавія, но ради самыя истинныя правды... безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы правити невозможно, понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ".

Далѣе Посошковъ указываетъ на необходимость ввести въ

народѣ *общее обязательное обученіе грамотѣ*, оградить крестьянъ отъ произвола помѣщиковъ, уничтожить черезполосность владѣній новымъ общимъ размежеваніемъ земель; предлагаетъ подушную подать отмѣнить и вмѣсто нея ввести поземельный сборъ со всѣхъ землевладѣльцевъ, какого бы то ни было сословія.

Понятно, что такъ свободно и открыто обсуждать государственные вопросы Посошковъ могъ только въ книгѣ, которую подносилъ Петру, для его личнаго свѣдѣнія и соображенія; но и Петра онъ просилъ, чтобы его имя осталось неизвѣстно „ненавистливымъ и завистливымъ людямъ, особенно же ябедникамъ и обидчикамъ, и любителямъ неправды", и свои опасенія весьма наивно поясняетъ царю тѣмъ, что если эти „ненавистники и завистники" увѣдаютъ о его „мизерности, то не попустятъ меня на свѣтѣ ни мало времени жити, но прекратятъ животъ мой". Къ сожалѣнію, опасенія эти оказались вполнѣ основательными.

Посошковъ подалъ свою книгу государю въ 1724 году, а вскорѣ послѣ кончины Петра, по неизвѣстной причинѣ, онъ посаженъ былъ въ Петропавловскую крѣпость и здѣсь скончался 1 февраля 1729 года. Вмѣстѣ съ нимъ похоронены были его проекты, и труды его были заброшены и забыты, и только уже въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія были изданы въ полномъ составѣ и оцѣнены по достоинству. Многіе изъ его проектовъ и указаній, только черезъ 120 лѣтъ послѣ смерти Посошкова, могли быть осуществлены и проведены въ жизнь народную, а многимъ суждено осуществиться, вѣроятно, не ранѣе какъ въ половинѣ нынѣшняго вѣка... Такъ далеко смотрѣлъ въ будущее этотъ замѣчательный русскій человѣкъ!

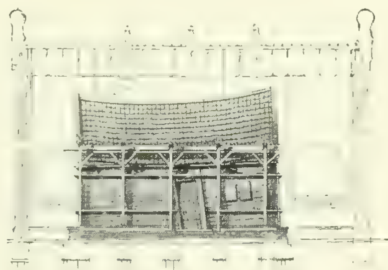
Виньетка Петровскаго времени.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Записки русскихъ людей въ Эпоху Преобразованій.—Общій характеръ ихъ и важнѣйшія отличительныя черты. — Записки С. Медвѣдева и Матвѣева, записки Желябужскаго и Крекшина.—Современныя путешествія по Европѣ.

Эпоха Преобразованій, какъ одна изъ тѣхъ, которыя потрясли и всколебали русское общество до самыхъ основъ его, должна была, конечно, найти себѣ различные отголоски въ сердцахъ и въ памяти современниковъ. Яркія впечатлѣнія, рѣзкія противоположности, борьба и напряженіе всѣхъ силъ народныхъ, громкія дѣянія Петра и его сподвижниковъ — все это не могло пройти безслѣдно, не возбудивъ въ свидѣтеляхъ и очевидцахъ Эпохи Преобразованій весьма естественнаго желанія сохранить для потомства память о томъ, что они переживали и испытывали. И дѣйствительно, мы видимъ, что эпоха Петра, властною рукою прекратившаго вѣками освященное веденіе монастырской лѣтописи, положила начало другой, болѣе живой и болѣе подробной хроникѣ

Домикъ Петра Великаго въ его нынѣшнемъ видѣ, подъ каменнымъ шатромъ.

„записокъ" — хроникѣ личной, иногда пристрастной и односторонней, но зато вводящей насъ во всѣ подробности современнаго быта и нравовъ, рисующей намъ довольно полную картину жизни во всѣхъ тѣхъ явленіяхъ и фактахъ ея, которыя особенно поразили автора записокъ. Начиная съ Эпохи Преобразованій эти „записки современниковъ" непрерывною нитью тянутся черезъ весь XVIII вѣкъ и составляютъ одинъ изъ весьма важныхъ источниковъ для его исторіи. Записки современниковъ Петра, впрочемъ, не отличаются живостью и образностью, не блистаютъ яркостью красокъ и красотами слога. На нихъ отразился нѣсколько сухой и строгій характеръ этого исключительно дѣлового и практическаго вѣка, въ который люди не любили тратить лишнихъ словъ, можетъ-быть, потому, что не имѣли лишняго досуга. Отличительною чертою записокъ Петровскаго времени является то глубочайшее уваженіе, почти обожаніе, которое авторы записокъ совершенно искренно питаютъ къ винов-

нику всѣхъ преобразованій, личность котораго своею громадностью заграждаетъ передъ ихъ глазами всѣ минувшія эпохи русской жизни. Самый языкъ этихъ записокъ рѣзко отличается отъ языка предшествующаго періода не только строемъ фразы и многими новыми оборотами рѣчи, но и обиліемъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ общее употребленіе, въ качествѣ необходимой формы выраженія для такихъ новыхъ понятій, которыя еще не нашли себѣ соотвѣтствующаго выраженія въ русскомъ языкѣ.

Записки С. Медвѣдева.

Рядъ „записокъ" Петровскаго времени слѣдуетъ начать съ записокъ *Сильвестра Медвѣдева*, уже извѣстнаго намъ по другимъ сторонамъ своей дѣятельности—литературной и библіографической. Хотя Сильвестръ Медвѣдевъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и не былъ современникомъ Петра, такъ какъ онъ былъ казненъ въ 1689 году, но онъ оставилъ любопытныя записки о времени правленія царевны Софьи и стрѣлецкихъ смутахъ, предшествовавшихъ окончательному воцаренію Петра. Такъ какъ эти волненія и самое правленіе царевны Софьи относятся къ тому времени, когда Петръ, еще отрокомъ, раздѣлялъ престолъ со старшимъ братомъ своимъ Іоанномъ, то записки С. Медвѣдева не могутъ быть отнесены ни къ какому иному времени, кромѣ Петровскаго. С. Медвѣдевъ былъ человѣкъ весьма умный, начитанный и, въ своемъ родѣ, даже ученый. Будучи горячимъ сторонникомъ Софьи, онъ старается снять съ нея всякое подозрѣніе въ томъ, что стрѣлецкій бунтъ былъ вызванъ ея происками; изъ осторожности, боясь прибавить отъ себя какое-нибудь лишнее слово, С. Медвѣдевъ всюду, гдѣ выставляетъ Софью дѣйствующимъ лицомъ, старается пустить въ ходъ офиціальные документы и не добавляетъ отъ себя ни слова. Оберегая такимъ образомъ Софью, стрѣльцовъ онъ не щадитъ и ничѣмъ не старается смягчать разсказъ о ихъ буйствахъ.

Записки А. А. Матвѣева.

Записки С. Медвѣдева особенно любопытны по сравненіи съ болѣе поздними „*Записками о стрѣлецкомъ бунтѣ*", написанными графомъ *Андреемъ Артамоновичемъ Матвѣевымъ*, сыномъ знаменитаго друга и совѣтника царя Алексѣя Михайловича. Графъ А. А. Матвѣевъ (род. 1666 г., ум. 1728 г.) былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей Петрова царствованія и бо̀льшую часть жизни провелъ въ Европѣ, въ качествѣ посланника при разныхъ дворахъ. „Записки о стрѣлецкомъ бунтѣ" были имъ написаны, вѣроятно, уже въ концѣ жизни; но, тѣмъ не менѣе, онъ не могъ въ нихъ вполнѣ безпристрастно повѣствовать о страшномъ бунтѣ 1682 г. Онъ самъ такъ много пережилъ во время этого бунта, такъ много натерпѣлся смертнаго страха и понесъ такую тяжкую утрату въ лицѣ своего отца, растерзаннаго стрѣльцами, что, очевидно, и четверть вѣка спустя, не могъ говорить объ этомъ кро-

вавомъ и роковомъ возстаніи съ полнымъ спокойствіемъ. Притомъ, взгляды его на стрѣлецкій бунтъ, видимо, ничѣмъ не разнились отъ нѣсколько односторонняго взгляда самого Петра на это событіе. Онъ винитъ во всемъ Софью и Милославскаго, видитъ въ бунтѣ правильно построенный заговоръ, по замыслу честолюбивой царевны, жаждавшей власти. Но, при всемъ этомъ, онъ сообщаетъ чрезвычайно много интересныхъ подробностей о дѣйствующихъ лицахъ описываемыхъ имъ событій, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, о ихъ характерѣ и привычкахъ; разсказываетъ много разныхъ эпизодовъ, которые только ему одному и могли быть извѣстны, а иногда въ нѣсколькихъ словахъ прекрасно характеризуетъ дѣятелей этой любопытной эпохи.

Записки Желябужскаго.

Совершенно инымъ характеромъ отличаются записки другого современника и очевидца той же эпохи, *Ивана Афанасьевича Желябужскаго* (род. въ 1638 г.). Записки эти начинаются тоже со стрѣлецкаго бунта 1682 г. и заканчиваются извѣстіемъ о Полтавской баталіи (1709 г.). Авторъ ихъ—стольникъ, а впослѣдствіи окольничій и воевода черниговскій — человѣкъ бывалый и много видѣвшій на своемъ вѣку. Онъ дважды былъ за границей (въ Венеціи, Англіи и Австріи), исполняя порученія, отчасти дипломатическаго характера. Къ веденію „Записокъ“ онъ приступилъ уже въ лѣтахъ весьма зрѣлыхъ, и велъ ихъ, въ видѣ краткихъ, сухихъ повременныхъ записей, съ безстрастіемъ и спокойствіемъ монаха-лѣтописца. Историческихъ событій своего времени Желябужскій почти не касается, но зато сообщаетъ очень много любопытныхъ бытовыхъ данныхъ, характеризующихъ то суровое время; особенно богата фактами уголовная хроника его записокъ, поражающая насъ количествомъ и жестокостью описываемыхъ имъ казней.

Записки Неплюева.

Весьма любопытны и очень живо изложены записки *Ивана Ивановича Неплюева* (род. 1693 г., ум. 1773 г.), который находился въ числѣ молодыхъ людей, въ 1716 году отправленныхъ Петромъ за границу для изученія морского дѣла. Очень рельефно передаетъ онъ впечатлѣніе, произведенное на него строгимъ экзаменомъ, которому подвергъ его Петръ по возвращеніи изъ-за границы. Приставленный сначала къ постройкѣ судовъ, Неплюевъ вскорѣ, подобно многимъ другимъ дѣятелямъ эпохи Петра, получилъ совсѣмъ иное назначеніе: посланъ былъ резидентомъ въ Константинополь и оставался въ этой должности до 1735 года. Дальнѣйшая служебная карьера его была весьма разнообразна и богата любопытными и поучительными эпизодами. Онъ закончилъ ее въ званіи сенатора и конференцъ-министра (около 1760 года). Послѣднія девять лѣтъ жизни онъ провелъ въ деревнѣ, на покоѣ, гдѣ и писалъ свои „Записки“. Интересныя въ общемъ

своемъ составѣ, записки эти особенно любопытны и вѣрны тамъ, гдѣ Неплюевъ разсказываетъ о своемъ управленіи Оренбургскимъ краемъ. Онъ продолжалъ вести свои записки до самой смерти; въ видѣ добавленія къ нимъ, кѣмъ-то изъ его приближенныхъ, описана его кончина.

Современный портретъ графа А. А. Матвѣева.

П. И. Неплюевъ былъ человѣкъ умный и наблюдательный: его „записки“ читаются легко и съ удовольствіемъ, несмотря на то, что онъ упорно остается въ нихъ непоколебимымъ сторонникомъ Петра и его порядковъ; сравнивая царствованіе великаго государя съ послѣдующими царствованіями его преемниковъ, онъ всюду отдаетъ ему предпочтеніе. „На что въ Россіи ни взгляни“, —

говаривалъ И. И. Неплюевъ, — „все Петра началомъ имѣетъ, и что̀ бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“.

Колоссальная личность Великаго Преобразователя Россіи про- Анекдоты о Петрѣ.

Надлежитъ отпустить в дом Императорскаго
величества в токарню листоватаго железа
на ящики десять листов пудов для
храненія инструментов, для смазанья
инструментов сала свинаго пять
пунтов, рогу медного пуд, стали немецкой
пуд, надобно стали немецкой пуд.
Которая за илемомъ надпыл инструментов
также отпустить слесаря токаря ахипова
для отправления токарных машин
мнѣ Императорское величество повелѣл
вышепомянутые машины справить
немедлено а мнѣ от умаленіе людей умения
чинится остановка
Дому Императорскаго величества токарны ирены
для механик Андрей Нартов
Апреля 2 дня

Автографъ Андрея Нартова.

изводила на всѣхъ его современниковъ такое чарующее, обаятельное впечатлѣніе, что окружавшіе его люди старались уловить каждое его слово, запомнить каждый шагъ его. Такое благоговѣйное отношеніе къ Петру выразилось даже въ видѣ весьма

оригинальнаго памятника: перваго по времени сборника историческихъ анекдотовъ о Петрѣ. Этотъ сборникъ былъ составленъ *Андреемъ Константиновичемъ Нартовымъ*, который въ теченіе двадцати лѣтъ состоялъ при Петрѣ механикомъ и токаремъ, и, слѣдовательно, имѣлъ возможность близко присматриваться и прислушиваться къ царю, весьма любившему токарное мастерство. Многое изъ того, что Нартовъ сообщаетъ о Петрѣ, чрезвычайно любопытно и заслуживаетъ полнаго вниманія историка.

Записки Крекшина. *Петръ Никифоровичъ Крекшинъ*, другой почитатель памяти Петра Великаго (род. 1684 г., ум. 1765 г.), къ которому одно время онъ былъ близокъ, также оставилъ намъ объ этомъ времени „Записки" и нѣкоторые другіе труды. Знаемъ о немъ, что онъ былъ въ Кронштадтѣ смотрителемъ работъ и состоялъ въ большой милости у Петра; въ 1714 году онъ попалъ подъ судъ, по обвиненію въ растратѣ казеннаго имущества, однакоже, былъ по суду оправданъ. Тотчасъ по кончинѣ Петра онъ вышелъ въ отставку и занялся собраніемъ матеріаловъ по исторіи Петра. Кромѣ нѣсколькихъ историческихъ опытовъ, о которыхъ намъ еще придется упомянуть въ слѣдующей главѣ, главнымъ его трудомъ, занявшимъ около двадцати лѣтъ жизни, являются „*Записки объ исторіи Петра Великаго*", первый томъ которыхъ былъ поднесенъ Крёкшинымъ императрицѣ Елисаветѣ въ 1742 г. Изъ всего собраннаго имъ сохранилось, однакоже, очень немногое: первая часть „Записокъ" до поѣздки Петра за границу (въ первый разъ), и описаніе 1709 года. Авторъ, очевидно, былъ человѣкомъ мало-образованнымъ и не особенно прозорливымъ: онъ все принимаетъ на вѣру, громоздитъ факты безо всякой критики и излагаетъ ихъ съ весьма напыщеннымъ риторизмомъ.

Описаніе путешествій. Къ „запискамъ" современниковъ, въ Петровское время, въ значительной степени подходятъ, по общему своему характеру, описанія путешествій, совершенныхъ въ это время русскими людьми по Европѣ. Эти „описанія", точно такъ же, какъ и „записки", передавая намъ личныя впечатлѣнія и взгляды современниковъ Петра на Европу, на европейскіе обычаи и культуру, даютъ намъ весьма полное и рельефное представленіе о ихъ нравственномъ обликѣ, ихъ характерѣ, ихъ отношеніи къ проникавшей на Востокъ западной цивилизаціи.

Изъ сохранившихся до нашего времени путешествій Петровскаго времени по Европѣ, болѣе другихъ замѣчательны: „*Путешествіе стольника П. А. Толстого по Италіи*" (1697—1699 гг.) и описаніе „*Поѣздки графа Матвѣева въ Парижъ*" (въ 1705 г.). Гораздо менѣе любопытны и менѣе важны по своему историческому значенію два другихъ путешествія: „*Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи*" (въ 1697—99 гг.), веденный неизвѣст-

нымъ лицомъ, и „*Путешествіе боярина Б. П. Шереметева по Польшѣ, Австріи, Италіи и Мальтѣ*".

Журналъ неизвѣстнаго.

„Журналъ" неизвѣстнаго лица любопытенъ только въ томъ смыслѣ, что это лицо входило въ составъ „великаго посольства", отправленнаго Петромъ къ европейскимъ дворамъ въ то время, когда онъ задумалъ совершить первое путешествіе по Европѣ. Одно время высказывали предположенія, что журналъ этотъ принадлежитъ самому Петру, но, по сравненіи маршрута этого „неизвѣстнаго" лица съ маршрутомъ Петра, оказалось, что между ними существуетъ довольно значительная разница, да притомъ и самыя подробности, занесенныя неизвѣстнымъ авторомъ въ его журналъ, и самый способъ веденія журнала — нимало не походятъ на записки и замѣтки Петра. Наблюдательность, выказанная „неизвѣстнымъ", вездѣ представляется намъ чисто-внѣшнею и весьма неглубокою: онъ отмѣчаетъ только то, что его поражаетъ какъ диковинка или какъ курьёзъ, что бросается ему въ глаза какъ проявленіе роскоши и непривычнаго великолѣпія, и нимало не заглядываетъ вглубь той европейской жизни, которую, хотя и мелькомъ, но все же приходится ему наблюдать. Въ общихъ чертахъ описаніе всего, что онъ видитъ въ Европѣ, въ значительной степени напоминаетъ собою „статейные списки" русскихъ посольствъ XVII вѣка, и разница между ними и „Журналомъ" ограничивается только тѣмъ, что въ статейномъ спискѣ перечислялись большею частью только однѣ святыни, мощи, церкви и монастыри, а въ „Журналѣ" наблюдательность автора направлена преимущественно въ сторону свѣтской, мірской жизни.

Путешествіе Шереметева.

Недалеко отъ этого „Журнала" ушло и путешествіе боярина Бориса Петровича Шереметева. Само по себѣ, какъ фактъ историческій, оно было явленіемъ любопытнымъ, такъ какъ это было первое путешествіе русскаго вельможи по Европѣ, на свои средства и по собственному желанію. Но какъ памятникъ литературный, описаніе этого путешествія не представляетъ собою ничего заслуживающаго вниманія, такъ какъ содержаніе его составляетъ лишь подробный перечень посѣщенныхъ графомъ мѣстностей и пространное повтореніе привѣтственныхъ рѣчей, сказанныхъ графомъ при тѣхъ или другихъ случаяхъ, во время аудіенцій, которыми его удостоивали царственныя и владѣтельныя особы, а между ними и папа Римскій.

Путешествіе Толстого.

Не тѣмъ духомъ вѣетъ отъ описанія „Путешествія" по Италіи, стольника Петра Андреевича Толстого, который прожилъ довольно долго въ Венеціи и на островѣ Мальтѣ. Это, впрочемъ, и неудивительно: самъ Петръ отзывался о П. А. Толстомъ, какъ объ одномъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени. „Путешествіе" его и теперь можетъ быть прочитано съ

большимъ интересомъ—до такой степени многостороннею, разнообразною и острою выказывается въ немъ наблюдательность путешественника. Толстого все интересуетъ, все привлекаетъ, все наводитъ на размышленіе: проѣздомъ черезъ Варшаву, онъ наблюдаетъ поляковъ во время избранія короля, и даетъ очень вѣрную характеристику націи и внутренняго быта Польши. По дорогѣ въ Вѣну, гдѣ возможно, онъ посѣщаетъ библіотеки и академіи; въ самой Вѣнѣ заходитъ въ ратушу, посѣщаетъ загородные дворцы и сады, а по пріѣздѣ въ Венецію присутствуетъ съ большимъ интересомъ на засѣданіи суда и очень вѣрно передаетъ намъ всю мѣстную судебную процедуру. Точно такъ же и при дальнѣйшемъ объѣздѣ Италіи, онъ вникаетъ во всѣ обычаи сословные и народные, въ общественныя моды и нравы, оцѣниваетъ по достоинству итальянскихъ „нобилей" съ ихъ гордостью и чванствомъ при пустыхъ карманахъ, отзывается не совсѣмъ одобрительно о нравственности высшаго сословія, описываетъ устройство театровъ и отношеніе къ нимъ публики, оцѣниваетъ по достоинству обширныя научныя учрежденія, гдѣ всѣ могутъ учиться безъ платы и т. п. Не забываетъ онъ при этомъ объѣздѣ ни святынь, ни храмовъ, и даже довольно подробно останавливается на ихъ достопримѣчательностяхъ; но этотъ отдѣлъ его сочиненія не перевѣшиваетъ остальные по значенію и размѣрамъ, и нимало не нарушаетъ общаго и цѣльнаго впечатлѣнія всего описанія [1]).

Бояринъ Б. П. Шереметевъ.

Путешествіе А. А. Матвѣева.

Гораздо меньшимъ по объему и гораздо болѣе ограниченнымъ по самому кругу наблюденія представляется намъ путешествіе въ 1705 году въ Парижъ графа А. А. Матвѣева—уже извѣстнаго

[1]) Это тотъ самый П. А. Толстой, который, позднѣе, пріобрѣлъ, вмѣстѣ съ Румянцевымъ, такую печальную извѣстность по дѣлу царевича Алексѣя Петровича.

Одна изъ картинъ, украшающихъ описаніе путешествія боярина Б. П. Шереметева:—аудіенція у папы.

намъ автора вышеупомянутыхъ нами „Записокъ“. Цѣлью его путешествія было заключеніе торговаго договора съ Франціею. Онъ подробно выясняетъ эту цѣль въ началѣ своего путешествія; а затѣмъ умно и талантливо описываетъ все видѣнное имъ въ Парижѣ; не ограничиваясь достопримѣчательностями города, онъ рисуетъ и нравы жителей, говоритъ съ видимымъ удовольствіемъ о томъ значеніи, которымъ пользуются въ обществѣ французскія женщины, и отдаетъ полную справедливость ихъ достоинствамъ. То, что онъ говоритъ о воспитаніи дѣтей во Франціи, гдѣ они растутъ свободно, ничѣмъ не запугиваемыя, и вмѣстѣ съ обученіемъ различнымъ отраслямъ знанія, воспринимаютъ и воспитанность, и „вѣжество“ — свидѣтельствуетъ о томъ, что Матвѣевъ былъ несомнѣнно образованнѣйшимъ русскимъ человѣкомъ своего времени и въ понятіяхъ объ общественности значительно опередилъ большинство своихъ современниковъ.

П. А. Толстой.

Повѣсти и сказки о матросѣ.

Чрезвычайно любопытною и характерною чертою многихъ произведеній Петровскаго времени является то, что главною тэмою, главною основою разсказа оказываются въ нихъ дальнія странствованія, поѣздки за границу для ученья, путешествіе на корабляхъ за море, похожденія „матроса“, который является героемъ и въ пѣснѣ [1]), и въ сказкѣ, и въ литературномъ изложеніи повѣсти. Примѣромъ въ данномъ случаѣ могутъ служить два повѣствовательныя произведенія Петровской эпохи: „Исторія о россійскомъ матросѣ Василіѣ Коріотскомъ и прекрасной королевнѣ Иракліи, Флоренской земли“ и „Исторія о славномъ храбромъ Александрѣ, кавалерѣ россійскомъ“. Въ первомъ изъ этихъ про-

[1]) Кому неизвѣстна старинная русская пѣсня, несомнѣнно Петровскаго времени:
«На Васильевскомъ было славномъ островѣ,
Молодой матросъ корабли снастилъ, и т. д.»

Автографъ П. А. Толстого.

изведеній для насъ не важна самая фабула его — весьма немудрая любовная исторія, заканчивающаяся благополучнымъ бракомъ; не важны и всѣ приключенія главнаго героя „исторіи“, то попа-

дающагося въ плѣнъ разбойникамъ, то являющагося ихъ атаманомъ. Всѣ эти приключенія и подробности легко могутъ быть и заимствованы изъ того или другого западнаго источника. Важно то, что героемъ выступаетъ впервые „россійскій матросъ“, что онъ является искать счастья въ „*Петербургъ*“, опредѣляется на службу во флотъ — это все живыя черты современности, неотъемлемо-принадлежащія Петровскому времени и впервые внесенныя въ литературное произведеніе.

Герой другого произведенія, „храбрый Александръ“ — также представляетъ собою типъ новый: это „кавалеръ россійскій“, котораго посылаютъ въ чужіе края для того, чтобы онъ тамъ научился всѣмъ премудростямъ. Эта черта нравовъ, сдѣлавшаяся обычною и общераспространенною въ то время, очевидно, уже никого не пугала и потому вносилась въ произведенія повѣствовательной литературы, какъ пріемъ, весьма удобный для нагроможденія и нанизыванья всякихъ приключеній и прикрасъ вымысла. Ясно замѣтно, что Западъ уже начинаетъ представляться русскимъ людямъ не въ видѣ „Уроньскихъ странъ“, пугавшихъ нѣкогда ихъ воображеніе своимъ басурманскимъ обычаемъ, а въ видѣ „Европы“, привлекающей уже молодое поколѣніе „россійскихъ кавалеровъ“ многими сторонами своей пестрой, дѣятельной и разнообразной жизни. Замѣтно и то, что идеи, проводимыя и насаждаемыя Петромъ въ высшихъ слояхъ общества, начинаютъ проникать въ массу и находить въ ней сочувственные отголоски.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пристрастіе Петра къ Исторіи.—Мечты его о возможности создать нѣкоторое подобіе „Исторіи Россійской“.—Первыя попытки историческаго изложенія при Петрѣ: труды Ѳеофана Прокоповича, Шафирова и Манкіева.—Татищевъ и его дѣятельность.

Неутомимый и неистощимый въ своей любознательности, Петръ Великій отлично понималъ значеніе исторіи; понималъ также и значеніе своей эпохи, своихъ трудовъ и дѣяній для исторіи Россіи. Ему хотѣлось, чтобы русскіе люди могли разумно и сознательно относиться къ своему прошлому и сравнивать его съ настоящимъ; хотѣлось, поэтому, еще при жизни своей создать хотя нѣкоторое подобіе болѣе или менѣе правдивой и осмысленной исторіи Россіи до XVIII вѣка и исторіи своего царствованія, которая бы могла оправдать и подтвердить разумными доводами все то, что онъ дѣлалъ и вынужденъ былъ дѣлать для просвѣщенія Россіи, для полнаго преобразованія ея внутренняго быта. Къ тому, что было сдѣлано до начала XVIII вѣка для Русской Исторіи, онъ относился критически: ни трудъ дьяка Грибоѣдова, ни „Синопсисъ“ Иннокентія Гизеля не удовлетворяли его, хотя

послѣдняя книга въ его царствованіе и была дважды издана [1]), за неимѣніемъ другого, лучшаго учебника для школъ. Ему хотѣлось не похвалъ, не риторическихъ упражненій на историческую тэму,—хотѣлось той „правды", которую онъ такъ любилъ встрѣчать вездѣ, и всюду искалъ, и которой никогда не пугался [2]). Съ тѣмъ упорствомъ, которое составляло одну изъ выдающихся чертъ его характера, Петръ долго высматривалъ кругомъ себя такого человѣка, который былъ бы способенъ принять на себя трудъ составленія Русской Исторіи, и долго не могъ ни на комъ остановить свой выборъ. Въ 1713 г. въ С.-Петербургѣ издана была „*Книга Марсова, или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ царскаго величества Россійскихъ, во взятіи преславныхъ фортецій и разныхъ мѣстахъ храбрыхъ баталій, учиненныхъ надъ войсками его королевскаго величества Свейскаго*".

Иннокентій Гизель, авторъ перваго учебника по Русской исторіи.

Этотъ первый опытъ военной исторіи предшествовалъ другому важному историко-критическому опыту—подканцлера Шафирова: „*Разсужденію о причинахъ войны со Швеціею*" [3]). Петръ до такой степени придавалъ этому „*Разсужденію*" важное значеніе, что самъ исправлялъ его и, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ вступленія, приписалъ многое собственноручно. Трудъ Шафирова, видимо, понравился Петру, и это побудило подканцлера приняться за

---

[1]) Въ 1714 г. Синопсисъ былъ впервые напечатанъ гражданскимъ шрифтомъ.

[2]) Свое правдолюбіе и удивительную скромность Петръ какъ нельзя лучше доказалъ въ такъ-называемомъ «Журналѣ Петра Великаго», въ которомъ описаны были кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ событія Шведской войны. Этотъ журналъ былъ шесть разъ исправленъ Петромъ Великимъ.

[3]) Полное заглавіе книги гласитъ: «Разсужденіе, какія законныя причины его царское величество Петръ I къ начатію войны противъ короля Карла XII шведскаго 1700 году имѣлъ, и кто изъ сихъ обоихъ потентатовъ во время сей пребывающей войны болѣе умѣренности и склонности къ примиренію показывалъ, и кто въ продолженіе оной съ толь великимъ разлитіемъ крови христіанскія и раззореніемъ многихъ земель виновенъ, и съ которой воюющей страны та война, по правиламъ христіанскихъ и политичныхъ народовъ, была ведена. Все безъ пристрастія, фундаментально, изъ древнихъ и новыхъ актовъ и трактатовъ, тако-жъ и изъ записокъ о воинскихъ операціяхъ описано съ надлежащею умѣренностью и истиною».

Автографъ Шафирова.

другой трудъ, который оказался гораздо менѣе удачнымъ, можетъ быть потому, что въ немъ авторъ стремился одновременно къ достиженію нѣсколькихъ цѣлей: онъ написалъ „*Дедикацію, или приношеніе царевичу Петру Петровичу* (царевичу не было тогда и

двухъ лѣтъ!) *о премудрыхъ, храбрыхъ и великодушныхъ дѣлахъ его величества государя Петра I-го"*. Это сочиненіе явилось и панегирикомъ, и нѣкоторою попыткою набросать общую картину царствованія Петра, сравнительно съ предшествовавшими ему царствованіями царей изъ дома Романовыхъ. Въ какой степени поспѣшно и небрежно относился авторъ къ выполненію своей трудной задачи, видно изъ того, что Шафировъ, перечисляя заслуги царей Михаила, Алексѣя и Θеодора, позабылъ упомянуть объ уничтоженіи мѣстничества при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ; но этотъ важный пропускъ не прошелъ незамѣченнымъ: самъ Петръ, внимательно за всѣмъ слѣдившій, напомнилъ ему объ этомъ въ особой собственноручной припискѣ.

Изъ этого видимъ, что Петръ, лучше, чѣмъ всѣ его приближенные, зналъ исторію своего отечества — и тѣмъ съ большею разборчивостью долженъ былъ относиться къ выбору человѣка, которому предстояло поручить складное и пространное повѣствованіе о давно-минувшемъ прошломъ Россіи. Сначала онъ рѣшилъ, какъ оказывается, поручить этотъ трудъ человѣку ученому и весь свой вѣкъ возившемуся съ книгами — справщику и управителю московскаго печатнаго двора—уже извѣстному намъ Θеодору Поликарпову. Θеодоръ Поликарповъ, труженикъ неособенно талантливый, но знающій и добросовѣстный, усердно взялся за порученную ему работу, несмотря на то, что былъ заваленъ въ это время и другими дѣлами, и, между прочимъ, переводомъ географіи и составленіемъ лексикона. Его историческій трудъ оказался неудачнымъ и не понравился царю (хотя Петръ, цѣня усердіе и старанія Поликарпова, все же приказалъ ему заплатить за работу), и царь, въ виду такой неудачи, рѣшился временно удовольствоваться подготовкою выписокъ и матеріаловъ для исторіи. Такъ, въ 1719 г., Макарову былъ присланъ для просмотра „*Краткій Лѣтописецъ, или выписка о житіи великихъ князей россійскихъ до государствованія царя Ивана Васильевича*"—трудъ, извлеченный, повелѣніемъ Петра, изъ Степенной книги, съ разными урѣзками и сокращеніями. Вскорѣ послѣ того были, одинъ за другимъ, изданы два указа (одинъ въ декабрѣ 1720, другой въ февралѣ 1722 г.); по одному повелѣвалось „во всѣхъ монастыряхъ осмотрѣть и забрать древнія жалованныя грамоты и другія курьезныя письма оригинальныя, такожe книги историческія, рукописныя и печатныя"; по другому повелѣвалось „изъ всѣхъ епархій и монастырей взять въ Сѵнодъ всѣ рукописи (лѣтописей, степенныхъ книгъ, хронографовъ и т. д.), списать ихъ для библіотеки, а подлинники отправить обратно туда, гдѣ рукописи взяты".

Петръ ищетъ историка.

Послѣ долгихъ исканій и колебаній, Петръ рѣшился, наконецъ, составленіе исторіи своего времени поручить Θеофану Про-

коповичу, который принялся за это дѣло весьма ревностно, судя по перепискѣ, веденной съ Петромъ во время Персидскаго похода. Онъ совѣтовалъ Петру собираніе свѣдѣній о походѣ и военныхъ дѣйствіяхъ поручить адъютантамъ, а всѣ ихъ записки отдать на руки „обрѣтающемуся въ ономъ походѣ Лаврентію, архимандриту Воскресенскому, который записывать будетъ простымъ стилемъ, изъ чего можно будетъ своимъ временемъ и съ украшеніемъ исторію сію собрать".

Историческіе труды Ѳ. Прокоповича.

Но „всуе труждались зиждущіе"... Ѳеофанъ, оставившій нѣсколько любопытныхъ и важныхъ историческихъ изслѣдованій, по достоинствамъ своимъ заслуживающихъ вниманія, призналъ себя безсильнымъ и неподготовленнымъ къ выполненію такой обширной задачи, какъ исторія царствованія Великаго Преобразователя Россіи. Онъ написалъ глубоко прочувствованную *„Повѣсть о смерти Петра Великаго"* (С.-Петербургъ, 1726 г.) и *„Краткую Исторію о дѣлахъ Петра Великаго до Полтавской побѣды"*,—слабый и блѣдный набросокъ фактической стороны царствованія. Гораздо болѣе имѣетъ значенія одна изъ подготовительныхъ работъ Ѳеофана къ историческому труду: *„Родословная роспись князей и царей"* (С.-Петербургъ, 1720 г.) и *„Разсмотрѣніе повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіи"*;—но всѣ эти попытки не двинули впередъ тяжелую и сложную задачу написанія общей Русской Исторіи съ древнѣйшихъ временъ до начала XVIII вѣка.

В. Н. Татищевъ, первый русскій историкъ.

Труды Манкіева.

Любопытно, что въ то самое время, когда эти историческія попытки занимали Великаго Преобразователя и многихъ изъ его современниковъ въ Россіи, подобная этимъ еще одна попытка возникла вдали отъ центровъ русской жизни—въ Швеціи. Посланный туда резидентомъ князь А. Я. Хилковъ, съ самаго начала войны со Швеціею, задержанъ былъ тамъ плѣннымъ и умеръ около 1718 г.; при немъ состоялъ секретаремъ нѣкто А. И. Манкіевъ (или Манкѣевъ), который также раздѣлялъ плѣнъ Хилкова.

Автографъ боярина Б. П. Шереметева.

Въ этомъ плѣну Манкіевъ написалъ весьма обширное (состоящее изъ семи книгъ) сочиненіе по Русской Исторіи, подъ заглавіемъ „*Ядро Россійской Исторіи*". По какимъ-то страннымъ случайностямъ, усердный трудъ Манкіева долгое время приписывался его ближайшему начальнику, Хилкову; съ именемъ Хилкова, какъ автора, этотъ трудъ былъ даже изданъ, въ концѣ прошлаго вѣка, академикомъ Миллеромъ. Но истина выяснилась со временемъ и честь авторства осталась за Манкіевымъ, хотя и не прославила его имени. По заключенію К. Н. Бестужева-Рюмина, въ изложеніи и воззрѣніяхъ на Исторію Россіи, этотъ трудъ не далеко ушелъ отъ „Синопсиса" Иннокентія Гизеля, съ тою, впрочемъ, разницею, что событія въ немъ изложены до временъ соцарствія Іоанна и Петра Алексѣевичей. Но и эта попытка общаго изложенія исторіи Россіи еще не основывалась на разработкѣ историческаго матерьяла.

Первый, сколько-нибудь замѣтный трудъ по Исторіи Россіи

суждено было создать одному изъ новыхъ людей, вызванныхъ къ дѣятельности реформою Петра, а именно *Василію Никитичу Татищеву*.

Біографія Татищева.

В. Н. Татищевъ (род. 1686 г., ум. 1750 г.) принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей начала прошлаго вѣка—къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени. Образованіе свое онъ получилъ отчасти въ Россіи, отчасти за границей, гдѣ ему пришлось быть дважды — въ ранней молодости, по окончаніи курса въ инженерномъ и артиллерійскомъ училищѣ (въ Москвѣ), и въ зрѣломъ возрастѣ — послѣ службы на горныхъ заводахъ, на Уралѣ. По возвращеніи изъ первой поѣздки за границу, онъ долгое время служилъ въ военной службѣ, въ артиллеріи, участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ походахъ Петровскаго царствованья, до Прутскаго включительно, а потомъ опредѣленъ былъ на службу по горнымъ заводамъ на Уралѣ. Здѣсь столкновеніе съ всемогущими на Уралѣ Демидовыми вызвало противъ него всякія нареканія и обвиненія, которыя, отчасти, способствовали тому, что Петръ удалилъ его отъ службы на горныхъ заводахъ, хотя и признавалъ его дѣятельность на этомъ поприщѣ весьма полезною, и вообще цѣнилъ въ Татищевѣ его неотъемлемыя достоинства. Вѣроятно изъ уваженія къ этимъ достоинствамъ, Петръ, удаливъ Татищева со службы на горныхъ заводахъ, далъ ему тотчасъ же весьма почетное порученіе въ Швеціи, также по горной части, хотя оффиціальное порученіе тутъ было не болѣе, какъ предлогомъ для выполненія другого, секретнаго порученія, которое заключалось въ томъ, что Татищевъ долженъ былъ „смотрѣть и освѣдомляться о политическомъ состояніи, явныхъ поступкахъ и скрытныхъ намѣреньяхъ Швеціи“ — такъ гласила данная ему инструкція. Другими словами — Татищевъ долженъ былъ исполнять въ Швеціи обязанности дипломатическаго и военнаго агента. Изъ своей поѣздки въ Швецію Татищевъ вернулся уже послѣ кончины Петра, и, впослѣдствіи, заодно съ своимъ пріятелемъ, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, и съ юнымъ поэтомъ Кантемиромъ, принималъ дѣятельное участіе въ переворотѣ, направленномъ противъ „верховниковъ“. Татищевымъ была написана записка, поданная по этому поводу въ Верховный Тайный Совѣтъ. Эта политическая дѣятельность выдвинула Татищева по службѣ; онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Астрахань, и оставался на этомъ постѣ до 1746 г., когда былъ вновь удаленъ со службы и даже отданъ подъ судъ [1]) по клеветѣ сильныхъ враговъ своихъ.

[1]) Какъ состоящій подъ судомъ, Татищевъ, по обычаю времени, содержался на домашнемъ арестѣ. Въ его домѣ жили и солдаты Сенатской роты. Только за день до своей кончины онъ былъ по суду оправданъ и награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Тогда же снятъ былъ и караулъ, бывшій въ его домѣ. Съ удивительною твердостью готовясь къ смерти, В. Н. Татищевъ успѣлъ еще написать императрицѣ благодарственное письмо и отослать обратно орденъ.

Послѣдніе четыре года жизни онъ провелъ въ своемъ имѣніи (с. Болдино, Клинскаго уѣзда, Московской губ.).

Мы сказали выше, что Петръ цѣнилъ достоинства Татищева, и мы убѣждены въ томъ, что Великій Преобразователь не могъ ихъ не цѣнить: Василій Никитичъ былъ прямымъ дѣтищемъ Петровской реформы, истиннымъ сыномъ своего времени. И нравственный типъ, и общее направленіе всей его дѣятельности, и разнообразный, эклектическій характеръ его образованія, и чрезвычайная многосторонность его практическихъ свѣдѣній, удобоприлагаемыхъ ко всякой спеціальности—все это было совершенно въ духѣ Петра, все это подходило къ тому идеалу русскаго человѣка и гражданина, къ какому стремился Петръ. Прибавьте къ этому натуру сурово-закаленную для самыхъ трудныхъ испытаній жизни, чрезвычайно подвижную и неутомимую въ дѣятельности, и умъ здравый, наблюдательный, острый, быстро обнимавшій всякую область изученія, и намъ станетъ понятно, что Петръ, при своей чрезвычайной проницательности, не могъ не оцѣнить такого полезнаго дѣятеля, тѣмъ болѣе, что этотъ дѣятель со страстью и безпримѣрнымъ усердьемъ посвящалъ всѣ досуги свои выполненію двухъ любимѣйшихъ задачъ Петра: работамъ надъ Русскою Исторіею и Русскою Географіею, которымъ онъ, по всей справедливости, придавалъ такое важное значеніе. Петръ и Татищевъ.

Ближайшимъ поводомъ къ занятіямъ Русскою Исторіею послужили для Татищева именно предварительныя занятія Русскою Географіею. Брюсъ сдѣлалъ Петру представленіе о необходимости составить подробную географію Россіи. Когда Петру вздумалось поручить это дѣло Брюсу, тотъ въ 1719 г. передалъ его Татищеву, который и принялся за дѣло весьма усердно. Уже въ слѣдующемъ году онъ говорилъ съ Петромъ о планѣ порученной ему русской географіи и о необходимости размежеванія Россіи, а также о составленіи общей карты Россіи. Планъ будущей географіи, задуманный Татищевымъ, былъ настолько обширенъ, что оказался невыполнимымъ при его силахъ и при наличныхъ научныхъ средствахъ. Географію Россіи онъ не написалъ, но зато собралъ по ней много матеріаловъ, а впослѣдствіи и новоучрежденную Академію Наукъ побудилъ собирать географическія свѣдѣнія и матерьялы по вопросамъ особой, имъ составленной и весьма подробной программы. Но при этихъ-то подготовительныхъ работахъ по географіи, Татищевъ, по его собственному признанію, почувствовалъ необходимость въ историческихъ свѣдѣніяхъ и, отложивъ на время занятія по географіи, принялся за собираніе матерьяловъ по Русской Исторіи. Занятія географіею.

Татищевъ историкъ.

Собиралъ онъ усердно и тщательно, роясь въ архивахъ и библіотекахъ, скупая рукописи и у частныхъ владѣльцевъ, и на торжищахъ, и собралъ (сверхъ того, что уже было извѣстно), большой запасъ лѣтописей [1]), хронографовъ, житій и разнаго рода сборниковъ. Въ 1739 г. трудъ его, составлявшій объемистую рукопись, былъ уже настолько готовъ, что онъ, привезя его въ Петербургъ, показывалъ многимъ, прося дополненій и указаній; но встрѣтился съ такимъ множествомъ противоположныхъ и противорѣчивыхъ мнѣній, что долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія ознакомить многихъ съ своимъ трудомъ въ рукописи. Ему пришлось даже оправдываться отъ укоровъ въ невѣріи и вольнодумствѣ, и прибѣгнуть къ суду высшей духовной власти—митрополиту Амвросію, который ничего не нашелъ зловреднаго въ его трудѣ и просилъ только о переправкѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ пунктовъ. Но все же эта первая попытка обнародованія историческаго труда, повидимому, поколебала въ Татищевѣ намѣреніе издать его въ свѣтъ—и, продолжая надъ нимъ работать до самой смерти своей, онъ все же не напечаталъ его. Не рѣшились напечатать и его наслѣдники, опасаясь толковъ о вольнодумномъ и антирелигіозномъ направленіи труда. Сынъ Татищева, Евграфъ Васильевичъ, подарилъ списокъ первыхъ трехъ томовъ отцовской „Россійской Исторіи" Московскому Университету, и здѣсь, по повелѣнію императрицы Екатерины II, эти три тома были изданы извѣстнымъ ученымъ знатокомъ русской исторіи Г. Ф. Миллеромъ [2]), между 1768—1774 гг. Въ предисловіи къ III тому, который оканчивается нашествіемъ Батыя, ученый издатель Татищевской исторіи заявилъ надежду на то, что найдутся, вѣроятно, со временемъ, списки съ послѣдующихъ томовъ этого труда. Дѣйствительно, отыскался и четвертый томъ, въ которомъ разсказъ былъ доведенъ до кончины Василія Темнаго; но списокъ этого тома былъ такъ небрежно составленъ, такъ неправиленъ, что Миллеръ отказался его печатать; однакоже, онъ былъ-таки напечатанъ въ 1784 г., въ С.-Петербургѣ. И только уже въ 1843 г. извѣстный русскій историкъ, М. П. Погодинъ, открылъ продолженіе Татищевскаго труда въ своей же собственной библіотекѣ, а именно—пятый и послѣдній томъ его исторіи, въ которомъ, впрочемъ, только царствованіе Іоанна III (по счету Татищева онъ Іоаннъ IV) изложено связно и подробно, а послѣдующія за-

[1]) Всѣхъ списковъ лѣтописей у него было собрано 11: одинъ изъ этихъ списковъ Петръ бралъ у него на время и возилъ съ собой въ Персидскій походъ.

[2]) Изданіе «Исторіи Россійской» производилось со списка, потому что подлинная рукопись, вмѣстѣ съ драгоцѣнною библіотекою Татищева, незадолго передъ тѣмъ сгорѣла во время пожара въ его имѣніи, с. Грибановѣ.

тѣмъ княженія и царствованія представляютъ лишь подборъ матерьяла по лѣтописямъ, заканчивающійся царствованіемъ Ѳеодора Іоанновича [1]).

Значеніе труда Татищева.

Само собой разумѣется, что историческій трудъ Татищева не могъ явиться связною, прагматическою исторіею Россіи съ древнѣйшихъ временъ, потому что и самый матерьялъ историческій не былъ еще для этого въ достаточной степени обработанъ. Связь между цѣлыми историческими эпохами, какъ и между отдѣльными историческими событіями, было еще не легко установить, такъ какъ они еще не были освѣщены критикой. Осторожный Татищевъ прекрасно понималъ всю трудность задачи, которую онъ на себя принялъ, и не пускался въ обширныя обсужденія и изслѣдованія отдѣльныхъ вопросовъ; онъ довольствовался изложеніемъ фактовъ по лѣтописи, въ той же хронологической послѣдовательности, а свои личные взгляды и свои мнѣнія (какъ, напримѣръ, извѣстное свое мнѣніе о происхожденіи Руси отъ финновъ) онъ рѣшался высказывать лишь въ примѣчаніяхъ. Однакоже, и факты лѣтописные онъ не списывалъ съ лѣтописи буквально, а вносилъ въ свой сводъ съ нѣкоторою критикою, иногда (въ особенности по отношенію Церковной Исторіи) даже довольно смѣлою. Притомъ Татищеву удалось найти новые, никому до него неизвѣстные памятники, напримѣръ, „Русскую Правду“ и „Судебникъ Іоанновъ“, и онъ эти памятники снабдилъ примѣчаніями и объясненіями, весьма важными по сближеніямъ съ фактами и явленіями бытовой жизни до-Петровской Руси.

По сравненію съ трудами предшествующими,—съ изложеніемъ исторіи дьяка Грибоѣдова, съ „Синопсисомъ“ Гизеля, съ „Ядромъ Россійской Исторіи“ Манкіева,—трудъ Татищева представляетъ собою очень крупное явленіе, смѣлый и важный шагъ впередъ. Это уже не рабское, неосмысленное повтореніе чьихъ-то чужихъ баснословныхъ вымысловъ, а вполнѣ разумное сопоставленіе въ хронологическомъ порядкѣ фактовъ, заимствованныхъ изъ лѣтописи, при чемъ авторъ критически взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ не только самые факты, но и тотъ источникъ, изъ котораго онъ эти факты заимствуетъ; предпочитая, напримѣръ, одну лѣтопись другой, онъ повсюду приводитъ въ оправданіе своего предпочтенія болѣе или менѣе вѣскіе доводы. Даже и въ самыхъ первыхъ строкахъ своего „Предъизвѣщенія“ къ исторіи, авторъ является передъ нами не прежнимъ наивнымъ повѣствователемъ, который все объясняетъ однимъ Божьимъ изволеніемъ или исходящими

---

[1]) Этотъ томъ былъ отдѣльно напечатанъ при чтеніяхъ Московской Общ. Исторіи «Древностей Россійскихъ», за 1848 г.

свыше наградами за добродѣтели и наказаніями за пороки людей; онъ говоритъ иное и говоритъ иначе, какъ человѣкъ, искусившійся не одной только богословской премудростью, но и знаніемъ современныхъ новѣйшихъ европейскихъ философовъ. „Ничто само собою, или безъ причины или внѣшняго дѣйствія, приключиться не можетъ; причины же всякому приключенію разныя, яко отъ Бога или отъ человѣка", говоритъ Татищевъ. И затѣмъ, приступая къ изложенію историческаго матеріала, онъ тутъ же, для любопытныхъ, желающихъ подробнѣе ознакомиться съ подобною историческою теоріею, ссылается на „физику и мораль господина Волфа", въ которой они могутъ найти для себя „достаточное изъясненіе". А такая теорія уже почти неуклонно приводитъ историка къ прагматизму, составляющему главную основу всякаго историческаго вѣдѣнья...

Сочиненіе Татищева.

Тотъ историческій трудъ, надъ которымъ Татищевъ трудился около тридцати лѣтъ и котораго, по выраженію Миллера, „толь жадно искусные исторической науки любители ожидали", достаточно характеризуетъ намъ личность автора, какъ умнаго, настойчиваго труженика, какъ человѣка сознательно относившагося къ нашему прошлому и постигавшаго пользу историческаго изученія, какъ одинъ изъ важныхъ элементовъ образованія. Но все же личность Татищева осталась бы для насъ нѣсколько темною, если бы кромѣ его *Исторіи Россійской* не сохранились намъ еще два другихъ его произведенія, столько же драгоцѣнныхъ для характеристики автора, сколько и для характеристики его времени. Произведенія эти: „*Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ*" и „*Духовное завѣщаніе сыну моему Евграфу Васильевичу*".

Въ первомъ изъ этихъ произведеній, въ діалогической формѣ, Татищевъ разбираетъ всѣ доводы *за* и *противъ* науки, выясняетъ свое мнѣніе о значеніи наукъ для жизни, распредѣляя ихъ на разряды и, наконецъ, въ краткомъ обзорѣ даетъ понятіе о состояніи современныхъ ему русскихъ училищъ. Въ „Завѣщаніи сыну" онъ невольно вскрываетъ передъ нами свой внутренній міръ, рисуетъ идеалъ человѣка и гражданина, даетъ цѣлый рядъ правилъ житейской мудрости и набрасываетъ передъ нами въ общихъ чертахъ типъ современнаго ему общественнаго дѣятеля, семьянина и хозяина. Это завѣщаніе особенно любопытно по сравненіи съ „Завѣщаніемъ" Посошкова, о которомъ мы уже говорили выше.

[1]) Самъ Татищевъ, въ сохранившихся спискахъ своего труда, нигдѣ не называетъ его «Исторіею», а «Лѣтописью».

Татищевъ о наукахъ.

Въ *„Разговорѣ о пользѣ наукъ“* Татищевъ, прежде всего, старается защитить науки и образованность отъ нападковъ невѣждъ и людей предубѣжденныхъ, утверждающихъ, что науки вредны и ведутъ къ погибели. Доказывая, что науки, напротивъ того, способствуютъ болѣе ясному и болѣе сознательному богопознанію, Татищевъ, въ то же время, какъ и Посошковъ, всѣми силами старается опровергнуть ложное мнѣніе, будто народъ слѣдуетъ держать въ невѣжествѣ и темнотѣ, чтобы „онъ былъ простѣе и къ правленію способнѣе“. Татищевъ на этотъ счетъ высказывается рѣзко и прямо, что онъ „радъ и крестьянъ имѣть умныхъ и ученыхъ“. Чрезвычайно любопытны его собственныя воззрѣнія на науки, отчасти выражающіяся въ томъ систематическомъ раздѣленіи наукъ, которое онъ допускаетъ: на *нужныя, полезныя, щегольскія, любопытныя* и *вредныя*. Къ *нужнымъ* наукамъ онъ относитъ: „домоводство, врачевство, Законъ Божій, умѣнье владѣть оружіемъ, логику и богословіе“. Петровскій реализмъ, требовавшій отъ каждаго, чтобы онъ былъ воиномъ и практикомъ, такъ и сквозитъ въ этой довольно-таки произвольной программѣ. Къ наукамъ *полезнымъ* Татищевъ относитъ: „письмо, грамматику, краснорѣчіе, иностранные языки, исторію, генеалогію, ботанику, анатомію, физику и химію“. Къ *щегольскимъ* наукамъ отнесены всѣ искусства и „волтижированье“. Къ *любопытнымъ*: „астрологія, физіогномика, хиромантія и алхимія“ и, наконецъ, къ *вреднымъ*: „гаданіе и волшебства всякаго рода“. Въ этомъ распредѣленіи нельзя не обратить вниманія на то, что еще понятіе о наукѣ смѣшивается съ понятіемъ объ искусствѣ и что образованнѣйшій представитель своего времени, знакомый съ сочиненіями Макіавелли, Бейля, Локка, Фонтенеля—еще не можетъ отрѣшиться отъ вѣрованья „въ волшебство и гаданье“. Не лишено значенія и то, что въ перечисленіи наукъ у Татищева видимъ мы *астрологію* въ числѣ наукъ *любопытныхъ*, но не видимъ еще *астрономіи*, хотя уже онъ различаетъ химію отъ алхиміи. Особенно важное значеніе, какъ и слѣдовало ожидать, Татищевъ придаетъ знанію языковъ иностранныхъ и совѣтуетъ для изученія ихъ. ѣздить за границу и не довольствоваться тѣмъ полузнаніемъ, которое пріобрѣтается въ Россіи, при плохомъ школьномъ или домашнемъ преподаваніи [2]).

Въ своемъ „духовномъ завѣщаніи“, Татищевъ отъ общихъ разсужденій о своей грѣховности и распоряженій о своихъ похо-

---

[1]) Астрономія, еще въ началѣ XVII вѣка, принадлежала, по мнѣнію нашихъ книжниковъ и представителей духовной власти, къ наукамъ запретнымъ.

[2]) О всѣхъ русскихъ школахъ своего времени,—высшихъ и низшихъ,—Татищевъ, какъ мы увидимъ далѣе, отзывается весьма неодобрительно.

ронахъ (которыя проситъ совершить „безъ всякихъ чиновъ и убранствъ, по закону христіанскому") переходитъ къ изложенію своего взгляда на жизнь, на различныя стороны воспитанія, на отношенія семейныя и общественныя, при чемъ отдѣльно разсматриваетъ всѣ роды службы: военную, гражданскую и придворную. Въ заключеніе даетъ сыну совѣты, какъ слѣдуетъ распорядиться состояніемъ, управлять дѣлами и имѣніями.

Татищевъ о воспитаніи.

Большое значеніе придаетъ Татищевъ въ своемъ „Завѣщаніи" религіозной сторонѣ воспитанія. Сыну своему онъ совѣтуетъ „сверхъ полученныхъ и воспринятыхъ имъ религіозныхъ наставленій, поучаться въ Законѣ Божьемъ день и нощь даже до старости: для сего нужно тебѣ со вниманіемъ читать письмо святое, т. е. библію и катехизисъ, а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоуста (сочиненія) главное мѣсто имѣютъ, Василія Великаго, Григорія Назіонзина, Аѳанасія Великаго и Ѳеофилакта Болгарскаго, а также печатныя, въ нынѣшнія времена, истолкованія десяти заповѣдей и блаженствъ, а также букварь или „*Юности честное зеркало*" за лучшее нравоученіе служить могутъ".

Въ этихъ указаніяхъ и совѣтахъ уже слышится вѣяніе новаго времени. Татищевъ, несмотря на всѣ взводимыя на него обвиненія въ вольнодумствѣ и невѣріи, оказывается, судя по его „Завѣщанію", человѣкомъ религіознымъ, хотя въ его религіозности проглядываетъ нѣкоторая доля раціонализма. Онъ вѣруетъ, но желаетъ вѣровать разумно и сознательно, и потому именно, рядомъ съ твореніями св. Отцовъ, рѣшается указывать сыну и на книги, изданныя въ новѣйшее время Прокоповичемъ, къ которымъ большинство духовенства относилось почти враждебно.

Отъ чтенія религіознаго переходя къ общему образованію, Татищевъ въ немъ придаетъ преобладающее значеніе занятію языками (преимущественно нѣмецкимъ), а также „ариѳметикой, геометріей, артиллеріей, фортификаціей и другими математическими науками".

Сверхъ того,—и это опять-таки черта новая и оригинальная,—какъ на важную часть образованія, Татищевъ указываетъ на необходимость изученія отечественныхъ законовъ не только по печатнымъ указамъ и уложеніямъ, но также и изъ бесѣдъ съ искусными въ законахъ людьми. Практикъ и дѣлецъ сказывается при этомъ въ совѣтѣ—изучать и „ябедническія коварства", чтобы при случаѣ умѣть отъ нихъ защититься.

Переходя къ вопросу объ обязанностяхъ семейныхъ, Татищевъ посвящаетъ нѣсколько прекрасныхъ, прочувствованныхъ строкъ необходимому почитанію родителей, и затѣмъ очень подробно говоритъ о выборѣ дѣвушки въ жены и объ отношеніяхъ

мужа къ женѣ. Главнѣйшими качествами жены Татищевъ признаетъ ея происхожденіе изъ хорошей семьи, „разумъ и здравіе"... „Посредственная красота и разность лѣтъ, или жена не менѣе десятью годами моложе къ сожитію есть лучшее". Новымъ духомъ вѣетъ и отъ взглядовъ Татищева на положеніе жены въ семьѣ. Мужу онъ совѣтуетъ болѣе всего избѣгать ревности и жестокости и постоянно помнить, что „жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница: во всемъ другомъ должна быть нелицемѣрнымъ: такъ и тебѣ съ ней должно быть"... Свои совѣты по части женитьбы Татищевъ завершаетъ слѣдующимъ оригинальнымъ замѣчаніемъ: „не дѣлай свадебной церемоніи пышной, чтобы не дѣлать изъ себя живой картинки, какъ мыши кота погребаютъ". Отъ обязанностей семейныхъ Татищевъ переходитъ къ обязанностямъ общественнымъ. Главною основою онъ полагаетъ вѣрность государю и ревностное отношеніе къ службѣ и, прежде всего. предостерегаетъ сына отъ всякаго участія въ какихъ-либо политическихъ переворотахъ. Затѣмъ, имѣя въ виду долгую, почти пожизненную службу дворянина въ Петровское время, онъ совѣтуетъ начинать со службы военной и ей отдавать раннюю молодость (между 18 и 25 годами) и только уже по вступленіи въ зрѣлый возрастъ приниматься за болѣе трудную во всѣхъ отношеніяхъ службу гражданскую[1]). Свои разсужденія о служебныхъ обязанностяхъ Татищевъ заканчиваетъ слѣдующимъ весьма характернымъ заключеніемъ: „никогда о себѣ не воображай, чтобы ты правительству столь много надобенъ былъ, что безъ тебя и обойтись невозможно; равно и о другихъ того не думай: знай, что таковыхъ людей Богъ въ свѣтъ не создалъ".

Татищевъ какъ гражданинъ.

До 50 лѣтъ дворянинъ обязанъ былъ служить, по мнѣнію Татищева, а послѣ этого возраста посвящать все свое время на хозяйственныя заботы по имѣнію, въ которомъ, получивъ отставку, дворянинъ поселяется. Къ чести Татищева должно приписать, что онъ выказываетъ много человѣчности въ своемъ взглядѣ на отношенія помѣщика къ крестьянамъ. Онъ заботится о томъ, чтобы „попъ въ селѣ былъ ученый, который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою (проповѣдью) къ совершенной добродѣтели крестьянъ довести могъ". Заботится онъ и о матерьяльныхъ нуждахъ крестьянъ: при имѣніи, по его мнѣнію, должны быть бани, больница, домашній лѣкарь и аптека. Все это необходимо для того, чтобы крестьяне не обращались „къ проклятымъ обманщикамъ, ворожеямъ, шептунамъ и колдунамъ". Помѣщикъ, сверхъ того, обязанъ озаботиться о призрѣніи си-

[1]) Къ службѣ придворной Татищевъ относится крайне непріязненно: «кромѣ повелѣнія монаршаго, никакъ сего чина не ищи», совѣтуетъ онъ сыну.

рыхъ и увѣчныхъ крестьянъ. Но зато и отъ крестьянъ, и отъ дворовыхъ онъ требуетъ постояннаго и усиленнаго труда и за праздность опредѣляетъ суровыя кары. Въ распредѣленіи хозяйственныхъ работъ, которыя Татищевъ подробно излагаетъ въ „Завѣщаніи", виденъ не только опытный и дѣятельный хозяинъ, но и практикъ, привыкшій всѣмъ пользоваться и постоянно помнящій свои интересы.

Свои наставленія и совѣты сыну Татищевъ заканчиваетъ однимъ общимъ выводомъ:

„Не тотъ богатъ, кто денегъ имѣетъ много и еще желаетъ, и не тотъ убогъ, кто ихъ имѣетъ мало, мало же сожалѣетъ о томъ и не желаетъ: а богатъ, славенъ и честенъ тотъ, кто можетъ по препорціи своего состоянія безъ долгу вѣкъ жить и честь свою тѣмъ хранить и быть судьбою довольнымъ,—роскошь презирать и скупость въ домъ не пускать".

Вообще, въ каждой строкѣ этого замѣчательнаго „Завѣщанія" отражается характерная личность типическаго представителя Петровскаго времени,—человѣка съ яснымъ, практическимъ умомъ и съ желѣзною волею, человѣка, много на своемъ вѣку видавшаго и испытавшаго, и готоваго къ испытаніямъ, какъ неизбѣжнымъ явленіямъ жизни... Но рядомъ съ этою типическою личностью автора, въ „Завѣщаніи" ясно отражается и тотъ несомнѣнный и усиленный прогрессъ общественной жизни русской, которая такъ быстро шагнула впередъ въ краткій періодъ первыхъ трехъ десятилѣтій прошлаго вѣка.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Исторія Академіи Наукъ въ первое время ея существованія.—Библіотека и кунсткамера.—Первыя основы Академіи.—Приглашеніе первыхъ академиковъ и ихъ дѣятельность.—Академическія торжества. Времена Бироновщины.—Академическое хозяйство.—Научная дѣятельность академиковъ въ первомъ періодѣ существованія Академіи Наукъ.

Выше уже видѣли мы, какъ зародилась у Петра мысль объ учрежденіи въ Россіи Академіи Наукъ; какъ онъ, по поводу этой мысли, вступалъ въ сношенія съ первѣйшими учеными знаменитостями европейскими, выслушивалъ ихъ мнѣнія и воззрѣнія на будущее ученое учрежденіе, и какъ, наконецъ, пришелъ къ своему, довольно оригинальному плану, который считалъ наиболѣе пригоднымъ для Россіи.

Первая публичная библіотека. Не мѣшаетъ, однакоже, припомнить, что ранѣе открытія Академіи въ новой Россійской столицѣ было положено основаніе двумъ важнымъ ученымъ учрежденіямъ, которыя потомъ вошли въ составъ Академіи Наукъ. Первое изъ нихъ была библіотека

(нынѣшняя академическая); второе—кунсткамера (нынѣшній академическій музей[1]). Эта нынѣшняя академическая, а попрежнему ея названію „петербургская“, библіотека, замѣчательна именно тѣмъ, что она была *первымъ въ Россіи книгохранилищемъ*, которое стало доступнымъ для общественнаго пользованія (съ 25 октября 1728 г.). Основою этому книгохранилищу послужили книги, конфискованныя въ разныхъ городахъ остзейскихъ провинцій во время великой Сѣверной войны. Книги эти складывались, по мѣрѣ накопленія, во дворцѣ, въ Лѣтнемъ саду. Затѣмъ сюда же, къ этому книжному фонду, стали прибавляться книги, получавшіяся съ разныхъ сторонъ. Такъ сюда поступили медицинскія книги изъ бывшаго въ Москвѣ при царяхъ Аптекарскаго Приказа; потомъ небольшая библіотека богословскихъ сочиненій, принадлежавшихъ несчастному царевичу Алексѣю Петровичу; книги Андрея Виніуса; богатая библіотека Арескина, любимаго медика Петра Великаго; библіотека, конфискованная вмѣстѣ съ остальнымъ имуществомъ у Шафирова — и затѣмъ уже въ составъ ея стали входить, въ видѣ пополненія, новыя пріобрѣтенія, закупаемыя за границей по спеціальному порученію царя.

Сообразно этому постепенному возрастанію библіотеки, она переносилась съ мѣста на мѣсто—сначала изъ дворца, въ Лѣтнемъ саду, въ обширныя палаты Александра Кикина, казненнаго по дѣлу царевича Алексѣя; а затѣмъ уже въ то зданіе, въ которомъ она помѣщается съ 1728 года и донынѣ, на Васильевскомъ Островѣ, у Дворцоваго моста. Надзоръ за библіотекой былъ порученъ Петромъ Великимъ его медику Арескину; а тотъ, въ 1714 г., велѣлъ привести эту библіотеку въ порядокъ своему секретарю, Іоанну Даніилу Шумахеру[2]), который, при помощи различныхъ связей и ухищреній, успѣлъ впослѣдствіи выйти въ люди, попасть сначала въ секретари Академіи, а потомъ въ совѣтники и директоры, и не мало вредилъ научнымъ интересамъ Академіи своими личными расчетами.

Первый публичный музей.

Точно такъ же, какъ и библіотека, постепенно создавалась и разросталась и *кунсткамера* будущій Музей Академіи. Это учрежденіе вначалѣ представляло собою нѣчто весьма туманное и неопредѣленное; зародилось оно просто, изъ страсти Петра къ собиранію разныхъ диковинокъ и рѣдкостей. Собираніе это и началось еще съ перваго путешествія юнаго царя по Европѣ, гдѣ онъ отчасти пріобрѣлъ, отчасти получилъ въ подарокъ рѣдкіе экземпляры птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ; къ этимъ коллекціямъ

[1]) Это старое названіе и до сихъ поръ сохранилось въ народѣ за Музеемъ Академіи Наукъ.

[2]) Онъ былъ женатъ на дочери придворнаго кухмистера Фельтена, котораго очень любили и Петръ, и Екатерина I.

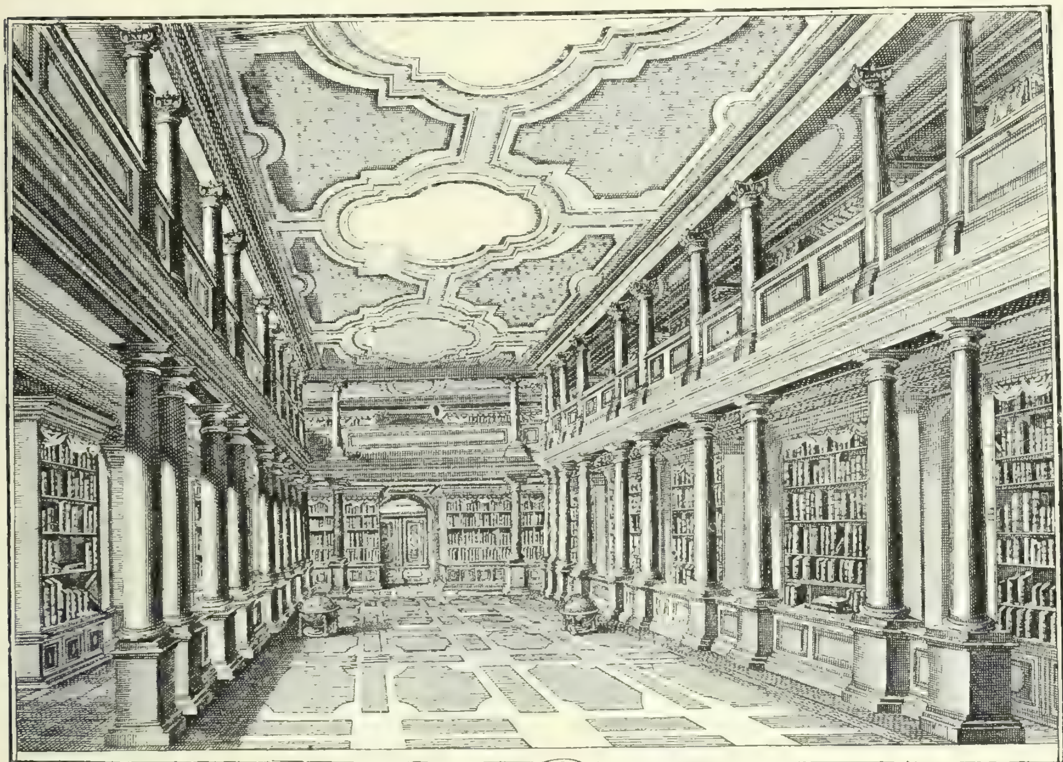
присоединена была перевезенная изъ Москвы коллекція уродцевъ и анатомическихъ препаратовъ московской царской аптеки. Въ 1714 г. царь закупилъ въ Копенгагенѣ и прислалъ въ Петербургъ цѣлый корабль всякихъ „раритетовъ". Все это хранилось сначала во дворцѣ, въ Лѣтнемъ Саду, потомъ въ двухъ каморкахъ Меньшиковскихъ палатъ; но коллекціи стали такъ быстро возрастать и въ количествѣ, и пріобрѣтать значеніе въ качественномъ отношеніи, что для нихъ потребовалось отвести особое помѣщеніе въ Шафировскихъ палатахъ, взятыхъ въ казну послѣ опалы этого временщика. Въ короткое время царь Петръ пріобрѣлъ въ Дан-

Общій видъ Академической библіотеки и Кунсткамеры (съ Невы), въ началѣ XVIII вѣка.

цигѣ, у дочери Готвальда, коллекцію минераловъ, раковинъ и рѣдкихъ камней, и въ Амстердамѣ (за 15,000 флориновъ) весьма извѣстное въ то время собраніе животныхъ, рыбъ, змѣй и насѣкомыхъ, составленное Себою. Потомъ, за 50,000 флориновъ—богатый анатомическій кабинетъ. По возвращеніи въ Россію изъ второго путешествія, царь издалъ очень важный указъ (13 февраля 1718 года), по которому всякіе „монстры, курьезы и раритеты" предписывалось присылать со всѣхъ концовъ Россіи въ Петербургъ. Въ числѣ тѣхъ же диковинокъ значились и „найденные въ землѣ или въ водѣ каменья необыкновенные, кости человѣческія или скотскія, старыя надписи на каменьяхъ, желѣзѣ или мѣди, старое необыкновенное оружье, посуда и прочее все, что зѣло старо и необыкновенно"... И за присылку всего этого назначены были опредѣленныя награды. Вскорѣ этотъ

странный, неопредѣленный и расплывчатый Музей разросся уже до такихъ размѣровъ, что для содержанія его въ порядкѣ, кромѣ Шумахера, „надсмотрителя всякихъ раритетовъ и натуралей", потребовался цѣлый штатъ служителей и довольно значительные расходы. Въ это время коллекціи кунсткамеры были уже настолько обширны и разнообразны, что возбуждали любопытство даже и въ иностранцахъ, посѣщавшихъ Петербургъ. Самъ Петръ посѣщалъ это учрежденіе очень часто и прилагалъ всевозможныя

Одна изъ залъ Академической библіотеки, по современной гравюрѣ, начала XVIII вѣка.

заботы къ его процвѣтанію. Чрезвычайно любопытною чертою времени представляются заботы Петра о томъ, чтобы въ публикѣ возбудить интересъ къ посѣщенію кунсткамеры; съ этою цѣлью онъ приказалъ, на казенный счетъ, *угощать посѣтителей кунсткамеры*, и въ виду этого, Шумахеру на угощеніе посѣтителей отпускалась особая сумма.

Три съ небольшимъ мѣсяца спустя послѣ кончины Петра Великаго, когда уже думали приступить къ открытію Академіи, по представленію перваго ея президента, къ тѣмъ домамъ, въ которыхъ помѣщались уже библіотека и кунсткамера, прибавили еще смежный домъ — бывшія палаты царицы Прасковьи Өеодоровны (въ нихъ и понынѣ помѣщается Академія Наукъ); сверхъ **Открытіе Академіи Наукъ.**

того, для помѣщенія приглашенныхъ въ Россію иностранныхъ академиковъ принаняты были еще дома у частныхъ владѣльцевъ, также на Васильевскомъ Острову.

Какъ уже намъ извѣстно, Петръ, еще при жизни своей, началъ обширную переписку о вызовѣ академиковъ изъ чужихъ краевъ и опредѣлилъ на содержаніе Академіи 24.912 р. таможенныхъ и иныхъ доходовъ, которые собирались съ городовъ: Дерпта, Нарвы, Пернова и Аренсбурга. Въ то же время начата была и обширная переписка о вызовѣ ученыхъ изъ Европы для занятія академическихъ каѳедръ при новоучрежденной Академіи. Однакоже, Петру не удалось довести начатое дѣло до конца. Екатерина I, тотчасъ по воцареніи, поспѣшила заявить черезъ русскихъ дипломатовъ и публикаціи въ иностранныхъ газетахъ, что она намѣрена довершить предпринятое Петромъ учрежденіе Академіи Наукъ. Лейбъ-медикъ покойнаго императора, *Блюментростъ*, назначенъ былъ новою императрицею въ президенты Академіи, и, пользуясь своимъ важнымъ значеніемъ при Дворѣ, задумалъ какъ можно лучше обставить и обезпечить Академію, ввѣренную его попеченіямъ. И дѣйствительно, заботливость его объ Академіи простиралась до того, что европейскіе ученые, начавшіе съѣзжаться въ Петербургъ со второй половины 1725 г., увидѣли себя совершенно обезпеченными во всѣхъ, даже и самыхъ мелочныхъ, нуждахъ. 15-го авг. 1725 г. вся ученая коллегія, по желанію императрицы, была ей представлена въ полномъ составѣ. Пріемъ происходилъ въ лѣтнемъ дворцѣ, и — по свидѣтельству одного изъ академиковъ — „даже и важнѣйшіе изъ посланниковъ не могли бы желать аудіенціи великолѣпнѣе и благосклоннѣе данной академикамъ“.

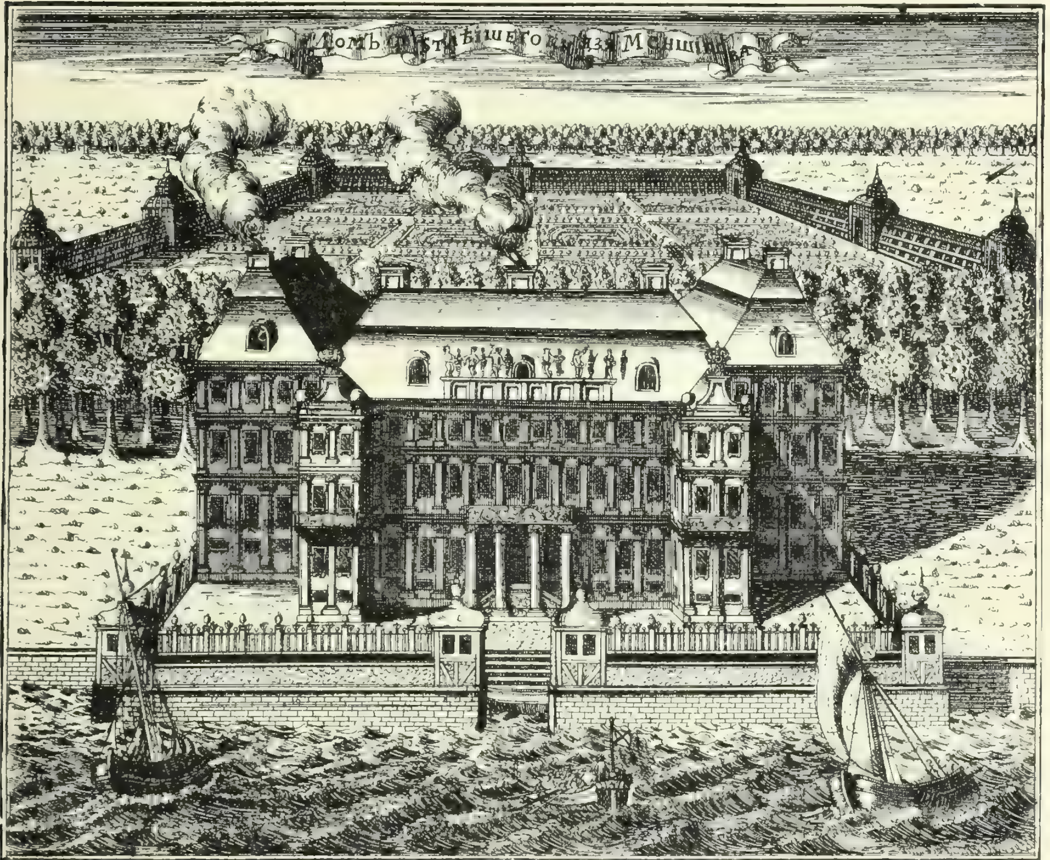
Первое засѣданіе Академіи.

Въ сентябрѣ 1725 г. Блюментростъ представлялъ императрицѣ на утвержденіе проектъ устава Академіи, составленный имъ совмѣстно съ академиками. Но уставъ не былъ утвержденъ, и это повело къ тому, что ученыя занятія и предпріятія академиковъ очутились въ рукахъ лицъ, заправлявшихъ академическимъ хозяйствомъ, что и должно было повести впослѣдствіи къ большимъ неурядицамъ и пререканіямъ. 12-го ноября того же года происходило первое ученое засѣданіе академическаго собранія, котораго протоколъ сохранился и до нашего времени; на 24-е ноября, день тезоименитства императрицы, назначено было первое торжественное засѣданіе Академіи. Но ледоходъ долго мѣшалъ выполненію этого замысла, и собраніе состоялось уже только 27-го декабря,[1]) въ Шафировскихъ палатахъ, въ присутствіи гер-

---

[1]) Затѣмъ оно неизмѣнно повторялось въ этотъ день до 1776 г., когда, по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея Академіи, императрица Екатерина II пожелала присутствовать на торжественномъ засѣданіи и назначила день его 29-го декабря. Съ той поры и донынѣ торжественныя засѣданія Академіи происходятъ въ это число мѣсяца декабря каждаго года.

цога Голштинскаго и всѣхъ высшихъ чиновъ Государства — духовныхъ, придворныхъ и гражданскихъ. Рѣчи говорены были академикомъ *Бильфингеромъ* — любимымъ ученикомъ и талантливымъ послѣдователемъ Хр. Вольфа, и академикомъ *Германомъ*, котораго такъ уважалъ Лейбницъ. На второмъ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ присутствовала (1-го авг. 1726 г.) сама императрица: для нея былъ принесенъ въ Шафировскія

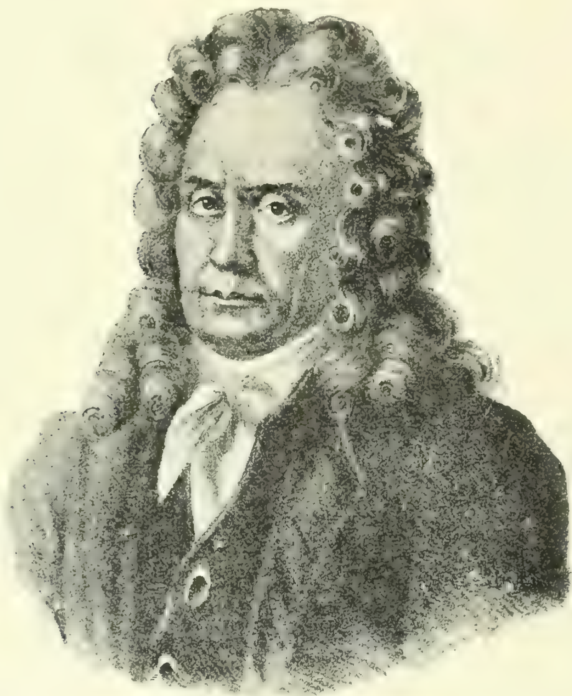

Меньшиковскія палаты, близъ Академіи Наукъ, по современному рисунку.

палаты [1]) изъ Сената Петровскій тронъ съ балдахиномъ; у входа въ Академію былъ поставленъ почетный караулъ, а на балконѣ — музыка, для встрѣчи высокоименитыхъ гостей. Академики встрѣтили императрицу на берегу, когда она съѣзжала съ баржи (мостовъ тогда на Невѣ не было). Входъ императрицы въ академическій залъ былъ встрѣченъ пѣніемъ кантаты, сочиненной академикомъ Бокенштейномъ. Академики размѣстились противъ

[1]) Шафировскія палаты—домъ бывшаго канцлера—стояли въ самомъ аристократическомъ мѣстѣ тогдашняго Петербурга—на Петербургской сторонѣ, близъ мыса Большой Невки.

трона, за особымъ полукруглымъ столомъ, а президентъ сталъ близъ трона, и къ нему, во время рѣчей, императрица обращалась за разъясненіями. Въ началѣ засѣданія академикъ Байеръ произнесъ похвальное слово Екатеринѣ I, которое, въ современной Германіи, почиталось образцомъ краснорѣчія. Затѣмъ, Германъ и Гольдбахъ говорили по-латыни краткія рѣчи по вопросамъ математическимъ. Торжество, по удаленіи императрицы, закончилось пиршествомъ, которое длилось всю ночь [1]).

Блюментростъ, первый президентъ Академіи Наукъ.

Тяжелыя времена Академіи.

Съ кончиною императрицы Екатерины I (6 мая 1727 г.), наступило для Академіи тягостное переходное время... Время сомнѣній и опасеній, вызванныхъ мрачнымъ историческимъ періодомъ, наступившимъ тогда для всей Россіи. Тогда въ Академіи явились и новые люди, и новые порядки, вызванные общественной неурядицей.

Въ первое время по кончинѣ императрицы Екатерины I, перемѣна въ положеніи Академіи была еще не очень чувствительна, хотя академики и съ большою неувѣренностью смотрѣли въ будущее. Однакоже, изъ среды Академіи былъ избранъ воспитатель къ юному Петру II, а нѣкоторымъ изъ академиковъ было поручено составить руководства для преподаванія наукъ императору. Притомъ, и въ средѣ академиковъ тогда еще господствовало полнѣйшее согласіе и единеніе.

Но послѣ паденія Меньшикова, и въ особенности въ то время, когда Петръ II съ Дворомъ отправился въ Москву, Академія

[1]) На первое торжественное собраніе Академіи (27 декабря 1726 г.) были разосланы петербургскому обществу приглашенія, напечатанныя по-латыни и по-русски. «Замѣчательно», говоритъ историкъ Академіи, «что только въ этотъ разъ Академіи приданъ былъ титулъ россійской», тогда какъ впослѣдствіи она уже постоянно называлась «петербургской», а названіе *россійской* (значительно позднѣе) присвоено было другому ученому учрежденію, какъ мы это увидимъ далѣе.

Наукъ увидѣла себя въ очень странномъ и неопредѣленномъ положеніи. Однимъ изъ весьма зловѣщихъ симптомовъ разложенія явилось то, что, прежде всего, опустѣла академическая гимназія: ученики, особенно изъ знатныхъ, уѣхали въ Москву съ семействами своихъ родителей, такъ какъ всѣ, кто только имѣлъ малѣйшую возможность покинуть всѣмъ ненавистный и неудобный Петербургъ, спѣшили воспользоваться первымъ случаемъ къ выѣзду изъ новой столицы. Нельзя не отмѣтить того любопытнаго факта, что академическая гимназія послѣ этого перваго удара, нанесеннаго ей отъѣздомъ Двора въ Москву, уже болѣе не поднималась [1]), и никогда не имѣла такого количества учениковъ, какъ въ первое время своего существованія. Другою большою невзгодою для Академіи было то, что ея президентъ, Блюментростъ, долженъ былъ послѣдовать за Дворомъ въ Москву, и Академія, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, была предоставлена на произволъ своего деспотическаго секретаря, Шумахера.

Академія очутилась безъ средствъ по очень простой причинѣ: сумма, назначенная отъ казны на ея содержаніе, въ отсутствіе Двора, не отпускалась вовсе. По этому случаю и жалованье академикамъ не выдавалось, и не было возможности покрывать даже и мелкіе расходы. Въ академическомъ архивѣ сохранились весьма любопытные документы изъ этого бѣдственнаго періода, въ теченіе котораго приходилось учрежденію прибѣгать къ всякаго рода ухищреніямъ для покрытія своихъ хозяйственныхъ нуждъ. Такъ, напр., 26 іюня 1729 г. въ журналѣ Академіи записано было такое постановленіе: „для необходимыхъ нетерпящихъ времени потребностей, также для покупки къ типографіямъ и къ словолитному дѣлу, и къ кузницѣ матеріаловъ, безъ коихъ пробыть невозможно,—взять у кого пристойно взаемъ, на счетъ академическій 500 рублей". Въ другой разъ, канцелярія Академіи должна была даже прямо прибѣгнуть къ обману—заняла желѣзо изъ бергъ-коллегіи, подъ предлогомъ его надобности для академическихъ построекъ, и потомъ распродавала сама это желѣзо въ частныя руки. Понятно, что Шумахеръ могъ въ это время (29 марта 1731 г.) писать къ Блюментросту въ Москву:

Безденежье Академіи.

„До сихъ поръ я утѣшеніями побуждалъ къ исполненію обязанностей и работъ, какъ академиковъ, такъ и прочихъ, зависящихъ отъ Академіи лицъ. Но теперь это уже невозможно: вслѣдствіе задержекъ въ полученіи денегъ, каждый недоволенъ и бранчивъ, и я, дѣйствительно, опасаюсь, что нельзя будетъ скоро

[1]) Мы увидимъ далѣе, что и во времена Ломоносова приходилось принимать всякія мѣры для пополненія комплекта учениковъ гимназіи.

поправить такое бѣдствіе, а также предупредить всеобщее возстаніе и полнѣйшее распаденіе Академіи"...

Безпорядки академическаго хозяйства.

Безпорядокъ академическаго хозяйства значительно увеличивался еще тѣмъ, что съ перваго же года ея существованія у нея ежегодно оказывался дефицитъ, постоянно возраставшій, и къ 1732 г. составлявшій уже весьма значительную по тому времени сумму въ 35.818 руб. Дефицитъ происходилъ оттого, что при Академіи заведено было много разныхъ вспомогательныхъ заведеній и мастерскихъ, стоившихъ очень дорого: большая типографія со словолитней, переплетная, мастерская для рѣзьбы на камняхъ, а позднѣе, еще и палаты гравировальная и рисовальная. На эти мастерскія уходило много денегъ, а между тѣмъ правленіе Академіи отказывало академикамъ въ покупкѣ необходимыхъ инструментовъ и въ заведеніи лабораторій. Академики, конечно, на это сѣтовали и жаловались, хотя, въ сущности, надо замѣтить, что академическія заведенія и мастерскія повліяли благодѣтельно на распространеніе въ Россіи разныхъ ремеслъ и даже цѣлыхъ отраслей промышленности [1]). Въ 1729 г. академики даже подавали прошеніе на имя императора Петра II, объясняя, что считаютъ для себя унизительнымъ распоряженіе президента, въ силу котораго онъ предоставилъ Академію (въ своемъ отсутствіи) въ распоряженіе Шумахера; они предлагали выбрать изъ своей среды директора и вторично ходатайствовали объ утвержденіи академическаго регламента. Прошеніе ихъ и на этотъ разъ было оставлено безъ вниманія, и ученая коллегія еще надолго предоставлена была въ распоряженіе чиновниковъ академической канцеляріи.

Хлопоты Блюментроста.

Блюментростъ, въ самомъ началѣ царствованья императрицы Анны Іоанновны, представлялъ ей, что необходимо немедленно уплатить долги Академіи и затѣмъ увеличить ея ежегодное содержаніе на 10.618 рублей. Академики, со своей стороны, представили „разсужденіе", въ которомъ было много дѣльныхъ замѣчаній, а сумма въ 10.618 руб. признавалась недостаточною для покрытія нуждъ Академіи, при которой не было еще ни обсерваторіи, ни физическаго кабинета, ни химической лабораторіи, ни анатомическаго театра. Но всѣ хлопоты Блюментроста и доводы академиковъ оставлены были безъ вниманія. Второму президенту

---

[1]) Достаточно припомнить здѣсь, что типографія Академіи (до самаго разрѣшенія учреждать подобныя заведенія частнымъ лицамъ) снабжала всѣ казенныя типографіи въ Россіи—станками, шрифтами и др. типографскими принадлежностями; что Академія образовала цѣлую школу весьма замѣчательныхъ русскихъ граверовъ; что на Петергофской академической шлифовальной мельницѣ обучались ученики, присланные изъ Екатеринбурга, гдѣ потомъ шлифованье камней такъ распространилось и доведено было до такого совершенства.

Академіи, барону *Герману фонъ-Кейзерлингу*—пользовавшемуся большимъ значеніемъ при Дворѣ — удалось только выхлопотать для Академіи единовременное пособіе въ 30.000 рублей на уплату долговъ; но этотъ президентъ оставался въ Академіи менѣе года и уступилъ мѣсто третьему президенту — барону *Корфу*, которому приданъ былъ странный титулъ „главнаго командира Академіи Наукъ" [1]).

Въ концѣ 1736 г. этотъ „главный командиръ" увидѣлъ себя вынужденнымъ напомнить правительству, что „ежели Академія скорой помощи не получитъ и не приведена будетъ въ надлежащее и опредѣленное состояніе, то имѣетъ она, безъ сомнѣнія, разрушиться, и толь многія тысячи, купно съ оною честью, которую Академія у иностранныхъ себѣ получила, пропадутъ безъ всякой пользы"... Не менѣе энергичны были представленія и слѣдующаго президента—*Бреверна*, который доказывалъ, что Академіи Наукъ слѣдуетъ ассигновать на содержаніе не менѣе 50.000 р. и, сверхъ того, уплатить ея долги. Но на всѣ подобныя заявленія правительство не обращало вниманія и довольствовалось только выдачею единовременныхъ пособій, которыя нимало не улучшали печальнаго положенія Академіи. Оно измѣнилось къ лучшему только тогда, когда на престолъ вступила императрица Елисавета, съ которой и начинается новый и лучшій періодъ въ исторіи Академіи Наукъ. Главный командиръ Академіи.

Послѣ этого краткаго обзора внѣшней исторіи Академіи за первый періодъ ея существованія, любопытно будетъ взглянуть на ученую дѣятельность Академіи въ тотъ же періодъ, соображая, конечно, эту дѣятельность съ окружавшею ученое общество дѣйствительностью.

При самомъ основаніи Академіи, Хр. Вольфъ не ожидалъ отъ учрежденія ея никакихъ полезныхъ результатовъ и писалъ откровенно Блюментросту, что для Россіи было бы полезнѣе, если бы въ Петербургѣ затѣяли учредить не Академію, а университетъ... „Тогда" — писалъ Вольфъ, — „и ученыхъ дѣятелей легче было бы отыскать для Россіи; а то съ новою Академіей можетъ, пожалуй, случиться то же, что съ берлинскою, которая въ ученомъ мірѣ извѣстна только по имени". Вызовъ иноземныхъ ученыхъ.

Но въ Петербургѣ твердо стояли на своемъ, и германскому философу оставалось только одно: озаботиться вызовомъ въ Россію ученыхъ людей, изъ которыхъ должна была составиться Академія. Вольфъ былъ въ этомъ выборѣ чрезвычайно строгъ и добросовѣстенъ, а потому и приглашенные имъ въ С.-Петербургъ

[1]) До какой степени новый президентъ былъ сторонникомъ канцеляризма въ Академіи, видно изъ того, что онъ распредѣлялъ ея бюджетъ такъ: на содержаніе канцеляріи—4.900 р., а на гимназію—3.840 р., на библіотеку и кунсткамеру—2.350 р. и т. д.

ученые — *Германъ*, *братья Бернулли*, *Бильфингеръ* — успѣли сразу дать ей прочное положеніе въ европейскомъ ученомъ мірѣ, гдѣ и „академическіе комментаріи“ (органъ Петербургской Академіи) были весьма благопріятно встрѣчены всѣми европейскими учеными. Благодаря этимъ первымъ академикамъ, въ новой Академіи установился настолько хорошій духъ и тонъ, какъ у корпораціи ученой, что даже и молодые ученые, приглашенные первыми членами Академіи въ качествѣ адъюнктовъ, быстро пріобрѣли себѣ трудами своими извѣстность въ ученомъ мірѣ. Таковы были, напримѣръ, *Эйлеръ*, *Мюллеръ*, *Гавенъ*, *Крафтъ*, *Вейтбрехтъ*. Каковъ именно былъ духъ, преобладавшій въ ученой академической коллегіи — это легко видѣть изъ слѣдующаго эпизода. Президентъ Блюментростъ, видя Академію въ нуждѣ, хотѣлъ вывести ее изъ этого затруднительнаго положенія, и въ этихъ видахъ придумалъ слѣдующее: побудить академиковъ, чтобы они просили Бирона принять на себя почетное званіе „протектора“ Академіи. Когда Шумахеръ получилъ письмо Блюментроста о протекторствѣ Бирона, то былъ вполнѣ увѣренъ, что академики не дерзнутъ отказаться отъ такого выгоднаго для нихъ предложенія; на этомъ основаніи, 29 ноября 1731 года, Шумахеръ поспѣшилъ увѣдомить президента, что академики въ восторгѣ отъ его предложенія и благадарятъ за хлопоты и старанія объ Академіи. По счастію, его усердіе оказалось слишкомъ поспѣшнымъ: академики не только не одобрили мысль Блюментроста, но и отказались подписать просительное письмо Бирону—и дѣло рухнуло, надѣлавъ не мало хлопотъ Шумахеру, которому пришлось хитрить и выдумывать разныя небылицы для того, чтобы какъ-нибудь вывернуться изъ неловкаго положенія.

Вліяніе академической канцеляріи.

Только уже подъ вліяніемъ вреднаго бюрократическаго давленія со стороны канцеляріи, пріобрѣтавшей среди неурядицы все болѣе и болѣе силы и значенія, выборъ въ члены Академической коллегіи сдѣлался менѣе строгимъ, и такъ какъ при этомъ выборѣ мнѣнія ученыхъ не спрашивали, то въ средѣ академиковъ явились и такія лица, которыя были въ состояніи только бойко писать нѣмецкіе стихи на иллюминаціи и фейерверки, и сочинять аллегоріи и надписи къ различнымъ придворнымъ торжествамъ, и ни къ какой научной дѣятельности не были пригодны. Таковы именно были академики *Штелинъ* и *Юнкеръ*. И чѣмъ болѣе канцелярскіе порядки усиливались и пріобрѣтали значенія въ Академіи, тѣмъ болѣе посредственностей и даже ничтожествъ являлось въ средѣ академической коллегіи: тутъ въ число академиковъ затесались и родственники Шумахера, по его протекціи, и люди, пользовавшіеся покровительствомъ сильныхъ міра сего, какъ, напримѣръ, *Штрубе-де-Пирмонъ*, секретарь Бирона, и *Ле-Руа*, учитель дѣтей этого временщика.

Неравенство наукъ въ Академіи.

Чрезвычайно любопытно то мнѣніе, которое историкъ Академіи высказываетъ въ объясненіе преобладанія нѣкоторыхъ наукъ надъ остальными въ академической научной дѣятельности. Быстрые успѣхи у насъ наукъ математическихъ академикъ Пекарскій объясняетъ не только тѣмъ, что геніальный Эйлеръ успѣлъ по себѣ оставить много даровитыхъ учениковъ, но еще гораздо болѣе тѣмъ, что эта отрасль знаній не стояла ни въ какомъ соотношеніи съ постепеннымъ и весьма медленнымъ развитіемъ у насъ идей политическихъ и религіозныхъ, которыя имѣютъ такое преобладающее (и часто такое подавляющее) значеніе въ наукахъ политическихъ и историческихъ. Тогдашній уровень общественнаго развитія не могъ благопріятствовать процвѣтанію этихъ наукъ, потому что въ обществѣ господствовала осторожность и подозрительность, побуждавшая смотрѣть на всякое научное открытіе, какъ на тайну, важную даже и въ смыслѣ государственномъ; притомъ, еще узкій и невѣжественный консерватизмъ побуждалъ общество къ охраненію утвердившихся, хотя бы и ложныхъ, убѣжденій и взглядовъ. Само собою разумѣется, что, при такомъ отношеніи къ научной дѣятельности, историческія и политическія науки должны были оставаться въ небреженіи и съ трудомъ подвигались впередъ... Для характеристики ученыхъ нравовъ описываемаго времени достаточно будетъ припомнить, напр., то, что самъ президентъ Академіи, баронъ Корфъ (21 февраля 1735 г.) приказалъ „въ государственную иностранныхъ дѣлъ, въ военную, адмиралтейскую и коммерцъ-коллегію — послать промеморію, и объявить, дабы изъ оныхъ коллегій... разныя описанія, извѣстія, книги, ландкарты и прочее по вопросамъ Академіи Наукъ профессорамъ и адъюнктамъ *ни подъ какимъ видомъ отпущены бы не были*“. Не мѣшаетъ припомнить и то, что рѣчь академика Делиля, въ которой положительно разрѣшался вопросъ о движеніи земли, нашли невозможнымъ напечатать даже и въ 1728 г., да, сверхъ того, обвинили этого академика въ неблагонамѣренности за́ сообщеніе его астрономическихъ наблюденій заграничнымъ ученымъ. Дѣло объ этомъ доходило даже до Сената.

Воззрѣнія на Русскую Исторію.

Не менѣе характеренъ и слѣдующій фактъ, приводимый историкомъ Академіи изъ біографіи Мюллера (исторіографа). Занимаясь собираніемъ матерьяловъ по Русской Исторіи, Мюллеръ, между прочимъ, далъ на нѣкоторое время своему знакомцу, Крёкшину, рукописную тетрадь съ выписками изъ иностранныхъ писателей, писавшихъ о Россіи. Въ этихъ выпискахъ говорилось и о томъ, какъ наши великіе князья вынуждены были унижаться передъ татарами. Заполучивъ въ руки злосчастную тетрадь, „знакомецъ“ Мюллера счелъ долгомъ подать доносъ на академика, и въ этомъ доносѣ обвинилъ его по второму пункту — т. е. „въ оскорбленіи величества“.

Едва ли не еще болѣе любопытно и то, что когда Академія Наукъ задумала-было печатать древніе россійскіе хронографы и сообщила о своемъ намѣреніи Сенату, прося на печатаніе хронографовъ разрѣшенія, Сенатъ не рѣшился дать прямой отвѣтъ отъ себя, а препроводилъ ходатайство Академіи на заключеніе Сvнода; и вотъ какое тамъ по этому поводу состоялось курьезное опредѣленіе:

„Разсужденіе было, что въ Академіи затѣваютъ исторіи печатать, въ чемъ бумагу и прочій коштъ терять будутъ напрасно, понеже въ оныхъ исторіяхъ писаны лжи явныя“... „Изъ приложеннаго для аппробаціи видится, что томовъ тѣхъ исторій будетъ много, и—если напечатаны будутъ—безнадежно, чтобы многіе были къ покупкѣ того охотники. Безнадежно, понеже и штиль единъ воспящать будетъ. А хотя бы нѣкоторые къ покупкѣ охоту и возымѣли, то, первому тȯму покупку учиня, до послѣдующихъ томовъ весьма не приступятъ: того ради не безопасно, дабы не принеслось отъ того казенному капиталу какова ущерба“.

Неудивительно, что при такихъ и подобныхъ условіяхъ Мюллеру не удалось при жизни воспользоваться своимъ громаднымъ и драгоцѣннымъ собраніемъ матеріаловъ по Русской Исторіи, такъ что значительная доля его портфелей не исчерпана еще и до сихъ поръ.

Съ дальнѣйшею исторіею Академіи, въ царствованіе Елисаветы, мы ознакомимся въ послѣдующихъ главахъ нашей книги, въ изложеніи біографій Тредіаковскаго и Ломоносова,—въ особенности послѣдняго, неразрывными узами связаннаго съ ученою дѣятельностью и съ общественнымъ значеніемъ Академіи Наукъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Понятіе о поэзіи въ Петровское время. — Піитика, какъ наука и какъ составная часть обученія. — Кантемиръ. — Біографическія свѣдѣнія о немъ. — Его піитическая дѣятельность и значеніе его сатиръ.

Татищевъ, въ своемъ „*Разговорѣ о пользѣ наукъ*“, въ извѣстномъ распредѣленіи наукъ по отдѣламъ, отнесъ всѣ искусства, а въ томъ числѣ и поэзію—къ наукамъ „*щегольскимъ*“, т. е. такимъ, которыя хотя и ни на что не нужны, но, впрочемъ, могутъ служить забавою и пріятною роскошью, украшеніемъ жизни. Есть полное основаніе думать, что Татищевъ, въ данномъ случаѣ, повторялъ мнѣнія весьма многихъ своихъ современниковъ, и въ томъ числѣ самого Петра, который, вѣроятно, тоже видѣлъ въ поэзіи не болѣе, какъ забавную игрушку, и потому не придавалъ ей никакого серьезнаго значенія. Онъ принималъ весьма благосклонно подносимыя ему, по разнымъ случаямъ, поздрави-

тельныя и привѣтственныя вирши, но едва ли можно привесть такой случай, когда бы онъ за такое подношеніе награждалъ подносителя, какъ онъ награждалъ, напр., проповѣдниковъ за удачно сказанную и понравившуюся ему проповѣдь.

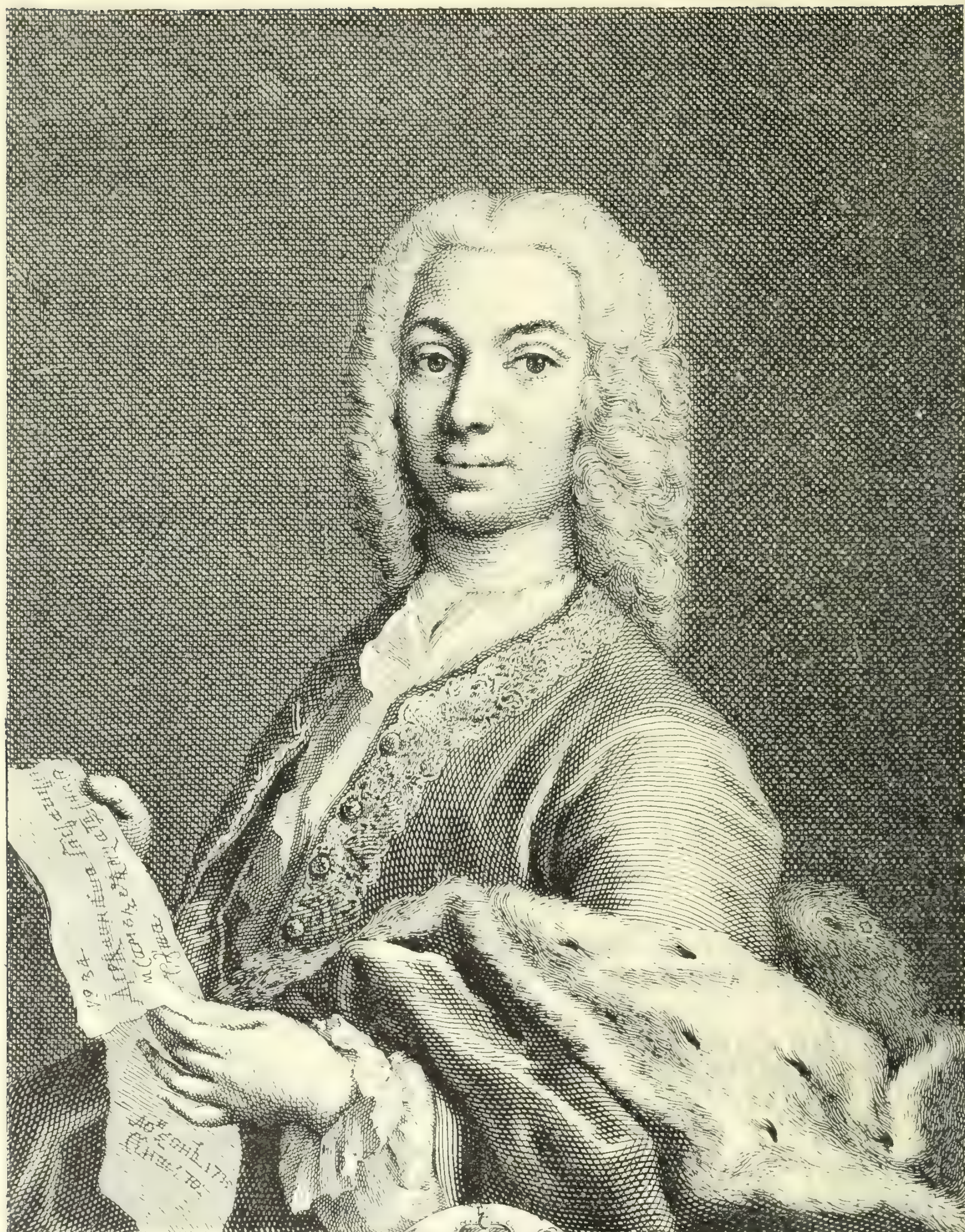
Чрезвычайно любопытно намъ, въ настоящее время, при нашихъ нынѣшнихъ воззрѣніяхъ на поэзію, представить себѣ тотъ періодъ въ умственной жизни нашего общества, когда понятія: *поэзія*, *поэтъ* — не существовали; когда стихотворство (вѣрнѣе—*виршеслагательство*) представлялось чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ поэзіи и независимымъ отъ вдохновенія—результатомъ извѣстнаго обученія, которое входило въ кругъ школьнаго преподаванія и считалось необходимою принадлежностью школьной науки. Такъ смотрѣли у насъ на это дѣло передовые, образованнѣйшіе люди въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, и Θеофанъ Прокоповичъ съ полнымъ сознаніемъ внесъ въ „чинъ ученія“ проектируемой имъ высшей духовной школы, противъ четвертаго класса: „реторику купно или раздѣльно съ *стихотворнымъ ученіемъ*“. На основаніи этихъ воззрѣній, стихи (или вирши) могли писать всѣ, нимало не претендуя на высокое назначеніе поэта; и всѣ, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, умѣли писать стихи, т. е. слагать слова въ форму силлабической строки; и высшіе представители духовенства писали стихи очень охотно:—писалъ ихъ и Стефанъ Яворскій, и Θеофилъ Кроликъ, и самъ Θеофанъ Прокоповичъ, и многіе другіе, не придавая никакого значенія тому, что писали стихи, и влагая въ стихотворную форму лишь самое обыденное, вполнѣ прозаическое содержаніе. Но вотъ, уже при первыхъ преемникахъ Петра, явился человѣкъ, который еще съ ранней юности почувствовалъ въ себѣ призваніе и расположеніе къ стихотворству, и въ неуклюжую форму силлабическаго стиха сталъ влагать вполнѣ-осмысленное содержаніе своихъ наблюденій надъ современною русскою жизнью, стараясь нѣсколько прикрасить ихъ подражаніями хорошо-знакомымъ ему латинскимъ и французскимъ классикамъ. Этотъ первый русскій стихотворецъ, уже заявлявшій нѣкоторыя болѣе или менѣе основательныя притязанія на поэтическое творчество — былъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Стихотворство.

Князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ (род. 1708, ум. 1744 г.) былъ сынъ молдавскаго господаря Кантемира, который перешелъ на сторону Петра во время несчастнаго Прутскаго похода, и затѣмъ вынужденъ былъ бѣжать въ Россію и принять русское подданство.

Кантемиръ. Біографія.

Дмитрій Кантемиръ, по отзывомъ Петра, былъ человѣкъ разумный, и не только образованный, но даже ученый. Кромѣ другихъ языковъ, онъ зналъ еще персидскій и арабскій, и оказалъ

ANTIOCHUS Prince CANTEMIR Ministre
Plenipo.t De l'Imperatrice de touttes les Russies
aupres du Roi de la Grande Bretagne.

Портретъ Кантемира работы Амиконп, гравированный Вагнеромъ, въ Лондонѣ.

весьма существенную помощь Петру въ сношеніяхъ съ Востокомъ. Мать Антіоха Кантемира, первая супруга Дмитрія Кантемира, гречанка изъ царственнаго рода Кантакузеновъ, была женщина замѣчательнаго ума и также прекрасно образована. На ней и лежали всѣ заботы о дѣтяхъ, и помощникомъ ея былъ ученый грекъ-священникъ, который замѣнялъ наставника при дѣтяхъ, обучая ихъ греческому, латинскому и итальянскому языкамъ.

При такихъ условіяхъ и заботахъ родителей о дѣтяхъ, никого, конечно, не можетъ удивить раннее развитіе Антіоха Кантемира, который уже на десятомъ году настолько хорошо владѣлъ древними языками, что сказалъ однажды, въ присутствіи Петра, похвальное слово св. Дмитрію Солунскому на греческомъ языкѣ. Это происходило въ церкви, при Московской академіи, гдѣ Антіохъ нѣкоторое время обучался, во время пребыванія его отца въ Москвѣ.

Но вскорѣ послѣ того умерла мать-гречанка, грекъ-священникъ, бывшій въ домѣ Кантемировъ наставникомъ, былъ взятъ Петромъ на службу, въ переводчики, и вся семья перебралась въ Петербургъ изъ Москвы, послѣ второй женитьбы князя Дмитрія Кантемира. Грека-наставника замѣнилъ русскій воспитатель, *Иванъ Ильинскій*, воспитанникъ Московской академіи. Этотъ новый воспитатель, самъ занимавшійся литературными опытами и пристрастный къ виршамъ, вѣроятно, въ значительной степени способствовалъ тому, чтобы и въ воспитанникѣ своемъ развить тѣ же наклонности и пристрастія.

Въ 1724 году, шестнадцати-лѣтній Антіохъ Кантемиръ, въ то время уже потерявшій отца, обратился къ царю Петру со слѣдующимъ прошеніемъ:

„Крайнее желаніе имѣю учиться и склонность въ себѣ усмотряю черезъ латинскій языкъ снискать науки, а именно: знаніе исторіи древнія и новыя, и географіи, и юриспруденціи, и что къ стату политическому надлежитъ. Имѣю паки и къ математическимъ наукамъ не малую охоту, также между дѣлъ и къ миняттюрѣ. Но понеже вышепомянутыя науки, какъ рачительно снискиваются, такъ и удобнѣе пріобрѣтаются въ знаменитыхъ окрестныхъ государствъ академіяхъ — требуется къ нѣколико-лѣтнему тамъ пребыванію и денежное иждивеніе; а сиротство мое и крайній въ деньгахъ недостатокъ сами собою Вашему Императорскому Величеству довольно вѣдомы суть; того ради прошу хотя малое что на тамошнее иждивеніе пожаловать.“

Мы рѣшительно не знаемъ, почему Петръ не исполнилъ просьбу молодого Кантемира, хотя просьба эта, вѣроятно, была

ему весьма пріятна [1]). Можетъ быть, онъ только не успѣлъ исполнить его желанія? Какъ бы то ни было, но юношѣ Кантемиру пришлось пополнять пробѣлы своего образованія у первыхъ академиковъ, пріѣхавшихъ въ Россію: при своемъ знаніи иностранныхъ языковъ онъ былъ для нихъ самымъ подходящимъ ученикомъ. А черезъ два года мы видимъ, что 18-ти-лѣтній Кантемиръ уже издаетъ въ свѣтъ свой первый литературный опытъ: „*Симфонію на Псалтирь*". Опытъ, вѣроятно, былъ далеко не самостоятельнымъ, потому что, сколько извѣстно, уже и наставникъ его, Иванъ Ильинскій, занимался составленіемъ подобной же симфоніи на Четвероевангеліе и Дѣянія Апостольскія: его примѣръ завлекъ и юношу Кантемира къ подражанію.

Первый опытъ поэзіи.

Вѣроятно, этотъ первый опытъ обратилъ на юношу вниманіе главнаго цѣнителя и покровителя наукъ и литературы въ Петрово время—Ѳеофана Прокоповича. Если онъ и не былъ до того времени знакомъ съ семьею Кантемировъ (что едва ли возможно предположить), то появленіе въ свѣтъ „Симфоніи" тотчасъ же дало ему право на вступленіе въ кружокъ Ѳеофана, на знакомство съ этимъ обворожительно-любезнымъ и чрезвычайно умнымъ человѣкомъ. Это знакомство, несомнѣнно, имѣло важное значеніе въ жизни Кантемира и повліяло въ значительной степени на развитіе его литературной дѣятельности.

Кантемиръ и Ѳеофанъ.

Вскорѣ послѣ напечатанія „Симфоніи", Кантемиръ (все еще несовершеннолѣтній) поступилъ на службу въ Преображенскій полкъ, въ ожиданіи того времени, когда большое состояніе его отца (около 10.000 душъ крестьянъ) будетъ, по его завѣщанію, раздѣлено между всѣми членами семьи Дмитрія Кантемира. Послѣдующіе четыре года его жизни чрезвычайно важны въ его біографіи; пережитое поэтомъ за это время оказало рѣшающее вліяніе на его дальнѣйшую судьбу, почему намъ и придется войти въ нѣкоторыя біографическія подробности, знаніе которыхъ необходимо для уясненія произведеній Кантемира и его служебной карьеры. Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что Кантемиръ въ эти четыре года успѣлъ вполнѣ освоиться съ кружкомъ Ѳеофана и тѣсно сблизиться съ В. Н. Татищевымъ. Ловкій и умный Ѳеофанъ сумѣлъ обворожить юношу и воспользоваться его талантомъ для своихъ видовъ. Поощряя его къ литературнымъ занятіямъ, онъ въ то же время сроднилъ его со своими идеалами и вовлекъ въ борьбу партій, сблизивъ его со своими друзьями и вооруживъ противъ своихъ враговъ. Если бы мы не знали объ

[1]) Это тѣмъ болѣе странно, что, переселяясь въ Россію, Дм. Кантемиръ выговорилъ себѣ нѣкоторыя особыя права и, между прочимъ, дозволеніе—«Сыновей послать для наукъ въ знатные города и иныя христіанскія страны». Объ Антіохѣ просилъ онъ въ томъ же смыслѣ Петра незадолго до смерти.

этомъ сильномъ, преобладающемъ вліяніи „дивнаго первосвященника“ [1]), то намъ было бы рѣшительно непонятно, какимъ образомъ, въ первомъ же своемъ произведеніи, Кантемиръ (которому въ то время шелъ 21-й годъ), могъ дословно повторить идеи Прокоповича и выставлять на посмѣяніе всѣмъ ясно-обрисованные типы [2]) Ѳеофановыхъ враговъ.

По содержанію первыхъ пяти-шести сатиръ, написанныхъ Кантемиромъ до 1731 г., т. е. до отъѣзда за границу, ихъ нельзя не считать навѣянными ему нравственнымъ вліяніемъ кружка Ѳеофанова и самого Ѳеофана, такъ какъ мы не можемъ себѣ представить, чтобы двадцатилѣтній юноша могъ дѣйствительно такъ твердо и сознательно вѣрить въ идеалы. въ нихъ выраженные, и обладать такою наблюдательностью, которая бы могла уже совершенно опредѣленно и ясно намѣчать ему типы Критоновъ и Хризипповъ, Клеарховъ и Лонгиновъ.

Критически-настроенный умъ, долгая житейская опытность и все осмѣивающая, безпощадная сатира Ѳеофана такъ и сквозятъ въ произведеніяхъ юноши-Кантемира. И если онъ самъ сознается въ томъ, что онъ „въ сочиненіи своихъ сатиръ, наипаче Горацію и Буалу—французу послѣдовалъ“ и „многое отъ нихъ занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ“—то мы замѣтимъ, что и на подражаніе имъ и, на „присвоеніе“ (т. е. приспособленіе) къ нимъ русскихъ чертъ жизни и нравовъ онъ, вѣроятно, былъ наведенъ тѣмъ же „дивнымъ первосвященникомъ“, который, конечно, зналъ классиковъ получше Кантемира и, свободно цитируя ихъ на память, легко могъ указывать юношѣ-поэту на удобства сопоставленій и сравненій съ русскою жизнью и дѣйствительностью.

Призрѣвъ и обласкавъ талантливаго юношу, Ѳеофанъ, конечно, могъ его и увлечь, и поощрить къ дѣятельности литературной и — подмѣтивъ особенности склада его ума и таланта — даже преимущественно направить его на сатиру; но этимъ вліяніемъ никакъ еще нельзя объяснить того чрезвычайно-курьезнаго историческаго факта, что юноша-Кантемиръ является однимъ изъ важныхъ участниковъ въ извѣстномъ переворотѣ 1730 г., опрокинувшемъ всѣ замыслы „верховниковъ“... Адресъ „шляхетства“, поданный императрицѣ, былъ написанъ юношей-Кантемиромъ и старымъ, опытнымъ дѣльцомъ В. Н. Татищевымъ. Но этотъ фактъ поясняется намъ, въ значительной степени, тѣми личными огорченіями, которыя молодому поэту пришлось испы-

---

1) Такъ называетъ Кантемиръ Ѳеофана въ своемъ обращеніи къ нему въ III-ей сатирѣ.

2) Въ первой сатирѣ «На хулящихъ ученіе», между прочимъ, выведенъ, подъ именемъ Критона, личный врагъ Прокоповича, Георгій Дашковъ, архіерей ростовскій.

тать отъ одного изъ „верховниковъ“ [1]). Эти личныя огорченія и жестокая несправедливость, лишившая Кантемира всего состоянія, должны были озлобить его и способствовали тому, что онъ пошелъ противъ верховниковъ, рука объ руку съ Ѳеофаномъ, Татищевымъ и ихъ партіей, преслѣдовавшими свои цѣли и виды.

Этотъ шагъ опредѣлилъ дальнѣйшую служебную и общественную карьеру Кантемира, которому возвращена была нѣкоторая доля его состоянія; а затѣмъ, при могущественномъ содѣйствіи всесильнаго въ то время при дворѣ князя Черкасскаго, двадцатидвухъ-лѣтній Кантемиръ былъ назначенъ русскимъ резидентомъ въ Лондонъ.

Другой портретъ Кантемира, также работы Амикони, гравированный Базаномъ.

Первая сатира.

Первая сатира Кантемира: „Къ уму своему“ или „на хулящихъ ученіе“, переполненная слишкомъ ясными намеками на современную реакцію, наступившую послѣ смерти Петра и Екатерины I, и даже личностями, конечно, писалась не для печати, и не могла быть напечатана въ свое время. Распространилась она въ видѣ рукописей и притомъ, вѣроятно, въ нѣсколькихъ спискахъ, *безъ имени автора*, какъ это можно видѣть изъ того стихотворнаго привѣтствія, которымъ встрѣтилъ эту сатиру Ѳ. Прокоповичъ, писавшій:

[1]) Братъ Антіоха Кантемира, Константинъ, женился на дочери одного изъ верховниковъ, Дм. Мих. Голицына, и воспользовался своими новыми родственными связями, чтобы присвоить себѣ всѣ имѣнія отца, обездоливъ всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ.

«*Не знаю, кто ты*, пророче рогатый? [1])
Знаю, коликой достоинъ ты славы.
Да на что же имя было укрывати?
Знать, тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ три краты,
Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ столь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
Ты, и безъ счастья, довольно счастливый.» [2])

Здѣсь это „не знаю, кто ты"—конечно, только риторическая прикраса. Ѳеофанъ, несомнѣнно, зналъ, что Кантемиръ былъ авторомъ этой первой сатиры, какъ онъ же былъ авторомъ и остальныхъ пяти-шести сатиръ, написанныхъ впослѣдствіи, до отъѣзда въ Лондонъ; но онъ долженъ былъ прикинуться незнающимъ. Полагаемъ, что вскорѣ послѣ написанія первыхъ двухъ-трехъ сатиръ, и не одинъ Ѳеофанъ, а и очень многіе въ петербургскомъ образованномъ обществѣ узнали о молодомъ авторѣ, который, являясь такимъ остроумнымъ стихотворцемъ въ самомъ юномъ возрастѣ, долженъ былъ представлять собою нѣкоторую диковинку въ ту пору великой скудости въ какихъ бы то ни было литературныхъ талантахъ.

Въ первой сатирѣ, изложенной въ подражаніе одной изъ сатиръ Ювенала въ формѣ діалога, авторъ, обращаясь къ „уму своему", съ горечью высказываетъ ту мысль, что современное ему общество не нуждается въ занятіяхъ наукою и искусствами, такъ какъ въ средѣ его есть много иныхъ путей къ славѣ. И затѣмъ выводитъ отдѣльные типы представителей современнаго ему общества, подъ вымышленными именами Критона, Сильвана, Луки и Медора. Каждаго изъ нихъ онъ побуждаетъ высказывать взгляды на науку и образованность съ ихъ личной точки зрѣнія. Такъ Ханжа Критонъ говоритъ въ его сатирѣ:

«Расколы и ереси науки суть дѣти.
Больше вретъ, кому дано больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ...»

Скряга Сильванъ приводитъ другой доводъ противъ науки:

«Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ.
Живали мы, прежъ сего, не зная латини,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ.»

Веселый гуляка Лука недоволенъ наукою потому, что

«Наука содружество людей разрушаетъ...»

—отвлекаетъ людей отъ пировъ и веселья, а ему бы хотѣлось:

---

[1]) Рогатый, здѣсь, въ смыслѣ: бодливый, острый.

[2]) Другое привѣтствіе, писанное латинскими стихами, было получено, за ту же сатиру, Кантемиромъ отъ Новоспасскаго архимандрита Ѳеофила Кролика, также принадлежавшаго къ кружку Ѳеофана.

«Въ весельи, въ пирахъ... жизнь провождати;
И такъ она не долга — на что-жъ коротати?»

Щеголь Медоръ:

«...тужитъ, что черезъ чуръ бумаги много исходитъ
На письмо, на печать книгъ; а ему приходитъ,
Что не въ чѣмъ уже завернуть завитыя кудри...»

Перебравъ нѣсколько такихъ типовъ, авторъ приходитъ въ заключеніе къ убѣжденію, что живетъ въ такой вѣкъ, въ теченіе котораго „*невѣжество*“ уже сѣло мѣстомъ „*выше*“ науки... Оно гордо ходитъ и подъ митрою, и въ шитомъ (придворномъ) платьѣ, и за краснымъ сукномъ судитъ, и полки водитъ...

И при этомъ все кричитъ:

«...никакой плодъ не видимъ съ науки;
Ученыхъ хоть головъ полна, пусты руки».

А потому авторъ и проситъ „свой умъ“ успокоиться, и въ такой вѣкъ, неблагопріятный наукѣ и образованности, не побуждать его „руки къ перу“.

Вторая сатира

Во второй сатирѣ, извѣстной подъ заглавіемъ „Филаретъ и Евгеній, или на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“, Кантемиръ осмѣиваетъ дворянскую спесь и притязанія дворянъ на полученіе высокихъ должностей безъ всякаго труда, по однѣмъ заслугамъ предковъ. Въ то же время онъ, конечно, горячо отстаиваетъ введенную Петромъ „табель о рангахъ“, которая, полагая предѣлъ сословнымъ притязаніямъ, открывала путь талантливымъ людямъ изъ низшихъ слоевъ общества къ высшимъ должностямъ государственной службы.

Третья сатира „о различіи страстей человѣческихъ“, посвящена Ѳеофану Прокоповичу, къ которому авторъ обращается съ первыхъ же строкъ за разрѣшеніемъ труднаго вопроса:

«Скажи мнѣ — можешь бо ты — всѣмъ всякаго рода
Людямъ, давши тѣло тожъ и въ немъ духъ, природа, —
Она-ли имъ разныя надѣлила страсти,
Которыя одолѣть уже не въ ихъ власти,
Или другой ключъ тому ручью искать нужно?»

За этимъ обращеніемъ слѣдуетъ, какъ и въ первой сатирѣ, рядъ типовъ, взятыхъ изъ современной дѣйствительности — можетъ-быть, даже и портретовъ, заимствованныхъ изъ современности? Между ними особенно рѣзко выступаютъ на первый планъ типы: скупца Хризиппа, мота Клеарха, лицемѣра Варлаама и гордеца Иркана. Самъ Кантемиръ указываетъ на то, что въ этой сатирѣ у него есть и подражанія, и заимствованія отчасти Лабрюеру, отчасти Ювеналу и Горацію.

Болѣе оригинальна четвертая сатира „Къ музѣ своей“ или

„объ опасности сатирическихъ сочиненій“, въ которой авторъ довольно живо передаетъ намъ впечатлѣнія и отзывы, вызванные его сатирами въ современномъ обществѣ, еще не привыкнувшемъ къ „поэтической вольности“ и къ свободному выраженію мыслей и впечатлѣній въ словѣ. Въ виду различныхъ толковъ и мнѣній о его сатирахъ, самъ Кантемиръ обращается къ своей Музѣ съ благоразумнымъ совѣтомъ:

«Муза! Не пора-ли слогъ отмѣнить твой грубый
И сатиръ ужъ не писать? Многимъ тѣ не любы,
И ворчитъ ужъ не одинъ, что, гдѣ нѣтъ мнѣ дѣла,
Тамъ мѣшаюсь и кажу себя черезчуръ смѣла...
... Муза, свѣтъ мой! Слогъ твой мнѣ творцу ядовитый;
Кто всѣхъ бить нахалится, часто живетъ битый;
И стихи, что чтецамъ смѣхъ на губы сажаютъ,
Часто слезъ издателю причина бываютъ».

Послѣ этого совѣта, представляющаго здѣсь не болѣе, какъ риторическій пріемъ, Кантемиръ перечисляетъ различные отзывы о своихъ сатирахъ, отзывы враждебные и недоброжелательные, и еще разъ склоняетъ свою музу къ тому, чтобы она ужъ лучше стала все хвалить, даже пріучилась бы къ лести—лишь бы никого не вооружать противъ себя... Но какъ онъ ни старается измѣнить характеръ своей Музы, онъ убѣждается, что это для него невозможно...

«... когда хвалы принимаюсь
Писать; когда, Муза, твой нравъ сломить стараюсь,
Сколько ногти ни грызу и тру лобъ вспотѣлый,
Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы,
Жестки, досадны ушамъ...»

И только тогда онъ вновь чувствуетъ себя „въ своей водѣ“, когда начинаетъ порицать „вредное въ нравахъ“ или изыскивать пороки людскіе. Это побуждаетъ его прійти къ тому убѣжденію, что, подъ вліяніемъ своей Музы, онъ болѣе расположенъ къ сатирѣ, нежели къ другимъ родамъ литературнымъ:

«... Однимъ словомъ, сатиру лишь писать намъ сходно,
Въ другомъ неудачливы...»

Сознавая это, авторъ рѣшается продолжать свою сатирическую дѣятельность—„злой нравъ пятнать вездѣ неотступно“—въ надеждѣ, что добрые граждане („беззлобные“) оцѣнятъ его желаніе принести пользу отечеству.

Это наивное желаніе „*принести пользу отечеству*“ своими сатирами—не громкая фраза, не похвальба, не выраженіе самомнѣнія авторскаго: это просто юношеская мечта, весьма естественная въ 22-хъ-лѣтнемъ поэтѣ, особенно въ ту пору, когда жилъ Кантемиръ. Онъ вѣрилъ въ то, что его полуподражательныя, полу-

оригинальныя произведенія могутъ принести нѣкоторую пользу обществу, какъ приносили ему пользу рѣчи и проповѣди Ѳеофана Прокоповича и подобныхъ ему духовныхъ ораторовъ, какъ должны были приносить ему пользу всѣ выходившія въ свѣтъ переводныя произведенія иноземныхъ авторовъ и труды иноземныхъ ученыхъ, такъ какъ все, выходившее изъ-подъ типографскаго станка, было замѣтнымъ и существенно важнымъ явленіемъ въ молодой, зарождающейся литературѣ новаго періода.

Кантемиръ за границею.

Пятою сатирою и оканчивается поэтическій періодъ дѣятельности Кантемира, какъ стихотворца. Въ 1731 году, какъ мы уже видѣли выше, онъ былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонъ; въ началѣ слѣдующаго, 1732 г., выѣхалъ изъ Россіи, — и уже болѣе не возвращался; до самой кончины онъ прожилъ за границей, сначала въ Лондонѣ, а съ 1788 г. въ Парижѣ, гдѣ молодому дипломату приходилось нести очень тяжелую, хлопотливую службу, которая становилась еще болѣе трудною вслѣдствіе того, что средствъ, получаемыхъ изъ Россіи, было далеко недостаточно для поддержанія чести и достоинства русскаго посла среди другихъ европейскихъ дипломатовъ, жившихъ открыто и сорившихъ деньгами. Но умѣренный и скромный Кантемиръ, страстно преданный литературѣ и наукѣ, сумѣлъ найти выходъ изъ своего затруднительнаго положенія, создавъ себѣ въ Парижѣ небольшой избранный кружокъ друзей въ средѣ знаменитыхъ и всѣми уважаемыхъ ученыхъ и писателей. Тамъ онъ сошелся съ Монтескьё и даже перевелъ на русскій языкъ его „Персидскія письма"; съ аббатомъ Мопертюи, при помощи котораго написалъ книгу по алгебрѣ, и съ Фонтенелемъ, авторомъ книги „О множествѣ міровъ", которую Кантемиръ также перевелъ. Вообще говоря, онъ пользовался каждою минутою своихъ рѣдкихъ досуговъ, чтобъ писать и работать, заниматься науками (въ самомъ обширномъ смыслѣ слова) и поэзіей. „Если бы изъ цѣлыхъ сутокъ одну четверть часа на письмо употребляли" — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ произведеній, — „то бы отъ того малаго труда въ годъ не малая книга произойти могла"... И онъ это доказывалъ на дѣлѣ, успѣвалъ при своихъ весьма сложныхъ служебныхъ занятіяхъ переводить Анакреона и Юстина, Корнелія Непота и Горація; читалъ творенія Отцовъ Церкви—Григорія Богослова и Августина; сносился съ Академіей Наукъ въ С.-Петербургѣ и слѣдилъ за успѣхами просвѣщенія въ Россіи.

Обработка стиха.

Такимъ образомъ онъ ознакомился и съ разсужденіемъ Тредьяковскаго „*о русскомъ стихосложеніи*", внимательно вникъ въ сущность этого вопроса и, хотя не перешелъ на сторону новой теоріи Тредіаковскаго, однакоже, подъ вліяніемъ ея, нѣсколько видоизмѣнилъ размѣръ своихъ силлабическихъ стиховъ. Любопытно,

что онъ не отдалъ преимущества тоническому стиху передъ силлабическимъ, хотя и понялъ, что опредѣленная послѣдовательность удареній, дѣйствительно, сообщаетъ русскому стиху значительно-бо́льшую гармонію. Желая, видимо, остаться самостоятельнымъ и создать нѣчто среднее между силлабическимъ и тоническимъ размѣромъ, онъ измѣнилъ свой стихъ слѣдующимъ образомъ: далъ опредѣленное мѣсто цезурѣ (между седьмымъ и восьмымъ слогомъ) и, сверхъ того, въ каждой половинѣ стиха, раздѣленнаго цезурой, допустилъ по одному рѣзко-замѣтному ударенію: въ первой части строки, состоявшей изъ семи слоговъ, эти ударенія должны были падать на пятый или седьмой слогъ; во второй половинѣ стиха—непремѣнно на предпослѣдній. Этотъ новый размѣръ былъ примѣненъ Кантемиромъ впервые въ шестой сатирѣ, написанной имъ въ 1738 г.

Эта шестая сатира, озаглавленная „*О истинномъ блаженствѣ*“ (хотя и напоминаетъ нѣсколько Гораціевское „Beatus ille, qui procul negotiis...“), довольно вѣрно передаетъ намъ и тотъ идеалъ счастья, къ которому скромный Кантемиръ стремился въ теченіе всей своей жизни. Сатира эта начинается такъ: Шестая сатира.

«Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Кое даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и средню забаву;
Гдѣ-бъ съ другомъ другимъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишны часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ-бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми греки и латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
Учася знать образцомъ другимъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно: —
Желанья всѣ мои крайни составляетъ».

Эту сатиру, несомнѣнно, можно назвать лучшею во второмъ періодѣ литературной дѣятельности Кантемира.

Остальныя три сатиры его менѣе замѣчательны; еще менѣе заслуживаютъ вниманія опыты Кантемира въ другихъ литературныхъ родахъ — оды привѣтственныя и философскія, пѣсни и басни, эпиграммы и посланія [1]). Все это не болѣе, какъ пробы пера, доставшіяся автору рядомъ тяжкихъ усилій творчества и

[1]) Сохранилось даже начало эпической поэмы „*Петрида*“, написанное Кантемиромъ.

упорной работы надъ языкомъ, еще грубымъ и неприспособленнымъ къ выраженію болѣе тонкихъ оттѣнковъ мысли.

Незадолго до своей смерти, Кантемиръ собралъ всѣ свои стихи въ одну тетрадь съ необходимыми пояснительными примѣчаніями и предисловіемъ въ видѣ „письма къ пріятелю": — онъ собирался ихъ напечатать... Но ему не удалось привести это намѣреніе въ исполненіе; его сатиры явились въ печати не ранѣе какъ во второй половинѣ XVIII вѣка.

Значеніе Кантемира.

Въ заключеніе всего сказаннаго о Кантемирѣ, мы не рѣшимся говорить ни о „важномъ значеніи" сатиръ Кантемира, ни объ „идеалахъ его сатиръ", ни о вліяніи его произведеній на творчество послѣдующихъ поэтовъ. Кантемиръ былъ прямымъ и несомнѣннымъ продуктомъ Эпохи Преобразованій и горячимъ, убѣжденнымъ сторонникомъ идей, внесенныхъ въ русскую жизнь Петромъ Великимъ. Идеи его и тѣ идеалы, на которые онъ указывалъ въ своихъ сатирахъ, были совершенно тождественны съ идеалами современныхъ ему проповѣдниковъ и ученыхъ: въ проповѣдяхъ и въ Духовномъ Регламентѣ Ѳеофана Прокоповича, въ трудахъ Татищева и Посошкова вѣетъ тѣмъ же духомъ, высказываются тѣ же стремленія, тѣ же пожеланія и сѣтованія, тѣ же восхваленія и порицанія, какія мы встрѣчаемъ въ сатирахъ нашего перваго сатирика. Вся разница только въ томъ, что общераспространенныя, ходячія идеи лучшихъ представителей своего времени Кантемиръ нашелъ возможнымъ выразить въ болѣе привлекательной формѣ своихъ весьма наивныхъ, даже нѣсколько грубоватыхъ опытовъ сатиры, которыя представлялись просвѣщеннѣйшимъ людямъ того времени чуть не геніальными произведеніями, вслѣдствіе чего всѣмъ имъ милый юный поэтъ, одиноко стоявшій среди своего прозаическаго вѣка, былъ ими превознесенъ и возвеличенъ далеко выше своего достоинства. Съ этою, значительно преувеличенною, славою, имя Кантемира перешло и въ послѣдующія поколѣнія, и хотя нельзя не признать, что только изъ-подъ пера очень талантливаго и щедро-одареннаго природою юноши могъ вылиться и этотъ первый, почти дѣтскій лепетъ русской искусственной поэзіи; но все же, толковать и въ настоящее время о значеніи Кантемира, какъ поэта, о его вліяніи на послѣдующее поколѣніе нашихъ поэтовъ, едва ли возможно. Притомъ же не мѣшаетъ замѣтить, что значеніе произведеній Кантемира, въ періодъ дальнѣйшаго развитія нашей поэзіи, было сильно подорвано тѣмъ, что онъ былъ послѣднимъ русскимъ авторомъ, слагавшимъ свои стихотворныя произведенія по старинному и отживавшему свой вѣкъ образцу силлабическихъ виршей. Кантемиру пришлось быть послѣднимъ труженикомъ, тщетно пытавшимся вложить душу въ эту мертвенную и неблагозвучную форму: вмѣстѣ съ его сати-

рами, силлабическій стихъ отжилъ свой вѣкъ и уже никогда болѣе не возникалъ изъ забвенія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

В. К. Тредіаковскій. — Біографическія подробности. - Годы ученія и странствованій. — Научная подготовка и переводческая дѣятельность. — Труды его въ области изученія русскаго литературнаго языка и слога. — Новый способъ стихосложенія. Положеніе Тредіаковскаго въ Академіи Наукъ. Отношеніе его къ современникамъ.

Новую эру въ русской поэзіи суждено было начать не поэту, а ученому, — серьезному кабинетному ученому, который не обладалъ ни малѣйшимъ даромъ къ поэтическому творчеству, и каждый разъ, когда рѣшался давать волю своему поэтическому вдохновенію, возбуждалъ противъ себя порицаніе и насмѣшки. Этотъ ученый труженикъ былъ весьма извѣстный въ нашей литературѣ XVIII вѣка *Василій Кирилловичъ Тредіаковскій*.

Біографія Тредіаковскаго.

В. К. Тредіаковскій родился въ Астрахани въ 1703 году и происходилъ изъ духовнаго званія, какъ это отчасти видно уже изъ его фамиліи. И дѣдъ его, и отецъ были священниками. Въ ранней юности онъ свелъ знакомство съ католическими миссіонерами, жившими въ Астрахани (они распространяли католицизмъ въ средѣ армянъ и персіянъ). Тредіаковскій сошелся съ этими миссіонерами и получилъ отъ нихъ первыя свѣдѣнія въ языкѣ латинскомъ и въ словесныхъ наукахъ. На двадцатомъ году жизни, Тредіаковскій — какъ онъ самъ о томъ разсказываетъ въ своей автобіографической запискѣ — „по охотѣ къ ученію, оставилъ природный городъ, домъ и родителей, убѣжалъ въ Москву“. Тамъ ему удалось поступить въ Славяно-греко-латинскую академію, „прямо въ *риторику*“, такъ какъ онъ, при испытаніи, оказался болѣе другихъ подготовленнымъ. Уже въ бытность свою въ этомъ учебномъ заведеніи онъ высказалъ желаніе заниматься литературою: сталъ писать силлабическія вирши и сочинилъ даже двѣ драмы [1]): „Язонъ“ и „Титъ, Веспасіановъ сынъ“, разыгранныя студентами Академіи на ихъ домашней сценѣ. Въ Академіи онъ пробылъ до 1725 г., а въ 1726 г. онъ „нашелъ способъ уѣхать въ Голландію, гдѣ обучился французскому языку“. Обучился — и получилъ возможность закончить свое образованіе въ центрѣ современной европейской образованности — въ Парижѣ. При очень скудной помощи со стороны русскаго посланника въ Гаагѣ, графа Головина, „съ крайнимъ претерпѣніемъ бѣдности“ (и потому проходя большую часть пути пѣшкомъ) Тредіаковскій съумѣлъ пробраться въ Парижъ. Здѣсь, бла-

[1]) Къ тому же времени относится и элегія на смерть Петра Великаго.

КАѲІСМА ПЕРВАЯ

ПСАЛОМЪ I.

Блаженъ мужъ, иже не иде.

Давидъ представляетъ въ семъ Псалмѣ блаженство Праведныхъ людей, а злополучіе Нечестивыхъ.

Мужъ поистиннѣ блаженъ!
Кой, съ совѣтомъ Нечестивыхъ,
Не-былъ мнѣніемъ сопряженъ;
Ни ходилъ въ него пре льстивыхъ.

* * *

Кой ниже когда познавъ
беззаконныхъ путь лукавый;
И на томъ отнюдъ не сталъ,
Зная, коль есть онъ неправый.

* * *

Кой не сѣлъ и на престолъ,
Пагубниковъ гордо Злобныхъ;
Ни на немъ судя проболъ,
Какъ чужихъ, такъ и утробныхъ.

* * *

Автографъ Тредіаковскаго. Страница изъ его рукописи «Переложеніе Псалмовъ», хранящейся въ Типографской библіотекѣ, въ Москвѣ

Автографъ Тредіаковскаго. Собственноручная его приписка къ рукописи Переложеніе Псалмовъ.

годаря болѣе щедрому пособію, оказанному русскимъ посломъ въ Парижѣ, княземъ Куракинымъ, Тредіаковскій могъ прослушать полный курсъ математическихъ, философскихъ и богословскихъ наукъ въ Сорбоннскомъ университетѣ, и, согласно обычаю того времени, „содержалъ публичные диспуты въ Мазаринской коллегіи" и возвратился въ 1730 году въ Россію „съ письменными

засвидѣтельствованьями" своихъ знаній отъ парижскаго университета.

Молодому Тредіаковскому, основательно образованному, прекрасно знавшему нѣмецкій, голландскій и въ особенности французскій языкъ [1]) и словесность, хотѣлось, по возвращеніи въ Россію, посвятить себя всецѣло литературной дѣятельности. И вдругъ увидѣлъ онъ себя совершенно лишнимъ и ни на что не пригоднымъ человѣкомъ, потому что литературою никто въ Россіи спеціально не занимался, да и литература, какъ отдѣльная профессія, еще не существовала въ это время въ Россіи. И вотъ бѣдный Тредіаковскій, по пріѣздѣ изъ-за границы, очутился въ такомъ положеніи, что радъ былъ радёшенекъ, когда нашелъ себѣ временный пріютъ въ казенной квартирѣ академическаго студента Адодурова, „который принялъ пріѣзжаго въ видахъ извлеченія для себя пользы изъ его знанія французскаго языка".

Первый трудъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда, напуганный своимъ безпомощнымъ положеніемъ въ новой столицѣ, Тредіаковскій на время переселяется въ Москву, вѣроятно, въ надеждѣ получить тамъ какое-нибудь занятіе, и здѣсь издаетъ въ свѣтъ свой переводъ сочиненія Поля Тальмана „*Ѣзда въ Островъ Любви*". Этотъ переводъ выдвинулъ Тредіаковскаго изъ неизвѣстности... Онъ былъ сдѣланъ толково и добросовѣстно, и, по тому времени, былъ настолько крупнымъ явленіемъ, что новая книга надѣлала шуму, и ловкій Шумахеръ, заправлявшій въ то время судьбами Академіи, поспѣшилъ сблизиться съ молодымъ переводчикомъ и приласкать его, намѣреваясь воспользоваться имъ для академическихъ трудовъ и изданій. И дѣйствительно, съ 1732 г. онъ начинаетъ работать для Академіи Наукъ, которая поручаетъ ему самые трудные переводы иностранныхъ сочиненій, „понеже онъ французскаго языка весьма искусенъ".

Тредіаковскій въ Академіи.

Только уже въ исходѣ 1733 г. Тредіаковскому удалось, наконецъ, получить постоянное мѣсто при Академіи Наукъ, причемъ съ нимъ заключено было формальное условіе, прекрасно характеризующее ученые и литературные нравы того времени, почему мы и приводимъ его здѣсь цѣликомъ:

„По указу Ея Императорскаго Величества принялъ я (Президентъ Академіи) Василія Тредіаковскаго, родомъ изъ Астрахани, въ Академію Наукъ, по слѣдующимъ кондиціямъ:

1) Помянутый Тредіаковскій обязуется чинить, по всей своей возможности, все то, въ чемъ состоитъ интересъ Ея Императорскаго Величества и честь Академіи.

[1]) Французскій языкъ онъ зналъ настолько хорошо, что могъ на немъ совершенно свободно изъяснять и излагать свои мысли изустно и письменно, и прозой, и даже стихами.

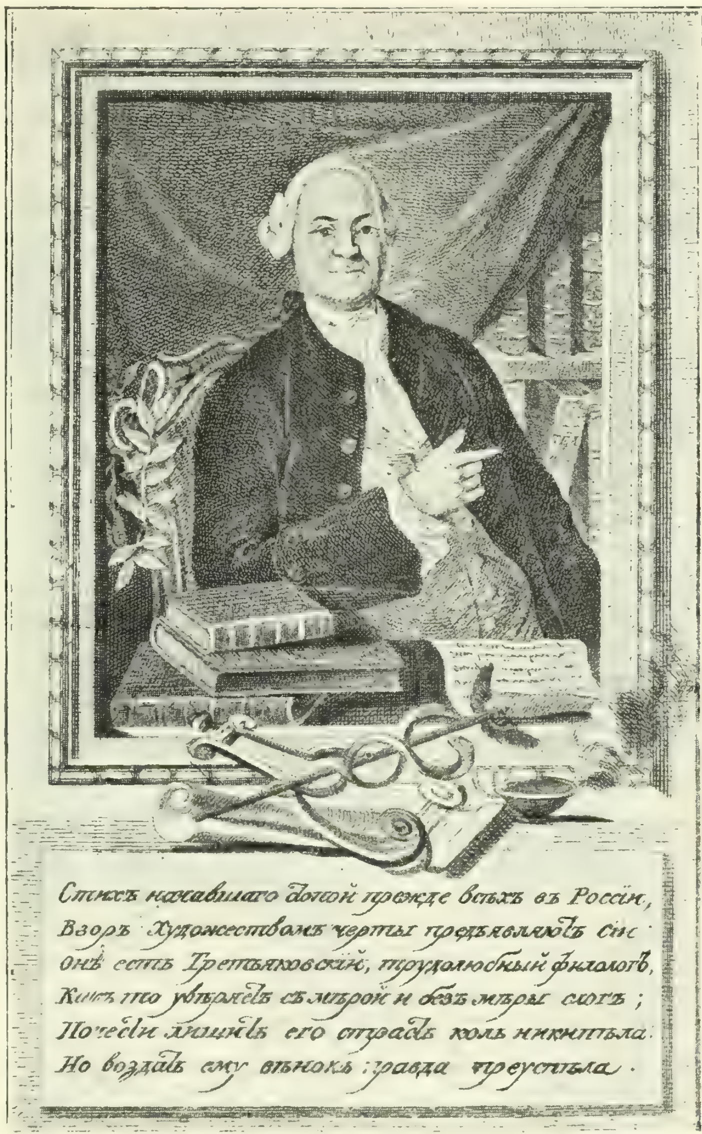
2) (Обязуется) *Вычищать языкъ русскій, пишучи, какъ стихами, такъ и не стихами.*

3) Давать лекціи, ежели отъ него потребовано будетъ.

4) Окончить грамматику, которую онъ началъ, и трудиться, совокупно съ прочими, надъ диксіонаріемъ русскимъ.

5) Переводить съ французскаго на русскій языкъ все, что ему дастся.

За сіе будетъ онъ имѣть годоваго жалованья 360 рублей, включая въ нихъ: свѣчи, дрова и квартиру, съ титломъ секретаря" [1]).

Современный портретъ Тредіаковскаго.

Вотъ какъ разнообразны и многосложны были тѣ обязанности, которыя въ то время считалось возможнымъ возложить на одного человѣка за ничтожное содержаніе! Да и то, какъ мы увидимъ далѣе, иногда еще и не выдавалось вовсе по цѣлымъ годамъ, или же выдавалось „книгами изъ Академической книжной

[1]) Года четыре спустя, на запросъ Сената о служащихъ при Академіи, Тредіаковскому пришлось въ своемъ отзывѣ съ особеннымъ удареніемъ поставить на видъ Сенату, что онъ, Тредіаковскій, опредѣленъ «*секретаремъ въ Академіи*», гдѣ онъ и понынѣ упражняется въ разныхъ академическихъ дѣлахъ, «касающихся до наукъ, а не въ приказныхъ». Сенату, очевидно, еще не ясна была разница между секретаремъ Академіи и секретаремъ любой коллегіи.

лавки"... А между тѣмъ переводчику не давали въ трудѣ его ни отдыху, ни сроку! Едва закончивъ „Сенъ-Ремiевы Артиллерiйскія Записки", онъ принимается за „Военное состоянiе Оттоманской Имперiи, сочиненiе графа де-Марсельи" и потомъ за „Древнюю и Римскую Исторiю Роллэна", состоящую изъ 26 объемистыхъ томовъ [1]).

Положенiе Тредiаковскаго въ обществѣ.

Но этого мало. Положенiе литературнаго труженика и человѣка владѣющаго перомъ еще является шаткимъ, неустановившимся въ нашемъ молодомъ обществѣ, которое внѣшнимъ образомъ старается подражать европейскимъ нравамъ и обычаямъ, и въ то же время еще не можетъ отстать отъ грубыхъ прiемовъ и замашекъ „добраго стараго времени"... *Писатель, поэтъ* — эти понятiя еще являются въ обществѣ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка понятiями новыми, темными, не вполнѣ выясненными. Въ тотъ перiодъ, когда дворецъ императрицы Анны Iоанновны и палаты ея вельможъ оказываются переполнены толпою шутовъ и „дурокъ", и самый секретарь Академiи, Тредiаковскiй, являющiйся во дворецъ для униженнаго поднесенiя своей оды императрицѣ, представляется и ей, и окружающимъ ее сановникамъ не болѣе, какъ однимъ изъ потѣшниковъ—балагуромъ, незаслуживающимъ никакого вниманiя или даже вѣжливаго обращенiя. Тредiаковскаго, подающаго оду императрицѣ, заставляютъ стать на колѣни и подавать оду Ея Величеству „на головѣ" — т. е. подвергаютъ униженiю и глумленiю. Къ сожалѣнiю, и онъ самъ, по личному характеру своему, слишкомъ слабому и податливому, выказываетъ полное неумѣнье заставить уважать себя и поддержать свое личное достоинство. Онъ заискиваетъ, кланяется, добивается милостей и подарковъ и потому подвергается со стороны своихъ вельможныхъ милостивцевъ и придворныхъ покровителей страшнымъ шуткамъ и невыносимымъ оскорбленiямъ [2]).

Но, если мы, забывая о личномъ характерѣ Тредiаковскаго и о тѣхъ крайне-непривлекательныхъ условiяхъ, въ которыя онъ становился иногда непроизвольно, а иногда въ силу своего ничтожества и безличности, взглянемъ на него, какъ на дѣятеля

[1]) Это многотомное сочиненiе было даже дважды переведено Тредiаковскимъ, такъ какъ первый переводъ погибъ въ пожарѣ, случившемся въ квартирѣ переводчика въ 1746 г.

[2]) Кому не извѣстенъ печальный эпизодъ его столкновенiя съ Волынскимъ (въ 1740 г.) по поводу шутовской свадьбы и маскарада въ Ледяномъ домѣ, гдѣ Тредiаковскiй долженъ былъ читать стихи своего сочиненiя? По жалобѣ одного изъ своихъ подчиненныхъ, не разобравши дѣла, Волынскiй и самъ избилъ Тредiаковскаго, и другимъ приказалъ его бить, а затѣмъ держалъ его цѣлую ночь подъ карауломъ въ холодной. Опозоренный имъ Тредiаковскiй не постыдился, однакоже, послѣ казни Волынскаго, хлопотать о вознагражденiи его «за безчестье и увѣчье»—и получилъ «изъ пожитокъ Волынскаго денегъ 360 рублей».

„Псалтирь съ возслѣдованьемъ“, рукопись 2-й половины XV вѣка.

По красотѣ и разнообразію украшеній, эта рукопись принадлежитъ къ рѣдкимъ и, въ своемъ родѣ, можетъ быть даже названа единственнымъ образцомъ среди нашей древней письменности. Не менѣе замѣчательна она и по чрезвычайному разнообразію почерковъ, которыми она писана, и по прихотливости переходовъ писца отъ одного почерка къ другому. Покойный академикъ Ѳ. И. Буслаевъ, издавшій образцы письма и украшеній этой рукописи въ томѣ LII — LXXIV изданій Общества Древней Письменности, говоритъ въ предисловіи къ этому изданію:

«Все достоинство описываемой рукописи... въ ея каллиграфическихъ качествахъ и украшеніяхъ. Въ этомъ отношеніи она представляетъ явленіе небывалое, единственное въ своемъ родѣ... Это настоящее собраніе прописей или образчиковъ каллиграфіи. Писецъ будто постоянно занятъ мыслію, какъ бы развлечь себя, позабавить и усладить въ своей трудной и однообразной работѣ переписыванья, постоянно замышляя, какъ бы ему на слѣдующей строкѣ перейти изъ одного почерка въ другой, какъ бы изобрѣсти какую-нибудь небывалую рѣдкость».

Особенно затѣйливою и кудреватою является у писца этой замѣчательной рукописи его вязь, которую онъ разнообразитъ на всѣ лады, нерѣдко «начиняя одну большую букву десятками малыхъ», вслѣдствіе чего «нѣкоторыя изъ такихъ начертаній остаются и до сихъ поръ неразобранными».

Наши снимки заимствованы цѣликомъ изъ прекраснаго изданія Общества Древней Письменности. Оттуда же заимствуемъ и разъясненіе заголовковъ, писанныхъ вязью на приводимыхъ нами листахъ (въ чтеніи Ѳ. И. Буслаева).

Листъ 168. Заглавіе: **Почасіе. І. часа. речетъ молитву.**

Листъ 188. Заглавіе вязью: **въ святую великую субботу вечеръ при часи 10-мъ клеплетъ сбравшеся.**

Внизу того же листа, по замѣчанію Ѳ. И. Буслаева, вязь въ такой степени запутана, что въ ней разобрано только слово: **послѣдованіа** (на концѣ).

Листъ 209. Заглавіе вязью: **канунъ радостенъ пресвятѣй Богородици имѣа краегранесіе.**

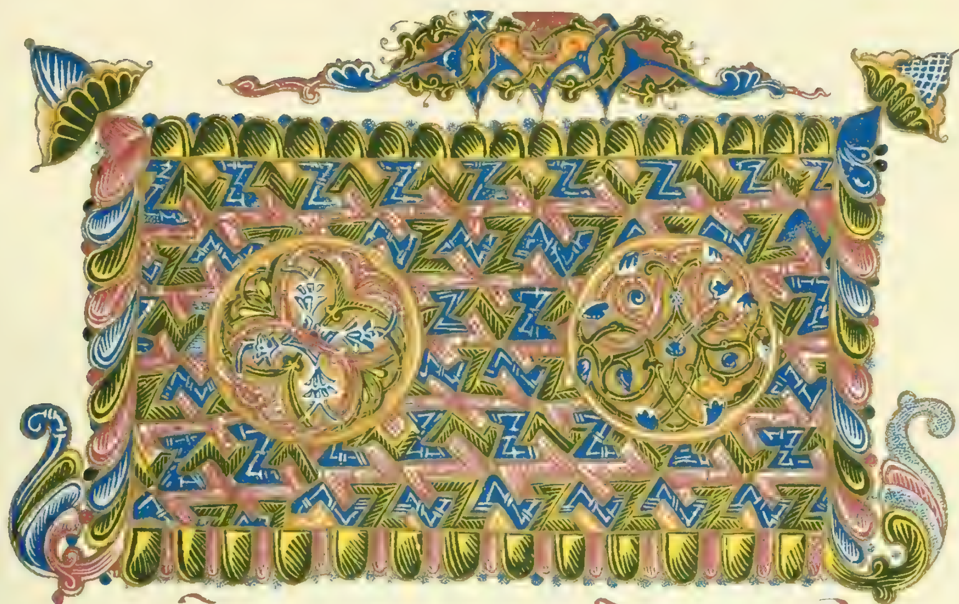
Вязь внизу: **поемъ тя пресвятая и славословимъ рожество твое, умилосердися госпоже и удиви милость на убозѣмъ и окаянномъ, помощнице міру дѣвая въ женахъ Владычице помози госпоже моя.**

Листъ 253. Заглавіе вязью: **канунъ отцамъ преподобнымъ гласъ 8. пѣснь 1. пѣснь 2.** Внизу: **твореніе Феодора Студита.**

ОБРАЗЦЫ ПИСЬМА И УКРАШЕНІЙ ИЗЪ „ПСАЛТИРИ СЪ ВОЗСЛѢДОВАНЬЕМЪ“ ПО РУКОПИСИ XV ВѢКА, ХРАНЯЩЕЙСЯ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ. Л. 168.

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

ОБРАЗЦЫ ПИСЬМА И УКРАШЕНІЙ ИЗЪ „ПСАЛТИРИ СЪ ВОЗСЛѢДОВАНЬЕМЪ" ПО РУКОПИСИ XV ВѢКА, ХРАНЯЩЕЙСЯ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ. Л. 188.

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

ОБРАЗЦЫ ПИСЬМА И УКРАШЕНІЙ ИЗЪ „ПСАЛТИРИ СЪ ВОЗСЛѢДОВАНЬЕМЪ" ПО РУКОПИСИ XV ВѢКА, ХРАНЯЩЕЙСЯ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ. Л. 209.

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

ОБРАЗЦЫ ПИСЬМА И УКРАШЕНІЙ ИЗЪ „ПСАЛТИРИ СЪ ВОЗСЛѢДОВАНЬЕМЪ“ ПО РУКОПИСИ XV ВѢКА, ХРАНЯЩЕЙСЯ ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ. Л. 253.

Дозволено Цензурою. СПБ. Печ. въ Арт. зав. А. Ф. Маркса. СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

П. Н. ПОЛЕВОГО.

Томъ первый.

NB. Просимъ вклеить въ началѣ перваго тома *передъ „предисловіемъ“*.

въ области литературы и науки, то мы прійдемъ къ тому убѣжденію, что онъ былъ однимъ изъ весьма полезныхъ и даже выдающихся русскихъ литературныхъ и ученыхъ дѣятелей первой половины XVIII вѣка. Въ такомъ взглядѣ на Тредіаковскаго убѣждаетъ насъ даже и самый бѣглый обзоръ того, что онъ сдѣлалъ.

Россійское Собраніе.

Въ первое десятилѣтіе существованія Академіи Наукъ, ея дѣятельность не отличалась самобытностью и проявлялась, главнымъ образомъ, въ чрезвычайномъ обиліи переводовъ различныхъ серьезныхъ научныхъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ... Въ этомъ отношеніи Академія вполнѣ оправдывала надежды, нѣкогда высказанныя ея геніальнымъ основателемъ. Но эта же переводческая дѣятельность, мало-по-малу, привела къ обсужденію разнаго рода спорныхъ вопросовъ русскаго литературнаго языка и слога, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія. Потребность въ постепенной обработкѣ слога и въ выясненіи различныхъ, еще темныхъ и неизслѣдованныхъ свойствъ и сторонъ русскаго языка привела къ мысли объ учрежденіи при Академіи Наукъ „*Россійскаго Собранія*“ (въ началѣ 1755 г.)—перваго ученаго общества любителей и присяжныхъ знатоковъ русскаго слова.

Работа надъ языкомъ.

Но работа надъ русскимъ литературнымъ языкомъ еще только начиналась и притомъ могла еще производиться только въ самомъ элементарномъ видѣ; вся Академія еще колебалась на своей основѣ, не вырабатываясь ни въ строго-научное, ни въ общеобразовательное учрежденіе, а потому и дѣйствія новаго, только-что народившагося отдѣла Академіи не могли быть строго-опредѣленными. Петровскія традиціи еще были живы въ Академіи, и она все еще оставалась, главнымъ образомъ, учрежденіемъ, предназначеннымъ для ближайшаго ознакомленія Россіи съ сокровищами западно-европейской науки и литературы—для пополненія Россійской Словесности существовавшими въ ней образцами различныхъ литературныхъ родовъ. На этомъ основаніи, и президентъ Академіи Наукъ баронъ Корфъ, допуская при Академіи возникновеніе „Россійскаго собранія“, предназначалъ его, главнымъ образомъ, для простой, практической цѣли: исправленія академическихъ переводовъ... Въ эти собранія, по мысли президента Академіи, академическіе переводчики должны были „сносить дважды въ недѣлю“ свои переводы и тщательно исправлять ихъ тамъ сообща...

Въ дѣятельности такого собранія Тредіаковскій, при своемъ знаніи языковъ, долженъ былъ бы, конечно, занять весьма видное мѣсто: онъ и открылъ засѣданіе новаго собранія весьма кстати сказанною рѣчью „о чистотѣ россійскаго слога“. Но къ чести его слѣдуетъ замѣтить, что онъ уже и въ этой вступительной рѣчи показалъ, что въ пониманіи задачъ, предлежащихъ „Рос-

сійскому собранію", онъ стоитъ головою выше не только всѣхъ членовъ, входившихъ въ составъ собранія, но и самого президента Академіи. Увлекаясь будущею дѣятельностью собранія, онъ предложилъ ему такую программу грядущихъ трудовъ въ области словесныхъ наукъ, которая далеко превышала научныя средства почтеннаго собранія.

Труды надъ теоріей слога.

Недаромъ въ одной изъ подписей къ старинному гравированному портрету Тредіаковскаго онъ названъ „*трудолюбымъ филологомъ*" [1]... Этотъ страстно-преданный своему дѣлу ученый былъ дѣйствительно первымъ русскимъ филологомъ и „трудолюбнымъ" изслѣдователемъ свойствъ русскаго языка, въ формѣ стихотворной и прозаической. Увлекаясь примѣромъ Запада, близко ему знакомаго, онъ уже прямо указывалъ собранію на Академію французскую и въ образецъ предстоящихъ собранію работъ ставилъ прославленные труды членовъ Французской Академіи въ области изученія языка французскаго. Президентъ Академіи ждалъ отъ „Россійскаго собранія" простой выправки академическихъ переводовъ; а Тредіаковскій уже смѣло устремляетъ взоры вдаль и совѣтуетъ собранію заняться составленіемъ „грамматики доброй и исправной, дикціонарія полнаго и довольнаго, риторики и стихотворной науки". Любопытно, что въ этой вступительной рѣчи Тредіаковскаго, сказанной при открытіи „собранія Россійскаго", уже заключается намекъ на будущее и весьма важное открытіе, сдѣланное имъ въ области русскаго слова. „Изъ основательныя грамматики и красныя риторики"—говоритъ въ своей рѣчи „трудолюбный филологъ" — „не трудно произойти восхищающему сердце и умъ слову піитическому; развѣ только одно сложеніе стиховъ неправильностью своею утрудить насъ можетъ... Но и то, мои господа, преодолѣть возможно и привести въ порядокъ: „*способовъ не нѣтъ; нѣкоторые же и я имѣю*". Судя по этому намеку на одинъ изъ своихъ будущихъ и капитальныхъ трудовъ, Тредіаковскій, очевидно, и въ той программѣ, которую онъ предложилъ своимъ коллегамъ, указывалъ съ полнымъ сознаніемъ на область изслѣдованія, постоянно его занимавшую и привлекавшую все его вниманіе въ теченіе долгой и многотрудной ученой и литературной его карьеры.

И дѣйствительно, еще и годъ не успѣлъ минуть со времени учрежденія „Россійскаго собранія" при Академіи Наукъ, какъ уже Тредіаковскій издалъ въ свѣтъ свою замѣчательную книгу: „*Новый и краткій способъ къ сложенію стиховъ россійскихъ*" — книгу,

---

[1]) «Онъ есть Тредіаковскій, трудолюбный филологъ, какъ то увѣряетъ «съ мѣрой и безъ мѣры слогъ». Кажется, что въ этой подписи слово «*филологъ*» является впервые въ нашемъ литературномъ языкѣ.

которая составляетъ эпоху въ исторіи новѣйшаго русскаго стихотворства, такъ какъ здѣсь впервые была выяснена и подробно изложена теорія *тоническаго стихосложенія*, какъ единственнаго свойственнаго и сроднаго русскому языку. Эта книжка явилась въ свѣтъ въ 1735 г.; но первое русское, тоническимъ размѣромъ написанное стихотвореніе было сочинено Тредіаковскимъ еще въ сентябрѣ 1734 года [1]). Какъ изслѣдователь основныхъ законовъ русскаго языка и какъ теоретикъ, Тредіаковскій проявляетъ въ этой книжкѣ большое остроуміе и недюжинную ученую наблюдательность; видно, что онъ много и долго обдумывалъ вопросъ о русскомъ стихосложеніи, изучилъ его прошлое, сравнивалъ нашу просодію съ классическою (греческою и римскою) и, наконецъ, пришелъ къ совершенно правильному выводу: стихъ русскій не можетъ быть ни силлабическимъ, ни метрическимъ, и въ основу нашего стихотворнаго размѣра можетъ быть положенъ только „*тоническій*" размѣръ, „*въ единомъ удареніи голоса состоящій*". Чрезвычайно любопытно и то указаніе Тредіаковскаго (въ одномъ изъ послѣдующихъ его сочиненій), что на мысль о тоническомъ стихосложеніи навели его произведенія нашей народной поэзіи и „сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее его разнообразныхъ стопъ паденіе". Звучность и свободное теченіе русской пѣсни навели серьезнаго изслѣдователя на открытіе основного закона русскаго стихосложенія: это было истинное откровеніе съ одной стороны и немаловажная услуга—съ другой [2]).

За этимъ первымъ и весьма важнымъ трудомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ трудовъ Тредіаковскаго въ той же области теоріи Словесности, и въ этихъ трудахъ онъ выказываетъ съ самой выгодной стороны свою обширную начитанность и разностороннее знакомство съ важнѣйшими источниками по занимающему его предмету. Нельзя при этомъ не отмѣтить одного любопытнаго факта, характеризующаго время и общество, среди котораго жилъ и дѣйствовалъ Тредіаковскій:—близко и основательно знакомый съ древними классиками въ оригиналахъ, онъ все же предпочиталъ плохія подражанія этимъ оригиналамъ, созданнымъ литературой псевдо-классической, и аббату Фенелону отводилъ на своемъ Парнасѣ мѣсто, равное съ Гомеромъ, Виргиліемъ и Овидіемъ. Тредіаковскаго можно даже признать въ такой же степени „отцомъ псевдо-классицизма" въ Россіи, въ какой мы признаемъ

---

[1]) То было «Покорнѣйшее поздравленіе Превосходительнѣйшему господину барону фонъ-Корфъ» по случаю назначенія его президентомъ Академіи Наукъ (18 сент. 1734 г.).

[2]) Къ вопросамъ о стихосложеніи, о размѣрахъ и различныхъ формахъ стихотворныхъ Тредіаковскій возвращался много разъ и во многихъ своихъ сочиненіяхъ. Онъ утверждаетъ, между прочимъ, что знакомство съ стихотворнымъ размѣромъ сербо-далматинскимъ навело его на мысль о тоническомъ размѣрѣ.

ОДА ТОРЖЕСТВЕННАЯ

О ЗДАЧѢ ГОРОДА ГДАНСКА.

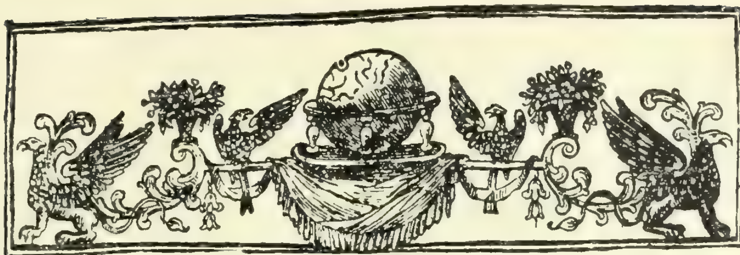

Ое трезвое мнѣ піанство.
Слово даетъ къ славной причинѣ?
Чистое *Парнасса* убранство,
Музы! не васъ ли вижу нынѣ?
И звонъ вашихъ струнъ сладкогласныхъ,
И силу ликовъ слышу красныхъ;
Все чинитъ во мнѣ рѣчь избранну.
Народы! радостно внемлите;
бурливые вѣтры! молчите:
Храбру прославлять хощу АННУ.

Въ своихъ

Ода Тредіаковскаго на взятіе Гданска. Отдѣльное изданіе, весьма рѣдкое, хранящееся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

ТИЛЕМАХІДЫ
КНИГА ВТОРАЯ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Тилемахъ разсказываетъ, что онъ взятъ на Караблѣ Тѵрскомъ, Мореходнымъ Сесостріевымъ Строемъ, и отведенъ Плѣнникъ въ Егѵпетъ. Описываетъ красоту Егѵпетскія земли, и мудрость въ правительствѣ Царя ея. Присовокупляетъ, что Менторъ посланъ Невольникъ въ Ѳіопію; что самъ онъ, Тилемахъ, принужденъ былъ пасти Стадо въ Пустынѣ Оасіи; что Ѳермосірідъ, Жрецъ Аполлоновъ, утѣшилъ его наставленіемъ подражанія Аполлону, бывшему нѣкогда Пастыремъ у Царя Адмита; что Сесострій наконецъ увѣдомленъ о всемъ, дѣлаемомъ отъ него дивномъ между Сопастырями; что его возвратилъ къ себѣ, бывъ удостовѣренъ о неповинности онаго, и обѣщалъ отпустить въ Іѳаку, но смерть сегожъ Царя ввергла его въ новыя злоключенія; что заключенъ онъ въ темницу въ нѣкоей башнѣ, стоявшей на брегѣ морскомъ, съ коея видѣлъ новаго Царя Вокхоря, погибшаго на сраженіи противъ своихъ Подданныхъ забунтовавшихъ, а подкрѣпленныхъ помощію отъ Тѵрянъ.

*

Тѵрянъ надменіемъ Царь Сесострій на-гнѣвъ преподвигся,
Царствовалъ кой тогда въ Нілотечномъ и-плодномъ Егѵптѣ.
Да и-себѣ покорилъ воюя премногія Царства.
Какъ не смѣтное тѣхъ Богатство, притекшее Куплей,
Такъ и-Твердыни всѣ неприступнаго града-ихъ Тѵра,

Томъ I. В Стѣны

Страница изъ «Тилемахиды», въ переводѣ Тредіаковскаго.

Наука поэзіи.

Ломоносова „отцомъ новой русской поэзіи вообще“. Онъ не только перевелъ главные кодексы псевдо-классицизма—„De arte poëtica“ Горація и „L'art poëtique“ Буало [1])—но еще при каждомъ удобномъ случаѣ старался внушить всѣмъ и каждому важнѣйшія основы псевдо-классической теоріи. Такъ, напримѣръ, своей „*Телемахидѣ*“ (переводу Фенелоновой поэмы „Приключенія Телемака“ Les aventures de Telemaque) Тредіаковскій предпослалъ подробное „*Предъизъясненіе объ ироической піимѣ*“ и въ немъ изложилъ послѣдовательно всѣ правила, какимъ, по псевдо-классической теоріи, должно быть подчинено сочиненіе эпическихъ поэмъ. Точно такъ же и къ отдѣльному изданію торжественной оды „*на взятіе Гданска*“ (Данцига) Тредіаковскій приложилъ „*Разсужденіе объ одѣ вообще*“, заимствованное изъ подобнаго же „*Разсужденія*“ Буало; а своему переводу одной изъ комедій Теренція придалъ весьма дѣльное „*разсужденіе о комедіи вообще*“, составленное на основаніи авторитетныхъ источниковъ западной науки. При этомъ онъ довольно тонко проводилъ разницу между тѣмъ „смѣшнымъ“ элементомъ, который составляетъ самую сущность комедіи и „исправляетъ всенародные недостатки боязнью осмѣянія“—и тѣмъ „смѣшнымъ“, которое потѣшаетъ толпу въ скоморошескихъ потѣхахъ.

Собственно поэзіи и опредѣленію ея сущности Тредіаковскій посвящаетъ нѣсколько статей: „*Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще*“, „*Письмо къ пріятелю о нынѣшней пользѣ гражданству отъ поэзіи*“ и, наконецъ, „*Разсужденіе о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ*“. Первую изъ этихъ статей, Тредіаковскій, сообразуясь съ современными понятіями и уровнемъ образованія, начинаетъ совершенно правильно съ того, что истолковываетъ разницу между поэзіей и стихотворствомъ. „Иное быть піитомъ“,—говоритъ Тредіаковскій,—„а иное стихи слагать... Прямое понятіе о поэзіи есть не то, чтобы стихи составлять, но чтобы творить, вымышлять и подражать...“ Затѣмъ, передавая классическія преданія о происхожденіи поэзіи, авторъ прибавляетъ отъ себя: „праведно утверждается, что она влита въ человѣческіе разумы отъ Бога“, и указываетъ на библейскаго Іувала, Ламехова сына, изобрѣтателя „цѣвницы и гуслей“, какъ на „перваго изъ человѣковъ, который ощутилъ въ себѣ оное божеское движеніе въ разумѣ“ — перваго піиту и музыканта. Далѣе онъ высказываетъ мнѣніе, что первые наши поэты были, вѣроятно, наши языческіе жрецы, и переходитъ къ объясненію происхожденія различныхъ поэтическихъ родовъ.

Отстаивая здѣсь высокое, божественное происхожденіе поэзіи

---

[1]) Первое сочиненіе Тредіаковскій перевелъ прозой, второе—стихами.

и указывая на ея значеніе въ классической древности, Тредіаковскій, въ „*Письмѣ о нынѣшней пользѣ гражданству отъ поэзіи*“, высказываетъ не совсѣмъ благопріятное мнѣніе о поэзіи современной, которою онъ, видимо, недоволенъ... [1]) „Прежде стихи были нужное и полезное дѣло, а нынѣ утѣшная и веселая забава, да къ тому же плодъ богатаго мечтанія къ заслуженію... такова воздаянія, кое честь есть пустая и скоро забываемая похвала и слава“... И добавляетъ затѣмъ съ нѣкоторою желчностью: „потолику между ученіями словесными подобные стихи, поколику фрукты и конфекты на богатый столъ по твердыхъ кушаньяхъ“.

Ученыя разсужденія.

Въ разсужденіи „*о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ*“ Тредіаковскій дѣлаетъ историческій обзоръ русской поэзіи отъ древнѣйшихъ временъ и, къ древнему періоду, ко временамъ языческимъ относитъ всю народную поэзію, въ основу которой, по мнѣнію Тредіаковскаго, положенъ былъ размѣръ тоническій... Затѣмъ разсматриваетъ періодъ преобладанія силлабическихъ виршей, перешедшихъ къ намъ изъ Польши, и упоминаетъ о попыткѣ Мелетія Смотрицкаго — ввести къ намъ метрическое стихосложеніе. Читая объ этомъ у Смотрицкаго, Тредіаковскій сознается, что ему приходится „быть смѣющимся Демокритомъ непрестанно“... И далѣе, говоря о новомъ тоническомъ стихосложеніи русскомъ, онъ скромно и застѣнчиво напоминаетъ о томъ, что честь этого открытія въ области Русской Словесности принадлежитъ ему одному [2]).

Гораздо менѣе важны два болѣе позднихъ разсужденія Тредіаковскаго, подъ заглавіями: „*Слово о богатомъ, различномъ, искусномъ и несходственномъ витійствѣ*“ и „*Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ ороографіи старинной и новой*“. Въ первомъ изъ этихъ разсужденій Тредіаковскій, подъ видомъ „витійства“, т. е. краснорѣчія, говоритъ о различныхъ видахъ его проявленія во всякаго рода прозаическихъ сочиненіяхъ; во второмъ, представляя довольно слабый историческій обзоръ извѣстій о церковно-славянской и гражданской азбукѣ, онъ предлагаетъ всю систему ороографіи построить на произношеніи—„*писать такъ, какъ звонъ требуетъ*“. Система эта, много разъ и впослѣдствіи находившая себѣ сторонниковъ, не выдерживаетъ строгой научной критики; но, по справедливому заключенію историка

---

[1]) Недовольство это, очевидно, вызывалось постоянно враждебными отношеніями Тредіаковскаго къ Ломоносову и Сумарокову — стихотворцамъ, которыхъ слава окончательно затмила извѣстность ученаго поэта-теоретика.

[2]) «Приступая къ описанію новаго нашего стихосложенія, нынѣ отъ всѣхъ стихотворцевъ воспріятаго, принужденъ я объявить, съ нѣкоторымъ по истинѣ устыдѣніемъ и внутреннимъ отвращеніемъ, хотя и сущую правду, что въ немъ самое первое и главнѣйшее участіе имѣю».

ЮНОСТИ

ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО

ИЛИ

ПОКАЗАНІЕ КЪ ЖІТЕІСКОМУ ОБХОЖДЕНІЮ.

Собранное отъ разныхъ Авторовъ.

НАПЕЧАТАСЯ ПОВЕЛѢНІЕМЪ

ЦАРСКАГО ВЕЛІЧЕСТВА

ВЪ САНКТЪПІТЕРБУРХѢ

Лѣта Господня 1719,

Іуліа 5 дня.

Юности честное зерцало». Титульный листъ. По весьма рѣдкому экземпляру Императорской Публичной Библіотеки.

Академіи Наукъ, она не „содержитъ въ себѣ бо́льшей запутанности и сбивчивости противъ тѣхъ правилъ, которыя ввелись тогдашними знатоками въ Академіи Наукъ"... Но, къ сожалѣнію, и притомъ прямо въ ущербъ достоинствамъ своего изслѣдованія, авторъ „Разговора" вздумалъ придать своему сочиненію разговорную форму, „чтобы скуку въ читающемъ или развеселить, или бъ оную отъ него отогнать всеконечно"—и именно этимъ пріемомъ

42 Зерцало

Зубовъ ножемъ не чісти, но зубочісткою, и одною рукою прікрои ротъ когда зубы чістішъ, хлѣба пріложа къ грудямъ не рѣжъ, ѣшъ что предъ тобою лежітъ, а индѣ не хватаи. Ежели передъ кого положіть хощешъ, не прімаи перстами какъ нѣкоторыя народы нынѣ обыкли. надъ ѣствою не чавкаи, какъ свінія, и головы не чеши, не проглотя куска не говори, ибо такъ дѣлаютъ крестьяне. часто чіхать, сморкать, и кашлять не пріґожо. Когда яси яіцо, отрѣжъ на предь хлѣба, и смотри чтобъ при томъ невытекло, и яждь скоро. яішнои скорлупы не разбіваи, и пока яси яіцо, не піи, между тѣмъ не замараи скатерти, и не облізываи перстовъ, около своеи талерки не дѣлаи забора изъ костеи, корокъ хлѣба

«Юности честное зерцало». Одна изъ страницъ текста.

сдѣлалъ разсужденіе свое непреодолимо скучнымъ и вызвалъ цѣлый рядъ насмѣшекъ со стороны своихъ литературныхъ противниковъ.

Тредіаковскій—цензоръ.

Вообще говоря, отсутствіе вкуса и недостатокъ мѣры въ томъ чрезвычайномъ обиліи литературнаго трудолюбія, которое Тредіаковскій ставилъ себѣ въ большую заслугу — много вредили ему въ глазахъ современниковъ, среди которыхъ, къ тому же, проявились два такихъ замѣчательныхъ представителя литературы, какъ Ломоносовъ и Сумароковъ. Несмотря на то, что самъ же Тредіаковскій вполнѣ сознательно и разумно писалъ въ одномъ изъ своихъ ученыхъ трактатовъ: „иное быть піитомъ, а иное стихи слагать“ — онъ самъ писалъ стихи постоянно, въ теченіе всей своей жизни, не сознавая того, что они представляютъ собою произведенія уродливыя, никому непонятныя, непріятныя и ненужныя. Мало того, онъ рѣшался даже прозаическія произведенія (какъ, напримѣръ, Фенелоновы „Приключенія Телемака“) переводить своими ужасными гекзаметрами и ставилъ себѣ этотъ невѣроятно-тяжкій трудъ въ большую заслугу „передъ отечествомъ“... При той полной бездарности литературной, которую Тредіаковскій проявлялъ каждый разъ, когда принимался „творить, изображать или подражать“, онъ былъ чрезвычайно строгъ и взыскателенъ къ другимъ авторамъ, когда Академія Наукъ поручала ему разсмотрѣніе ихъ произведеній, и придирчивая критика его несомнѣнно основывалась на зависти, которую въ немъ возбуждалъ ихъ успѣхъ или природная талантливость. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытно сравненіе дѣятельности цензора Тредіаковскаго и цензора Ломоносова. Такъ, напримѣръ, 8-го октября 1748 года, въ академической канцеляріи состоялось постановленіе, по которому Ломоносову и Тредіаковскому поручалось разсмотрѣть въ рукописи трагедію Сумарокова „Гамлетъ“; при этомъ академикамъ предлагалось трагедію освидѣтельствовать въ двадцать четыре часа, „нимало не удержавъ“. Ломоносовъ тотчасъ же отвѣтилъ, „что въ оной трагедіи, по его мнѣнію, нѣтъ ничего, что̀ бы предосудительно кому было и могло бы напечатанію оной препятствовать“. Очевидно, что онъ отнесся къ своей цензорской обязанности, какъ къ простой формальности... Тредіаковскій же, напротивъ того, далъ пространный отзывъ, указывалъ недостатки трагедіи Сумарокова и даже предлагалъ замѣнить въ ней нѣкоторые стихи стихами своего сочиненія. Немного спустя, Тредіаковскому и Ломоносову поручено было цензуровать двѣ стихотворныя эпистолы Сумарокова—и съ ними повторилась такая же исторія. Ломоносовъ, которому Сумароковъ очень льстилъ въ этихъ эпистолахъ, сравнивая его съ Пиндаромъ и Мальзербомъ, отозвался объ эпистолахъ очень мягко, совѣтуя только от-

мѣнить въ нихъ нѣкоторыя преувеличенія; Тредіаковскій, напротивъ того, отозвался крайне неодобрительно. Онъ пишетъ, что въ эпистолахъ „великое чтется язвительство... не пороки пишущихъ больше пятнаются, сколько сами писатели". И при этомъ весьма ядовито замѣчаетъ: „можетъ-быть, что сему моему мнѣнію сопротивляется привиллегія піитической вольности; однако, опасно, чтобы сія вольность не возросла въ своевольность" и т. д. Сумарокову эпистолы были возвращены для передѣлки, и вновь представлены имъ на одобреніе Академіи. Тогда Тредіаковскій ужъ прямо возсталъ противъ произведеній Сумарокова и въ отзывѣ своемъ рѣзко высказался о томъ, что они „*именемъ только* эпистолы, а самымъ дѣломъ злостныя сатиры, и я поносительныхъ тѣхъ сочиненій по самой безпристрастной совѣсти апробовать не могу". Напротивъ того, умный и проницательный Ломоносовъ справедливо отнесся къ произведеніямъ молодого писателя и совершенно вѣрно замѣтилъ о нихъ, „что они ни до чего важнаго не касаются; но только содержатъ въ себѣ критику нѣкоторыхъ худыхъ писцовъ безъ ихъ наименованія". И тутъ же сослался на то, что въ „Россійскомъ народѣ сатиры князя Антіоха Дмитріевича Кантемира съ общею аппробаціею приняты, хотя въ нихъ всѣ страсти всякаго чина людей самымъ острымъ сатирическимъ жаломъ проницаются".

Само собою разумѣется, что разумное мнѣніе Ломоносова одержало верхъ: эпистолы были напечатаны; но задорный и мстительный авторъ ихъ воспылалъ страшною ненавистью къ своему строгому цензору-критику, котораго безпощадно казнилъ потомъ своими насмѣшками и сатирами до самой его смерти.

Ссоры и дрязги.

Точно такъ же, какъ и въ данномъ случаѣ, Тредіаковскій умѣлъ себѣ вредить и въ другихъ сношеніяхъ и отношеніяхъ, служебныхъ и общественныхъ, и былъ въ этомъ смыслѣ прототипомъ тѣхъ неудачниковъ, которыми изобиловала впослѣдствіи русская литература. Самъ не будучи въ силахъ поддержать свое личное достоинство и отстоять свое положеніе прямымъ путемъ, онъ старался добиваться своихъ цѣлей всевозможными окольными путями и былъ крайне неразборчивъ въ средствахъ, если думалъ, что они могутъ доставить ему успѣхъ, выгоду или хотя бы временное торжество надъ его врагами и противниками. Вся біографія этого усерднаго труженика переполнена тою мелкою борьбою, тяжбами и дрязгами, которыми Тредіаковскій постоянно умѣлъ и себя, и другихъ опутывать, вызывая къ себѣ то ненависть, то холодное презрѣніе. Объемъ нашего труда, къ сожалѣнію, не дозволяетъ намъ вдаваться въ біографическія подробности и передать съ надлежащею полнотою всѣ тяжкія испытанія и удары, какимъ Тредіаковскій подвергался при жизни и которые отчасти самъ на себя накли-

кáлъ и вызывать: однакоже мы должны будемъ, хотя вкратцѣ, коснуться его служебной академической карьеры, чтобы яснѣе очертить положеніе русскихъ дѣятелей въ той средѣ, которая, главнымъ образомъ, преобладала въ Академіи Наукъ въ первую четверть вѣка отъ начала существованія этого учрежденія.

Хлопоты о каѳедрѣ.

Воспользовавшись вступленіемъ на престолъ императрицы Елисаветы, которое ободрило всѣхъ русскихъ дѣятелей въ Академіи Наукъ, Тредіаковскій, въ маѣ 1743 г., сталъ просить о повышеніи его по окладу жалованья... Его ходатайство было оставлено безъ отвѣта. Тогда онъ обратился къ своему начальству съ просьбою о томъ, чтобы ему было предоставлено никѣмъ не занятое мѣсто старшаго библіотекаря при Академіи. Опять-таки его оставили безъ вниманія и отвѣта. Тогда уже въ третьемъ прошеніи Тредіаковскій заявилъ о своихъ правахъ на занятіе каѳедры профессора элоквенціи, ссылаясь на свои труды и заслуги, и просилъ, чтобы члены Академіи отмѣтили его знанія и подготовку къ той должности, о которой онъ хлопоталъ...

На это конференція Академіи отвѣтила ему рѣзкимъ отказомъ, мотивируя этотъ отказъ тѣмъ, что въ первоначальномъ проектѣ Академіи, начертанномъ Петромъ Великимъ, о профессорѣ элоквенціи россійской не упомянуто вовсе. Другими словами, конференція дала ему ясно понять, что онъ напрасно будетъ добиваться этого мѣста.

Но Тредіаковскаго не легко было отвадить отъ намѣченной имъ цѣли. Онъ отвѣчалъ конференціи весьма энергичною исповѣдью, въ которой прямо высказалъ, что „хотя есть профессоръ элоквенціи латинской, однако надлежитъ ему быть токмо по то время, пока нѣтъ къ тому способнаго человѣка изъ россійскихъ, ибо сія Академія учреждена въ пользу россійскихъ людей, какъ то явствуетъ въ прожектѣ Петра Великаго и въ указахъ Академіи Наукъ“...

Получивъ отказъ отъ Академіи, Тредіаковскій обратился къ членамъ Сунода съ просьбою о томъ, чтобы они „освидѣтельствовали его въ способности къ элоквенціи какъ латинской, такъ и россійской“, и члены Сунода выдали ему нѣчто въ родѣ аттестата. Несмотря, однакоже, и на этотъ аттестатъ, дѣло о каѳедрѣ элоквенціи положено было подъ сукно и оставалось болѣе года безъ всякаго движенія. Тогда Тредіаковскій рѣшился самъ о себѣ хлопотать въ Сенатѣ и подалъ туда прошеніе, въ которомъ излагалъ по пунктамъ всѣ права свои на званіе академика и профессора и всѣ мытарства, которыя пришлось ему пройти, добиваясь этого званія. Еще цѣлый годъ протекъ въ собираніи справокъ о неугомонномъ академическомъ переводчикѣ, и Сенатъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ, могъ, наконецъ, ходатайствовать о производ-

ствѣ Тредіаковскаго въ профессоры „какъ латинскія, такъ и россійскія элоквенціи“... 25 іюня 1745 года императрица Елисавета пожаловала Тредіаковскаго въ это званіе—и онъ наконецъ добился вожделѣннаго повышенія оклада.

Одновременно съ нимъ императрица пожаловала въ академики Ломоносова, и въ адъюнкты Крашенинникова. Но за этихъ двоихъ ученыхъ ходатайствовала сама Академія, а Тредіаковскій попалъ въ Академики чрезъ Сѵнодъ и Сенатъ, противъ воли всей коллегіи, и, тѣмъ самымъ, конечно, возбудилъ противъ себя общую непріязнь, которая, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усиливалась вздорными придирками и притязаніями этого новопожалованнаго академика. Академическое начальство старалось всѣми силами ограничивать и сдерживать черезчуръ обильную литературную и ученую дѣятельность Тредіаковскаго, а онъ донималъ академическое начальство то доносами, то нескончаемыми жалобами, то подметными письмами. Болѣе всего обиднымъ казалось „трудолюбному филологу“, что Академія отказывала ему въ печатаніи его сочиненій и переводовъ и, вмѣсто всякихъ объясненій, отвѣчала ему на его прошенія, что онъ можетъ жаловаться кому угодно и искать себѣ защиты у властей.

Отставка Тредіаковскаго.

Четырнадцать лѣтъ такой невыносимой жизни и служебной дѣятельности, такой безплодной и непрестанной борьбы, наконецъ истомили несчастнаго неудачника... Доведенный почти до отчаянія, онъ рѣшился покинуть Академію, и съ половины 1757 г. пересталъ ходить въ Академію, думая, что на его отсутствіе обращено будетъ вниманіе и отъ него затребованы будутъ объясненія. Но ему просто прекратили выдачу жалованья, и онъ самъ вынужденъ былъ подать на имя президента Академіи (графа Разумовскаго) длинное доношеніе, съ начала до конца проникнутое тяжелымъ сознаніемъ безвыходности того положенія, въ которомъ онъ себя видѣлъ. „Ненавидимый въ лицо, презираемый въ словахъ, уничтожаемый въ дѣлахъ, осуждаемый въ искусствѣ, прободаемый сатирическими рогами, изображаемый чудовищемъ“—такъ пишетъ самъ о себѣ Тредіаковскій въ этомъ доношеніи—„я несправедливо осужденъ буду, ежели осужденъ чрезъ удержаніе жалованья умирать голодомъ и холодомъ, какъ будто винный предъ должностью моею... У меня нѣтъ ни полушки въ домѣ, ни сухаря хлѣба, ни дровъ полѣна... Преверховное Правосудіе казнитъ меня за беззаконіе и грѣхи мои... предъ нимъ я виноватъ безъ числа, а не предъ Академіею и Академиками“. Но никакія сѣтованія и вопли несчастнаго труженика не помогли и не измѣнили его тяжкаго положенія къ лучшему: 30-го марта 1759 года онъ получилъ отставку и ему не только не было дано никакой пенсіи, но даже отказано въ незначительномъ денежномъ пособіи.

Кое-какъ перебиваясь литературными и переводными работами, Тредіаковскій прожилъ въ отставкѣ еще десять лѣтъ и скончался въ августѣ 1769 года [1]).

Частныя порученія.

Все сказанное нами о Тредіаковскомъ, о его значеніи, какъ писателя и ученаго, о его многосторонней и разнообразной дѣятельности — было бы не полно, если бы мы не привели здѣсь и еще нѣкоторыхъ любопытныхъ подробностей, характеризующихъ время, въ которое пришлось дѣйствовать этому первенцу русской литературы и науки. Прежде всего припомнимъ, что Тредіаковскому, въ бытность его переводчикомъ при Академіи, приходилось исполнять много такихъ порученій, которыя не имѣли ничего общаго съ его службою при Академіи. Мы не говоримъ даже о томъ, что онъ обязанъ былъ сочинять, по первому требованію начальства, русскія и латинскія надписи и девизы ко всякимъ придворнымъ празднествамъ и торжествамъ, иллюминаціямъ и фейерверкамъ; что онъ писалъ сокращенные тексты итальянскихъ комедій, которыя ставились на придворной сценѣ, и составлялъ либретто для первыхъ, явившихся въ Россіи „драмъ на музыкѣ“ (то-есть, оперъ) [2]); что онъ былъ обязательнымъ цензоромъ и критикомъ для всѣхъ вновь являвшихся произведеній литературы... Этого мало: ему еще давали и порученія дипломатическія... Такъ онъ сопровождалъ извѣстнаго маркиза де-ла-Шетарди въ Москву, по приказанію императрицы Елисаветы, и состоялъ при немъ одно время не то въ качествѣ секретаря, не то въ качествѣ соглядатая... Ему навязывали и гораздо болѣе трудныя порученія литературныя, напримѣръ, въ родѣ слѣдующаго: 29 сентября 1750 года графъ Разумовскій объявилъ въ академической канцеляріи, что императрица Елисавета „изоустнымъ, именнымъ указомъ повелѣла профессорамъ Тредіаковскому и Ломоносову сочинить *по трагедіи*“. Историкъ Академіи Наукъ, сообщая объ этомъ любопытномъ фактѣ, заключаетъ нѣсколько иронически, что „Тредіаковскій и Ломоносовъ тотчасъ же поспѣшили, въ силу Высочайшаго повелѣнія, найти въ себѣ надлежащее вдохновеніе для сочиненія трагедіи“... Тредіаковскій принялся даже за выполненіе Высочайшаго порученія настолько рьяно, что 28 ноября уже извѣщалъ Академію, что онъ „сочинилъ уже самую большую половину“ и даже читалъ ее Господину Президенту Академіи Наукъ. Немного спустя, онъ хлопоталъ уже о напечатаніи трагедіи при академической типографіи и приложилъ къ своему оригиналу „Прожектъ грыдорованаго листочка, имѣющаго быть при трагедіи...“ Академическая канцелярія велѣла-было живописцу

[1]) Погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

[2]) Первая изъ этихъ оперъ была: „Сила любви и ненависти“, напечатанная при Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, въ 1736 году.

Гриммелю сдѣлать рисунокъ по мысли Тредіаковскаго, однакоже этотъ рисунокъ не былъ выгравированъ, такъ какъ и самая трагедія, называвшаяся „*Дейдамія*", по какимъ-то неизвѣстнымъ для насъ обстоятельствамъ, не была напечатана при Академіи: она явилась въ свѣтъ уже послѣ смерти Тредіаковскаго.

Для полноты характеристики той тяжкой и страшной эпохи, въ которую приходилось дѣйствовать первымъ представителямъ новѣйшаго періода нашей литературы, приведемъ еще одинъ любопытный эпизодъ изъ жизни Тредіаковскаго.

Страшное слово.

Въ 1730 году, будучи еще въ Гамбургѣ, Тредіаковскій, по поводу коронаціи императрицы Анны Іоанновны, написалъ торжественную пѣснь, которую, по возвращеніи въ Россію, напечаталъ въ типографіи при Академіи Наукъ, съ приложеніемъ нотъ для пѣнія. Пѣснь эта начиналась стихомъ:

«Да здравствуетъ днесь Императрікс Анна...»

Со времени сочиненія пѣсни прошло пять лѣтъ. Всѣ экземпляры ея давно уже разошлись въ продажѣ въ столицахъ, а въ провинціи пѣснь усердно переписывалась разными любителями торжественнаго пѣснопѣнія. Одинъ изъ нихъ, священникъ Алексѣй Васильевъ, случайно заѣхавъ въ костромское духовное правленіе, просилъ тамъ одного понамаря—нельзя ли отыскать ту пѣсню въ Костромѣ; для памяти онъ и написалъ ему вышеприведенный начальный стихъ. Одинъ изъ писцовъ, увидавъ слово „*Императрікс*", нашелъ его зазорнымъ для Высочайшаго титула, донесъ о томъ по начальству, и тотчасъ же священникъ Васильевъ и дьячокъ Савельевъ, доставившій ему пѣсню, были отосланы въ Москву, въ контору тайныхъ розыскныхъ дѣлъ... Тотчасъ поднялось и завязалось дѣло, и притомъ *секретнѣйшее*. Полетѣли запросы въ Петербургъ, въ Тайную Канцелярію, къ грозному начальнику ея, генералу А. И. Ушакову, который затребовалъ немедленно объясненій отъ Тредіаковскаго. Сохранившееся намъ письменное объясненіе Тредіаковскаго (отъ 16 окт. 1735 года) чрезвычайно любопытно по тому, что онъ долженъ былъ выяснить начальнику Тайной Канцеляріи значеніе и свойства пентаметра.

„Первый самый стихъ" (пѣсни),—такъ пишетъ встревоженный піита,—„въ которомъ положено слово *Императрікс*—есть *пентаметръ*, т. е. пять мѣръ или стопъ имѣющій, и, конечно, въ Россійскомъ стихотворствѣ одиннадцать слоговъ (ни больше, ни меньше) содержащій. Слово сіе *Императрікс*, есть самое подлинное латинское и значитъ точно во всей своей высокости *Императрица*, въ чемъ я ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые совершенную силу знаютъ въ Латинскомъ языкѣ. Употребилъ я сіе Латинское слово, Императрікс, для того, что мѣра стиха сего тре-

бовала, ибо лишній бы слогъ былъ въ словѣ *Императрица*; но что чрезъ оное слово никакого нѣтъ урона въ Высочайшемъ величіи Ея Императорскаго Величества, то не токмо Латинскій языкъ довольно меня оправдываетъ, но, сверхъ того, еще и стихотворная наука.“

Затѣмъ онъ указывалъ на подобныя же стихотворныя сокращенія титула и даже имени Государя, обычныя во французской поэзіи, и заканчиваетъ довольно смѣлой выходкой, которая, вѣроятно, болѣе всего способствовала къ оправданію поэта:

„Тѣ, которые претендуютъ, что симъ словомъ *Императріксъ* прописанъ у меня высочайшій тітлъ Ея Императорскаго Величества, либо весьма глупы, для того, что не зная точныя въ немъ силы претендуютъ; либо весьма злы, для того, что тѣмъ на меня клевещутъ, что мнѣ долженствовало быть въ похвалу, и что̀ я сочинилъ превеликою радостію движимый, какъ самая пѣснь радостный жаръ стихотворства, бывшій во мнѣ тогда, довольно изъявляетъ; либо великіе, наконецъ, вруны, для того, что такъ болтаютъ, въ чемъ нѣтъ, какъ просто говорится, ни складу, ни ладу.“

Тайная Канцелярія удовлетворилась этимъ отвѣтомъ, и грозный начальникъ ея послалъ въ Москву приказъ—освободить священника и дьячка, такъ какъ „оный Тредіаковскій объявилъ, что оное слово (Императриксъ) латинское и прочіе, къ тому подлежащіе резоны показалъ“.

Отзывы потомства.

Несчастному труженику, претерпѣвшему столько невзгодъ при жизни, гораздо болѣе посчастливилось въ потомствѣ; уже ближайшіе потомки — въ лицѣ Радищева и Новикова — воздали должное памяти ученыхъ и литературныхъ заслугъ почившаго собрата, и въ современной журналистикѣ попытались защищать даже его „Телимахиду“ отъ насмѣшекъ, которыми осыпала ее императрица Екатерина въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ журналѣ „Всякая всячина“ [1]). Впослѣдствіи, Пушкинъ, видимо тронутый печальною участью писателя-труженика, пошелъ даже далѣе: онъ не только отзывался съ похвалою о научной и литературной дѣятельности Тредіаковскаго, не только высказалъ, нѣсколько поспѣшно, что „Сумароковъ и Херасковъ не сто̀ятъ Тредіаковскаго“, но даже рѣшился высказать, что Тредіаковскій, по его мнѣнію „былъ почтенный и порядочный человѣкъ“. Принимая въ соображеніе все то, что намъ въ данное время извѣстно

[1]) «При Императрицѣ Екатеринѣ II,»—такъ разсказываетъ митрополитъ Евгеній въ словарѣ «Свѣтскихъ писателей»—«въ Эрмитажѣ установлено было шуточное наказаніе: за легкую вину выпить стаканъ холодной воды и прочесть изъ Телемахиды страницу. А за важнѣйшую - выучить изъ оной шесть строкъ . Сей законъ написанъ былъ золотыми буквами на таблицѣ, которая и до нынѣ цѣла (II. 221).

объ авторѣ „Телемахиды“, мы думаемъ, что съ послѣднимъ выводомъ Пушкина согласиться довольно трудно... Тредіаковскаго, по тому времени, когда онъ жилъ, можно и должно назвать „почтеннымъ“ ученымъ, „почтеннымъ“ труженикомъ; можно и должно отнестись съ уваженіемъ къ тому, что было имъ сдѣлано и достигнуто тяжкимъ трудомъ. Но „почтеннымъ и порядочнымъ человѣкомъ“ Тредіаковскаго никакъ нельзя назвать, не измѣнивъ въ корнѣ современное намъ значеніе этихъ словъ, въ ихъ примѣненіи къ личности любого человѣка, любого общественнаго дѣятеля. Этотъ отзывъ Пушкина въ особенности не можетъ быть примѣнимъ къ Тредіаковскому, который самъ себя не уважалъ и нигдѣ не умѣлъ поддержать свое человѣческое достоинство. Не слѣдуетъ забывать, что рядомъ съ несчастнымъ, забитымъ и заслуживающимъ состраданія Тредіаковскимъ стоитъ величавая и мощная фигура того смѣлаго помора, который всѣмъ сумѣлъ внушить уваженіе не только къ себѣ лично, не только къ своему труду, но и къ тому званію ученаго и писателя, которое онъ носилъ съ такою благородною гордостью и съ такимъ полнымъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства.

Виньетка изъ „Тилемахиды“ Тредіаковскаго.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Новыя вѣянія въ русской общественной жизни сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка.—Французское вліяніе и меценатство.—Ломоносовъ; легенда о немъ и дѣйствительность.—Дѣятельность ученая, литературная и общественная. —Его характеръ, значеніе и заслуги по отношенію къ просвѣщенію въ Россіи. —Труды Ломоносова по отечественной исторіи.—Ломоносовъ въ потомствѣ.

Сороковые годы прошлаго столѣтія составляютъ эпоху въ исторіи нашей общественной жизни, въ нашемъ просвѣщеніи и въ нашей литературѣ. Вступленіемъ на престолъ императрицы Елисаветы заканчивается тотъ мрачный, тяжелый и печальный періодъ броженія различныхъ общественныхъ элементовъ, періодъ борьбы и безплодныхъ усилій, періодъ преобладанія иноземныхъ элементовъ въ нашей государственной жизни и политикѣ, который выражался сухимъ формализмомъ и безсердечнымъ деспотизмомъ въ отношеніяхъ власти и къ обществу, и къ народу. Миновала страшная „Бироновщина", мелькнуло мимолетною тѣнью правленіе императора-младенца, и на престолѣ явилась „дщерь Петрова", къ которой всѣ взоры обратились съ надеждою и упованіями на лучшее будущее...

Елисавета на престолѣ. Всѣ, пережившіе тяжкій пятнадцатилѣтній періодъ, протекшій со времени кончины Петра, мысленно возвращались къ воспоминаніямъ о царствованіи Великаго Преобразователя, какъ къ золотому вѣку, естественно и справедливо забывая всѣ тягости, всѣ невзгоды, всѣ недочеты этого дивнаго царствованія; всѣ вѣрили, что Елисавета наслѣдовала хотя отчасти великія доблести своего Родителя и сумѣетъ внести миръ и покой, и благоденствіе въ русскую народную жизнь и общественность. И Елисавета, въ значительной степени, оправдала скромныя упованія, возлагаемыя на нее: она внесла болѣе мягкости въ отношеніе власти къ обществу и народу, выказала расположеніе ко всему, что было дорого сердцу русскихъ людей, а главное—въ значительной степени ослабила преобладаніе иноземцевъ, оскорблявшее народную гордость...

Русскіе дѣятели. Не довѣряя тѣмъ пришельцамъ, которые, преслѣдуя только однѣ свои корыстныя цѣли, такъ долго держали ее въ тѣни и преграждали ей путь къ престолу, Елисавета, видимо, старалась окружить себя природными русскими людьми, ихъ выдвигала и имъ покровительствовала, какъ бы исполняя этимъ завѣтъ своего Великаго Отца, который умѣлъ пользоваться услугами искусныхъ иностранцевъ, но все же важнѣйшія мѣста въ управленіи государственномъ всегда предоставлялъ русскимъ. И вотъ, около Елисаветы образуется цѣлый кружокъ русскихъ людей—Разумов-

скихъ, Шуваловыхъ и Воронцовыхъ,—которые начинаютъ близко къ сердцу принимать интересы русской литературы и просвѣщенія, наравнѣ съ другими насущными нуждами русскаго народа. Въ то же время, въ придворной средѣ и въ средѣ русской знати, приближенной къ престолу, подъ вліяніемъ различныхъ условій политической и государственной жизни Россіи, начинаетъ сильно преобладать французское вліяніе; вводятся французскія моды и общественные обычаи и, благодаря этому новому вѣянію, въ общественные нравы вносится болѣе мягкости, болѣе вѣжества и гуманности.

Смягченіе нравовъ.

Шутовство и скоморошество, по мановенію Елисаветы исчезнувшее при Дворѣ, утрачиваетъ свой прежній смыслъ и значеніе и въ частной жизни вельможъ; является и быстро начинаетъ развиваться стремленіе къ болѣе благороднымъ забавамъ, къ болѣе тонкимъ и изящнымъ наслажденіямъ. Проявляется вкусъ къ литературѣ, къ театру, для всѣхъ доступному и открытому; пробуждается желаніе покровительствовать талантамъ, поощрять дѣятелей науки, поэтовъ и писателей... Грубыя проявленія дикаго произвола по отношенію къ этимъ избранникамъ и жрецамъ искусства оказываются невозможными; наступаетъ пора широкаго, гостепріимнаго и тщеславнаго меценатства, которымъ „знатнѣйшія персоны“ начинаютъ щеголять и кичливо соперничать между собою... Зарождается, хотя еще и въ самомъ элементарномъ зачаткѣ, сознаніе того, что можно назвать истинною народною гордостью, и тѣ, которые проникаются этимъ высокимъ чувствомъ, начинаютъ приходить къ убѣжденію, что слава Россіи не въ одномъ громѣ пушекъ и не въ одникъ завоеваніяхъ...

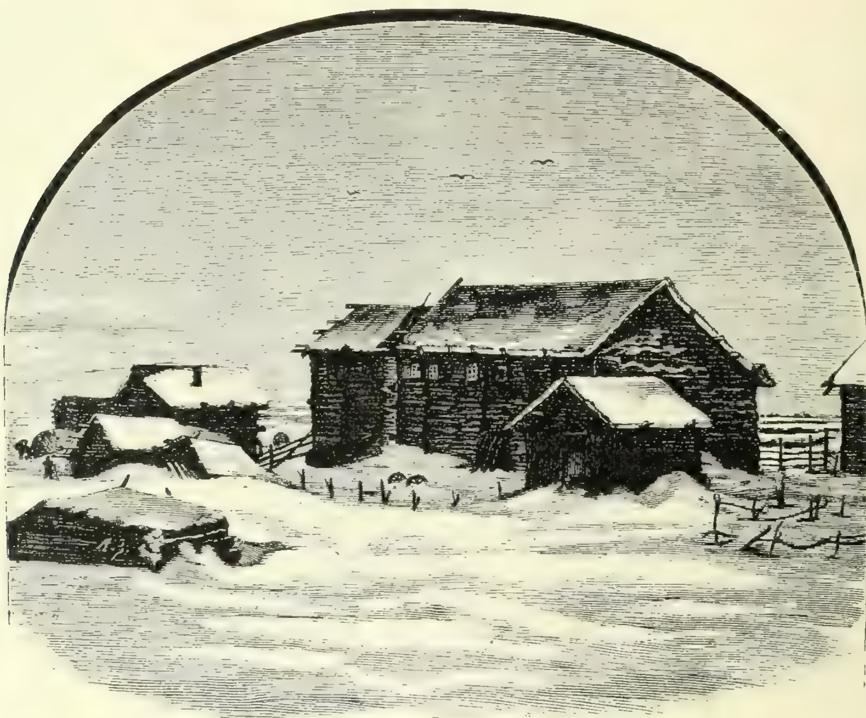
Въ это время вожделѣннаго отдохновенія и покоя, время просвѣщенія и пробужденія лучшихъ надеждъ и лучшихъ инстинктовъ, суждено было явиться человѣку, который одинъ своею личною дѣятельностью мощно двинулъ впередъ русскую литературу и науку и создалъ около себя цѣлый рой поклонниковъ, послѣдователей и подражателей, безусловно передъ нимъ преклонявшихся. Человѣкъ этотъ былъ никто иной, какъ *Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.*

Петръ и Ломоносовъ

Мы едва ли ошибемся, сказавъ, что появленіе и вся дѣятельность Ломоносова были прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ эпохи Преобразованій: безъ Петра не могло быть и не было бы и Ломоносова. Но зато, съ другой стороны, и Ломоносовъ представляется намъ воплощеніемъ того идеала, какой могъ Петръ носить въ душѣ своей, мечтая о будущемъ развитіи въ Россіи наукъ, литературы и просвѣщенія... И Ломоносовъ, въ свою очередь, явился въ нашей литературѣ и наукѣ, и въ исторіи нашего просвѣщенія такимъ же всеобъемлющимъ геніемъ, какимъ Петръ является въ исторіи нашей государственной и народной жизни.

Многосторонній, наблюдательный, одинаково-воспріимчивый и къ явленіямъ природы, и къ призывамъ жизни, неутомимо-дѣятельный и страстный въ своемъ трудолюбіи, неистощимый въ энергіи и въ изысканіи средствъ для ея примѣненія,—Ломоносовъ, на своемъ ограниченномъ поприщѣ дѣятельности, многими сторонами своего нравственнаго типа напоминаетъ намъ величавую личность Великаго Преобразователя. При всѣхъ своихъ большихъ и крупныхъ недостаткахъ, онъ былъ истинно великій человѣкъ— одинъ изъ тѣхъ, которыхъ не развѣнчиваетъ и отдаленное потом-

Легенда и критика.

Денисовка, родина Ломоносова.

ство, къ которымъ и самое время какъ будто относится снисходительно и съ пощадою... Поэтому неудивительно, что около его личности и его дѣятельности сложилась при жизни его и возросла послѣ его смерти извѣстнаго рода легенда, украсившая его ореоломъ героизма, преувеличившая его дѣянія, сгладившая личныя и мѣстныя краски и оттѣнки... Подъ вліяніемъ различныхъ условій времени и различныхъ воззрѣній, Ломоносовъ въ потомствѣ явился не тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Ломоносовъ представлялся, въ первыя времена разработки его біографіи, жалкимъ юношей, убѣгающимъ изъ родительскаго дома по страсти къ наукѣ и ученію, затѣмъ—самоотверженнымъ труженикомъ, претерпѣвающимъ всякія лишенія, огорченія и невзгоды отъ

нѣмцевъ, и, въ концѣ жизни—жертвою людской неблагодарности, будто бы не признавшей заслугъ и достоинствъ великаго мужа. Въ такомъ видѣ біографія великаго русскаго ученаго и писателя сложилась въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія и послужила даже благодарною канвою для назидательнаго романа [1]) и богатымъ сюжетомъ для чувствительной драмы. Но безпристрастная, разборчивая критика, ознакомившись со всѣми документами біографіи Ломоносова, собравъ для нея всѣ матеріалы, сличивъ его собственные отзывы и разсказы о себѣ съ разсказами и свидѣтельствами современниковъ—друзей и враговъ его—прошла по

Мѣсто, гдѣ находился, въ Денисовкѣ, домъ Ломоносова.

всѣмъ этимъ матеріаламъ своимъ неумолимымъ рѣзцомъ, и, разрушивъ созданный воображеніемъ кумиръ, возсоздала живой образъ беззавѣтно-смѣлаго и неустрашимаго помора, одинаково-неутомимаго и въ трудѣ, и въ борьбѣ за преуспѣяніе русской науки. Въ этомъ отношеніи важныя услуги русской наукѣ были оказаны трудами нашихъ ученыхъ, изданными въ свѣтъ по поводу минувшаго столѣтія со смерти Ломоносова. Особенно много дала разработка рукописнаго и архивнаго матеріала, въ которой приняли участіе академики Билярскій, Куникъ, Я. К. Гротъ, Пекарскій и В. Ламанскій.

[1]) Кс. Ал. Полевой обратилъ біографію Ломоносова въ обширный и весьма назидательный романъ для юношества; Н. А. Полевой основалъ на ней свою драму «*Ломоносовъ*».

Въ сжатомъ и бѣгломъ очеркѣ передадимъ фактическія свѣдѣнія о біографіи Ломоносова, которая, даже и безъ всякихъ прикрасъ, представляетъ собою цѣлый романъ, полный яркихъ эпизодовъ, изумительныхъ случайностей и необычайныхъ приключеній.

Біографическія данныя.

Родился Ломоносовъ около 1712 года, въ нынѣшней Архангельской губерніи, въ селѣ Денисовкѣ, расположенномъ на одномъ изъ острововъ Двины, невдалекѣ отъ города Холмогоръ, древніе храмы котораго видны съ того бугра, на которомъ раскинулась Денисовка. Отецъ его былъ крестьянинъ Василій Дороѳеевъ, занимавшійся рыбнымъ и звѣровымъ промысломъ, подобно всѣмъ поморамъ. Мать Ломоносова, Елена Ивановна, была дочь дьякона изъ селенія Матигоры, въ томъ же Холмогорскомъ уѣздѣ. Отецъ Ломоносова жилъ безбѣдно, владѣлъ участкомъ собственной земли и для промысловъ имѣлъ нѣсколько судовъ, изъ которыхъ одно было довольно значительныхъ размѣровъ и съ корабельною оснасткою, такъ что на немъ Василій Ломоносовъ, для своего промысла, плавалъ не только по Бѣлому морю, но и по Сѣверному Ледовитому океану [1]). Сынъ Михаилъ былъ неразлученъ съ отцомъ въ этихъ дальнихъ и опасныхъ странствованіяхъ по непривѣтнымъ и бурнымъ волнамъ сѣверныхъ морей; здѣсь, въ непосредственной близости къ суровой и пустынной, но величественной природѣ, онъ пріобрѣлъ и выработалъ въ себѣ желѣзную волю и энергію, несокрушимую никакими препятствіями; здѣсь народились и залегли въ основу нравственнаго типа юноши эти отличительныя черты нашего сѣвернаго помора, которыя ни образованіе, ни дальнѣйшая жизнь, ни странствованія по Европѣ не могли стереть.

Грамотѣ выучился Ломоносовъ поздно; прежде, нежели онъ принялся за ея изученіе, отецъ уже собирался его женить и даже подыскалъ сыну невѣсту, въ Колѣ; слѣдовательно, ему было лѣтъ 18, когда землякъ его, той же волости крестьянинъ, Иванъ Шубный (или Шубной) просвѣтилъ его книжною премудростью. Премудростью этою онъ, къ удивленію всѣхъ, овладѣлъ очень быстро и вскорѣ сталъ лучшимъ чтецомъ на клиросѣ своей приходской церкви. Первыя недуховныя книги попались ему на глаза въ домѣ крестьянина той же Куростровской волости, Христофора Дудина, и совершенно вскружили голову юношѣ, для котораго, далеко за предѣлами его села и волости, открылся какой-то новый, невѣдомый ему міръ, и сталъ манить его къ себѣ, манить неудержимо... Книги эти, которыя впослѣдствіи Ломоносовъ называлъ въ шутку „вратами своей учености“—уже извѣстны намъ:

[1]) По словамъ Ломоносова онъ достигалъ не разъ съ отцомъ до 70° сѣверной широты.

грамматика Смотрицкаго и ариѳметика Магницкаго. Ломоносовъ вымолилъ ихъ себѣ у Дудина, носился съ ними, какъ съ самымъ драгоцѣннымъ достояніемъ, выучилъ ихъ наизусть, уразумѣлъ, усвоилъ—и страстно захотѣлъ учиться. Учиться дома не было никакихъ средствъ, никакихъ способовъ; притомъ, по собственному признанію Ломоносова, его поѣдомъ ѣла злая мачиха, которую, по смерти Елены Ивановны, отецъ ввелъ въ свой домъ—и вотъ явилась мысль: уйти съ родины въ Москву или даже за Москву, и найти во что бы то ни стало способы къ ученью.

Для этого вовсе не пришлось ему тайно бѣжать изъ родительскаго дома, и едва ли даже пришлось идти пѣшкомъ изъ Денисовки въ Москву, какъ нѣкогда гласила Ломоносовская легенда... Въ волостной книгѣ, въ которой записывались взносы податей, сохранилась современная запись:

„1730 г., декабря 7-го дня, *отпущенъ* Михаилъ Васильевъ Ломоносовъ къ Москвѣ и къ морю до сентября мѣсяца предбудущаго 1731 года; а порукою по немъ въ платежѣ подушныхъ денегъ Иванъ Баневъ росписался“.

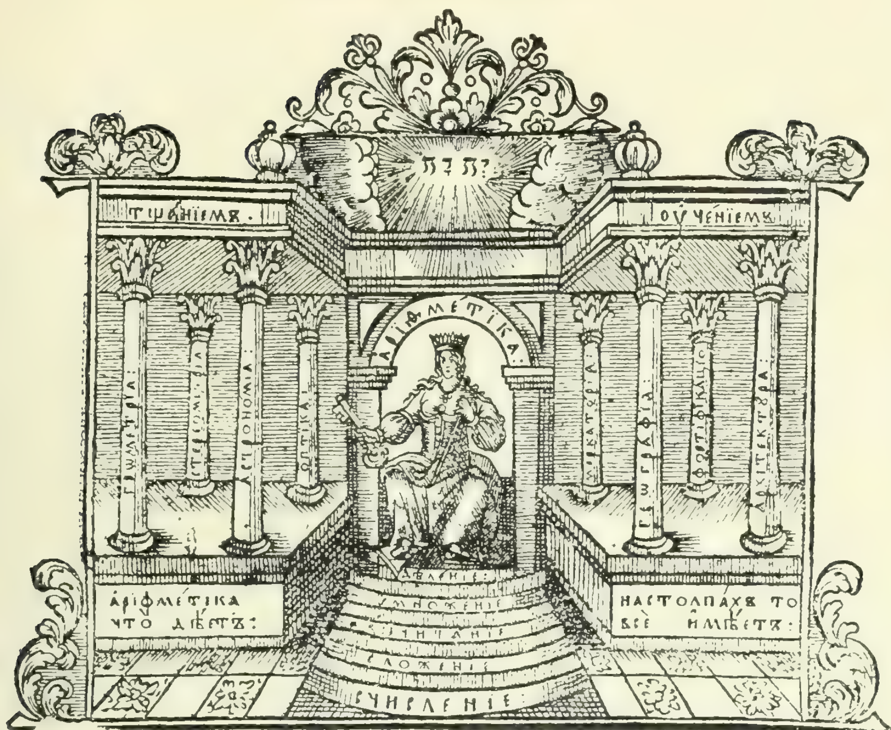
Въ дорогѣ, вѣроятно съ рыбнымъ обозомъ, Ломоносовъ пробылъ менѣе мѣсяца, потому что, по его собственному свидѣтельству, онъ записанъ былъ въ „Московскихъ Спасскихъ Школахъ 15 января 1731 года“, а между тѣмъ мы знаемъ, что до поступленія въ Заиконоспасское училище, онъ находился еще нѣкоторое время въ школѣ при Сухаревой башнѣ [1]). Самый же разсказъ о бѣгствѣ Ломоносова изъ родительскаго дома могъ легко произойти отъ того, что онъ, не вернувшись на родину въ назначенный срокъ, дѣйствительно значился по ревизскимъ сказкамъ „въ бѣгахъ“, и его земляки (сначала отецъ, а по смерти его—односельцы) дѣйствительно вносили за этого мнимаго бѣглеца подати до 1747 года, а потомъ даже и пытались взыскать ихъ съ него.

Въ Заиконоспасской школѣ Ломоносовъ пробылъ около шести лѣтъ и, по его собственному признанію (въ письмѣ къ И. И. Шувалову отъ 10 мая 1753 г.), провелъ это время „въ несказанной бѣдности“. На содержаніе ученикамъ въ младшихъ классахъ отпускалось, дѣйствительно, всего 3 копейки (т. е. алтынъ), а въ старшихъ 4 копейки... Приходилось тратить на пропитаніе: „денежку на хлѣбъ, денежку на квасъ, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды“. Но „несказанная бѣдность“ и лишенія не охладили въ Ломоносовѣ страсть къ ученію: онъ легко справился съ трудно переваримой схоластикой Заиконоспасской школы, усвоилъ Первая школа.

[1]) Изъ сопоставленія этихъ фактовъ становится ясно, что Ломоносовъ никакъ не могъ пройти весь путь отъ Холмогоръ до Москвы пѣшкомъ... Не слѣдуетъ забывать, что отъ Холмогоръ до Москвы не менѣе 1200 верстъ.

Титулъ ариѳметики Магницкаго учебника, по которому учился Ломоносовъ.

Арифметика практика

или деятелная.

Что есть арифметика;

Арифметика или числителница, есть художество честное, независтное, и всем удобопонятное, многополезнейшее, и многохвалнейшее, от древнейших же и новейших, в разная времена явлшихся изряднейших арифметиков, изобретенное, и изложенное.

Коликогуба есть арифметика практика;

Есть сугуба.

1 Арифметика политика, или гражданская.

2 Арифметика логистика, не ко гражданству токмо, но и к движению небесных кругов принадлежащая.

Начальная страница ариѳметики Магницкаго. Виньетка на ней указываетъ надписями на столпахъ храма всѣ примѣненія ариѳметики въ жизни.

всю ту премудрость, какую школа могла ему дать, попытался даже (можетъ-быть по совѣту учителей своихъ) заглянуть въ Кіевскую Академію; но понялъ, что она дастъ ему немного болѣе Заиконоспасской школы, и нѣсколько разочарованный, вернулся опять въ Москву. Вернулся какъ разъ ко времени полученія Высочайшаго указа, которымъ повелѣвалось избрать и отправить въ Петербургскую Академію Наукъ „отроковъ добрыхъ, которые бы въ приличныхъ къ украшенію разума наукахъ довольное знаніе имѣли.“ Исполняя по указу, ректоръ Заиконоспасской школы, архимандритъ Стефанъ, избралъ изъ числа учениковъ двѣнадцать юношей, „остроумія не послѣдняго“—и отправилъ ихъ по назначенію. 2 января 1736 года они прибыли въ Петербургъ, а въ концѣ сентября того же года трое изъ нихъ—

Отправленіе за границу.

Ломоносовъ, *Дмитрій Виноградовъ* и *Рейзеръ* — уже плыли изъ Кронштадта по морю, въ Любекъ, отправленные на казенный счетъ за границу для обученія металлургіи и химіи, въ видахъ подготовки ихъ къ горному дѣлу. Цѣлью ихъ странствованія былъ намѣченъ Марбургъ, въ которомъ они должны были слушать курсъ естественныхъ наукъ у знаменитаго въ то время профессора Христіана Вольфа, который, какъ мы уже видѣли выше, состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Академіею Наукъ и оказалъ ей не мало весьма важныхъ услугъ. Изъ Марбурга молодые русскіе студенты должны были впослѣдствіи направиться во Фрейбергъ и тамъ, у бергъ-физикуса Генкеля, заняться практикою горнаго дѣла.

Инструкція, данная молодымъ людямъ изъ Академіи Наукъ, страдала большою неопредѣленностью требованій и отзывалась тѣмъ чрезвычайнымъ эклектизмомъ, который составлялъ отличительную черту учености Петровскаго времени... Въ инструкціи значилось: „ничего не оставлять, что до химической науки и горныхъ дѣлъ касается, а притомъ учиться и естественной исторіи, физикѣ, геометріи и тригонометріи, механикѣ, гидравликѣ и гидротехникѣ (пунктъ 2-й)“. И сверхъ того: „стараться о полученіи такой способности въ русскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, чтобы ими свободно говорить и писать могли, а притомъ учиться прилежно рисованію“ (пунктъ 5-й).

Не слѣдуетъ забывать, что изъ троихъ посланныхъ Академіею молодыхъ людей, двое — Ломоносовъ и Виноградовъ вовсе не были знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ и, слѣдовательно, на первыхъ порахъ должны были преодолѣвать большія затрудненія при слушаніи лекцій. А пославшая ихъ Академія обязывала ихъ, сверхъ всего, всякими отчетами о занятіяхъ и о расходахъ, всякими „трудами въ свидѣтельство прилежанія“ и другими формальностями.

Ломоносовъ и Вольфъ.

Студенты работали очень усердно. Привѣтливый и добросовѣстный руководитель ихъ занятій, Христіанъ Вольфъ отзывается о нихъ съ большою похвалою: удивляется ихъ быстрымъ успѣхамъ въ нѣмецкомъ языкѣ и въ особенности о Ломоносовѣ говоритъ (въ своихъ письмахъ къ академическому начальству) почти съ восторгомъ. „На него деньги тратятся не даромъ“,—пишетъ Вольфъ,—„по возвращеніи въ отечество, онъ долженъ принести пользу государству“ и т. д. Но о поведеніи русскихъ студентовъ Вольфъ не можетъ дать одобрительнаго отзыва: „они чрезъ мѣру предаются разгульной жизни и черезчуръ пристрастны къ женскому полу“ — пишетъ онъ неоднократно. И эти отзывы Вольфа, какъ и вообще свѣдѣнія о кутежахъ Ломоносова и его товарищей въ Марбургѣ, побудили очень многихъ біографовъ Ломоносова прійти къ тому выводу, будто „здѣсь развились и слабыя стороны его характера и особенно наклонность къ вину, которая была причиною многихъ несчастныхъ исторій въ его жизни и преждевременно свела его въ могилу“. Съ такимъ выводомъ, конечно, нельзя ни въ какомъ случаѣ согласиться; наклонность къ вину легко могла быть пріобрѣтена Ломоносовымъ еще въ Москвѣ, во время пребыванія въ Заиконоспасской школѣ:—отъ этой наклонности страдали и гибли многіе русскіе литературные дѣятели

Заиконоспасскій монастырь, въ Москвѣ, на Никольской улицѣ.

и ученые, даже никогда не заглядывавшіе ни въ одинъ изъ германскихъ университетовъ... Притомъ и стѣсненное положеніе Ломоносова и его товарищей, до нѣкоторой степени, побуждало ихъ къ разгулу, вызывало въ нихъ потребность отъ времени до времени—забыться и махнуть рукой на все. Денегъ Академія давала имъ настолько мало, что они, даже и при большой аккуратности (не свойственной натурѣ славянина), едва ли могли бы свести концы съ концами; да и это скудное содержаніе высылалось Академіею не въ срокъ, иногда съ большими промежутками и промедленіями... А тѣмъ временемъ студенты впадали въ неоплатные долги, которые ихъ угнетали и раздражали, даже приводили въ отчаяніе... Въ концѣ концовъ, на третій годъ пребыванія въ Марбургѣ, Ломоносовъ и его товарищи такъ запутались, что академическому начальству пришлось за нихъ уплатить около 2000 рейхсталеровъ [1]), прежде чѣмъ отправить ихъ далѣе, по назначенію, во Фрейбергъ, для занятія горнымъ дѣломъ. Наконецъ, 20 іюля 1739 года, въ 5 часовъ утра, студенты покинули Марбургъ; Вольфъ самъ ихъ усадилъ въ почтовую карету и каждому передалъ отдѣльно деньги на путевыя издержки. Они очень добродушно и съ самымъ искреннимъ чувствомъ прощались со своимъ наставникомъ, который снабдилъ ихъ лучшими рекомендаціями; но не могъ скрыть отъ Академіи, что „отъѣздъ молодыхъ людей освободилъ его отъ многихъ хлопотъ“. Чрезвычайно любопытно при этомъ сообщаемое имъ извѣстіе, что русскіе студенты — дюжіе ребята атлетическаго сложенія — постоянно жили дружно, держались кучно и „такой наводили на всѣхъ страхъ, что всѣ ихъ боялись“. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что изъ этого отзыва почтеннаго профессора было бы весьма опро-

Христіанъ Вольфъ.

---

[1]) Если принять въ соображеніе, что студенты получали всего по 300 талеровъ содержанія въ годъ, чего было далеко не достаточно для безбѣднаго проживанія въ Марбургѣ, то и сумма долговъ, которая была за нихъ уплачена (въ три года), не свидѣтельствуетъ о ихъ чрезмѣрной расточительности.

метчиво дѣлать слишкомъ поспѣшный выводъ относительно русскихъ студентовъ, какъ забіякъ и буяновъ. Не слѣдуетъ забывать, что при томъ замкнутомъ корпоративномъ устройствѣ, ко-

Старое зданіе университета въ Марбургѣ.

торое еще и до сихъ поръ сохранилось во многихъ германскихъ университетахъ, русскіе студенты должны были держаться въ сторонѣ отъ корпорацій, должны были подвергаться съ ихъ сто-

Медали Марбургскаго университета.

роны различнымъ непріятностямъ и насмѣшкамъ, а потому и естественно вынуждаемы были нерѣдко прибѣгать къ ручной расправѣ, чтобы защитить и отстоять свою личность.

Ломоносовъ и Генкель.

Во Фрейбергѣ Ломоносовъ пробылъ недолго—не болѣе года. Здѣсь матеріальное положеніе русскихъ студентовъ сдѣлалось еще хуже, чѣмъ въ Марбургѣ, потому что академическое начальство вздумало взыскивать съ нихъ сумму уплаченныхъ долговъ и потому стало высылать не болѣе 150 рейхсталеровъ на человѣка. И эти высылки еще обставлены были тяжелою опекою бергъ-физикуса Генкеля, которому поручено было ученое руководство занятіями русской молодежи. И Генкель слишкомъ добросовѣстно, слишкомъ тяжеловѣсно наложилъ эту опеку на Ломоносова съ товарищами, хотя самъ въ то же время писалъ въ Академію, что содержанія, высылаемаго студентамъ, не хватаетъ на ихъ самыя насущныя потребности.

Результаты академической экономіи и Генкелевской опеки выяснились вскорѣ и оказались весьма плачевными. Между Генкелемъ и студентами начались пререканія; горячій и въ запальчивости пристрастный Ломоносовъ сталъ писать въ Академію жалобы и доносы на Генкеля, въ которыхъ взводилъ на своего наставника едва ли справедливыя обвиненія. Отношенія эти вскорѣ закончились тѣмъ, что Ломоносовъ самовольно скрылся изъ Фрейберга, въ маѣ, 1740 года, и Генкель, сообщая Академіи (въ сентябрѣ 1740 года) о его долговременной отлучкѣ, о которой и земляки его не могутъ дать ему никакихъ объясненій, въ то же время прибавляетъ:

„При этомъ случаѣ, не могу не замѣтить, что, по моему мнѣнію, г. Ломоносовъ, довольно хорошо усвоившій себѣ теоретически и практически химію, преимущественно металлургическую, а въ особенности пробирное дѣло, равно какъ и маркшейдерское искусство, распознаваніе рудъ, рудныхъ жилъ, земель, камней, солей и водъ, способенъ основательно преподавать механику, въ которой онъ, по отзывамъ знатоковъ, очень свѣдущъ“ и т. д. И только уже въ октябрѣ 1740 года Генкель спѣшитъ извѣстить Академію, что Ломоносовъ находится въ Марбургѣ.

Но гдѣ же былъ Ломоносовъ отъ мая по октябрь 1740 г.? На это даютъ намъ нѣкоторыя (далеко не полныя) объясненія тѣ письма, которыя Ломоносовъ, время отъ времени, за этотъ періодъ, писалъ къ секретарю Академіи, Шумахеру. Изъ этихъ писемъ узнаемъ, что Ломоносовъ за это время странствовалъ, предпринимая тщетныя попытки—получить отъ заграничныхъ русскихъ посольствъ средства на возвратный путь въ Россію. Съ этою цѣлью побывалъ онъ въ Лейпцигѣ и Кёльнѣ, потомъ во Франкфуртѣ, откуда водою ѣздилъ въ Роттердамъ и Гагу. Въ „Амстердамѣ“, такъ пишетъ онъ, „нашелъ я нѣсколько знакомыхъ купцовъ изъ Архангельска, которые мнѣ совершенно

отсовѣтовали безъ приказанія въ Петербургъ возвращаться. Они мнѣ представили кучу опасностей и несчастій, и потому я опять долженъ былъ возвратиться въ Германію. Коликую опасность и нужду я претерпѣлъ въ пути, мнѣ самому страшно даже и вспомнить, и поелику долго было бы писать о томъ, то для краткости лучше вовсе умолчу [1]). Въ настоящее время я живу инкогнито въ Марбургѣ у своихъ пріятелей и упражняюсь въ алгебрѣ, намѣреваясь оную къ теоретической химіи и физикѣ примѣнить. Утѣшаю себя пока тѣмъ, что мнѣ удалось въ знаменитыхъ городахъ побывать, поговорить съ нѣкоторыми искусными химиками, осмотрѣть ихъ лабораторію и взглянуть на рудники въ Гессенѣ и Зигенѣ"...

Въ этомъ письмѣ, писанномъ въ ноябрѣ 1740 года, Ломоносовъ, упоминая о нуждѣ и опасности, какія ему пришлось вынести при странствованіяхъ, не говоритъ ни слова о томъ, на чьи же средства и при чьей помощи совершалъ онъ всѣ эти довольно далекіе переѣзды и переходы по Европѣ? Но еще любопытнѣе то, что онъ обходитъ молчаніемъ фактъ, весьма важный и притомъ весьма положительно отмѣченный въ церковной книгѣ реформатской церкви въ Марбургѣ. Здѣсь именно значится:

„6 іюня 1740 г. обвѣнчаны: Михаилъ Ломоносовъ, кандидатъ медицины (?), сынъ архангельскаго торговца (?), Василія Ломоносова, и Елисавета-Христина Цильхъ, дочь умершаго члена городской думы и церковнаго старшины, Генриха Цильха".

Возвращеніе на родину.

Прошелъ, однакоже, еще почти годъ, прежде чѣмъ Ломоносову удалось опять вернуться на родину. Въ апрѣлѣ 1741 г. онъ пишетъ товарищу своему, Виноградову, что „получилъ изъ Петербурга предписаніе отправиться туда", и проситъ прислать ему изъ Фрейберга „реторику Николая Каузина, книгу о Россіи Петра Петрея и сочиненіе Гюнтера; а остальное имущество все продать"... Наконецъ, на деньги, высланныя Академіею и при добромъ содѣйствіи профессора Вольфа, Ломоносову удалось сдвинуть свой корабль съ мѣста, и онъ вернулся въ Петербургъ 8 іюня 1741 года.

Изложивъ здѣсь эти фактическія подробности, несомнѣнно важныя для біографіи Ломоносова, мы должны нѣсколько оглянуться назадъ и сообщить еще кое-какія свѣдѣнія о томъ, что̀ именно дѣлалъ Ломоносовъ за границей и чѣмъ въ особенности

[1]) Здѣсь Ломоносовъ, вѣроятно, намекалъ на довольно-темный эпизодъ своей жизни, о которомъ разсказываетъ его товарищъ Штелинъ, въ своихъ анекдотахъ: во время одного изъ своихъ переходовъ по Германіи онъ попался въ руки прусскихъ вербовщиковъ, которые его подпоили и записали въ прусскую службу, и ему пришлось отправлять эту службу въ крѣпости Везелѣ. Оттуда, спустя нѣкоторое время, онъ бѣжалъ съ опасностью жизни.

успѣлъ обратить на себя вниманіе академическаго начальства; безъ этихъ подробностей намъ были бы не совсѣмъ понятны первые шаги Ломоносова, по возвращеніи въ столицу.

Науки и поэзія.

О занятіяхъ Ломоносова (и притомъ весьма разнообразныхъ) мы уже знаемъ изъ отзывовъ Вольфа и Генкеля, и его собственныхъ писемъ: тутъ и прилежное посѣщеніе лекцій по математикѣ и философіи, по химіи и физикѣ; тутъ и металлургія съ ея различными практическими примѣненіями, и механика, „которую Ломоносовъ способенъ даже основательно преподавать", и алгебра въ ея примѣненіи къ физикѣ и химіи, и изученіе латинскаго и нѣмецкаго языковъ до такой степени совершенства, что на первомъ изъ этихъ языковъ написаны всѣ отправленныя Ломоносовымъ изъ-за границы (въ Академію) диссертаціи, а на второмъ онъ ведетъ свободно свою переписку съ начальствомъ Академіи... Но этою массою пріобрѣтенныхъ и пріобрѣтаемыхъ знаній не исчерпывалась дѣятельность талантливаго и бурливаго юноши! Значительную долю своего досуга, отъ обязательныхъ занятій и оффиціальныхъ отчетовъ и въ Марбургѣ, и во Фрейбергѣ, онъ посвящалъ еще и такимъ упражненіямъ, о которыхъ ужъ никакъ не могли упомянуть въ своихъ донесеніяхъ ни Вольфъ, ни Генкель. То были упражненія въ Россійскомъ языкѣ, надъ которымъ весьма усердно работалъ Ломоносовъ, по обычаю того времени, стараясь выказать свое умѣнье въ стихотворныхъ опытахъ. Первымъ стихотворнымъ опытомъ, отправленнымъ (въ октябрѣ 1738 года) въ Академію, въ видѣ доказательства успѣшности своихъ занятій языкомъ Россійскимъ, былъ переводъ Фенелоновой оды, воспѣвающей счастіе уединенной сельской жизни вдали отъ свѣта „подъ кровомъ Музъ". Приводимъ здѣсь начало этой оды въ переводѣ Ломоносова:

Горы толь что дерзновенно
Взносите верхи къ звѣздамъ
Льдомъ покрыты безпремѣнно,
Нерушимъ столпъ небесамъ:
Вашими подъ сѣдинами
Рву цвѣты надъ облаками,
Чѣмъ пестритъ васъ взоръ весны;
Тучи надо мной гремящи
Слышу, и дожди шумящи,
Какъ ручьевъ падучихъ тьмы...

„Эти четырехстопные хореи важны въ исторіи русскаго стиха"—замѣчаетъ историкъ академіи П. П. Пекарскій — „какъ первая попытка Ломоносова писать стихи размѣромъ, который ввелъ у насъ Тредіаковскій. Въ стихахъ Ломоносова слышится подражаніе послѣднему, но, при всей тяжеловатости своей, они

Университетъ въ Фрейбергѣ.

Медали Фрейбергскаго университета.

все-таки благозвучнѣе стихотвореній Тредіаковскаго 1734—1737 годовъ"... И это служитъ еще новымъ доказательствомъ талантливости всесторонняго и всеобъемлющаго Ломоносова [1]).

Первые ямбы.

Вслѣдъ за этимъ первымъ опытомъ, Ломоносовъ очевидно увлекся своими стихотворными упражненіями и серьезно занялся разслѣдованіемъ свойствъ русскаго стиха. Годъ спустя, онъ вновь отправляетъ въ Академію извѣстную свою оду *„на взятіе Хотина"*, замѣчательную тѣмъ, что въ ней впервые былъ употребленъ ямби-

[1]) До 1738 года извѣстно только одно, силлабическое стихотвореніе Ломоносова, написанное имъ еще во время пребыванія въ Заиконоспасской школѣ.

ческій размѣръ, да и весь языкъ оды оказывался гораздо болѣе гладкимъ и плавнымъ, нежели языкъ всѣхъ русскихъ стихотворныхъ произведеній, написанныхъ въ Россіи до этой оды.

Самая ода, сочиненная начинающимъ, но уже искуснымъ въ стихосложеніи „піитомъ", открывается извѣстною и громкою строфою:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключъ молчитъ,
Который завсегда журчитъ... и т. д.

Академія приняла эту оду къ свѣдѣнію, а сопровождавшее ее письмо, въ которомъ Ломоносовъ полемизировалъ съ Тредіаковскимъ, препроводила въ „Россійское Собраніе." Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, мы видимъ, что Ломоносовъ уже настолько успѣлъ овладѣть сущностью тоническаго размѣра (который былъ открытъ и введенъ у насъ Тредіаковскимъ), что уже и распоряжается имъ совершенно свободно, и свойства его разумѣетъ гораздо тоньше, чѣмъ самъ Тредіаковскій. Онъ даже не можетъ довольно о томъ нарадоваться, что „россійскій нашъ языкъ не токмо бодростію и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но подобную онымъ... природную и свойственную версификацію имѣть можетъ." И онъ уже съ полнымъ сознаніемъ и увѣренностію знатока отстаиваетъ возможность и красоту для русскихъ стиховъ въ сочетаніи мужскихъ и женскихъ риѳмъ, наперекоръ Тредіаковскому [1]), и „предлагаетъ нѣкоторые изъ своихъ стиховъ, въ примѣръ стопъ и сочетанія." Строфы эти, какъ можно видѣть изъ предлагаемыхъ здѣсь образцовъ, уже достаточно легки и даже гармоничны. Напримѣръ:

«Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина,
Однако съ нимъ любовь моя:
Хоть я не самъ тоя причина:
Люблю Мартиллу, какъ себя.»

Или еще:

«Весна тепло ведетъ,
Пріятный западъ вѣетъ.
Всю землю солнце грѣетъ;

[1]) Не допуская этого сочетанія, Тредіаковскій, въ своемъ «Новомъ и краткомъ способѣ», возстаетъ противъ него съ комическимъ паѳосомъ: «Таковое сочетаніе стиховъ такъ бы у насъ мерзкое и гнусное было, (какъ) когда бы кто наипоклоняемую, наинѣжную и самымъ цвѣтомъ молодости своея сіяющую европскую красавицу, выдалъ за дряхлаго, чернаго и девяносто лѣтъ имѣющаго Арапа...»

Въ моемъ лишь сердцѣ ледъ,
Грусть прочь забавы бьетъ...

Вотъ, эти-то стихотворные опыты, выказывавшіе въ авторѣ если не поэтическій талантъ, то, во всякомъ случаѣ, умѣнье справляться со стихомъ, обратили на себя вниманіе академическаго начальства едва ли не въ бо̀льшой степени, нежели юношескія диссертаціи Ломоносова. Въ то время такое стихотворческое умѣнье очень цѣнилось людьми, близко стоявшими къ Двору и знати; оффиціальная поэзія — поэзія поздравительныхъ и хвалебныхъ одъ, поэзія напыщенныхъ надписей и льстивыхъ посланій—была въ большомъ ходу и модѣ. Академіи былъ необходимъ такой „піита", который бы умѣлъ, если и не самъ кропать стихи, то хоть сколько-нибудь складно переводить то, что академическіе дѣльцы излагали въ нѣмецкихъ и латинскихъ виршахъ... Притомъ же, Тредіаковскій — единственный человѣкъ, которому можно было заказать стихи „на случай" и къ сроку, писалъ стихи невозможные, тяжеловѣсные, грубо и неуклюже сложенные, способные скорѣе насмѣшить, чѣмъ вызвать пріятную улыбку и заслужить благоволеніе... А тутъ, вдругъ, является молодой стихотворецъ, толковый и способный малый, да еще и не безтактный человѣкъ! Такъ долженъ былъ думать о Ломоносовѣ Шумахеръ, совѣтникъ Академіи, пользовавшійся въ ней, съ конца 30-хъ годовъ, первенствующимъ значеніемъ; такъ, вѣроятно, и дѣйствительно думалъ онъ, потому что провинившійся противъ Академіи студентъ посылалъ свои отчеты и жалобы, и оправданія изъ-за границы не Президенту Академіи (какъ бы надлежало), а именно ему — секретарю Шумахеру. И это вовсе не было случайностью, а расчетомъ, какъ мы это увидимъ ясно, слѣдя за первыми шагами Ломоносова, по его пріѣздѣ въ Петербургъ.

Возвращеніе Ломоносова.

Благодаря именно Шумахеру, человѣку чрезвычайно тонкому и изворотливому, и отлично угадавшему въ Ломоносовѣ человѣка необычайно даровитаго, молодой ученый, вернувшись въ Петербургъ, не подвергся никакой отвѣтственности и былъ встрѣченъ даже съ нѣкоторою предупредительностью, почти съ любезностью... Шумахеръ даже отвелъ ему квартирку въ домѣ, принадлежавшемъ Академіи на Васильевскомъ Островѣ, близъ Тучкова моста. Въ то же время Шумахеръ рекомендовалъ Ломоносова особенному вниманію профессора Аммана, который, чтобы испытать знаніе молодого ученаго, поручилъ ему разсмотрѣть каталогъ минераловъ, принадлежавшихъ Академіи Наукъ.

Ломоносовъ занялся этимъ, повидимому, неособенно ревностно: онъ отлично понялъ, что надо было чѣмъ-нибудь инымъ

отличиться и выдвинуться впередъ—и избралъ для этой цѣли болѣе надежный путь хвалебной лирики, которая, какъ мы уже неоднократно говорили, была въ большомъ ходу и модѣ въ то время.

Трудное время.

Не мѣшаетъ припомнить, что это было именно въ годъ злосчастнаго царствованія императора младенца, Іоанна Антоновича, именемъ котораго правила его мать, Анна Леопольдовна, герцогиня Брауншвейгъ-Люнебургская. И вотъ, Ломоносовъ, не долго задумываясь, принимается за сочиненіе оды ко дню рожденія младенца-императора (т. е. къ 12 авг. 1741 г.), и весьма чувствительно изображаетъ въ ней, „какъ веселящаяся Россія“ лобзаетъ очи, ручки и ножки императора; а нѣсколько дней спустя, пишетъ уже новую оду на побѣду русскихъ надъ шведами при Вильманстрандѣ, и даетъ этой одѣ пышное названіе: „*Первые трофеи Его Величества Іоанна III.*“

Іоаннъ III Антоновичъ—царь-младенецъ.
Съ медальона, рисованнаго миніатюрою на грамотѣ Миниха.

Обѣ оды были напечатаны въ „Прибавленіяхъ къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ и обратили общее вниманіе на поэта, который (конечно, по тому времени!) умѣлъ такъ ловко владѣть стихомъ и оборотомъ фразы.

Но положеніе самого поэта оставалось все еще весьма неопредѣленнымъ при Академіи; онъ занимался исполненіемъ ученыхъ порученій, переводилъ научныя статьи по приказу академическаго начальства, но не былъ еще повышенъ въ то положеніе профессора, на которое имѣлъ всѣ права. И всѣ напоминанія его оставались также напрасными... Но судьба сама о немъ позаботилась.

ПЕРВЫЕ ТРОФЕИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ІОАННА III. ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО

чрезъ
преславную надъ Шведами побѣду
августа 23 дня 1741 года
въ Финляндіи поставленные,
и
въ высокій день
ТЕЗОИМЕНИТСТВА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
августа 29 дня 1741 года
въ торжественной одѣ
изображенные
отъ
всеподданнѣйшаго раба
Михайла Ломоносова.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ, 1741 года.

Ода Ломоносова: «На первые трофеи Его Величества Іоанна III».

Восшествіе Елисаветы.

Въ ночь съ 24-го на 25-е ноября 1741 г. совершился извѣстный переворотъ, давно уже ожидавшійся въ петербургскомъ обществѣ: Елисавета Петровна вступила на престолъ, а правительница съ супругомъ и младенцемъ-императоромъ очутилась въ заточеніи. Восшествіе „дщери Петровой" сопровождалось настойчиво-державшимся слухомъ о крайнемъ нерасположеніи новой императрицы къ иноземцамъ и о ея намѣреніи покровительствовать русскимъ людямъ. Тотчасъ же въ Академіи поднялась тревожная суетня: Шумахеръ и его пособники поспѣшили истребить все, что могло напомнить о минувшемъ царствованіи: портреты, хвалебныя оды, торжественныя посвященія сочиненій академическихъ и т. п. А на рожденіе императрицы (18 декабря) оффиціальный поэтъ Академіи Штелинъ, воспѣвавшій послѣдовательно и Бирона, и Анну Іоанновну, и Анну Леопольдовну, поспѣшилъ поднести торжественную оду Елисаветѣ и къ нѣмецкому тексту ея приложилъ русскій стихотворный переводъ Ломоносова.

Повышеніе по службѣ.

Ода понравилась, имѣла успѣхъ, и Ломоносовъ тотчасъ же поспѣшилъ воспользоваться выгодами своего положенія и подалъ прошеніе на Высочайшее имя о повышеніи его въ званіе экстраординарнаго академика... На этотъ разъ его прошеніе было съ замѣчательною поспѣшностью удовлетворено Академіей, и 28 января 1742 г. онъ былъ опредѣленъ при Академіи „адьюнктомъ физическаго класса" съ жалованьемъ по 360 р. въ годъ. Съ этой минуты, и на довольно долгое время, Ломоносовъ какъ бы раздвояется въ своей дѣятельности: усердно занимаясь при Академіи различными отраслями естественныхъ наукъ и выполняя въ то же время всякія научныя порученія, онъ усиленно предается и другой дѣятельности — стихотворческой, которая служитъ ему добрую службу. 10 февраля 1742 г., онъ уже подноситъ императрицѣ „всеподданнѣйшее поздравленіе для благополучнаго и радостнаго прибытія въ Санктпетербургъ его королевскаго высочества государя Петра, внука государя императора Петра Великаго,"—и въ этой одѣ не жалѣетъ куреній и похвалъ по поводу воспѣваемаго героя. 29 апрѣля того же года, по поводу коронованія императрицы Елисаветы, Ломоносовъ стихами переводитъ оду академика Юнкера. Въ началѣ декабря 1742 г., по поводу возвращенія императрицы Елисаветы изъ Москвы—новая (и притомъ одна изъ лучшихъ) ода Ломоносова, начинающаяся строфой:

«Какой пріятный Зе́фиръ вѣетъ,
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая краснота яснѣетъ?
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?»

Восхваляя и прославляя въ дальнѣйшемъ теченіи оды „дѣла

Петровой Дщери громки", ловкій и умный авторъ ея не забываетъ ни побѣдъ надъ шведами, ни открытія береговъ Америки экспедиціею Чирикова и Беринга: а въ послѣдней строфѣ говоритъ и о себѣ, и, по справедливому предположенію историка Академіи, недаромъ вплетаетъ туда намекъ на гнѣвъ стихій, который, однакоже, не можетъ повредить его „усерднѣйшей ревности..."

Дѣло въ томъ, что именно около этого времени произошли въ Академіи Наукъ большія передряги, раздоры и ссоры. Русская партія взяла на время верхъ; Шумахеръ былъ отставленъ отъ дѣлъ, посаженъ подъ арестъ и надъ нимъ назначено строжайшее слѣдствіе. Ломоносовъ, который еще не имѣлъ ни малѣйшаго повода враждебно относиться къ Шумахеру, держалъ себя въ сторонѣ и велъ себя очень осторожно... Но на бѣду, его несчастное пристрастіе къ разгулу, весьма некстати, сослужило ему очень плохую службу; явившись въ Академію хмельной, онъ натворилъ академикамъ всякія „продерзости", велъ себя по отношенію къ нимъ крайне неприлично, ругалъ нѣмцевъ и насмѣхался надъ ихъ ученостью. Въ это тревожное время борьбы и вражды такая выходка Ломоносова послужила тотчасъ же для нѣмцевъ ближайшимъ поводомъ къ тому, чтобы отвлечь вниманіе отъ слѣдствія надъ Шумахеромъ; противъ Ломоносова поднялись цѣлой бурей нѣмцы-академики, не хотѣли болѣе терпѣть его въ своей средѣ, требовали его изгнанія, добивались наказанія, полагаемаго по законамъ за „продерзости" — и Ломоносовъ имѣлъ полную возможность раскаяться въ своемъ буйствѣ и разгулѣ во время того долговременнаго ареста, которому онъ былъ подвергнутъ. Притомъ и „наказаніе по законамъ", если бы оно было примѣнено къ Ломоносову въ полной силѣ, грозило ему весьма тягостными послѣдствіями. Подъ арестомъ.

Но бодрость духа не покидала его и подъ арестомъ, и среди той очень крутой нужды, которую онъ терпѣлъ въ это время, благодаря крайнему разстройству академическаго хозяйства, вслѣдствіе котораго, жалованье выдавалось иногда на годъ позже срока, да и то книгами изъ академической лавки. Онъ подъ арестомъ тяготился только тѣмъ, что „ревность его къ наукамъ въ упадокъ приходитъ, и то время, въ которое бы я другихъ моимъ ученіемъ пользовать могъ, тратится напрасно..."

По его требованію, ему и подъ арестъ доставляютъ всѣ необходимыя средства къ продолженію его научныхъ занятій и опытовъ, и онъ, видимо забывая о грозящихъ ему бѣдствіяхъ, уже хлопочетъ объ учрежденіи при Академіи химической лабораторіи—первой въ Россіи!—прибавляя совершенно искренно къ своему прошенію: „если бъ въ моей возможности было на моемъ

коштѣ лабораторію имѣть и химическіе процессы въ дѣйствіе производить можно было, то я бы Академіи Наукъ утруждать не дерзалъ; но... отъ долговременнаго удержанія заслуженнаго мною жалованья... съ великою нуждою мое пропитаніе имѣю..."

Поэзія подъ арестомъ.

Къ 29 іюня 1743 г. Ломоносовымъ была написана новая ода „на день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Ѳеодоровича", а немного позже, и, вѣроятно, также подъ арестомъ, сочинена лучшая изъ его одъ: „Вечернее размышленіе о Божьемъ Величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія" [1]).

Автографъ императрицы Елисаветы Петровны.

[1]) Впослѣдствіи Ломоносовъ ссылался на эту оду, какъ на научное доказательство того, что его теорія сѣверныхъ сіяній разнится отъ Франклиновой: «ода сія и содержитъ мое давнѣйшее мнѣніе, что Сѣверное сіяніе движеніемъ эфира произведено быть не можетъ».

Императрица Елисавета Петровна, по гравюрѣ Чемесова 1761 г.

Помилованіе Ломоносова.

Наконецъ, въ началѣ 1744 г., то счастье, которое не разъ въ теченіе жизни служило смѣлому помору путеводною звѣздою, еще разъ спасло его отъ грозившихъ ему бѣдствій. Сенатъ разсмотрѣлъ его дѣло и всѣ поданныя на него жалобы и рѣшеніе положилъ чрезвычайно снисходительное—„подъ вліяніемъ ли придворныхъ почитателей его поэтическихъ дарованій, или же, можетъ-быть, по личному приказанію императрицы, которой онъ не могъ быть неизвѣстенъ послѣ своихъ одъ“ (такъ заключаетъ историкъ Академіи):

„Онаго адъюнкта Ломоносова, для довольнаго его обученія отъ наказанія освободить“—такъ гласилъ указъ Сената. Ломоносову вмѣнено было только въ обязанность — извиниться передъ академиками, и назначено было на нѣкоторое время получать половинное жалованье. Но и то было возвращено Ломоносову „по милостивому Высочайшему указу“, подписанному самой императрицей, въ половинѣ іюня того же года.

Успокоенный и освобожденный отъ своихъ опасеній, Ломоносовъ съ новымъ и неудержимымъ рвеніемъ принялся за свои разнообразныя научныя наблюденія и опыты, за переводы трудовъ иноземныхъ ученыхъ и собственныя изслѣдованія, при чемъ у него удивительно пестрой чередой смѣнялись въ его занятіяхъ магнитныя обсерваціи, ученыя изслѣдованія свойствъ воздуха и трактаты о теплотѣ и стужѣ, переводы труда Гейнзіуса о кометѣ 1744 г. и сокращенной физики Вольфа—и за ними слѣдовали его собственныя занятія риторикою, которыя и выразились въ его руководствѣ, приготовленномъ къ печати въ томъ же 1744 году. Дѣятельность его начинаетъ привлекать къ себѣ общее вниманіе и мало-по-малу обезпечиваетъ ему при Академіи выдающееся по значенію положеніе.

Ломоносовъ профессоръ.

Въ началѣ 1745 г. Ломоносовъ самъ рѣшается подать прошеніе о повышеніи его изъ адъюнктовъ въ профессоры — и его прошеніе удовлетворяется безпрепятственно. Въ августѣ мѣсяцѣ того же года онъ возведенъ въ званіе профессора химіи, а другой русскій ученый, Крашенинниковъ — въ адъюнкты естественной исторіи... И рядомъ съ ними, совершенно неожиданно для Академіи, въ то же профессорское званіе, по элоквенціи, возводится (какъ мы уже видѣли выше, см. стр. 493) В. К. Тредіаковскій.

Почти тотчасъ послѣ возведенія въ новое званіе, Ломоносовъ опять выступаетъ съ громкою одою на бракосочетаніе наслѣдника престола съ великою княгиней Екатериной Алексѣевной. Посвященіе этой оды представляетъ само по себѣ весьма любопытный фактъ въ исторіи нашего просвѣщенія, такъ какъ ода „приносится въ знакъ искренняго усердія, благоговѣнія и

радости отъ всеподданнѣйшаго раба Михаила Ломоносова, *химіи профессора*".

Возрастаніе значенія Ломоносова.

Нельзя не отмѣтить того факта, что именно около этого времени значеніе Ломоносова въ Академіи и въ обществѣ начинаетъ замѣтно возрастать подъ вліяніемъ различныхъ и довольно сложныхъ условій, несмотря на то, что новый президентъ Академіи, графъ К. Г. Разумовскій, подпавшій вліянію Шумахера и Теплова, нимало не способствовалъ возвышенію русской партіи въ Академіи. Съ одной стороны, конечно, вліяла та постоянная и неутомимая научная дѣятельность, которой Ломоносовъ предавался со страстью; съ другой—его литературная извѣстность, возраставшая со дня на день и особенно замѣтная среди того литературнаго безплодія, которое окружало Ломоносова... Но немаловажнымъ элементомъ въ усиленіи и возрастаніи значенія Ломоносова были и тѣ прочныя связи, которыя онъ сумѣлъ завязать и постоянно поддерживалъ при Дворѣ Елисаветы, гдѣ мы уже видимъ людей, искренно интересующихся науками и просвѣщеніемъ. Этотъ фактъ, между прочимъ, отмѣчаетъ и самъ Ломоносовъ, въ своемъ посвященіи Вольфовой физики графу М. Воронцову, гдѣ онъ говоритъ, что въ современной Россіи, не только въ средѣ ученыхъ по обязанности, но и среди знатныхъ особъ „бесѣды рѣдко проходятъ, чтобы притомъ о наукахъ разсужденія съ похвалою не было"... [1]) Разумно и самостоятельно поддерживая эти связи при Дворѣ и среди знати и умѣя при этомъ не поступиться своимъ нравственнымъ достоинствомъ, Ломоносовъ усердно продолжаетъ и свою стихотворческую дѣятельность, очевидно, зная, что она пріятна императрицѣ и полезна для него самого. Такъ, въ 1746 году, въ обычные сроки (въ день восшествія на престолъ и въ день рожденія Елисаветы) Ломоносовъ выступаетъ съ двумя новыми одами, а въ 1747 г. пишетъ свою знаменитую оду:

«Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина» и т. д.

и въ ней до небесъ превозноситъ (впрочемъ отъ лица Академіи) новый уставъ Академіи, данный Елисаветой и противъ котораго Ломоносовъ усиленно ратовалъ и боролся въ теченіе бо̀льшей половины своей жизни. Впрочемъ, поводомъ къ восхваленію могло, быть-можетъ, послужить то обстоятельство, что, по этому уставу, штаты Академіи были удвоены.

---

[1]) То же руководство физики Вольфа остается памятникомъ тяжелой работы Ломоносова надъ созданіемъ русской научной терминологіи. «Принужденъ я былъ», говоритъ онъ въ заключеніи своего предисловія—«искать словъ для наименованія нѣкоторыхъ физическихъ инструментовъ, дѣйствій и натуральныхъ вещей, которыя хотя сперва покажутся нѣсколько странны, однако надѣюсь, что они со временемъ, черезъ употребленіе, знакомѣе будутъ».

Одна изъ заключительныхъ строфъ этой оды, однакоже, дышитъ полною искренностью и несомнѣнно передаетъ тѣ чувства, тѣ мечты, которыя постоянно жили въ душѣ геніальнаго русскаго ученаго. Вотъ эта строфа:

«О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ, -
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать».

Улучшеніе матеріальнаго положенія.

Въ августѣ 1747 года и матерьяльное положеніе Ломоносова начинаетъ улучшаться, такъ какъ онъ получаетъ цѣлый казенный домъ въ свое распоряженіе и размѣщается въ немъ весьма удобно со своимъ небольшимъ семействомъ. Для характеристики его, какъ ученаго и общественнаго дѣятеля, не мѣшаетъ замѣтить, что, переѣхавъ въ казенный домъ, онъ, прежде всего, озабочивается отводомъ въ немъ мѣста для химической лабораторіи и наиболѣе удобнымъ устройствомъ ея на Высочайше дарованныя средства.

Ломоносовъ и Мюллеръ.

Съ того же, 1747 года, Ломоносовъ становится и во главѣ партіи профессоровъ, недовольныхъ дѣйствіями академической канцеляріи, и начинаетъ очень смѣло и рѣшительно дѣйствовать противъ Шумахера и его сторонниковъ: видно, что онъ самъ сознаетъ свою силу и значеніе... Но, въ то же время, начинаются у Ломоносова распри и со своими товарищами-академиками (изъ нѣмцевъ), и, къ сожалѣнію, именно съ лучшимъ представителемъ ихъ, историкомъ Мюллеромъ. Не примѣшивая никакого патріотическаго пристрастія къ разбору этой давно минувшей вражды, со времени которой прошло уже слишкомъ полтораста лѣтъ, мы должны признать, что въ нихъ обѣ стороны были одинаково виновны. Мюллеръ, оказавшій большія, несомнѣнныя услуги русской исторической наукѣ, былъ человѣкомъ такого же крутого и строптиваго нрава, какъ и самъ Ломоносовъ, и такъ же рѣзокъ въ отзывахъ и неуступчивъ въ спорахъ, какъ и нашъ геніальный академикъ; а потому, каждый вопросъ, который имъ приходилось рѣшать заодно, приводилъ ихъ къ нескончаемымъ препирательствамъ, перекорамъ и къ такимъ пререканіямъ, которыя, не подвигая впередъ разрѣшеніе спора, вызывали обѣ стороны къ печальнымъ крайностямъ и къ жалобамъ по начальству. А такъ какъ Ломоносовъ былъ положительно неправъ въ рѣшеніи

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, по гравюрѣ Шрейера, изданной княземъ Александромъ Бѣлосельскимъ.

нѣкоторыхъ научныхъ историческихъ вопросовъ и гипотезъ, которыя занимали Мюллера, такъ какъ онъ, пользуясь своими связями и вліяніемъ общественнымъ, внѣ-академическимъ, положительно препятствовалъ Мюллеру въ его историческихъ изслѣдованіяхъ, въ правильной оцѣнкѣ и разработкѣ собранныхъ имъ историческихъ матеріаловъ, то и Мюллеръ, возненавидѣвшій Ломоносова, пользовался каждымъ случаемъ, чтобы, соединившись съ врагами Ломоносова, русскими и нѣмцами, вредить и досаждать ему и, гдѣ возможно было, становился поперекъ его дороги и дѣйствовалъ наперекоръ ему.

Партіи при Дворѣ.

Самымъ ревностнымъ поклонникомъ Мюллера (когда Шумахеръ состарѣлся) явился Таубертъ, зять Шумахера, захватившій въ свои руки всю Академическую канцелярію и оказывавшій сильнѣйшее вліяніе на слабохарактернаго президента Академіи, графа К. Разумовскаго. Замѣтимъ кстати, что эта борьба Ломоносова и его немногихъ сторонниковъ съ нѣмецкою партіей, во главѣ которой стояли Таубертъ и Мюллеръ, особенно обострилась къ концу царствованія Елисаветы, когда весь Дворъ и, отчасти, все высшее общество раздѣлились на двѣ партіи: партію стараго Двора, во главѣ которой стояли Воронцовы и Шуваловы, и партію молодого Двора, главою которой явилась Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна, состоявшая въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ съ президентомъ Академіи, графомъ К. Разумовскимъ. И вотъ, когда возгоралась война въ академическомъ собраніи—одна партія тотчасъ возносила свои притязанія и жалобы къ графу Разумовскому и черезъ него выше; а Ломоносовъ, олицетворявшій въ одной своей особѣ другую партію, обращался съ энергическими представленіями къ всесильному фавориту, И. И. Шувалову, и почти прямымъ путемъ доводилъ свои сѣтованье и требованіе до императрицы, которая была чрезвычайно милостиво расположена къ своему усердному придворному поэту. Она въ такой степени была увѣрена въ его неколебимой преданности и въ высокомъ достоинствѣ его ученой и литературной дѣятельности, что не принимала никакихъ жалобъ на Ломоносова, не слушала никакихъ навѣтовъ, и постоянно выказывала ему свое благоволеніе то денежными наградами, то повышеніями по службѣ, то улучшеніемъ матерьяльнаго положенія Ломоносова, то, наконецъ, приглашеніями Ломоносова ко Двору, гдѣ, въ кругу наиболѣе приближенныхъ къ ней лицъ, поэту-академику не разъ приходилось слышать изъ устъ Елисаветы милостивыя рѣчи, ободрявшія его къ новымъ трудамъ и новымъ научнымъ и поэтическимъ замысламъ. Понятно, что, при этихъ условіяхъ, было бы болѣе чѣмъ странно и несправедливо представлять себѣ Ломоносова (какъ это, впрочемъ, уже не разъ дѣлалось у насъ въ лите-

ратурѣ) какою-то жертвою интригъ и происковъ нѣмецкой академической партіи, страдальцемъ за науку и за русское просвѣщеніе, будто бы попираемыя иноземцами... Ломоносовъ, уже и по самой природѣ своей, и по уму, и по характеру, и по желѣзной силѣ воли — не былъ созданъ для роли страдальца. Это былъ могучій борецъ, выносившій на своихъ плечахъ „русское дѣло", въ самомъ обширномъ смыслѣ русской науки, русской литературы и русскаго просвѣщенія, и усердно заботившійся объ избавленіи русскихъ людей отъ иноземной опеки, наложенной на нихъ бездарными преемниками Петра Великаго; но это былъ борецъ страшный, борецъ, передъ которымъ съеживались и трепетали его противники, и съ которымъ даже сильнѣйшіе, даже способнѣйшіе изъ нихъ не выносили борьбы одинъ-на-одинъ. И даже въ большинствѣ тѣхъ случаевъ, когда противъ Ломоносова поднималась цѣлая корпорація академическая, онъ выказывалъ въ борьбѣ такую увертливость и ловкость, что избѣгалъ самыхъ сильныхъ, самыхъ мѣткихъ ударовъ, и въ свою очередь, при малѣйшей оплошности противниковъ, наносилъ имъ удары весьма чувствительные, а иногда и неотразимые, умѣя при этомъ сберечь и охранить свое личное достоинство, которое умѣлъ ставить очень высоко.

Ломоносовъ неуклонно поддерживалъ его даже въ тѣхъ постоянныхъ сношеніяхъ съ „высокими персонами", къ которымъ вынуждало его положеніе привилегированнаго придворнаго поэта. Вступая въ эту дворскую среду, зорко слѣдя за общимъ ходомъ отношеній и за всѣми, происходящими въ этихъ отношеніяхъ перемѣнами, сближаясь съ людьми, которые стояли близко къ императрицѣ, Ломоносовъ вносилъ сюда съ собою свою славу, свою извѣстность, свой свѣтлый умъ и проницательность и неистощимую, изумительную талантливость, которая на всѣхъ дѣйствовала обаятельно, и уже очень рано, среди болѣе образованной знати, создала Ломоносову кружокъ искреннихъ и преданныхъ почитателей. Мы видѣли выше его отношенія къ М. Воронцову; а съ конца сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка завязываются у него такія же тѣсныя, такія же неразрывныя связи и съ юнымъ фаворитомъ Елисаветы, Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ — отношенія не только покровительственныя, но и дружественныя, продолжающіяся до самой кончины императрицы Елисаветы. И надо отдать справедливость геніальному уму и способностямъ Ломоносова, которые блистательнымъ образомъ проявляются даже и въ этихъ щекотливыхъ дворскихъ связяхъ и сношеніяхъ. Аккуратно поднося императрицѣ двѣ - три оды ежегодно—одну, неизмѣнно въ день восшествія ея на престолъ, другія въ день рожденія или тезоименитства,—наполняя эти оды напускнымъ паѳосомъ и лестью

Самостоятельность Ломоносова.

въ той беззастѣнчивой формѣ, какая была тогда въ обычаѣ, Ломоносовъ вездѣ и неизмѣнно повторяетъ тѣ же мотивы восхваленій и лести: происхожденіе отъ Великаго Отца и посильное желаніе идти по его стопамъ, покровительствуя русскимъ людямъ и насажденію наукъ въ Россіи... Сближаясь съ любимцами Елисаветы, онъ и къ нимъ подходитъ съ той же стороны—со стороны образованія, просвѣщенія, славы и достоинства Россіи; онъ не потворствуетъ имъ, не поблажаетъ въ нихъ какимъ-нибудь низменнымъ, суетнымъ, ничтожнымъ инстинктамъ,—онъ ставитъ имъ себя въ образецъ, смѣло и увѣренно говоритъ имъ о своемъ значеніи и достоинствахъ, и какъ бы возвышаетъ ихъ до себя, вмѣняя имъ *меценатство* въ обязанность, не ради себя и своихъ временныхъ выгодъ, а ради блага и пользы отечества... И какъ упорно, какъ настойчиво, какъ изумительно смѣло добивается онъ достиженія своей намѣченной цѣли, если только разъ увѣровалъ въ то, что онъ отстаиваетъ доброе и полезное дѣло. Вотъ какъ пишетъ онъ къ И. И. Шувалову—первому изъ первыхъ вельможъ въ государствѣ—въ одномъ изъ своихъ писемъ:

И. И. Шуваловъ.
По гравюрѣ В. Е. Чемесова.

„...Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы. И для того, Ваше Высокопревосходительство, всеуниженно прошу постараться, чтобы... данъ былъ формуляръ привилегіи по прошенію его сіятельства Академіи наукъ президента. Сіе будетъ больше всѣхъ благодѣяній, которыя Ваше Высокопревосходительство мнѣ въ жизни сдѣлали. По окончаніи сего, только хочу имѣть способы и мѣста, гдѣ бы, чѣмъ рѣже, тѣмъ лучше видѣть было персонъ высокородныхъ, которые меня низкою моею породою попрекаютъ, видя меня, какъ бѣльмо на глазѣ; хотя я своей чести достигъ не слѣпымъ счастіемъ, но даннымъ мнѣ отъ Бога талантомъ,

трудолюбіемъ и претерпѣніемъ крайней бѣдности добровольно для ученія“.

Разгнѣванный настойчивыми попытками И. И. Шувалова, во что бы то ни стало примирить Ломоносова съ Сумароковымъ, котораго Ломоносовъ не любилъ и не уважалъ, вотъ какъ выражается онъ въ другомъ письмѣ къ тому же вельможѣ: **Независимость духа.**

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, по гравюрѣ Ф. Шмита, 1762 г.

„Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владыкъ дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Бога, Который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ...“

И даже предпринимая хлопоты черезъ вельможъ, близкихъ къ императрицѣ, о повышеніяхъ въ должности, о чинахъ и наградахъ, онъ не проситъ о нихъ униженно и смиренно, а *требуетъ* ихъ или какъ возмездія за свои заслуги, или для того, чтобы

сравниться въ правахъ съ товарищами-нѣмцами, или въ видѣ поощренія къ будущимъ, новымъ трудамъ. И такъ бодро, смѣло и неуклонно идетъ онъ своимъ путемъ въ теченіе всей жизни... Такъ добивается онъ и чиновъ, и почета, и власти въ Академіи, и становится во главѣ дѣла, особенно милаго его сердцу.

Новыя назначенія.

Въ 1748 году, уже будучи профессоромъ и академикомъ, онъ назначается членомъ историческаго собранія при историческомъ департаментѣ Академіи Наукъ и въ томъ же году ему поручается „послѣдняя ревизія" (т. е. редакторство) С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Въ началѣ 1751 года онъ получаетъ чинъ коллежскаго совѣтника и жалованье ему возвышается до 1200 р. Въ 1754 году ему предписывается имѣть высшій надзоръ за „Ежемѣсячными сочиненіями"—новымъ періодическимъ журналомъ, издававшимся съ этого года при Академіи. Въ 1757 г. Ломоносовъ назначается совѣтникомъ при академической канцеляріи, т. е. однимъ изъ троихъ ея членовъ, имѣющихъ право голоса и значеніе въ управленіи всѣми учеными учрежденіями Академіи и всѣмъ ея хозяйствомъ; и назначается онъ на эту должность императрицей, при совершенно особыхъ и весьма любопытныхъ обстоятельствахъ, которыя заслуживаютъ упоминанія.

„Гимнъ бородѣ".

Незадолго до этого назначенія, Ломоносовъ, неизвѣстно чѣмъ именно къ тому побуждаемый, написалъ свое извѣстное сатирическое стихотвореніе „Гимнъ къ бородѣ"—и въ немъ неособенно почтительно относился къ нѣкоторымъ сторонамъ быта нашего духовенства. Стихотвореніе пошло по рукамъ, распространилось въ обществѣ во множествѣ списковъ, потѣшая пріятелей автора, возмущая враговъ его, и вызвало цѣлый рядъ злѣйшихъ эпиграммъ, направленныхъ противъ него, а главное—крайне оскорбило высшихъ представителей духовной власти, которые вообще не очень жаловали Ломоносова. Копія съ „Гимна" была представлена императрицѣ Сунодомъ, вмѣстѣ съ жалобою на дерзкаго сочинителя сатиры, при чемъ поставлялось императрицѣ на видъ, что въ узаконеніяхъ ея „вседражайшаго родителя, въ 18-й главѣ, въ 149 пунктѣ, жестокія казни хулителямъ закона и Вѣры чинить повелѣвалось, равно и сочинителямъ подобныхъ пасквилей, а пасквильныя письма черезъ палача подъ висѣлицею жечь узаконено"... Подавшіе жалобу, видимо, разсчитывали на то, что Елисавета, вообще благочестивая и строгая въ соблюденіи обрядовъ церковныхъ, сурово отнесется къ автору сатиры; но эти расчеты и ожиданія, къ счастью, не оправдались. Жалобу Сунода Елисавета оставила безъ вниманія и послѣдствій; и не только не измѣнила своихъ постоянно-милостивыхъ отношеній къ Ломоносову, но, немного спустя, даже назначила его на должность совѣтника академической канцеляріи, на которую онъ имѣлъ полное право и которой давно добивался...

На Ломоносова, съ самаго вступленія его въ должность совѣтника академической канцеляріи, было возложено завѣдываніе университетомъ и гимназіею при Академіи Наукъ, т. е. самою слабою частью этого ученаго учрежденія, и притомъ такою, отъ которой всѣ старались уйти и уклониться. И онъ принимается за дѣло такъ горячо, такъ ревностно, что заботы о воспитаніи „россійскаго юношества" съ этого времени начинаютъ составлять одну изъ важнѣйшихъ сторонъ его дѣятельности до конца жизни. Заботы эти въ такой степени характерны, по отношенію къ времени, и притомъ рисуютъ намъ характеръ воззрѣній Ломоносова на просвѣщеніе вообще съ такой выгодной стороны, что мы должны непремѣнно подробнѣе ознакомиться съ этою важною страницею его біографіи.

Не слѣдуетъ забывать, что еще въ 1754 г., когда при Дворѣ зашла рѣчь объ основаніи высшаго учебнаго заведенія въ Москвѣ, и остановились, наконецъ, на мысли — учредить университетъ, а разработку этой мысли поручили И. И. Шувалову — Ломоносовъ явился однимъ изъ главныхъ помощниковъ его въ этомъ дѣлѣ, и ему, болѣе чѣмъ кому-либо другому, пришлось поработать надъ общимъ планомъ будущаго университета. Отрывки первыхъ набросковъ плана, составленнаго Ломоносовымъ, сохранившіеся намъ въ одномъ изъ его писемъ къ Шувалову, свидѣтельствуютъ о замѣчательной широтѣ и ясности воззрѣній геніальнаго ученаго на смыслъ и значеніе современнаго ему университета. Московскій университетъ.

Отстаивая непремѣнно, чтобы и „московскій университетъ по примѣру иностранныхъ учрежденій былъ", Ломоносовъ говоритъ между прочимъ: „главное мое основаніе, весьма помнить должно— чтобы планъ университета служилъ во всѣ будущіе роды. Того ради, несмотря на то, что у насъ нынѣ нѣтъ довольно людей ученыхъ, (слѣдуетъ) положить въ планѣ профессоровъ и жалованныхъ студентовъ довольное число. Сначала можно приняться тѣми, сколько найдутся. Со временемъ комплектъ наберется. Осталую съ порожнихъ мѣстъ сумму полезнѣе употребить на собраніе университетской библіотеки, нежели, сдѣлавъ нынѣ скудный и узкій планъ по скудности ученыхъ, послѣ, какъ размножатся, опять снова передѣлывать и просить о прибавкѣ суммы..."

Переходя далѣе къ подробностямъ въ распредѣленіи преподаванія по факультетамъ, Ломоносовъ, въ одномъ изъ пунктовъ своей программы, особенно настаиваетъ на томъ, чтобы при новоучреждаемомъ университетѣ непремѣнно была учреждена (въ тѣсной связи съ нимъ) и гимназія, „*безъ которой университетъ, какъ пашня безъ сѣмянъ*".

Когда же онъ былъ, въ качествѣ совѣтника академической

Московской здѣсь Парнассъ изобразилъ витію,
Что чистой слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ,
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ

М. В. Ломоносовъ, по портрету, приложенному къ посмертному собранію его сочиненій.

Канцлеръ графъ М. Л. Воронцовъ, ревностный почитатель Ломоносова.

канцеляріи, поставленъ во главѣ академической гимназіи и университета и ему же въ іюлѣ 1789 года, по приказанію графа Разумовскаго, было поручено разсмотрѣніе регламента гимназіи и университета, у него явилась совершенно правильно и самостоятельно созрѣвшая мысль объ отдѣленіи обоихъ этихъ заведеній отъ Академіи Наукъ. Составивъ обстоятельный и полный регламентъ для академическаго университета [1]) и гимназіи, Ломоносовъ добился того, что, по приказанію президента Академіи, суммы, назначенныя на содержаніе этихъ заведеній, были отдѣлены отъ прочихъ академическихъ суммъ и предоставлены въ полное распоряженіе Ломоносова; но ему, для пользы дѣла, было этого мало: онъ хотѣлъ полнаго отдѣленія университета и гимназіи (при немъ) отъ Академіи Наукъ. Но какъ онъ ни хлопоталъ, какъ ни заботился, какъ ни докучалъ И. И. Шувалову по вопросу объ отдѣленіи университета отъ Академіи—ему этого не удалось достигнуть, хотя все для того уже было подготовлено. Императрицѣ оставалось только подписать заготовленную для торжественнаго открытія университета привилегію... Сохранилась въ наброскѣ даже и рѣчь Ломоносова, подготовленная имъ для торжественнаго акта „инавгураціи“ университета; сохранилось и распредѣленіе лекцій въ новомъ университетѣ, и записки Ломоносова къ Шувалову, въ которыхъ онъ умоляетъ его о скорѣйшемъ рѣшеніи этого дѣла. „Сіе будетъ конецъ моего попеченія объ успѣхахъ въ наукахъ сыновъ россійскихъ“ — пишетъ онъ любимцу государыни. „Дѣло весьма вѣдь не трудное и только стоитъ вашего слова, коимъ многіе наукъ рачители обрадованы будутъ...“ Но „слово“ почему-то не было сказано — и университетъ не былъ отдѣленъ отъ Академіи Наукъ, хотя именно около этого времени И. И. Шувалову былъ порученъ проектъ разработки устава для гимназій, которыя предполагалось открыть во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Россіи.

Хлопоты о чинѣ.

Точно такъ же, какъ и это ходатайство, неудача постигла и личныя хлопоты Ломоносова—о повышеніи его чиномъ, наравнѣ съ нѣкоторыми изъ его товарищей - академиковъ (болѣе близкими къ графу К. Разумовскому), и объ учрежденіи при Академіи званія вице-президента, которое, по совершенно справедливому настоянію Ломоносова, оказывалось особенно необходимымъ, въ виду долговременныхъ отлучекъ графа - президента, во время

[1]) Много свѣтлыхъ и прекрасныхъ мыслей разбросано въ отдѣльныхъ параграфахъ этого регламента: въ числѣ привилегій, которыхъ Ломоносовъ для университета добивается, видимъ и слѣдующія: пар. 6—студентовъ не водить въ полицію, но прямо въ Академію; пар. 7—духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, и *особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ*.

которыхъ вся дѣятельность Академіи на время пріостанавливалась и какъ бы замирала.

Этими хлопотами и заботами были заполнены послѣдніе полтора года царствованія императрицы Елисаветы... 25-го ноября 1761 г. Ломоносовъ, какъ и всегда, поднесъ Елисаветѣ обычную оду „на пресвѣтлый торжественный праздникъ Ея Величества восшествія на Всероссійскій престолъ", а ровно черезъ мѣсяцъ (25 декабря 1761 г.) Елисавета скончалась, и Ломоносовъ, огорченный до глубины души ея кончиною, написалъ надгробную надпись ей, проникнутую самымъ искреннимъ чувствомъ горести и почтительной признательности. Кончина Елисаветы.

Но долго горевать не полагалось... Надо было спѣшить съ торжественною одою на восшествіе на престолъ императора Петра III и не только приравнивать его къ знаменитому дѣду:

«Петра Великаго обратно
Встрѣчаетъ русская страна...»

но даже въ одной изъ строфъ оды упомянуть о Голштиніи, къ которой пристрастіе Петра III было слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ...

Но затѣмъ событія пошли такъ быстро смѣняться и чередоваться, что проницательный придворный поэтъ уже не могъ за ними поспѣть, не могъ ихъ и предусмотрѣть... Въ то время, когда онъ готовилъ торжественную академическую рѣчь, въ которой съ похвалою собирался упомянуть о молодомъ императорѣ, совершилось извѣстное „петербургское дѣйство": Петръ III отрекся отъ престола — а 6-го іюня 1762 г. его уже не было на свѣтѣ... И пораженный всею неожиданностью этого переворота, Ломоносовъ уже писалъ, на основаніи манифеста, обнародованнаго Екатериною, новую торжественную оду на день всерадостнаго восшествія на престолъ „великой государыни Екатерины Алексѣевны", въ которой громилъ пристрастіе Петра III къ иноземцамъ и прусскому королю и восклицалъ:

«Услышьте Судіи земные
И всѣ державные главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу:
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

Но голосъ его былъ „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ". Всѣ друзья и покровители его были въ опалѣ, или въ ожиданіи ея... Увольненіе Ломоносова.

Екатерина, — привыкнувшая видѣть Ломоносова въ тѣсномъ единеніи съ партіей стараго Двора, неблагопріятствовавшей ея восшествію, — отнеслась къ нему совершенно равнодушно, и на первыхъ порахъ, повидимому, даже поддалась навѣтамъ его враговъ. Неизвѣстно, кѣмъ былъ поднятъ вопросъ объ увольненіи его изъ Академіи: въ концѣ апрѣля Екатерина объ этомъ уже знала и 25-го числа писала Олсуфьеву: „Я чаю—Ломоносовъ бѣденъ: сговоритесь съ гетманомъ (графомъ К. Разумовскимъ)— не можно ли ему пенсіонъ дать и скажите мнѣ отвѣтъ".

Нѣсколько дней спустя состоялся слѣдующій именной указъ Сенату: „коллежскаго совѣтника Михайлу Ломоносова всемилостивѣйше пожаловали мы въ статскіе совѣтники и вѣчною отъ службы отставкою съ половиннымъ по смерть его жалованьемъ. Екатерина. Москва, мая 2-го дня 1763."

Едва только вѣсть объ этомъ указѣ дошла до Ломоносова, онъ въ тотъ же день отказался подписать журналъ и протоколы по академической канцеляріи, и уѣхалъ въ свое помѣстье, за Ораніенбаумомъ; а на другой день Мюллеръ уже спѣшилъ извѣстить своихъ германскихъ друзей о томъ, что „Академія освобождена отъ Ломоносова".

Опять въ Академіи.

Но радость и поспѣшность Мюллера оказались болѣе чѣмъ преждевременными. Екатерина, сдѣлавъ нѣсколько поспѣшный шагъ по отношенію къ Ломоносову, быстро одумалась и сознала свою ошибку. Съ прозорливостью истинно-великой женщины, она поняла, что вынула лучшій перлъ изъ своей короны, и, несмотря на то, что не могла симпатизировать Ломоносову, рѣшилась великодушно исправить свою ошибку. Уже 13 мая 1763 года мы видимъ, что въ Сенатѣ была получена собственноручная записка императрицы Екатерины: „есть ли указъ о Ломоносовской отставкѣ еще не посланъ въ Петербургъ, то сейчасъ его ко мнѣ обратно прислать..." [1]). И вотъ Ломоносовъ снова явился въ академической канцеляріи, къ ужасу Мюллера и Тауберта и ихъ сторонниковъ — явился, болѣе чѣмъ когда-либо ободренный къ дѣятельности и попрежнему готовый къ борьбѣ, на которую онъ обрекъ себя до смерти.

Послѣ этого Ломоносовъ, ни на часъ не пріостанавливая своей кипучей и разнообразной научной, литературной и административной дѣятельности, прожилъ еще два года, осыпаемый милостями императрицы Екатерины II и удостоиваемый почетомъ со всѣхъ сторонъ: императрица пожаловала Ломоносова чиномъ статскаго совѣтника, возвысила его жалованье до 1,800 руб. слиш-

1) Историкъ Академіи замѣчаетъ по этому поводу: «что побудило Екатерину II отмѣнить свой указъ объ отставкѣ Ломоносова — остается неизвѣстнымъ; но, несомнѣнно, что это произошло безъ всякаго участія съ его стороны».

комъ; болонская и стокгольмская академіи избрали нашего академика въ свои почетные члены. Наконецъ, императрица Екатерина удостоила знаменитаго русскаго ученаго высокой чести и милости: 7-го іюня 1764 г. императрица посѣтила Ломоносова въ его домѣ [1], „въ сопровожденіи знатнѣйшихъ Двора своего особъ", и здѣсь „изволила смотрѣть производимыя имъ работы мозаичнаго художества, также новоизобрѣтенные имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты, чѣмъ подать благоволила новое Высочайшее увѣреніе о истинномъ люблевіи и попеченіи своемъ о наукахъ и художествахъ въ отечествѣ". Когда императрица, въ концѣ шестого часа, собиралась уѣзжать во дворецъ, Ломоносовъ подалъ ей стихи:

Графъ К. Г. Разумовскій, президентъ Академіи Наукъ.

«Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты
Соединенныя Монаршески доброты,
Въ благоговѣніи, въ восторгѣ зритъ сей домъ,
Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ:
Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
Великому Петру во слѣдъ Екатерина
Величествомъ своимъ снисходитъ до наукъ,
И славы праведной усугубляетъ звукъ...

[1]) Домъ Ломоносова находился на Большой Морской, почти противъ пѣшеходнаго мостика черезъ Мойку, на мѣстѣ бывшаго почтамта.

Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности свидѣтель,
Богиня, коль твоя велика добродѣтель».

И кромѣ этихъ, другими торжественными строфами привѣтствовалъ Ломоносовъ Екатерину, принося ей эту поэтическую дань признательности за все то, что̀ она для него сдѣлала. Воспѣвая Екатерину въ одѣ, посвященной графу Григорію Григорьевичу Орлову, онъ не забываетъ въ концѣ ея восхвалить и этого любимца Екатерины и восклицаетъ:

«Блаженъ родитель Твой, такихъ намъ давъ сыновъ,
Не именемъ однимъ, но—свойствами Орловъ».

Но, несмотря на всѣ эти милости и вызванныя ими официальныя поэтическія воскуренія, Ломоносовъ все же не чувствовалъ себя ни довольнымъ, ни покойнымъ, и никакъ не могъ примириться съ академическими порядками. Мрачное душевное настроеніе его отразилось очень полно и ясно въ черновомъ наброскѣ того письма къ Эйлеру, которое онъ писалъ незадолго до смерти, и которое осталось въ его бумагахъ неоконченнымъ.

4-го апрѣля 1765 года Ломоносова не стало. Смертные останки его съ большимъ торжествомъ были преданы землѣ на кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ и теперь надъ могилою великаго помора возвышается изящный мавзолей изъ каррарскаго мрамора, выписанный изъ Италіи канцлеромъ графомъ Воронцовымъ,— однимъ изъ усерднѣйшихъ почитателей его памяти.

Еще одинъ современный портретъ М. В. Ломоносова.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Разнообразіе и многосторонность ученой дѣятельности Ломоносова.—Занятіе химіей и естественными науками.—Диссертаціи и рѣчи.—Мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о его значеніи и заслугахъ. —Литературныя произведенія.—Похвальныя слова и рѣчи.—Занятія грамматикой и исторіей.—Искренніе мотивы лирики.—Общій выводъ.

Послѣ всѣхъ сообщенныхъ выше фактовъ изъ жизни и служебной дѣятельности Ломоносова, несомнѣнно важныхъ для уясненія его нравственаго типа, а также и для характеристики эпохи, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ, мы должны перейти къ обзору его литературной и научной дѣятельности, обильной, разнообразной, захватывающей разомъ нѣсколько научныхъ областей, ничѣмъ не связанныхъ между собой. Знакомясь съ этою дѣятельностью, мы испытываемъ чрезвычайно странное впечатлѣніе, потому, что наблюдаемъ явленіе исключительное, чрезвычайное, немыслимое въ наше время...

Геній Ломоносова представляется намъ въ такой степени всеобъемлющимъ, что правильная оцѣнка ему не можетъ быть сдѣлана однимъ ученымъ-спеціалистомъ или однимъ критикомъ: для этой оцѣнки необходимъ цѣлый кружокъ ученыхъ и спеціалистовъ... Такъ дѣйствительно и пришлось поступить въ то время, когда, по истеченіи столѣтія съ кончины Ломоносова, Академія задумала праздновать юбилей его, и вся ученая и учащаяся Россія захотѣла принять участіе въ этомъ торжествѣ. Цѣлая фаланга ученыхъ принялась тщательно и усердно изучать все то, что произвелъ Ломоносовъ, все то, надъ чѣмъ онъ въ теченіе жизни работалъ, наблюдая, изыскивая и изобрѣтая... Одни занялись его трудами по математикѣ, физикѣ, химіи и другимъ естественнымъ наукамъ; другіе — его работами по механикѣ и металлургіи; третьи — его словесными произведеніями и трудами по языку и теоріи слога; четвертые—его трудами по отечественной исторіи. Не вдаваясь въ подробности этихъ изслѣдованій, мы, конечно, должны здѣсь ограничиться уже готовыми выводами спеціалистовъ, посвятившихъ себя разбору того, что было сдѣлано Ломоносовымъ по отдѣльнымъ отраслямъ, и самые выводы эти можемъ передать лишь въ формѣ весьма сжатой. Не слѣдуетъ забывать, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который, по громадному объему своихъ свѣдѣній, представлялъ собою цѣлую академію, и въ шутку имѣлъ полное право повторить, что „Академію можно отъ него отставить, но нельзя его отставить отъ Академіи“...

Отчеты о занятіяхъ

О началѣ академической дѣятельности Ломоносова даетъ нѣкоторое понятіе имъ самимъ (въ началѣ 1745 г.) поданная записка, въ которой онъ говоритъ: „въ бытность мою въ Академіи Наукъ, трудился я, нижайшій, довольно въ переводахъ физическихъ, механическихъ и піитическихъ съ латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ на россійскій и сочинилъ на россійскомъ же языкѣ горную книгу и риторику, и, сверхъ того, въ чтеніи славныхъ авторовъ, въ обученіи назначенныхъ ко мнѣ студентовъ, въ изобрѣтеніи новыхъ химическихъ опытовъ... и въ сочиненіи новыхъ диссертацій съ возможнымъ прилежаніемъ упражняюсь"...

Когда же Ломоносовъ получилъ сначала степень адъюнкта, а потомъ профессора, и при квартирѣ его, въ казенномъ домѣ, устроена была, по его плану и желанію, химическая лабораторія (первая, по времени, въ Россіи), тогда работы, опыты и изслѣдованія пошли у него непрерывною чередою. До какой степени они могли быть разнообразны, это мы можемъ видѣть изъ одного его отчета (на 1755 г.), гдѣ онъ указываетъ самъ, что именно было сдѣлано имъ въ теченіе одного года.

„Въ химіи: дѣланы разные физико-химическіе опыты, что явствуетъ въ журналѣ того же года на 14-ти листахъ. Въ физикѣ: сочинилъ диссертацію о должности журналистовъ, въ коей опровергнуты всѣ критики, учиненныя въ Германіи противъ моихъ диссертацій [1]), а особливо противъ новыхъ теорій о теплотѣ и стужѣ, о химическихъ растворахъ и упругости воздуха; 2) сочинилъ письмо о сѣверномъ ходу въ Остъ-Индію Сибирскимъ Океаномъ. Въ исторіи: сдѣлалъ опытъ описаніямъ владѣнія первыхъ князей россійскихъ: Рюрика, Олега, Игоря. Въ словесныхъ наукахъ: 1) сочинилъ и говорилъ въ публичномъ собраніи (Академіи): „Слово похвальное блаженныя памяти Государю Императору Петру Великому". 2) Сочинивъ большую часть грамматики, привелъ къ концу, для печатанья въ нынѣшнемъ году. 3) Сочинилъ письмо о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ".

И при всемъ этомъ разнообразіи трудовъ и занятій, какая необычайная живость, какая постоянная чуткость въ отношеніи возникающихъ новыхъ и новыхъ вопросовъ научныхъ, какая го-

[1]) Не всѣ ученые германскіе критиковали диссертаціи Ломоносова. Одинъ изъ европейски-извѣстныхъ ученыхъ того времени, знаменитый математикъ Эйлеръ, такъ писалъ въ академію по поводу диссертацій Ломоносова, посланныхъ ему на просмотръ:

«Всѣ записки Ломоносова по части физики и химіи не только хороши, но превосходны, ибо онъ съ такою основательностью излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно не извѣстные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполнѣ убѣжденъ въ истинѣ его объясненій; (вообще) г. Ломоносовъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытія феноменовъ физики и химіи; и желательно было бы, чтобы всѣ прочія академіи были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, какія совершилъ Ломоносовъ.»

товность всѣмъ и каждому услужить богатымъ запасомъ своихъ наблюденій и опытовъ! Такъ, напримѣръ, когда въ 1754 году заходитъ рѣчь объ академическомъ публичномъ актѣ, который всегда сопровождался научными сообщеніями и торжественными рѣчами, Ломоносовъ тотчасъ входитъ въ академическое собраніе со своими предложеніями такого рода:

Разнообразіе занятій.

„Ежели г.г. академики не изволятъ предложить пристойныхъ матерій (для научныхъ сообщеній), то я могу служить слѣдующими: 1) предложить новую о цвѣтахъ теорію, на физическихъ и химическихъ опытахъ основанную; 2) или же о первоначальныхъ частицахъ, чувствительныя тѣла составляющихъ, 3) или — способы, какъ вѣрнѣе опредѣлять ходъ корабельный и всякаго мореплавателя путь употреблять съ большимъ приращеніемъ знанія въ мореплаваніи; 4) или—новые способы, какъ безопасно мѣрять электрическую силу въ воздухѣ и ослаблять громовую силу въ тучахъ; 5) обсерваторія метеорологическая самопишущая; 6) задачу могу предложить о опредѣленіи количества въ движеніи и о пропорціи количества матеріи къ тягости“.

Вотъ какая масса новаго матеріала заключалась постоянно въ научномъ портфелѣ нашего академика. И весь этотъ матеріалъ не что иное, какъ результатъ его постоянной, каждодневной работы, которая составляетъ для него существенную необходимость—одинъ изъ элементовъ его жизни, и, съ одной стороны, постоянно побуждаетъ его примѣнять свои научныя теоріи и воззрѣнія на практикѣ, въ изобрѣтеніи новыхъ физическихъ и астрономическихъ приборовъ и машинъ, а съ другой — къ составленію руководствъ и учебниковъ, то по физикѣ, то по металлургіи, то по другимъ наукамъ, такъ или иначе соприкасающимся съ его обширнымъ кругомъ научнаго вѣдѣнія и наблюденія. Любопытно будетъ здѣсь привести мнѣнія объ этихъ трудахъ Ломоносова, высказанныя нашими выдающимися учеными спеціалистами, занимавшимися разборомъ отдѣльныхъ отраслей научной дѣятельности Ломоносова, по поводу его столѣтняго юбилея.

Мнѣнія ученыхъ о Ломоносовѣ.

Вотъ, напр., что говоритъ о немъ нашъ извѣстный ученый физикъ Любимовъ: „Разнообразіе предметовъ, которыми занимался Ломоносовъ съ безграничною пытливостью, переносило его вниманіе отъ одного предмета на другой и не позволяло ему останавливаться на частномъ изслѣдованіи какого-нибудь отдѣльнаго явленія; его умъ всегда уносился въ область теоріи... Ломоносову (поэтому) не суждено было внести какіе-либо новые замѣчательные факты въ науку; но не многіе изъ современныхъ ему ученыхъ понимали явленія природы такъ глубоко и ясно, какъ онъ. Его труды—это блестящія страницы въ исторіи русскаго образованія. Физическія сочиненія Ломоносова любопытны и поучи-

тельны и въ наше время, ибо отличаются двумя великими достоинствами изложенія, которымъ должно учиться у Ломоносова: во-первыхъ — эта ясность пониманія, это умѣнье поставить вопросъ, во-вторыхъ — понятное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящное изложеніе“...

Другой ученый, химикъ Лясковскій, разсматривая химическія сочиненія Ломоносова, говоритъ о немъ: „Химикъ—читатель трактатовъ Ломоносова — съ удовольствіемъ узнаетъ въ немъ не только изобрѣтательнаго экспериментатора и обладавшаго обширною ученостью руководителя въ области химіи, но и необыкновенно-проницательнаго толкователя химическихъ явленій... Трактатъ Ломоносова убѣждаетъ насъ въ его большой начитанности и въ томъ, что, несмотря на распространенныя тогда невѣрныя понятія о многихъ явленіяхъ природы, его свѣтлый умъ вѣрно оцѣнивалъ тѣ химическіе факты, которые противорѣчили этимъ понятіямъ“...

Почти такое же мнѣніе высказывалъ профессоръ Шуровскій о геологическихъ трудахъ Ломоносова, отмѣчая въ особенности вѣрность его мнѣнія о происхожденіи каменнаго угля отъ торфяниковъ, которую онъ „первый высказалъ въ наукѣ“; а также и его мнѣніе относительно янтаря, который „былъ признанъ Ломоносовымъ за смолу, истекавшую нѣкогда изъ растеній“, между тѣмъ какъ большинство современныхъ ученыхъ либо принимали янтарь за минералъ, либо искали его происхожденіе отъ другихъ началъ.

Открытія Ломоносова.

Отмѣтимъ еще, что профессоръ Московскаго университета М. Спасскій, въ своей рѣчи „Объ успѣхахъ метеорологіи“, говоритъ, упоминая о Франклинѣ, что съ этимъ именемъ „мы, русскіе, не безъ гордости можемъ поставить на ряду имя Ломоносова, который, въ „Словѣ“ своемъ „о явленіяхъ воздушныхъ“, кромѣ полной теоріи образованія грозовыхъ тучъ, весьма замѣчательной — особенно для тогдашняго времени—высказалъ весьма много глубокихъ мыслей относительно всей метеорологіи“.

Не менѣе важно и то открытіе, которое сдѣлано было Ломоносовымъ въ маѣ 1761 года, при наблюденіи прохожденія Венеры черезъ Солнце, съ физической стороны. И профессоръ Любимовъ, и академикъ Перевощиковъ говорятъ, что эти наблюденія привели Ломоносова „къ заключенію о существованіи атмосферы вокругъ Венеры“, что „ему первому принадлежитъ честь этого открытія“, до котораго знаменитѣйшіе европейскіе астрономы [1]) дошли самостоятельными наблюденіями только тридцать лѣтъ спустя.

Чрезвычайно любопытно и поучительно то, что Ломоносовъ

[1]) Шретеръ и В. Гершель, а въ послѣднее время Араго.

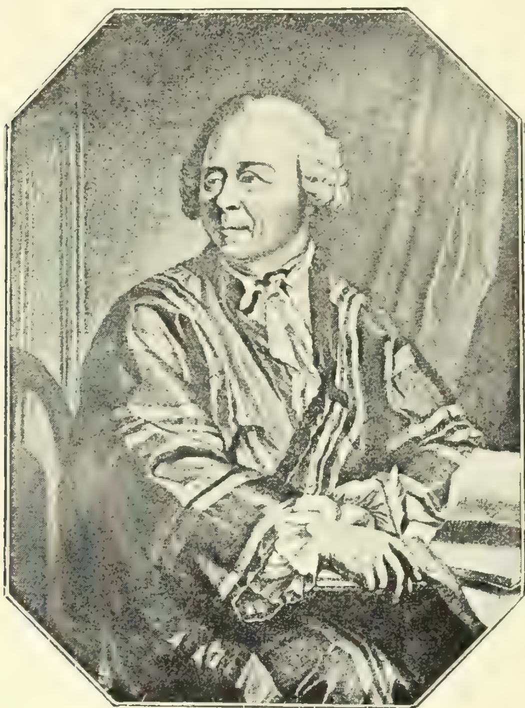
тотчасъ же, и наилучшимъ образомъ воспользовался своимъ открытіемъ на пользу общаго просвѣщенія народной массы и разсѣянія предразсудковъ старины, еще сильно державшихся въ русскомъ обществѣ. Напечатавъ въ общее свѣдѣніе брошюру о „Явленіи Венеры на солнцѣ“, Ломоносовъ счелъ за нужное текстами изъ св. Писанія подтвердить основу системы Коперника, доказывая, что она нимало не противорѣчитъ св. Писанію, и даже открыто рѣшился объявить себя сторонникомъ Фонтенеля, ученіе котораго о множествѣ міровъ еще въ 1756 г. вызвало со стороны духовенства особый докладъ императрицѣ Елисаветѣ — докладъ, въ которомъ говорилось прямо о *богопротивности* мнѣній Фонтенеля. Исчерпавъ противъ подобныхъ фанатиковъ всѣ доводы богословскіе, смѣлый русскій ученый, для еще бо̀льшей убѣдительности, переходитъ въ концѣ брошюры отъ серьезнаго къ забавному и разсказываетъ басню о поварѣ, который остроумною шуткою рѣшаетъ споръ между двумя лицами, изъ которыхъ одно держится воззрѣній Коперника, а другое—воззрѣній Птоломея на систему міра. Поваръ этотъ говоритъ имъ:

...«что въ томъ Коперникъ правъ,
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ.
Кто видѣлъ простака тако̀ва,
Который бы вертѣлъ очагъ вокругъ жарко̀ва?»

Переходя отъ занятій теоріею свѣта и различныхъ его цвѣтовъ и оттѣнковъ, къ практикѣ житейскихъ нуждъ, Ломоносовъ много занимался изслѣдованіемъ красокъ, а затѣмъ составомъ цвѣтныхъ стеколъ... Опыты его надъ красками и окраскою стеколъ относятся къ 1749 году, и привели его, въ концѣ концовъ, къ тому, что онъ увлекся мозаикой и въ остальную половину своей жизни значительную долю времени посвятилъ попыткамъ возродить вновь это давно-забытое художество въ Россіи. Упоминаемъ объ этомъ не только потому, чтобы показать, какъ широко разбрасывался всеобъемлющій геній этого великаго человѣка, но еще и потому, что мозаическія затѣи Ломоносова привели его, косвеннымъ путемъ, къ достиженію нѣкотораго благосостоянія, какъ мы это легко можемъ видѣть изъ его письма къ Эйлеру (отъ 12 (23) февраля 1754 г.). Въ этомъ письмѣ Ломоносовъ извѣщаетъ своего знаменитаго друга о разныхъ занятіяхъ своихъ и, между прочимъ, сообщаетъ, что цѣлыхъ три года онъ предавался изслѣдованіямъ о цвѣтахъ: имъ было сдѣлано почти три тысячи опытовъ для производства цвѣтныхъ стеколъ и для усовершенствованія мозаичнаго искусства. Сдѣланный имъ мозаическій образъ Богоматери очень понравился императрицѣ и ему была дана привилегія на устройство стекляннаго завода. ..По-

Занятіе мозаикой.

томъ", продолжаетъ Ломоносовъ, „щедроты Монархини много превзошли мои надежды и мои заслуги, понеже 16-го марта 1753 г., всемилостивѣйшая Императрица пожаловала мнѣ въ Ингріи 226 крестьянъ съ тысячью десятинами земли, на которой имѣется довольно полей, луговъ, рыбныхъ ловель и лѣса въ изобиліи. Четыре у меня деревни, изъ которыхъ ближайшая въ 64, а отдаленнѣйшая въ 80 верстахъ отъ Петербурга. Имѣніе прилегаетъ къ морю, и тамъ протекаетъ рѣчка, при которой, кромѣ дома и стекляннаго завода, уже построенныхъ, возвожу плотину и мельницу хлѣбную и лѣсопильную; наверху ея будетъ устроена самопишущая метеорологическая обсерваторія, описаніе которой, при помощи Божіей, передамъ публично на обсужденіе будущимъ лѣтомъ"... Въ заключеніе письма, Ломоносовъ проситъ Эйлера не удивляться его неаккуратности въ перепискѣ, такъ какъ онъ одновременно исполняетъ обязанности *поэта, оратора, химика и физика*, да сверхъ того сдѣлался еще и *историкомъ* по желанію, выраженному самой императрицей въ бытность его въ Москвѣ [1]).

Леонардъ Эйлеръ (1707—1782 г.)

Это заключеніе письма можетъ служить для насъ лучшимъ переходомъ отъ химическихъ и физическихъ занятій Ломоносова къ его занятіямъ словесностью и исторіей.

Литературныя произведенія.

Минуя придворную лирику Ломоносова, которой мы уже удѣлили достаточно мѣста выше, въ описаніи важнѣйшихъ фактовъ его жизни, мы укажемъ здѣсь на тѣ литературныя произведенія его, которыя къ этой лирикѣ не относятся, а также и на труды его по теоріи словесности и по языку... Изъ литературныхъ произведеній Ломоносова, которыя, кстати сказать, го-

[1]) Это дѣйствительно произошло лѣтомъ 1753 г., когда Ломоносовъ ѣздилъ вслѣдъ за Дворомъ хлопотать о привилегіи на заводъ. Милостиво принятый императрицей, онъ услышалъ отъ нея, что она желала бы увидѣть Русскую исторію, написанную его штилемъ.

раздо ниже его лирики, слѣдуетъ припомнить здѣсь его двѣ трагедіи: „*Темира и Селимъ*" и „*Демофонтъ*", его дидактическое стихотвореніе „*О пользѣ стекла*", написанное въ видѣ письма къ И. И. Шувалову, эпическую поэму „*Петръ Великій*" и два „*похвальныхъ слова*" — „Елисаветѣ" и „Петру I-му".

Трагедіи.

Первая изъ трагедій Ломоносова явилась въ свѣтъ по тому „всемилостивѣйшему указу" (мы упоминали о немъ выше), которымъ повелѣно было Ломоносову и Тредіаковскому „сочинить по трагедіи". Это было въ тотъ приснопамятный 1750 г., когда русскій театръ явился любимѣйшимъ

Памятникъ Ломоносову на площади г. Архангельска.

развлеченіемъ при Дворѣ Елисаветы и вдругъ въ такой степени овладѣлъ вниманіемъ императрицы, что она покинула всѣ остальныя развлеченія и забавы, и всецѣло предалась русскому театру и заботамъ о пополненіи репертуара вновь возникающей русской сцены. Ломоносовъ написалъ „Темиру и Селимъ" стихами, избравъ сюжетъ для трагедіи изъ эпохи Дмитрія Донского и его торжества надъ Мамаемъ, но, по обычаю всѣхъ драматурговъ ложно-классической школы, главными героями пьесы избралъ лица, неимѣющія никакого значенія историческаго: Темира — дочь какого-то „Мумета, царя Крымскаго", а Селимъ — „царевичъ Багдадскій". Вся трагедія чрезвычайно растянута, напыщенна и скучна; но, надо полагать, что она очень

понравилась современникамъ, потому что отдѣльное изданіе ея, напечатанное въ 630 экземплярахъ, все разошлось въ теченіе года и потребовалось въ 1751 г. напечатать новое изданіе той же трагедіи.

Не по собственной охотѣ, а по именному повелѣнію императрицы, переданному И. И. Шуваловымъ, приступилъ Ломоносовъ къ написанію и другой трагедіи своей—„Демофонтъ". Онъ видимо чувствовалъ себя не мастеромъ въ этомъ литературномъ родѣ и брался за него неохотно; а тутъ еще приходилось спѣшить, торопиться окончаніемъ трагедіи, отлагая въ сторону всѣ остальныя дѣла и любимыя занятія. Наконецъ, къ сентябрю 1752 г. трагедія, основанная на несчастной любви и гибели „Демофонта", сына Тезеева, и „Филлиды, царевны Ѳракійской"—была окончена и отдана въ печать. Пьеса печаталась день и ночь, и вышла въ свѣтъ въ ноябрѣ. Ни о постановкѣ ея, ни о дальнѣйшей судьбѣ въ публикѣ мы не имѣемъ свѣдѣній; знаемъ, однакоже, что Ломоносовъ, впослѣдствіи, никогда болѣе не возвращался къ драматическому роду.

Эпосъ и дидактика.

Между поэтическими произведеніями Ломоносова находимъ одно, весьма удачное, дидактическое стихотвореніе „О пользѣ стекла" (которому придана форма посланія или письма къ Ив. Ив. Шувалову) и довольно слабое и неудачное начало эпической поэмы, посвященной прославленію Петра Великаго, и извѣстной подъ заглавіемъ „Петръ Великій, героическая поэма". Первое изъ этихъ произведеній явилось въ 1752 г., въ самый разгаръ увлеченія Ломоносова фабрикаціею цвѣтныхъ стеколъ, когда онъ дни и ночи проводилъ надъ опытами въ области этой спеціальности, и въ Сенатъ подавалъ доклады и прошенія, въ которыхъ доказывалъ, какую будущность можетъ имѣть его производство, и у государыни, черезъ своихъ покровителей, хлопоталъ о дарованіи ему средствъ для заведенія фабрики... Въ виду всего этого едва ли нужно повторять здѣсь извѣстный анекдотъ о стеклянныхъ пуговицахъ [1]), который будто бы послужилъ поводомъ къ написанію этого посланія? Оно очевидно родилось изъ болѣе важныхъ и глубокихъ побужденій, и явилось не остроумнымъ экспромтомъ, а глубоко-обдуманнымъ произведеніемъ, на впечатлѣніе котораго авторъ разсчитывалъ, какъ на еще одинъ существенный и важный доводъ въ пользу своего дѣла—и притомъ такой до-

[1]) Говорятъ, будто бы поводомъ къ написанію „Письма о пользѣ стекла" былъ слѣдующій случай. Ломоносовъ явился на обѣдъ къ И. И. Шувалову въ кафтанѣ со стеклянными пуговицами. Кто-то замѣтилъ ему, что стеклянныя пуговицы уже не въ модѣ. Ломоносовъ отвѣчалъ, что носитъ эти пуговицы не по модѣ, а изъ уваженія къ стеклу, и съ увлеченіемъ сталъ разъяснять его пользу въ различныхъ примѣненіяхъ.

водъ, который, быть-можетъ, будетъ выслушанъ охотнѣе и благодушнѣе, чѣмъ остальные дѣловые и серьезные доводы. Это посланіе къ Шувалову начинается извѣстною строфою, которая служитъ приступомъ ко всему произведенію:

«Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучомъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Нерѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь;
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь—
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, не злату, но стеклу.
И какъ я оное хваля воспоминаю,
Неломкость лживаго я счастья представляю...
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей конечный раздѣлитель.
Стекло имъ рождено: огонь его родитель» [1]).

И затѣмъ, въ остальныхъ строфахъ, Ломоносовъ перебираетъ различныя употребленія стекла и въ обыденной жизни, и въ научномъ его примѣненіи, какъ составной части различныхъ физическихъ приборовъ и т. д.

Гораздо менѣе удачною представляется намъ его „героическая поэма“, за которую много разъ принимался Ломоносовъ, о которой много говорилъ Шувалову, то обѣщая ускорить ея окончаніемъ, то жалуясь на крайніе недостатки и на неблагопріятныя обстоятельства, препятствующія успѣшному ходу его работы. Но задача, которой онъ придавалъ громадное значеніе, благоговѣя передъ памятью Петра, оказалась очевидно и не по силамъ, и не по характеру поэту — страстному, порывистому, впечатлительному—мало-способному къ спокойной эпической настроенности. Въ 1760 г. явилась въ свѣтъ первая пѣснь поэмы, а въ 1761 г. вторая—и послѣдняя. Къ продолженію этого поэтическаго „труда“ Ломоносовъ не возвращался болѣе, видимо сознавая свою неудачу. Въ первой пѣснѣ поэтъ описываетъ плаваніе Петра Великаго въ бурю по Бѣлому морю и спасеніе отъ бури въ Унской губѣ, прибытіе въ Соловецкій монастырь и бесѣду его съ настоятелемъ обители о расколѣ и стрѣлецкихъ бунтахъ. Во второй — воспѣвается осада и взятіе Шлиссельбурга. Въ торжественномъ посвященіи поэмы И. И. Шувалову Ломоносовъ превозноситъ его значеніе, какъ Мецената и цѣнителя поэтическихъ произведеній:

[1]) Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ тѣми, которые видятъ въ этой первой строфѣ намекъ на вышеприведенный анекдотъ.

«Начало моего великаго труда
Прими, Предстатель Музъ, какъ принималъ всегда
Сложенія мои, любя Россійско слово,
И тѣмъ стремленіе къ стихамъ давалъ мнѣ ново.
Тобою поощренъ въ сей путь пустился я:
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья...»

Далѣе Ломоносовъ указываетъ на то, что Виргилій [1]) и Гомеръ служатъ ему образцами и что онъ питаетъ надежду на возможность окончить свою поэму; потомъ, далѣе, что отзывы Мецената ободряютъ его и „какъ бы легкими крылами уносятъ на Парнассъ"... Но если даже жизнь его и „престоржется недоброхотнымъ рокомъ", то продолжать его трудъ будутъ, конечно, „цвѣтущи младостью умы", такъ какъ талантливые люди не переводятся въ Россіи,

«Лишь были бъ завсегда защитники такіе,
Каковъ Ты Промысломъ въ сей день произведенъ,
Для счастія наукъ въ отечествѣ рожденъ».

Похвальныя слова.

Два обширныхъ „Похвальныхъ Слова"—Елисаветѣ и Петру Великому—относятся къ разнымъ эпохамъ жизни автора. Первое было сказано тогда, когда Ломоносовъ еще только пріобрѣталъ извѣстность, какъ поэтъ, ученый и ораторъ; когда и общественное положеніе его было еще непрочно установлено, и значеніе при Дворѣ только-что пріобрѣталось... Товарищи-академики, хотя и были убѣждены въ смѣлости Ломоносова (враги говорили даже о его „нахальствѣ"), но все же такая задача, какъ похвальное слово царствующей императрицѣ, представлялась имъ дѣломъ небезопаснымъ и вызывала сомнѣнія. Но Ломоносовъ блистательно разрѣшилъ эту задачу и рѣчь его, сильно и выразительно сказанная, вызвала при Дворѣ общее одобреніе. Самою существенною частью рѣчи, — послѣ обычныхъ восхваленій и ораторскихъ прикрасъ, свойственныхъ всѣмъ ораторскимъ произведеніямъ того времени,—является то мѣсто рѣчи, гдѣ Ломоносовъ, прославляя покровительство императрицы наукамъ, выражаетъ въ словахъ, влагаемыхъ въ уста императрицы, свои искреннія, задушевныя пожеланія:

„Обучайтесь прилежно",—такъ говоритъ въ „Словѣ" Елисавета учащемуся юношеству.—„Я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящею желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ. Сего польза и слава отечества, сего

---

[1]) Извѣстный знатокъ Русской Словесности, А. Д. Галаховъ, находитъ въ первой пѣснѣ Ломоносовской поэмы подражаніе первымъ двумъ пѣснямъ «Энеиды» Виргилія и въ планѣ, и въ подробностяхъ. Такое подражаніе въ періодъ преобладанія псевдо-классицизма было весьма естественно, такъ какъ поэма Виргилія представлялась идеаломъ совершенства.

намѣреніе моихъ родителей, сего мое произволеніе требуетъ. Не описаны еще дѣла моихъ предковъ и не воспѣта по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи россійскаго слова. Въ пространной моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно производитъ, лежатъ потаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ. Прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію и ревностно старайтесь тѣмъ заслужить мою милость" [1]).

Группа на памятникѣ Ломоносова, работы художника Мартоса.

Похвальное слово Петру Великому было произнесено 26 апрѣля 1755 г., т.-е. въ самый цвѣтущій періодъ развитія литературной, ученой и практической дѣятельности Ломоносова—въ одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ годовъ его, какъ мы это могли видѣть изъ вышеприведеннаго его отчета. Это произведеніе, правильно во всѣхъ своихъ частяхъ построенное, отчасти подражающее по формѣ одному изъ ораторскихъ произведеній Плинія Младшаго (пенегирику Траяна), заключаетъ въ себѣ нѣсколько вполнѣ искреннихъ, вполнѣ про-

[1]) Кажется, никто еще не обратилъ вниманія на то, что многія мѣста этого Слова (въ томъ числѣ и приведенное нами) почти буквально повторяются въ одахъ Ломоносова.

чувствованныхъ мѣстъ, въ которыхъ Ломоносовъ старался выразить всю силу, всю глубину своего безпредѣльнаго преклоненія передъ личностью Петра [1]... И въ этихъ именно мѣстахъ Ломоносовъ очень напоминаетъ намъ другого, не менѣе искренняго почитателя Петра Великаго — его друга и помощника Ѳеофана Прокоповича. Такъ, напримѣръ, обрисовывая въ своемъ „Словѣ“ неутомимую и многообразную дѣятельность Петра Великаго, Ломоносовъ восклицаетъ:

„Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ между трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между различными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра Великаго вижу въ поту, въ пыли, въ дыму, въ пламени, и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, а не многіе и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча.“

Много вредитъ „Словамъ“ Ломоносова, въ нашихъ глазахъ, именно то, что, по мнѣнію современниковъ, составляло ихъ главную красу, а именно: надутость и напыщенность стиля, переполненіе языка громкими и мало употребительными словами, которыя составляли въ то время существеннѣйшую принадлежность высокой, ораторской рѣчи. Да при этомъ еще условныя формы ораторской рѣчи, искусственные переходы отъ одной части къ другой и тяжелые обороты фразы, которую старались неестественно извернуть, на подобіе оборотовъ латинской или нѣмецкой ораторской рѣчи. Эти стилистическія прикрасы ораторской рѣчи тѣмъ обильнѣе являются въ *Словахъ* Ломоносова, что онъ и самъ былъ законодателемъ въ дѣлѣ ораторскаго искусства; — одною изъ первыхъ его книгъ была книга по теоріи слога — „*Краткое руководство къ краснорѣчію*“ [2]), написанное имъ еще ранѣе 1744 г. Но, по разнымъ причинамъ, появленіе въ свѣтъ этой книги замедлилось, и она вышла изъ печати только въ 1748 г. Въ предисловіи къ этому руководству Ломоносовъ

[1]) Ломоносовъ — если можно такъ выразиться — боготворилъ Петра, а потому и не удивительно, что въ самомъ патетическомъ мѣстѣ своего «Слова» онъ говоритъ: «ежели человѣка, Богу подобнаго, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю»... Никакъ не можемъ согласиться съ тѣми, которые и въ этомъ восхищеніи хотятъ видѣть подражаніе Плинію, только потому, что и у него допущено сравненіе Траяна съ божествомъ.

[2]) Полное заглавіе книги слѣдующее: «*Краткое руководство къ краснорѣчію, книга первая, въ которой содержится Риторика, показующая общія правила обоего краснорѣчія, т. е. ораторіи и поэзіи, сочиненная въ пользу любящихъ словесныя науки.* Риторикѣ» Ломоносова, въ области его работъ надъ языкомъ и слогомъ, предшествовало его же «*Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства*», присланное изъ-за границы, вмѣстѣ съ одою «на взятіе Хотина».

высказывалъ то же высокое мнѣніе о природныхъ свойствахъ русскаго языка, которое позднѣе, съ бо́льшою подробностью, проводилъ въ своей грамматикѣ. „Языкъ, которымъ Россійская Держава великой части свѣта повелѣваетъ, по ея могуществу (т. е. сообразно съ ея могуществомъ), имѣетъ природное изобиліе, красоту и силу, чѣмъ ни одному Европейскому языку не уступаетъ. И для того нѣтъ сумнѣнія, чтобы Россійское слово не могло приведено быть въ такое совершенство, каковому въ другихъ (языкахъ) удивляемся. Симъ обнадеженъ,. предпріялъ я сочиненіе сего руководства: но больше въ такомъ намѣреніи, чтобы другіе, увидѣвъ возможность, на сей малой стезѣ въ украшеніи Россійскаго слова подвизались.“ По самому заглавію руководства, видно, что за первою книгою должны были слѣдовать еще двѣ: книга вторая—„Ораторія“ и книга третья—„Пиитика“. Но онѣ въ свѣтъ не явились, и напечатана была только „Риторика“, составленная Ломоносовымъ по лучшимъ современнымъ руководствамъ, въ примѣненіи къ русскому языку и слогу. Важною новостью и большимъ достоинствомъ Ломоносовскаго руководства было, во-первыхъ, то, что оно явилось на русскомъ языкѣ, тогда какъ всѣ предшествующія риторики были написаны по-латыни; во-вторыхъ, всѣ образцы, переводные и оригинальные, приведенные въ подтвержденіе правилъ (какъ прозаическіе, такъ и стихотворные), принадлежали перу самого Ломоносова.

Семь лѣтъ спустя, Ломоносовъ выступилъ съ новымъ и не менѣе важнымъ трудомъ: 20 сентября 1755 г. Ломоносовъ поднесъ въ рукописи свою „Россійскую грамматику“ великому князю Павлу Петровичу. Эта „Россійская грамматика“ вышла изъ печати въ январѣ 1757 г., хотя на ея заглавномъ листѣ и выставленъ тотъ годъ, въ который она была закончена и поднесена великому князю. Въ предисловіи къ этой книгѣ Ломоносовъ очень картинно изображаетъ существеннѣйшія свойства русскаго языка, по сравненію съ другими европейскими. Россiйская грамматика.

„Карлъ пятый, римскій императоръ, говорилъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, итальянскимъ—съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но, еслибы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ-бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ-бы въ немъ великолѣпіе ишпанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того—богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка.“

Грамматика Ломоносова, конечно, не родилась, какъ Минерва, изъ головы Юпитера, а создавалась постепенно и медленно. Матерьялы для нея Ломоносовъ началъ собирать еще съ

конца сороковыхъ годовъ, задумывая составить грамматику на весьма широкой основѣ и въ связи съ изслѣдованіями коренныхъ свойствъ языка. При составленіи грамматики, Ломоносовъ воспользовался всѣмъ, чѣмъ могъ, и, конечно, заимствовалъ коечто и изъ грамматики Смотрицкаго, и изъ грамматики адъюнкта Адодурова. Но все заимствованное онъ переработалъ самостоятельно и примѣнилъ на практикѣ посвоему. По справедливому замѣчанію академика Я. К. Грота, „авторъ грамматики обнаруживаетъ удивительное (по тому времени) пониманіе началъ языковѣдѣнія“. Онъ уже дѣлитъ грамматику, какъ науку, на общую (или философскую), занимающуюся общими законами языка вообще, и на „особливую“, научающую „лучшему разсудительному употребленію одного языка“. Весь грамматическій матерьялъ изложенъ въ шести наставленіяхъ, и изъ нихъ — первое имѣетъ значеніе введенія, въ которомъ авторъ толкуетъ о происхожденіи ча-

Титульный листъ къ Россійской грамматикѣ Ломоносова.

Милостивый Гдрь Иванъ Ивановичъ

Полученное отъ вашего Превосходительства чрезъ Чернышова письмо съ радостїю прочиталъ и увидѣлъ неусыпное ваше старанїе о прославленїи безсмертныхъ дѣлъ блаженныя памяти Гдря Императора ПЕТРА великаго на иностранныхъ языкахъ. Къ сему всеконечно отправленїе Гдна Волтера ничто не можетъ быть способнѣе; только одно обстоятельство несколько подумать должно. Первое что онъ человѣкъ опасный, и подалъ въ рассужденїи высокихъ особъ худые примѣры своего характера. второе хотя довольно можетъ онъ получить отъ насъ записокъ; однако переводъ ихъ на его языкъ знатнаго великаго труда и

времени требуетъ. Что до сего надлежитъ, то
принимаю смѣлость представить слѣдующее.
Во первыхъ долженъ онъ себѣ зделать краткой
планъ, который можетъ сочиненъ быть изъ
сокращеннаго описанія дѣлъ Петровыхъ, которое
я имѣю, и къ нему онъ и сочиненной мною Пане-
гирикъ небезъ пользы употребить можетъ.
Ежели на францусскій языкъ переведенъ будетъ
Профессоромъ Штрубе переведена уже великая его
часть; однако въ немногомъ упустилъ, чтобъ онъ
прибавилъ изъ описаній; а приказать власти
не имѣю. По сочиненіи плана и по его сюда
сообщеніи, думаю, что лучше къ нему посы-
лать переводы съ записокъ по частямъ,
какъ порядокъ въ планѣ покажетъ, а не
все вдругъ. Иначе станетъ онъ сочинять
начало, между тѣмъ прочіе переводы поспѣ-
вать могутъ, и тѣмъ сочиненіе скорѣе на-
чатое и изъ окончаній приходитъ [illegible].
Учрежденіе сего дѣла для предстоящихъ явно
вспомогательныхъ весьма надобно. —

а у меня сколько есть записок о делах великого на-
шего Монарха, все для сего предприятия готовы.
О состоянии России во время царствования
Государя Царя Михайла Феодоровича, должно ожидать
пространной Екстракт изъ летописцевъ [illegible],
а чему в томъ употребить невозможно времени.
Анекдоты принадлежат сего сочинения не токмо
нужны; примечания же не токмо уже начало, чтобы
действия лета Государи помнили; однако и
о том Пастора всех, чтобы хотя оных других
слышанное слышать. При семъ имею
честь прислать къ вашему Превосходительству
первой листъ Моей речи, которую буду гово-
рить въ в число сего месяца въ Академи-
ческом публичном собрании. Ныне обыкно-
венно такие речи подаваны были прежде въ
5 число ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
Всемилостивейшей Государыне: того ради Ваше
Превосходительство всепокорнейше прошу
чтобы я мог удостоится быть на сие
торжество въ Сарском селе, или [illegible] для

Подания рѣчи, такожде что вы, ваше Превосходителство
Поздравили съ Пресвятымъ праздникомъ и съ воз-
вращенiемъ драгоцѣннаго вашего здравiя;
о которомъ слабости безмѣрно я соболѣзновалъ.
Ожидая милостиваго соблаговоленiя съ глубочайш:
высокопочитанiемъ пребываю

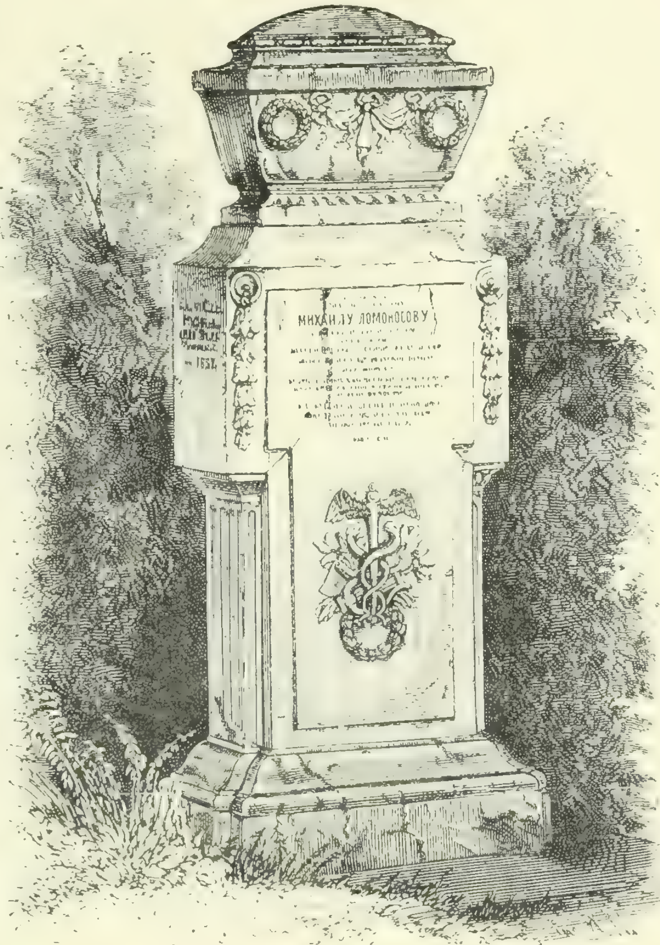
Вашего Превосходительства

Въ Санктпетербургѣ
Сентября 12 дня,
1757 году.

Всепокорнѣйшiй слуга
Михайло Ломоносовъ

Снимокъ съ письма М. В. Ломоносова.

стей рѣчи и дѣлить ихъ на главныя и служебныя [1]); въ остальныхъ наставленіяхъ говорится объ измѣненіяхъ частей рѣчи. Въ какой степени грамматика Ломоносова удовлетворяла потребностямъ времени, это не трудно видѣть изъ того, что въ теченіе столѣтія она была переиздана двѣнадцать разъ, и дважды издана Академіею въ 1855 г., въ воспоминаніе столѣтія, минувшаго со времени выхода въ свѣтъ этого труда Ломоносова.

Памятникъ на могилѣ Ломоносова на кладо́бищѣ Александро-Невской лавры.

О пользѣ книгъ церковныхъ.

Въ томъ же году, когда „Россійская грамматика" Ломоносова вышла въ свѣтъ, въ типографіи, заведенной при Московскомъ университетѣ, напечатано было второе изданіе сочиненій Ломоносова, и въ началѣ его помѣщено „*Предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ*", не бывшее до того времени въ печати. Въ этомъ разсужденіи, слѣдуя старой классической теоріи (заимствованной изъ ученія Аристотеля и Квинтиліана), Ломоносовъ старается провести ту идею, что языкъ церковно-славянскій всегда служилъ и долженъ служить намъ сокровищницею, изъ которой мы можемъ почерпать недостающіе нашему языку слова для выраженія понятій отвлеченныхъ и высокихъ, и, сообразно большей или меньшей степени участія церковно-славянскаго языка въ русской

[1]) Раздѣленіе это теперь принято всѣми и введено въ преподаваніе грамматики.

рѣчи, дѣлить совершенно искусственно слогъ всѣхъ русскихъ сочиненій на *высокій, средній* и *низкій*. Онъ предполагаетъ (и въ подтвержденіе своей мысли ссылается на собственныя свои сочиненія), что искусными заимствованьями изъ церковно-славянскаго языка можно отвратить наплывъ къ намъ словъ изъ чужихъ языковъ, искажающій красоту нашего языка, и при этомъ не допускаетъ даже мысли о томъ, что такія заимствованія изъ церковно-славянскаго языка безобразятъ нашу рѣчь не менѣе, нежели заимствованія изъ языковъ иноземныхъ [1]). Въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Елисаветы (1 ноября 1761 г.), Ломоносовъ поднесъ ей знаменитое свое „*Письмо о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа*" [2]). Въ этомъ замѣчательномъ сочиненіи, въ которое, по словамъ самого Ломоносова, вошли „по разнымъ временамъ замѣченныя порознь мысли," авторъ касается различныхъ сторонъ жизни и быта русскаго народа, и удивительно вѣрно намѣчаетъ тѣ мѣропріятія, которыя могли бы служить народу на пользу. Историкъ Академіи справедливо замѣчаетъ, что это произведеніе, поражающее и теперь широкимъ взглядомъ, чуждымъ мелочности и личностей, затрогиваетъ много вопросовъ, неразрѣшимыхъ и донынѣ... Въ немъ повсюду является такое глубокое знаніе народа, и притомъ оно написано такимъ прекраснымъ, могучимъ языкомъ, что это „Письмо" Ломоносова можетъ быть названо однимъ изъ самыхъ выдающихся произведеній всей русской литературы XVIII вѣка... „Письмо" драгоцѣнно для насъ и въ томъ отношеніи, что оно болѣе, чѣмъ всѣ прочія сочиненія Ломоносова, знакомитъ насъ съ его взглядами и убѣжденіями въ гражданскомъ и религіозномъ отношеніяхъ.

Работы надъ Русской исторіей.

Единственная изъ всѣхъ научная область, въ которую, впрочемъ, Ломоносовъ вступилъ почти случайно, и притомъ побуждаемый и вызываемый къ тому настояніями своихъ высокихъ покровителей — область историческаго изученія — оказалась для него чуждою, малодоступною и неясною въ тѣхъ важнѣйшихъ задачахъ, какія она предлагаетъ пытливому изслѣдователю. Враждебныя и чисто личныя отношенія Ломоносова къ академику Мюллеру, весьма охотно, успѣшно и толково занимавшемуся изученіемъ Русской исторіи по первоисточникамъ—отношенія, вызывавшія цѣлый рядъ ссоръ и схватокъ въ теченіе многихъ лѣтъ — прежде всего внушили Ломоносову мысль о томъ, какъ

[1]) Но и въ данномъ случаѣ Ломоносовъ, всегда и во всемъ живой и проницательный, совершенно правильно указываетъ, что «черезъ языкъ церковно-славянскій мы соединяемся со всѣми славянскими народами, которые, хотя и раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, но употребляютъ однѣ и тѣ же церковныя книги».

[2]) Это «Письмо Ломоносова впервые напечатано вполнѣ въ третьемъ выпускѣ Бесѣдъ въ обществѣ любителей россійской словесности», въ 1871 г.»

именно слѣдуетъ писать исторію? По понятіямъ Ломоносова (отчасти перешедшимъ и къ послѣдующему поколѣнію историковъ), историческая истина требовала нѣкоторыхъ прикрасъ и, главнымъ образомъ, краснорѣчиваго изложенія. Взглядъ его на отечественную исторію былъ чисто-патріотическій; событія для историческаго повѣствованія слѣдовало избирать и сопоставлять съ нѣкоторымъ умѣньемъ, и притомъ такъ, чтобы читающій могъ извлечь изъ историческаго повѣствованія полезное назиданіе и примѣръ для подражанія. По мнѣнію Ломоносова, исторія „даетъ государямъ примѣры правленія, подданнымъ—повиновенія, воинамъ—мужества, судіямъ—правосудія, молодымъ—старыхъ разумъ, престарѣлымъ—сугубую твердость въ совѣтахъ...“ „Дѣла праотцевъ должны были побуждать къ похвальнымъ дѣламъ“ — такъ думалъ Ломоносовъ, и не сознавалъ, что этимъ самымъ высказываетъ самый рѣшительный приговоръ исторической истинѣ, потому что обязываетъ историка избирать въ отдаленномъ прошломъ только похвальное...[1]). Но,—увы!—въ XVIII вѣкѣ, такой взглядъ на исторію существовалъ не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ, и объ исторической истинѣ понятія у большинства были весьма темныя и неопредѣленныя.

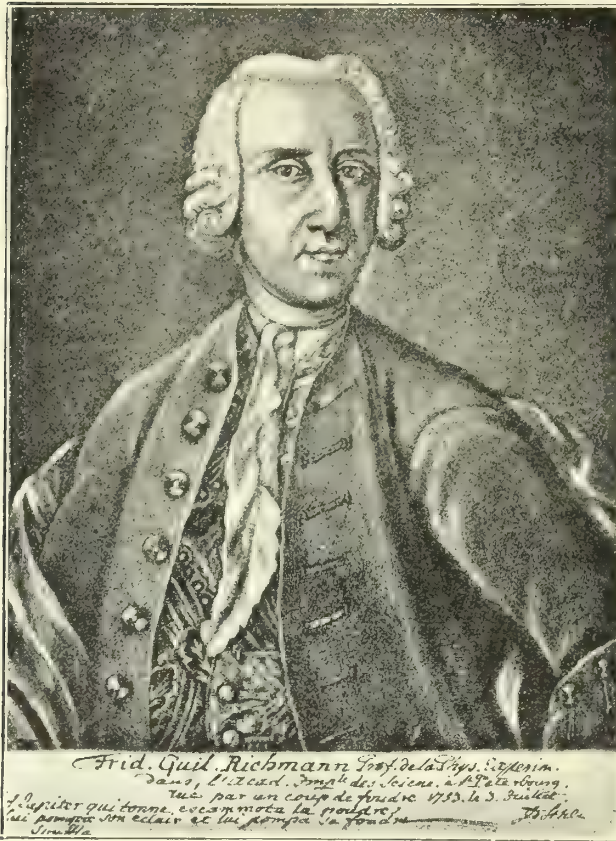
По сохранившейся перепискѣ Ломоносова съ Шуваловымъ почти точно можно опредѣлить тотъ періодъ, въ который знаменитый нашъ академикъ приступилъ къ занятіямъ Русскою исторіею. Мы уже видѣли выше то письмо Ломоносова къ Эйлеру, въ которомъ онъ, упоминая о многосложности своихъ научныхъ занятій, добавляетъ, что онъ еще къ тому же „сдѣлался историкомъ“. Но это, полушутливое, полусерьезное его замѣчаніе относится къ тому времени, когда онъ уже былъ почти такимъ же оффиціальнымъ историкомъ, какъ и оффиціальнымъ поэтомъ: — старанія И. И. Шувалова уже привели къ тому, что императрица Елисавета, при свиданіи съ Ломоносовымъ въ Москвѣ, лѣтомъ 1753 г., сказала ему свое вѣское слово [2]), равносильное повелѣнію—заняться Россійскою исторіею. Но уже и ранѣе этого времени, почти съ самаго начала отношеній и сближенія Ломоносова съ Шуваловымъ, этотъ молодой вельможа, страстно преданный Словесности и даже стихотворству [3]), неоднократно побуждалъ Ломоносова покинуть занятія химіей, физикой и дру-

[1]) Осуждая Мюллера за то, что онъ занялся изслѣдованіями эпохи смутнаго времени, Ломоносовъ ставилъ ему это изслѣдованіе въ укоръ и прямо высказывалъ такую мысль: «Или нѣтъ другихъ извѣстій и дѣлъ россійскихъ, гдѣ-бы, по послѣдней мѣрѣ, и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно было?»

[2]) См. выше, примѣчаніе на стр. 544.

[3]) По черновымъ тетрадямъ, сохранившимся въ бумагахъ Шувалова, видно, что онъ и самъ писалъ стихи, и учился у Ломоносова піитикѣ и риторикѣ.

гими естественными науками, чтобы всецѣло и окончательно предаться наукамъ словеснымъ и исторіи. Этими настояніями, вѣроятно, и вызвано было извѣстное письмо Ломоносова, въ которомъ онъ чуть не извиняется передъ Шуваловымъ въ томъ, что не можетъ исполнить его нелѣпаго желанія и старается оправдать свои любимыя занятія. Въ отвѣтъ на письмо Шувалова (отъ 28 дек. 1752 г.) Ломоносовъ благодаритъ его (4 янв. 1753 г.) за лестное одобреніе къ сочиненію русской исторіи и затѣмъ продолжаетъ:

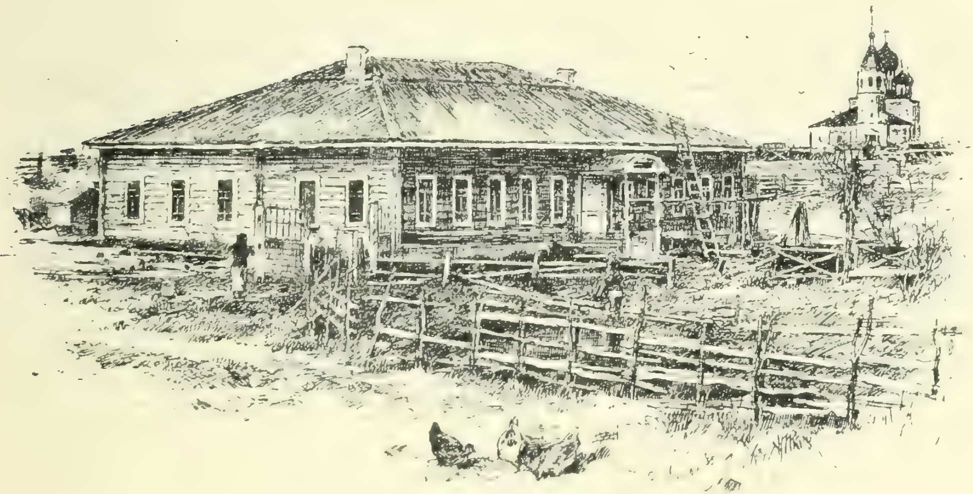
Академикъ Рихманъ, другъ Ломоносова, убитый молніей при наблюденіи надъ силою электричества, 3 іюля 1753 г.

„Коль великимъ счастьемъ я себѣ почесть могу, ежели моею возможною способностью древность россійскаго народа и славныя дѣла нашихъ государей свѣту откроются, то весьма чувствую. И читая отъ вашего превосходительства ко мнѣ писанныя похвалы, которыя мое достоинство далече превосходятъ, благодарю отъ всего сердца; и, радуясь, по предпріятому моему намѣренію со всякою ревностью въ собраніи нужныхъ извѣстій стараюсь, безъ которыхъ отнюдь ничего въ исторіи предпринять не возможно. Могу васъ, милостиваго государя, увѣрить въ томъ заподлинно, что первый томъ въ нынѣшнемъ году съ Божіею помощію совершить уповаю [1]. Что же до другихъ моихъ въ физикѣ и химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ труда успокоенія: для того, оставивъ постоянное дѣло,

[1] Эти упованія, однакоже, не сбылись: начало перваго тома было черезъ Шувалова поднесено императрицѣ Елисаветѣ не ранѣе сентября 1758 г.

Соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ, гдѣ Ломоносовъ, въ юности, читалъ и пѣлъ на клиросѣ.

Школа имени Ломоносова въ деревнѣ Денисовкѣ.

ищетъ себѣ съ гостьми или съ домашними препровожденія времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ: отчего я уже давно отказался затѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ, на

успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе россійской исторіи и на украшеніе россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ, вмѣсто бильярду, употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ, вмѣсто лекарства служить имѣютъ..." Эти драгоцѣнныя строки слишкомъ ясно указываютъ намъ, что сердце Ломоносова болѣе лежало къ его „химическимъ и физическимъ опытамъ", нежели къ навязанному занятію исторіей, къ которому и по натурѣ своей, живой и подвижной, онъ долженъ былъ ощущать въ себѣ также мало расположенія, какъ къ эпосу въ поэзіи.

„Россійская Исторія".

Но, какъ бы то ни было, послѣ многихъ отсрочекъ и оттяжекъ „Россійская Исторія" была, наконецъ, поднесена императрицѣ въ рукописи. Тогда же, т. е. въ 1758 г., было приказано ее печатать и шли толки о заглавной виньеткѣ для этой книги; но печатанье ея почему-то замедлилось (вѣроятнѣе всего потому, что самъ авторъ съ нимъ не спѣшилъ) и оказалось потомъ, что къ февралю 1763 г. было отпечатано только три листа „Исторіи". Опять принялись за это дѣло „съ крайнею поспѣшностью" — и книга все же была окончена печатаніемъ не ранѣе, какъ по кончинѣ Ломоносова. Собственно говоря къ печати Ломоносовымъ была приготовлена далеко не вся Исторія Россіи, а только двѣ части перваго тома: „россійскія дѣянія отъ самой древности даже до кончины великаго князя Ярослава Перваго, т. е. до перваго главнаго раздѣленія самодержавства россійскаго". Двѣ остальныя части перваго тома, по плану Ломоносова, должны были заключать въ себѣ событія „до великаго князя Московскаго Ивана Васильевича, когда Россія вовсе свободилась отъ татарскаго насильства".

Отзывъ С. М. Соловьева.

Безпристрастный историкъ С. М. Соловьевъ прекрасно характеризуетъ этотъ трудъ Ломоносова въ своей статьѣ о „Писателяхъ русской исторіи", и говоритъ между прочимъ: „Геній Ломоносова оказался недостаточнымъ при занятіи русскою исторіею—не помогъ ему возвыситься надъ современными понятіями. Не имѣя возможности изучить вполнѣ русскую исторію, Ломоносовъ, разумѣется, не могъ уяснить себѣ ея хода, характера главныхъ явленій, опредѣляющихъ эпохи; вотъ почему онъ и удовольствовался, какъ выражался самъ, „нѣкоторымъ общимъ подобіемъ въ порядкѣ дѣяній россійскихъ съ римскими..." Затѣмъ Соловьевъ указываетъ на „блистательное по тогдашнимъ средствамъ науки рѣшеніе нѣкоторыхъ частныхъ приготовительныхъ вопросовъ", на „любопытныя и правильныя замѣчанія" Ломоносова и добавляетъ ко всему этому:

„Тѣмъ рѣзче чувствуется переходъ собственно къ повѣство-

ванію о событіяхъ русской исторіи, тѣмъ сильнѣе подтверждается правило самого Ломоносова, что насильственные поступки съ Музами не остаются безнаказанными...“[1])

При жизни Ломоносова былъ, собственно говоря, напечатанъ только одинъ его историческій трудъ: „Краткій россійскій лѣтописецъ съ родословіемъ“. Вслѣдъ за посвященіемъ книги великому князю Павлу Петровичу, въ ней помѣщено „Показаніе россійской древности, сокращенное изъ сочиняющейся пространной исторіи“. Здѣсь изложено мнѣніе Ломоносова о происхожденіи Руси, а затѣмъ краткій обзоръ дѣяній великихъ князей и царей русскихъ, до Петра Великаго включительно. „Родословіе“, приложенное къ нимъ, было составлено библіотекаремъ Академіи Богдановымъ.

Собраніе сочиненія.

„Россійская Исторія“ Ломоносова менѣе всего имѣла и, по своей незаконченности, менѣе всего могла имѣть успѣха; но всѣ его сочиненія и всѣ руководства по естественнымъ наукамъ и наукамъ словеснымъ — расходились весьма успѣшно и выдерживали по нѣскольку изданій. Особеннымъ успѣхомъ пользовалось „*Собраніе сочиненій въ прозѣ и стихахъ*“, которое раскупалось весьма охотно и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, читалось съ наслажденіемъ и представлялось неизбалованному читателю верхомъ литературнаго совершенства и поэтической гармоніи. Обаяніе, окружавшее лучезарнымъ ореоломъ громкое имя русскаго ученаго и поэта, распространялось и на его произведенія, къ которымъ не только современники, но и ближайшее потомство относились почти съ благоговѣніемъ. И это почтительное отношеніе становится вполнѣ понятно даже и намъ, если мы представимъ себѣ этого богатыря-академика, вѣчно дѣятельнаго, вѣчно подвижного, всегда готоваго на борьбу за „русское дѣло“, смѣлаго въ замыслахъ, еще болѣе смѣлаго на словахъ, непреклоннаго въ спорахъ, неподатливаго на уступки и умѣющаго внушить уваженіе къ себѣ даже и тѣмъ, которые, по своему положенію въ обществѣ, стояли гораздо выше его...

Жизненность и энергія Ломоносова.

Но болѣе всего поражала въ немъ современниковъ его неистощимая жизненность, его умѣнье во всемъ сразу отыскать существенную сторону, изъ всего извлечь пользу, все примѣнить къ дѣлу... И какая энергія, какая неистощимая сила и готов-

[1]) Въ послѣднихъ словахъ историкъ намекаетъ на извѣстное мѣсто въ письмѣ Ломоносова къ Шувалову, гдѣ онъ говорилъ: «всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны: а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны, и помнили бы, что Музы не такія дѣвки, которыхъ всегда изнасильничать можно: онѣ кого хотятъ того и полюбятъ».

ность къ работѣ во всякое время! Какое умѣнье справляться одновременно съ двумя-тремя работами и переходить отъ одного серьезнаго занятія къ другому, еще болѣе серьезному и совершенно противоположному. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стòитъ только припомнить то, чтò занимало Ломоносова въ послѣдніе два года жизни. Почти одновременно и рядомъ у Ломоносова шли занятія по составленію „россійской минералогіи“ и по пересмотру регламента Академіи, которую Ломоносовъ стремился сдѣлать чисто-русскимъ учрежденіемъ [1]): въ то же время, по географическому департаменту онъ принималъ самое живое, самое дѣятельное участіе въ снаряженіи экспедиціи къ Сѣверному полюсу; писалъ статью, подъ заглавіемъ „Идеи для живописныхъ картинъ изъ россійской Исторіи“; заботился о составленіи вѣрной карты Россійской Имперіи, и для того предлагалъ послать особую экспедицію, которая бы могла точнѣе опредѣлить долготу и широту важнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ Россіи. Со всѣми этими занятіями, заботами и трудами совпала и ожесточенная борьба Ломоносова со Шлёцеромъ (кстати сказать, весьма пристрастная и несправедливая со стороны Ломоносова и Мюллера)—борьба, на которую очень много уходило и усилій, и времени, и которая однакоже не помѣшала Ломоносову озаботиться о русскихъ древностяхъ и предложить правительству, чтобы въ старѣйшіе русскіе города былъ посланъ художникъ, который могъ бы снять вѣрныя копіи съ древней стѣнной живописи и другихъ памятниковъ древняго искусства... И все это—при постоянныхъ служебныхъ занятіяхъ по Академіи, по академическому университету и Гимназіи, по химической лабораторіи, при усиленныхъ работахъ по своему мозаичному производству и т. д.

Удивительная жизненная энергія, выражавшаяся въ упорной и постоянной работѣ мысли, не только выдвигала Ломоносова далеко впередъ изъ ряда его современниковъ, но, во многихъ понятіяхъ и взглядахъ, давала ему возможность опережать ихъ на много десятковъ лѣтъ... Прямымъ доказательствомъ того, какъ смѣлы были эти взгляды, и какъ вѣрно пониманіе дѣйствительныхъ нуждъ народа, можетъ служить его *„Записка о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“*, которая такъ ясно обнаруживала язвы народной жизни и такъ прямо указывала на радикальныя средства къ ихъ исцѣленію, что только въ наше время (и то весьма недавно) эта „Записка“ могла появиться въ свѣтъ безъ цензурныхъ урѣзокъ.

[1]) Въ своемъ проектѣ переустройства Академіи, Ломоносовъ пишетъ: «Честь россійскаго народа требуетъ, чтобы показать способность и остроту его въ наукахъ, и что наше отечество можетъ пользоваться собственными своими сынами, не только въ военной храбрости и въ другихъ важныхъ дѣлахъ, но и въ разсужденіи высокихъ знаній».

Особенно широкъ и ясенъ былъ его взглядъ на просвѣщеніе, благами котораго, по его мнѣнію, въ равной степени, должны были пользоваться люди всѣхъ сословій и всѣхъ состояній, безъ всякаго различія. „Во всѣхъ государствахъ — говоритъ онъ — позволено въ Академіяхъ обучаться на своемъ囗коштѣ, а иногда и на жалованьи, всякаго званія людямъ, не выключая посадскихъ и крестьянскихъ дѣтей, хотя тамъ уже и великое множество ученыхъ людей. А у насъ въ Россіи, при самомъ наукъ начинаніи, уже сей источникъ регламентомъ запертъ... Будто бы сорокъ алтынъ толь великая и казнѣ тяжелая сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россійскаго, и лучше выписывать. Довольно-бъ и того выключенія, чтобъ не принимать дѣтей холопскихъ“.

Въ заключеніе всего, сказаннаго нами о Ломоносовѣ, вернемся еще разъ къ довольно суровому отзыву, впослѣдствіи высказанному Пушкинымъ, объ одахъ Ломоносова, которыя онъ находилъ натянутыми и сухими... Почти такъ же строго отнесся нашъ великій поэтъ и къ шуточному „гимну Бородѣ“, написанному Ломоносовымъ. Но если мы примемъ во вниманіе тѣ трудныя и притомъ обязательныя условія, въ которыхъ приходилось Ломоносову примѣнять свой поэтическій даръ, то мы будемъ въ состояніи только удивляться тому, что онъ все же успѣлъ внести въ свою поэзію такъ много теплаго чувства, такъ много искренности и такую глубину мысли. И тогда, когда онъ писалъ стихи не для иллюминацій и не для подношеній, а прямо изъ желанія выразить въ нихъ чувство, волновавшее его душу—онъ выказывалъ такую силу таланта, съ которою мудрено было-бы тягаться его соперникамъ въ стихотворствѣ. По этому поводу намъ въ особенности припоминается его чрезвычайно милое и гармоническое стихотвореніе „Кузнечикъ“, написанное въ самый разгаръ его настойчивыхъ хлопотъ о дарованія Академическому университету особой привилегіи... Исписавъ десятки листовъ бумаги на всякія „прошенія“ и „доношенія“ по поводу этого вопроса, оббивъ всѣ пороги у своихъ милостивцевъ и покровителей, которые давали все только уклончивые отвѣты и оттягивали рѣшеніе вопроса, составлявшаго въ тотъ періодъ цѣль жизни для Ломоносова — великій борецъ сталъ чувствовать утомленіе и тягость своего незавиднаго положенія, положенія докучнаго просителя, надоѣдающаго знатнымъ господамъ своими проектами, планами и несносными притязаніями. Вотъ въ эту-то пору и вылились изъ-подъ его пера эти строки: Ломоносовъ и Пушкинъ.

«Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ,
Коль больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ.
Препровождаешь жизнь межъ мягкою травою

И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь;
Но въ самой истинѣ ты передъ нами царь;
Ты ангелъ во плоти, иль лучше—ты безплотенъ.
Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ;
Что видишь—все твое; вездѣ въ своемъ дому,
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому».

Но такіе нѣжные лирическіе мотивы, конечно, бывали очень рѣдкими явленіями въ жизни и дѣятельности могучаго и смѣлаго помора, обладавшаго желѣзною волей и тою „благородною упрямкою", которая такъ много помогла ему сдѣлать въ жизни.

Ломоносовъ въ потомствѣ.

Ближайшее документальное знакомство съ характеромъ и дѣятельностью Ломоносова, значительно-облегченное разработкою архивнаго академическаго матерьяла ко дню столѣтія его кончины (4 апр. 1765 г.), нисколько не способствуетъ идеализаціи Ломоносова какъ человѣка, какъ общественнаго дѣятеля и какъ ученаго. Напротивъ, это ближайшее изученіе вскрываетъ намъ, наравнѣ съ прекрасными и свѣтлыми, — и темныя стороны его нравственнаго типа, обрисовываетъ и выдѣляетъ его способности, его недостатки и многія весьма непривлекательныя черты его характера, которыми онъ такъ много вредилъ себѣ при жизни и такъ много нажилъ себѣ враговъ. Но все же, въ представленіи всѣхъ русскихъ людей, Ломоносовъ останется навсегда геніальнымъ русскимъ писателемъ и ученымъ, и имъ будутъ недаромъ гордиться послѣдующія поколѣнія... Мы можемъ смѣло сказать, что въ немъ воплотились всѣ упованія того Великаго Преобразователя Россіи, котораго онъ такъ боготворилъ, передъ которымъ такъ благоговѣлъ. Нельзя не признать, что въ немъ была еще одна неоцѣненная сторона: „Ломоносовъ горячо любилъ Россію" — говоритъ историкъ Академіи—„ему были дороги успѣхи русскихъ въ наукахъ и на поприщѣ просвѣщенія, такъ какъ въ этихъ успѣхахъ онъ справедливо видѣлъ залогъ будущаго величія и славы родины".

О Ломоносовѣ вспомнилъ при воцареніи своемъ и императоръ Павелъ, который, по свидѣтельству Порошина, любилъ въ юности читать стихи Ломоносова. 22 августа 1798 года повелѣно было племянника Ломоносова, проживавшаго въ холмогорскомъ уѣздѣ, съ нисходящимъ потомствомъ „исключить изъ подушнаго оклада и освободить отъ воинской повинности".

Въ 1825 году явилась мысль воздвигнуть Ломоносову памятникъ въ Архангельскѣ, и по всей Россіи разрѣшено открыть подписку на этотъ памятникъ. Талантливый художникъ И. П. Мартосъ взялся за составленіе проекта памятника; но, къ сожалѣнію, со-

здалъ его въ томъ ложно-классическомъ стилѣ, изъ-подъ опеки котораго долгое время не могло выбиться наше русское искусство. Ломоносовъ изображенъ въ короткой туникѣ и тогѣ, накинутой на плеча; глаза его обращены къ небу и взоръ полонъ вдохновенія, которое онъ готовъ передать струнамъ лиры, подаваемой ему крылатымъ геніемъ, колѣнопреклоненнымъ у ногъ поэта... Эти обнаженныя фигуры, надо сказать правду, плохо мирятся съ тѣмъ суровымъ небомъ и трескучимъ морозовъ, съ которыми неразлучно соединено наше представленіе о родинѣ Ломоносова.

Гораздо болѣе важнымъ и достойнымъ памяти Ломоносова было все то, что, по поводу истекшаго столѣтія со дня его кончины, было предпринято въ память его нашими учеными, писателями и публицистами и, главнымъ образомъ, самой Академіей Наукъ. Мы уже упоминали выше о трудахъ П. С. Билярскаго, А. А. Куника, В. И. Ламанскаго и др., благодаря которымъ новый свѣтъ пролился на жизнь и дѣятельность Ломоносова и на значеніе его личности. Не менѣе важно и въ особенности достойно упоминанія здѣсь классическое изданіе сочиненій Ломоносова, изданное Академіею подъ редакціей академика М. И. Сухомлинова.

Виньетка изъ «Ариѳметики Магницкаго».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Успѣхи русской литературы и поэзіи въ царствованіе Елисаветы Петровны.—Еще одинъ представитель господствующаго въ литературѣ подражательнаго направленія.—А. П. Сумароковъ и біографическія подробности о немъ.—Зарожденіе русскаго «партикулярнаго» театра и первые дѣятели. Сумароковъ, какъ директоръ театра.—Его драматическія произведенія: трагедіи и комедіи.—Лирика Сумарокова.

Царствованіе Елисаветы тѣмъ преимущественно и отличается отъ царствованія ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго, что именно къ сороковымъ годамъ прошлаго вѣка уже успѣли до нѣкоторой степени созрѣть плоды того громаднаго преобразовательнаго движенія, которое было вызвано Петромъ въ началѣ столѣтія, и, направляемое сверху, мало-по-малу охватило всѣ верхніе, свободные слои русскаго народа... Но, до воцаренія Елисаветы, русскіе люди, призванные къ дѣятельности умственной, при подавляющемъ многолюдствѣ иностранцевъ, часто не находили себѣ выхода, не имѣли возможности проявить свой умъ и дарованіе; и великою заслугою Елисаветы является именно то, что она открыла широкое поле дѣятельности русскимъ силамъ, и Ломоносовъ, такъ горячо ее прославлявшій въ своей лирикѣ, отдавалъ ей только должное: не будь покровительства и снисхожденія Елисаветы, можетъ-быть, не было бы и Ломоносова. Но Ломоносовъ и ближайшій его предшественникъ, Тредіаковскій, всецѣло принадлежатъ еще предшествующей эпохѣ: они по всему характеру своей дѣятельности носятъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ Эпохи Преобразованій. Въ теченіе этой эпохи, наука и литература, хотя и успѣли въ значительной степени освободиться отъ опеки духовенства и монашества, но еще не разграничивались строгими гранями: ученый являлся уже по необходимости и литераторомъ, а иногда и по обязанности—поэтомъ: и съ другой стороны — писатель и ученый стремились непремѣнно извлечь практическую пользу изъ своего назначенія, которое казалось имъ ограниченнымъ и тѣснымъ, если не получало практическаго примѣненія. Писатель, поэтъ и ученый должны были служить на государственной службѣ или нести на себѣ какія-нибудь опредѣленныя обязанности — а литературѣ и наукѣ посвящать часы досуга... Или, по крайней мѣрѣ, пользоваться наукою и литературою для какихъ-нибудь житейскихъ, практическихъ цѣлей. Припомнимъ, какъ князь А. Кантемиръ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, выражаетъ опасеніе, что его будутъ хулить, читая его стихи, за то, что

«... въ такомъ я трудѣ упражнялся,
Ни возрасту своему приличномъ, ни чину...»

и, какъ бы въ оправданіе своей литературной дѣятельности, добавляетъ весьма скромно, что

«... (стихи) не ущербили
Ни малы къ дѣламъ часъ важнѣйшимъ и нужнымъ.» -

а въ „письмѣ къ пріятелю“, замѣняющемъ предисловіе къ сатирамъ, прямо называетъ стихи такимъ дѣломъ, которому только въ „лишніе часы прилѣжать позволено...“

Но европейское просвѣщеніе распространялось (по городамъ) довольно быстро; являлась потребность въ новыхъ школахъ и въ обновленіи книгъ; развивался и наросталъ кругъ читателей, требовавшій удовлетворенія своей жажды къ чтенію и, сообразно съ этими новыми потребностями, мѣнялся взглядъ на поэта и писателя въ публикѣ, мѣнялся взглядъ самого писателя на свою дѣятельность и значеніе. И вотъ, рядомъ съ Тредіаковскимъ и Ломоносовымъ, является уже совсѣмъ новый по тому времени типъ: *литературнаго дѣятеля по преимуществу* — человѣка, открыто посвящающаго себя литературѣ, какъ своему особому призванію. Въ этомъ именно смыслѣ, Сумароковъ стоитъ какъ бы на грани, отдѣляющей Эпоху Преобразованій отъ вѣка Екатерины Великой, тѣмъ болѣе, что онъ является первымъ представителемъ новаго у насъ драматическаго рода, который дается ему легко и къ которому онъ самъ относится со страстнымъ увлеченіемъ. Называя Сумарокова представителемъ новаго, драматическаго рода, мы, конечно, не желаемъ этимъ сказать, чтобы онъ проявилъ самостоятельный драматическій талантъ и создалъ нѣчто выдающееся въ драмѣ. Нѣтъ, онъ явился въ литературѣ нашей такимъ же точно подражателемъ, какъ и Тредіаковскій, и Ломоносовъ, такимъ же, какъ они, послѣдователемъ ложно-классическихъ теорій; но только онъ направилъ свой талантъ на подражаніе французскимъ драматическимъ образцамъ, какъ Ломоносовъ—на подражаніе нѣмецкой лирикѣ, а Тредіаковскій — на подражаніе французскому эпосу. Главная заслуга Сумарокова заключается несомнѣнно въ томъ, что онъ въ изобиліи снабдилъ только-что народившуюся русскую сцену необходимыми ей драматическими произведеніями, въ видѣ трагедій и комедій, и сумѣлъ настолько развить въ обществѣ вкусъ къ сценическимъ представленіямъ, что въ ближайшемъ поколѣніи привлекъ къ участію въ драматической литературѣ людей талантливыхъ, которымъ удалось наконецъ дать Россіи первые образцы вполнѣ самостоятельной русской драмы.

Первый литераторъ.

Изъ трехъ дѣятелей, почти одновременно подвизавшихся на поприщѣ современной литературы 40-хъ и 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія — Тредіаковскаго, Ломоносова и Сумарокова — послѣдній

былъ младшимъ по возрасту и позже двухъ первыхъ выступилъ на поприщѣ литературы. Онъ одинъ, изъ всѣхъ троихъ, дожилъ до литературнаго расцвѣта Екатерининскаго вѣка, хотя уже не способенъ былъ ни оцѣнить, ни понять того, что̀ кругомъ его совершалось — и относился почти враждебно къ прогрессу въ об-

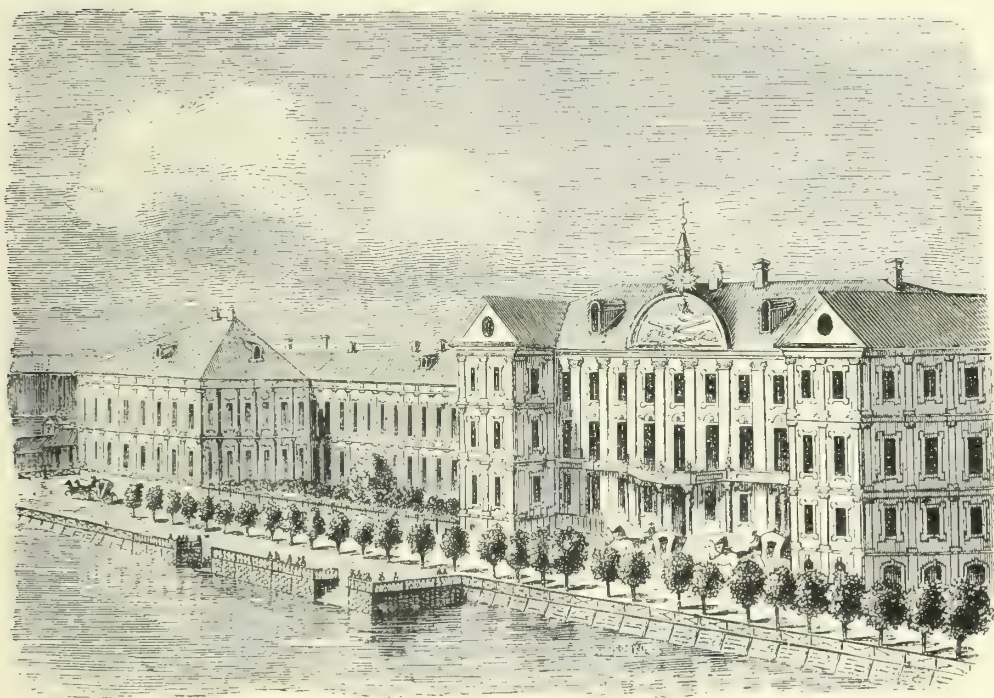

А. П. Сумароковъ, по гравюрѣ Уокера.

ществѣ и въ литературѣ... Біографическія подробности его жизни далеко не представляютъ такого интереса, какъ біографія Ломоносова; но по своему литературному типу и по всему характеру и направленію своей литературной дѣятельности, Сумароковъ — явленіе несомнѣнно новое и потому заслуживающее внимательнаго изученія.

Александръ Петровичъ Сумароковъ родился 14 ноября 1717 года (умеръ 1 октября 1777 года), въ Вильманстрандѣ, гдѣ отецъ его находился на службѣ.

Въ противоположность Тредіаковскому, происходившему изъ духовнаго сословія, и крестьянину Ломоносову, Сумароковъ происходилъ изъ стариннаго боярскаго рода и притомъ отецъ его былъ человѣкъ чиновный [1]). Упоминаемъ объ этомъ потому, что самъ Сумароковъ очень гордился своимъ происхожденіемъ, и, во время литературныхъ распрей своихъ, любилъ величаться передъ своими главными противниками (Ломоносовымъ и Тредіаковскимъ), и родовитостью своею, и чинами. Есть основаніе думать, что Сумароковъ, вѣроятно, получилъ нѣкоторое воспитаніе дома, потому что не ранѣе, какъ на пятнадцатомъ году поступилъ въ Сухо-

Шляхетный корпусъ, по современной гравюрѣ половины XVIII вѣка.

путный Шляхетный корпусъ, основанный фельдмаршаломъ Минихомъ (въ 1730 г.) — заведеніе съ довольно неопредѣленной программой обученія, но едва ли не единственное, въ которомъ можно было въ то время получить хотя кое-какое общее образованіе и нѣкоторый свѣтскій лоскъ. Такъ какъ Сумароковъ поступилъ въ это заведеніе всего на третій годъ его существованія, то онъ, вѣроятно, еще засталъ тамъ преподаваніе всѣхъ предметовъ на иностранныхъ языкахъ, потому что, при основаніи корпуса, не

---

[1]) Петръ Панкратьевичъ Сумароковъ былъ крестникомъ Петра Великаго, дослужилъ до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и умеръ уже въ царствованіе Екатерины II (1766 г.).

могли найти въ Россіи преподавателей и большинство ихъ выписали изъ-за границы... Вѣроятно, немного и вынесъ Сумароковъ изъ этой школы, подготовлявшей русское „шляхетное“ (т. е. дворянское) юношество къ военной службѣ; по крайней мѣрѣ, въ аттестатѣ, выданномъ Сумарокову по окончаніи имъ восьмилѣтняго курса въ корпусѣ, мы видимъ какую-то странную и неопредѣленную смѣсь предметовъ—и всего понемногу... Аттестатъ этотъ любопытенъ по своимъ подробностямъ; въ немъ значится, что юноша, окончившій курсъ ученія въ корпусѣ въ такомъ возрастѣ, въ какомъ въ настоящее время молодежь оканчиваетъ университетъ—„обучился геометріи, тригонометріи, експликуетъ и переводитъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ, въ исторіи универсальной окончилъ Россію и Польшу, въ географіи эпилогъ Гибнеровъ обучилъ, сочиняетъ нѣмецкія письма и ораціи, мораль Вольфскую до III главы второй части прошелъ; имѣетъ начало въ итальянскомъ языкѣ“ и т. п. По всѣмъ вѣроятіямъ, изъ всей этой пышной программы, въ запасѣ у юноши Сумарокова можно было найти только сносное знаніе французскаго языка (и то поверхностное) и весьма темныя, сбивчивыя понятія обо всемъ остальномъ... По крайней мѣрѣ, современники Сумарокова, принадлежавшіе къ болѣе образованному кругу, постоянно ставили въ укоръ „русскому Вольтеру“ его крайнее невѣжество, въ смыслѣ недостаточности школьнаго образованія. Но въ Шляхетномъ корпусѣ, какъ и во всѣхъ учрежденіяхъ и школахъ современныхъ, распространено было желаніе постоянно напоминать правительству о своемъ существованіи и поддерживать связи съ Дворомъ принесеніемъ униженнѣйшихъ поздравленій и пожеланій по поводу всякихъ празднествъ и высокоторжественныхъ дней. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что уже съ 1735 г. (т. е. съ того времени, когда Сумароковъ уже былъ въ этомъ заведеніи) въ Шляхетномъ корпусѣ введенъ былъ обычай—ежегодно подносить императрицѣ стихотворныя поздравленія съ наступающимъ „новолѣтіемъ“ [1]. Само собою разумѣется, что эти поздравленія писались общепринятымъ силлабическимъ стихомъ до того времени, когда новый размѣръ русскихъ стиховъ, открытый Тредіаковскимъ и проводимый въ жизни Ломоносовымъ, не сталъ входить у насъ во всеобщее употребленіе между нашими словесниками. Вѣроятно, Сумароковъ еще на школьной скамейкѣ (чрезъ учителя или по непосредственному личному знакомству съ Тредіаковскимъ) успѣлъ получить нѣкоторыя понятія о „тоническомъ“ размѣрѣ русскихъ

[1]) Легко можетъ быть, что и самый обычай ввелся потому, что кадетъ Сумароковъ, рано проявившій пристрастіе къ виршамъ, скропалъ болѣе или менѣе удачное поздравительное стихотвореніе и подалъ его начальству.

стиховъ, потому что уже въ концѣ 1739 года императрицѣ были поднесены двѣ поздравительныхъ оды отъ кадетскаго корпуса, „сочиненныя черезъ кадета Александра Сумарокова“, и въ одной изъ нихъ уже замѣтно—и въ формѣ, и въ размѣрѣ—подражаніе стихотворнымъ образцамъ Тредіаковскаго [1]).

Первыя произведенія. Въ 1740 году Сумароковъ окончилъ курсъ ученія въ „Рыцарской академіи“ [2]) (какъ тогда назывался Шляхетный корпусъ въ современныхъ актахъ) и окончилъ его въ тотъ періодъ смутныхъ надеждъ и упованій на важныя перемѣны въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, которыя волновали все русское общество, утомленное гнетомъ иноземщины. Мы не знаемъ, какъ относился Сумароковъ къ тѣмъ военнымъ кружкамъ, при помощи которыхъ переворотъ 25 ноября 1741 года былъ произведенъ, но, вѣроятно, до нѣкоторой степени, Сумароковъ былъ близокъ къ кому-нибудь изъ дѣятелей, способствовавшихъ восшествію Елисаветы на престолъ, потому что иначе было бы трудно объяснить его быструю служебную карьеру и появленіе его (всего пять лѣтъ спустя) въ „генеральсъ-адъютантахъ“ [3]) у знаменитаго фаворита Елисаветы, графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, при которомъ онъ нѣкоторое время управлялъ лейбъ-кампанейскою канцеляріею и довольно скоро дослужилъ до бригадирскаго чина. Достовѣрно знаемъ только то, что, и по выходѣ изъ корпуса, онъ не оставилъ своихъ піитическихъ упражненій и что въ началѣ сороковыхъ годовъ „нѣжныя пѣсенки“ его сочиненій уже обращались въ современномъ высшемъ обществѣ. Есть основаніе думать, что юный стихотворецъ весьма усердно занимался литературными упражненіями, и притомъ постоянно вращался въ средѣ первыхъ въ то время знатоковъ и спеціалистовъ этого дѣла, потому что, когда завязался между Ломоносовымъ и Тредіаковскимъ извѣстный споръ о предпочтительныхъ достоинствахъ ямба и хорея, и они рѣшились отдать свой споръ на рѣшеніе публики, напечатавъ свои стихотворенія въ одной брошюрѣ, то Сумароковъ, также принимавшій участіе въ спорѣ, былъ обоими „старшими“ стихотворцами допущенъ къ участію въ ихъ миролюбивомъ состязаніи. Въ результатѣ появилась въ свѣтъ напечатанная при Академіи Наукъ брошюра: „*Три Оды Парафрастическія псалма 143*,

[1]) Хотя заносчивый и тщеславный Сумароковъ впослѣдствіи и писалъ, что «Русскимъ языкомъ и чистотою склада, и стиховъ, и прозы не долженъ я никому», — однако несомнѣнно, что онъ, по выходѣ изъ корпуса, состоялъ въ частыхъ и пріятельскихъ сношеніяхъ и съ Тредіаковскимъ, и съ Ломоносовымъ, и, конечно, поощряемый ими, многому отъ нихъ научился.

[2]) Вѣроятно, этотъ терминъ былъ не болѣе, какъ переводомъ нѣмецкаго термина: *Ritterschule* (?)

[3]) *Генеральсъ-адъютантъ* — это не болѣе, какъ *адъютантъ при генералѣ*; не слѣдуетъ смѣшивать съ «генералъ-адъютантомъ» въ его прошломъ и нынѣшнемъ значеніи.

сочиненныя чрезъ трехъ стихотворцевъ, изъ которыхъ каждый одну сложилъ особливо“. Произведеніе это вышло въ свѣтъ въ 1744 году, хотя началось печатаніемъ въ 1743 г. Въ предисловіи, которое предпослалъ этому любопытному стихотворному опыту главный затѣйщикъ спора о размѣрахъ, онъ поясняетъ и поводъ къ появленію въ свѣтъ этой брошюры. Оказывается, что между авторами трехъ одъ былъ „разговоръ о россійскихъ стихахъ“, перешедшій въ нѣкотораго рода споръ „въ разсужденіи такъ-называемыхъ двусложныхъ стопъ: хорея и ямба“... Двое изъ спорившихъ отстаивали преимущества ямба, а одинъ стоялъ за достоинства хорея. Но противники „не хотѣли отъ него ничего больше слышать, да токмо склонили его къ тому, чтобы ему сочинить оду „хореическую“, а они сочинять по одѣ „ямбической“. Общей тэмой для трехъ одъ выбранъ былъ псаломъ 143. „Сей есть случай и причина сихъ трехъ одъ, — двухъ ямбическихъ и одной хореической, — которыя нынѣ Свѣту подаются...“ „Но который изъ нихъ которую сочинилъ, о томъ умалчивается: знающіе ихъ свойства и духъ тотчасъ узнаютъ сами, которая ода черезъ котораго сочинена“.

Эта послѣдняя фраза предисловія брошюры, какъ бы приравнивающая трехъ стихотворцевъ въ ихъ извѣстности передъ обществомъ, указываетъ намъ на то, что Сумароковъ уже и на третій годъ послѣ выхода изъ корпуса успѣлъ обратить на себя вниманіе образованнаго общества своими стихотворными произведеніями, о которыхъ мы, впрочемъ, ничего не знаемъ. Имя Сумарокова должно было, однакоже, вскорѣ пріобрѣсти значеніе, и притомъ значеніе первенствующее, благодаря особому случаю, разомъ выдвинувшему его изъ ряда его литературныхъ соперниковъ.

Зарожденіе постоянной сцены.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, какъ въ теченіе тридцатыхъ годовъ, въ нашихъ обѣихъ столицахъ не существовало театра для публики и для народа. Попытки учрежденія народнаго и всѣмъ классамъ доступнаго театра, поощряемыя Петромъ Великимъ, отжили свой вѣкъ вмѣстѣ съ его царствованіемъ и не возобновлялись потомъ въ теченіе четверти вѣка. Не только ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, въ теченіе этого періода не явилось никакой постоянной сцены для народной комедіи, которая при Петрѣ Великомъ такъ часто и такъ вѣрно служила его цѣлямъ; но и для тѣхъ театральныхъ представленій, которыя могли быть доступны для высшихъ классовъ общества, не существовало отдѣльной, прочно-устроенной и удобно-приспособленной сцены. Приходилось, въ крайнемъ случаѣ, довольствоваться помѣщеніями временными, такъ-называемою „домашнею сценою“, и, кажется, такая домашняя сцена прежде всего явилась въ Шляхетномъ корпусѣ и въ духовныхъ семинаріяхъ. Труппы—итальянскія, нѣмецкія, фран-

цузскія—по временамъ заглядывали въ Петербургъ и давали, въ теченіе извѣстнаго времени, свои представленія при Дворѣ, но ни одна изъ нихъ не свивала себѣ прочнаго гнѣзда въ „Сѣверной Пальмирѣ“. Иногда пріѣздъ такой труппы бывалъ даже проявленіемъ любезности со стороны одного изъ сосѣднихъ монарховъ: такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что Августъ, король польскій, прислалъ изъ Дрездена, на время коронаціи Анны Іоанновны, труппу итальянскихъ актеровъ, которая и давала свои представленія при Дворѣ.

Вѣроятно, эти представленія понравились, потому что въ 1735 году изъ-за границы, по желанію императрицы Анны Іоанновны, была выписана труппа (нѣмецкая?), въ которой были актеры и актрисы, пѣвцы и пѣвицы. Труппа эта ставила на сценѣ и драмы, и оперы, съ которыми тогда впервые ознакомилась русская публика.

Первою (если не ошибаемся) русскою оперою была переведенная Тредіаковскимъ „Сила любви и ненависти“, драма на музыкѣ (sic!) — представленная на *новомъ театрѣ* [1]), по указу Ея Императорскаго Величества Анны Іоанновны, самодержицы всероссійской, 1736 г.“. Достовѣрно знаемъ, что та же труппа, одинъ разъ въ недѣлю, давала на сценѣ интермедіи и балеты, и что въ этихъ именно представленіяхъ, можетъ-быть, по недостатку персонала, участіе принимало и юношество „рыцарской академіи“.

На коронаціи императрицы Елисаветы въ Москвѣ видимъ опять итальянскую труппу, которая ставитъ на сценѣ оперу Метастазіо „Clemenza di Tito“ (Титово Милосердіе), къ которой былъ придѣланъ академикомъ Штелинымъ прологъ въ стихахъ, прославлявшій Елисавету [2]). Вскорѣ послѣ того, въ самомъ началѣ царствованія Елисаветы, видимъ въ Петербургѣ французскую труппу, съ директоромъ Сереньи во главѣ; но ни о какомъ русскомъ театрѣ нѣтъ еще и помина.

Должно, однакоже, предполагать, что подъ впечатлѣніемъ именно этой труппы Сереньи, знакомившей петербургскую публику съ репертуаромъ французской сцены въ произведеніяхъ Расина, Корнеля и Мольера, зародились и первыя попытки создать нѣчто подобное этимъ образцамъ для русской сцены, еще не существовавшей, но на открытіе которой можно было надѣяться въ ближайшемъ будущемъ, при томъ покровительствѣ русскимъ наукамъ

---

[1]) Что это за „новый театръ“, о которомъ упоминается въ этомъ заглавіи — предоставляемъ рѣшить знатокамъ исторіи русскаго театра въ XVIII вѣкѣ.

[2]) Этотъ прологъ, написанный Штелинымъ на итальянскомъ языкѣ, на русскій языкъ былъ переведенъ нѣкіимъ *Иваномъ Меркурьевымъ*. Текстъ оперы на итальянскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ напечатанъ въ Москвѣ въ 1742 г., подъ заглавіемъ «*Милосердіе Титово, опера съ прологомъ*».

и словесности, которое весьма искренно оказывала императрица Елисавета и ея приближенные. И вотъ, первыя попытки создать русскую драму были сдѣланы Александромъ Петровичемъ Сумароковымъ, который уже въ 1746 году написалъ свою первую трагедію „Хоревъ“.

Первая русская трагедія.

Содержаніе „Хорева“ было заимствовано изъ кіевскихъ преданій, занесенныхъ въ нашей лѣтописи; но, конечно, авторъ воспользовался только нѣкоторыми именами, и преданіе передѣлалъ по своему вкусу и по своимъ понятіямъ о сценическомъ дѣйствіи, на основаніи ложно-классической теоріи, которой въ это время подчинялась вся европейская драматургія. Русскій князь Кій побѣждаетъ кіевскаго князя Завлоха, овладѣваетъ Кіевомъ и держитъ у себя въ плѣну дочь Завлоха, Оснельду. Побѣжденный Завлохъ, много лѣтъ спустя, собирается съ силами, подступаетъ къ Кіеву и требуетъ, чтобы ему была возвращена его дочь-плѣнница. Но она успѣла, во время своего плѣна, полюбить Хорева, брата кіевскаго князя Кія, и тотъ также отвѣчалъ ей взаимностью. Наперсникъ Кія, бояринъ Стальверхъ, поясняетъ это Кію, кототорый, чтобы испытать вѣрность брата, призываетъ его и велитъ ему вести войско противъ Завлоха. Напрасно Хоревъ старается уклониться отъ этого порученія и убѣждаетъ брата не воевать и кончить дѣло миромъ, причемъ выставляетъ ему на видъ всѣ ужасы войны и ея послѣдствій. Кій укоряетъ его въ измѣнѣ, изъ-за любви къ княжнѣ Оснельдѣ, и приказываетъ заключить ее въ темницу. Хоревъ, вынужденный сражаться, побѣждаетъ Завлоха и приводитъ его къ Кію плѣнникомъ. Кій, убѣжденный въ вѣрности брата, спѣшитъ вознаградить его освобожденіемъ Оснельды; но его посланные уже находятъ ее въ темницѣ мертвою. Тогда Хоревъ, съ отчаянія, закалывается; закалывается и Стальверхъ, признающій себя виновникомъ всѣхъ бѣдствій.

Гамлетъ.

Содержаніе этой, въ сущности довольно неуклюжей трагедіи, написанной отъ начала и до конца стихами, которые представлялись современникамъ необычайно звучными и красивыми, — поразило всѣхъ. Трагедія Сумарокова, несомнѣнно, должна была произвести чрезвычайно сильное впечатлѣніе, которое и его увлекло къ дальнѣйшему проявленію своего таланта въ этомъ направленіи. Онъ тотчасъ же задумалъ написать другую трагедію и, не затрудняясь въ выборѣ новаго русскаго сюжета, принялся за обработку „Гамлета“ (вѣроятно, съ какой-нибудь французской передѣлки, которая была въ рукахъ у Сереньи и его труппы).

Академическая цензура.

О появленіи въ свѣтъ этой трагедіи мы узнаемъ изъ одного документа, сохранившагося въ архивѣ Академіи Наукъ, и въ немъ читаемъ: „1748 года, Октября 8-го числа, Его Высокографскаго Сіятельства... графа А. Г. Разумовскаго генеральсъ-адъютантъ

Александръ Сумароковъ въ Канцеляріи Академіи Наукъ взнесъ сочиненія его „Гамлетъ“, трагедію скорописную, которую желаетъ при Академіи напечатать. Того ради опредѣлено: трагедію освидѣтельствовать профессорамъ Тредіаковскому и Ломоносову, не окажется ли въ оной чего касающагося кому до предосужденія; что же касается до штилю, и оное имѣетъ остаться, какъ оно написано“.

Опредѣленіе Канцеляріи Академической было исполнено: профессора „освидѣтельствовали“ трагедію и дали свои отзывы въ двухдневный срокъ. Отзывъ Ломоносова былъ уже приведенъ нами выше. Тредіаковскій, болѣе точный въ исполненіи возложенной на него обязанности, далъ отзывъ подробный и обстоятельный и включилъ въ него любопытныя замѣчанія чисто-теоретическаго характера. Онъ пишетъ:

„По силѣ ордера, полученнаго изъ Академической Канцеляріи, читалъ я новосочиненную Трагедію подъ именемъ „*Гамлетъ*“. Въ ней, по моему мнѣнію, не видно ничего предосудительнаго никому доброму: но, напротивъ того, кажется она мнѣ довольно изрядною. Подлинно, авторъ самую важную погрѣшность, въ первой своей Трагедіи Хоревъ (въ которой порокъ преодолѣлъ, а добродѣтель погибла), въ сей прилежно исправилъ, и такъ сдѣлалъ, что здѣсь всѣ, — въ чемъ главнѣйшая польза отъ Трагедіи — пороки истреблены, а добродѣтели торжество, съ великимъ удовольствіемъ сердцу читателеву, законно себѣ получили“.

Двѣ пьесы были, слѣдовательно, уже написаны, а между тѣмъ театра еще не было. Трудно, однакоже, себѣ представить, чтобы драматургъ могъ писать пьесы, не разсчитывая ихъ увидѣть на какой-нибудь сценѣ: а потому, мы и должны предположить, что Сумароковъ, создавая своего Хорева и Гамлета, непремѣнно имѣлъ въ виду какую-нибудь сцену, на которой онъ могъ эти пьесы ставить. У насъ нѣтъ на это положительныхъ данныхъ, но на предположенія о существованіи такой частной сцены насъ наводятъ тѣ страницы мемуаровъ императрицы Екатерины II, гдѣ она разсказываетъ, что зимою 1749 г., въ то время, когда Дворъ не былъ въ Петербургѣ, князь Юсуповъ, для своего личнаго развлеченія и для потѣхи оставшихся въ столицѣ вельможъ, заставлялъ играть кадетъ (Юсуповъ завѣдывалъ тогда Шляхетскимъ корпусомъ) русскія пьесы Сумарокова и французскія — Вольтера; послѣднія (по отзыву мемуаристки) сильно искажались въ передачѣ сценической. По возвращеніи императрицы изъ Москвы, приказано было пьесы Сумарокова давать при Дворѣ, и кадеты выступили актерами. Эти представленія очень занимали Елисавету, которая сама слѣдила за костюмами актеровъ и не жалѣла драгоцѣнностей для украшенія ихъ роскошныхъ нарядовъ. Въ

Корпусная сцена.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Димитрій самозванецъ не вступно только годъ царствовалъ. Сіе вида его изображеніе, снято съ естампа здѣланнаго въ тотъ самый годъ, когда онъ былъ на россійскомъ престолѣ, и вырѣзано въ Аугсбургѣ, не яко Самозванца, но яко Государя московскаго которого будто Всевышній возвелъ въ тронъ ради просвѣщенія россійскаго народа; ибо онъ обѣщался Папѣ Клименту VIII ввести въ Россію исповѣданіе Римской церкви; слѣдовательно сіе изображеніе по всѣмъ обстоятельствамъ вѣрное, такъ ради любопытныхъ людей, а особливо ради Россіянъ сей естампъ достоинъ примѣчанія. Я ево получилъ отъ Госпожи Маріи, Анны Коллотъ Академики Санктпетербургской Императорской Академіи Художествъ, Скульпторы и Пансіонеры ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Нашелъ я сіе начертаніе между прочими портретами тогдашняго времени Государей въ книжкѣ портретной. А въ Россіи ево и не бывало и нынѣ нѣтъ ни у кого. Скорость времени, а отъ того и ошибка въ семъ портретѣ учинена; ибо портретъ сей не на ту сторону вырѣзанъ, такъ должно знати, что бородавки на лицѣ Самозванца на выворотъ изображены у нево они были на правой сторонѣ носа, и на лѣвой лба, а не такъ, какъ здѣсь

Портретъ Дмитрія Самозванца и примѣчаніе къ нему, помѣщенные во главѣ весьма рѣдкаго отдѣльнаго изданія, трагедіи Сумарокова «Дмитрій Самозванецъ», хранящагося въ Императорской Публичной библіотекѣ.

1750 году русскій театръ былъ уже однимъ изъ любимыхъ развлеченій при Дворѣ.

Такъ разсказываетъ императрица Екатерина; но легко можетъ быть, что пьесы Сумарокова, явившіяся въ свѣтъ въ 1747 и 1748 году, еще и до зимы 1749 года были уже играны на корпусной сценѣ кадетами, и что ими тамъ руководилъ самъ Сумароковъ, который, еще будучи кадетомъ, могъ участвовать въ интермедіяхъ придворной труппы, какъ мы это видѣли выше (стр. 571). Но чрезвычайно любопытенъ и тотъ фактъ, что въ то именно время, когда „русскій" театръ и русскія представленія кадетской любительской труппы стали входить въ моду при дворѣ Елисаветы,—настоящая русская труппа, составленная изъ актеровъ по призванію, явилась въ провинціальномъ захолустьи, и, пользуясь мѣстными благопріятными условіями, положила прочную основу русскому театру.

Основаніе русскаго театра.

Честь основанія русскаго „публичнаго" театра всецѣло принадлежитъ *Өеодору Григорьевичу Волкову*, котораго слѣдуетъ считать отцомъ русской сцены. Свѣдѣнія о его біографіи весьма скудны и въ достаточной степени неясны. Знаемъ только, что Ө. Г. Волковъ былъ сынъ костромского купца (род. 1720 года, умеръ 1763 года). Воспитаніе получилъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи, гдѣ, вѣроятно, вмѣстѣ съ прочими воспитанниками, участвовалъ въ представленіи духовныхъ драмъ, которыя были въ Академіи обязательнымъ упражненіемъ для учащейся молодежи. Въ сороковыхъ годахъ ему удалось побывать въ Петербургѣ и видѣть представленія различныхъ пьесъ на кадетской сценѣ, а, можетъ быть, даже побывать и на представленіяхъ французской придворной труппы Сереньи. Театръ до такой степени увлекъ молодого человѣка, что онъ рѣшился во что бы то ни стало устроить нѣкоторое подобіе этихъ представленій въ Ярославлѣ, гдѣ онъ жилъ (въ домѣ своего вотчима). Задумано и сдѣлано. По возвращеніи въ Ярославль, Ө. Г. Волковъ, которому тогда было не болѣе 17—18 лѣтъ, собралъ около себя кружокъ своихъ же сверстниковъ изъ молодыхъ купчиковъ, приказчиковъ и подьячихъ, приспособилъ каретный сарай своего вотчима къ театральнымъ представленіямъ и сталъ дѣйствовать, не помышляя о будущемъ и горячо предаваясь упражненіямъ въ сценическомъ искусствѣ. Должно предполагать, однакоже, что преданія Славяно-греко-латинской академіи взяли верхъ надъ новыми петербургскими впечатлѣніями, и первою пьесою на импровизированной сценѣ была духовная драма „Эсфирь".

Представленія молодой труппы очень понравились ярославцамъ; публика стала весьма охотно посѣщать театръ-сарай, и даже не скупилась платить за входъ. Мало-по-малу увлеченіе

охватило не только средніе, но и высшіе классы ярославскаго общества: нашлись даже знатные покровители молодыхъ талантовъ—ярославскій намѣстникъ, Мусинъ-Пушкинъ, и богатый помѣщикъ Майковъ. Благодаря ихъ покровительству и матерьяльной помощи, труппа вскорѣ перешла изъ сарая въ особое, спеціально для театра приспособленное помѣщеніе, настолько обширное, что зрительный залъ могъ вмѣщать до 1,000 зрителей. При этомъ Ѳ. Г. Волковъ — человѣкъ умный и талантливый — былъ душою всего дѣла: онъ былъ и режиссеромъ, и актеромъ, и машинистомъ, и декораторомъ—и даже авторомъ, потому что репертуаръ труппы былъ не обширенъ и приходилось приспособлять и передѣлывать нѣкоторыя пьесы по средствамъ труппы. Но, конечно, любимыми пьесами ярославской труппы были произведенія Сумарокова, все болѣе и болѣе пріобрѣтавшаго извѣстность [1]).

Въ то время, когда Сумароковъ, отуманенный своимъ успѣхомъ и всей душой предавшійся сценѣ, вѣроятно горевалъ о томъ, что для исполненія его громкихъ и ходульныхъ пьесъ нѣтъ настоящихъ актеровъ — въ Петербургъ изъ Ярославля донеслась вѣсть о томъ, что тамъ давно (уже лѣтъ шесть) существуетъ постоянный театръ и правильно организованная труппа актеровъ... Вѣроятно, Сумароковъ, черезъ своего ближайшаго начальника, графа А. Г. Разумовскаго, первый довелъ объ этомъ небываломъ явленіи до свѣдѣнія императрицы Елисаветы — и она немедленно пожелала увидѣть эту первую русскую труппу актеровъ въ Петербургѣ, на своей дворцовой сценѣ...

Въ Ярославль полетѣли гонцы и переполошили мирный провинціальный городокъ: Волкова и важнѣйшихъ актеровъ его труппы — Дмитревскаго, Шумскаго, Иконникова, братьевъ Поповыхъ и др. — повелѣно было немедленно доставить въ сѣверную столицу, со „всякимъ поспѣшеніемъ“... Вѣроятно, не обошлось дѣло и безъ тревоги, и безъ разнаго рода комическихъ эпизодовъ. И вотъ, ярославская труппа, доставленная въ Петербургъ, стала показывать свое искусство на дворцовой сценѣ; здѣсь, въ присутствіи императрицы были разыграны въ 1752 году: „Хоревъ“, „Гамлетъ“, „Синавъ и Труворъ“ и „Кающійся грѣшникъ“. Игра молодыхъ актеровъ понравилась императрицѣ; но въ молодыхъ, талантливыхъ провинціалахъ былъ одинъ большой недостатокъ: имъ недоставало манеръ и свѣтскаго лоска, и потому, по желанію императрицы, лучшіе актеры труппы (и, на первомъ планѣ,

---

[1]) Уже и въ 1750 г., извѣстность эта возросла до того, что и его старшіе собратія по литературѣ Тредіаковскій и Ломоносовъ должны были идти по его стопамъ и работать для сцены: мы уже упоминали выше о томъ, какъ имъ былъ объявленъ Высочайшій указъ: «Сочинить по трагедіи»..

Ѳ. Г. Волковъ и Дмитревскій) были оставлены въ Петербургѣ и отданы въ Шляхетскій корпусъ для обученія языкамъ, словесности и свѣтскому обращенію. Четыре года спустя, 30 августа 1756 года, Высочайшимъ указомъ Сенату *существованіе русскаго театра было узаконено*, и во главѣ этого новаго дѣла былъ поставленъ Александръ Петровичъ Сумароковъ.

Первый директоръ театровъ.

Назначеніе Сумарокова первымъ директоромъ перваго русскаго театра было вызвано не только тѣмъ, что онъ былъ первымъ и плодовитымъ авторомъ драматическихъ произведеній и притомъ обладалъ уже опытностью въ постановкѣ ихъ на сценѣ, такъ какъ много лѣтъ сряду завѣдывалъ и кадетскою, и придворною сценою въ русскихъ спектакляхъ... Цѣль назначенія его на должность директора театра была болѣе дальновидна и болѣе наивна — совершенно въ духѣ того „добраго стараго времени", о которомъ идетъ рѣчь... Эта цѣль весьма наглядно выясняется тѣмъ комментаріемъ, который „Московскія Вѣдомости" (отъ 11 октября 1756 года) прибавляютъ къ вышеуказанному указу императрицы Елисаветы: „Ея Императорское Величество изволила указать для умноженія драматическихъ сочиненій, — кои на россійскомъ языкѣ при своемъ началѣ справедливую хвалу отъ всѣхъ имѣли—установить россійскій театръ, котораго дирекція поручена бригадиру Сумарокову"... Въ тотъ вѣкъ, въ который можно было ученымъ академикамъ „указать", чтобы они написали „по трагедіи" — стоило только назначить драматурга директоромъ театра, чтобы „пріумножить количество драматическихъ сочиненій" къ общей пользѣ и удовольствію!

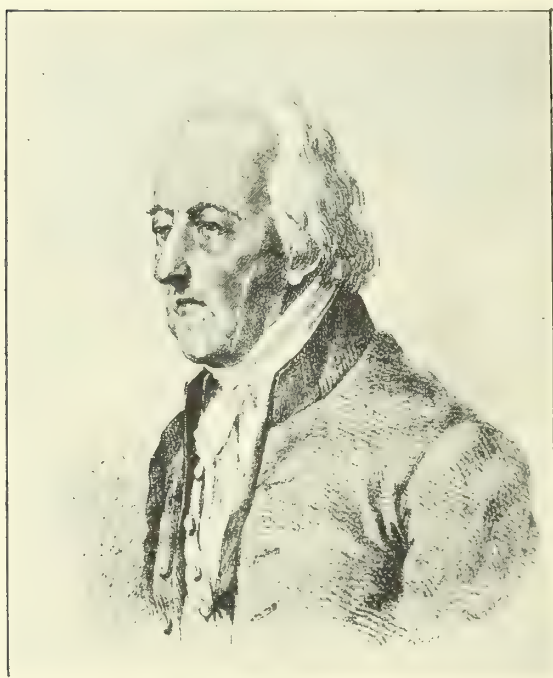

Ѳ. Г. Волковъ—основатель русскаго театра.

Упоминаемъ обо всѣхъ этихъ подробностяхъ не только потому, что начало русскаго театра составляетъ важную эпоху въ

Актеръ Дмитревскій, по современному наброску.

Дмитревскій въ старости.

исторіи Русской Словесности, но и потому, что новое поприще дѣятельности, на которое выступилъ Сумароковъ, какъ директоръ новаго театра, составляетъ, въ свою очередь, важную эпоху въ его авторской и общественной дѣятельности.

Директоромъ театра Сумароковъ оставался въ теченіе пяти лѣтъ, и, благодаря своему задорному и вздорному нраву, благодаря своей высокомѣрной заносчивости и крайней неуживчивости, успѣлъ всѣмъ надоѣсть, всѣмъ опротивѣть и насолить до такой степени, что дальнѣйшее его пребываніе въ должности директора театра оказалось совершенно невозможнымъ. Сохранившаяся отъ этого времени переписка Сумарокова съ И. И. Шуваловымъ, чрезвычайно важная для исторіи нашего театра, одинаково свидѣтельствуетъ и о безтактности, и о чрезмѣрной притязательности перваго русскаго драматурга, и о большой гуманности и снисходительности знаменитаго вельможи и фаворита, который до такой степени входилъ въ роль Мецената, что способенъ былъ стать выше всѣхъ треволненій и всѣхъ притязаній. Надоѣдая Шувалову своими жалобами на

всякія невзгоды, претерпѣваемыя отъ театра, Сумароковъ, въ то же время, самъ вызывалъ эти невзгоды и накликалъ ихъ на свою голову, потому что не ладилъ съ графомъ Сиверсомъ (графу поручена была театральная цензура и общій надзоръ за театромъ) и его чиновниками, которыхъ онъ называлъ „подъячими“. Чиновники Сиверса, конечно, не оставались у него въ долгу и не спускали ему ни его вспышекъ, ни дерзкихъ выходокъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что, въ апрѣлѣ 1761 г., Сумароковъ былъ отставленъ отъ должности директора театра, съ пожизненною пенсіею въ 2,000 р. въ годъ.

Отставка Сумарокова.

Эта отставка — явный знакъ немилости со стороны императрицы Елисаветы, въ началѣ такъ благоволившей автору—легко могла быть вызвана и многими иными поводами, не имѣвшими прямого и непосредственнаго отношенія къ дѣятельности Сумарокова, какъ директора театра. Не слѣдуетъ забывать, что въ этотъ ранній періодъ только что развивавшейся и нароставшей русской литературы, въ періодъ ея зависимости отъ тѣхъ вѣяній, которыя преобладали при Дворѣ, каждый литераторъ обязательно долженъ былъ (какъ каждый аѳинскій гражданинъ) принадлежать къ какой-нибудь придворной партіи. Покровительствуемый по службѣ графомъ А. Г. Разумовскимъ, Сумароковъ держался его и тогда, когда его звѣзда померкла и новымъ свѣтиломъ явился И. И. Шуваловъ и его родичи. Разумовскіе примкнули къ партіи Екатерины, которая, въ концѣ царствованія Елисаветы, болѣе и болѣе пріобрѣтала значенія, и Сумароковъ сталъ однимъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ молодой и обаятельной великой княгини. Незадолго до своей отставки онъ оказывается даже замѣшаннымъ въ весьма серьезное дѣло канцлера графа Бестужева, по которому подвергается большимъ непріятностямъ и строгому допросу—и едва ускользаетъ отъ тяжкой опалы... А въ слѣдующемъ году, Сумароковъ, затѣявшій издавать журналъ подъ заглавіемъ „*Трудолюбивая Пчела*“, посвящаетъ его Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ такое именно время, когда она сама была не „въ фаворѣ“, а въ подозрѣніи у императрицы Елисаветы.

Заносчивость Сумарокова.

Безтактный и неосторожный въ своихъ свѣтскихъ и придворныхъ отношеніяхъ, Сумароковъ является совершенно невыносимымъ въ отношеніяхъ къ своимъ литературнымъ собратіямъ. Проникнутый сознаніемъ своей геніальности [1]), убѣжденный въ томъ, что онъ стоитъ головою выше всѣхъ современныхъ ему

[1]) Въ нашей начинающейся литературной жизни, еще бѣдной дѣятелями, каждый изъ нихъ, конечно, былъ весьма высокаго мнѣнія о своихъ заслугахъ «передъ Отечествомъ», потому что и на литературу многіе смотрѣли, какъ на службу государственную. И Тредіаковскій, и Ломоносовъ одинаково оскорблялись всякими отзывами (кромѣ хвалебныхъ) о ихъ сочиненіяхъ; но Сумароковъ, въ своей литературной кичливости, далеко опередилъ ихъ обоихъ.

русскихъ писателей, Сумароковъ оскорблялся всякой, даже и самой легкой критикой, и въ спорахъ со своими литературными противниками не выносилъ никакихъ противорѣчій. Въ своемъ собственномъ журналѣ, онъ удивительно характерно и откровенно высказалъ свой взглядъ на самого себя, на свои заслуги передъ русскимъ обществомъ и на свою дѣятельность по театру:

Портретъ актера Шумскаго.

Автографъ Шумскаго.

„Что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, и что они по долгомъ увидѣли времени, ты нынѣ то вдругъ, о Россія, стараніемъ моимъ увидѣла! Въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство въ Россіи театръ твой, Мельпомена! Всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія. Наконецъ, видите вы, любезные мои сограждане, что ни сочиненія мои, ни актеры вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли, до того я одинъ (и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словесныя только начинаются и нашъ языкъ едва чиститься началъ) однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ“.

При такой заносчивости, при такомъ непомѣрномъ литера-

турномъ тщеславіи, конечно, каждый мелочный фактъ еще болѣе возбуждалъ самолюбіе Сумарокова, истолковывался имъ вкривь и вкось, и преувеличивался до крайнихъ предѣловъ гиперболы. На французскій языкъ переведена была одна изъ его трагедій и удостоилась похвальнаго отзыва въ современномъ парижскомъ журналѣ,—и онъ уже возмечталъ о себѣ, что его имя извѣстно всему Парижу; кто-то изъ меценатовъ, почитателей таланта Сумарокова, способствовалъ его избранію въ почетные члены Лейпцигскаго ученаго собранія—и онъ уже увидѣлъ въ этой простой и обыденной вѣжливости признаніе его литературныхъ заслугъ... „Лейпцигъ и Парижъ!" - восклицаетъ онъ въ одной изъ своихъ статей - „вы тому свидѣтели, сколько единой моей трагедіи скорый переводъ чести мнѣ сдѣлалъ! Лейпцигское ученое собраніе удостоило меня избрать своимъ членомъ, а въ Парижѣ вознесли мое имя въ чужестранномъ журналѣ, елико возможно... А я выше еще драматическими моими сочиненіями хотѣлъ вознестися"...

Въ наше время, когда уже существуютъ давно установившіеся литературные обычаи и приличія, такое самохвальство кажется смѣшнымъ; но въ ту пору оно никого особенно не поражало, какъ никого не заставляло краснѣть, въ похвальныхъ отзывахъ, сравненіе съ Гомеромъ, Гораціемъ и другими классическими или современными знаменитостями.

Чрезвычайно любопытенъ тотъ фактъ, что перемѣна царствованія, которая чуть-было не отозвалась очень тяжело на Ломоносовѣ, не измѣнила нисколько судьбу Сумарокова, и не возвратила ему того положенія при театрѣ, котораго онъ долгое время не переставалъ добиваться послѣ своей отставки. Екатерина наградила преданнаго ей поэта чинами, а впослѣдствіи (1767 года) и Аннинскою лентою; но, вѣроятно, зная его характеръ, не дала ему никакого мѣста при театрѣ. Сумароковъ увидѣлъ себя въ Петербургѣ безъ мѣста и безъ дѣла. Пытался участвовать въ академическомъ журналѣ—въ „*Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ*" Миллера, но поссорился съ редакторомъ, и покинулъ журналъ; пытался затѣвать свой журналъ, „*Трудолюбивую Пчелу*", но перессорился со всѣми и, главнымъ образомъ, съ Ломоносовымъ, который, въ качествѣ академическаго цензора, наложилъ на поэзію Сумарокова свою тяжелую руку. Не дождавшись ничего и при перемѣнѣ царствованія, разочаровавшись во всѣхъ и во всемъ, кромѣ своей геніальности и своихъ высокихъ качествъ, Сумароковъ вообразилъ себѣ, что онъ получитъ возможность лучше устроить свою жизнь и свободнѣе дѣйствовать на литературномъ поприщѣ, если онъ изъ Петербурга переселится въ Москву, „яко въ отечество Россійскаго дворянства". Екатерина не удерживала поэта и, благосклонно принявъ незадолго передъ тѣмъ написан-

Сумароковъ и Екатерина

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

КЪ ПОЛЬЗѢ И УВЕСЕЛЕНІЮ

служащія.

Генварь, 1755 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ.

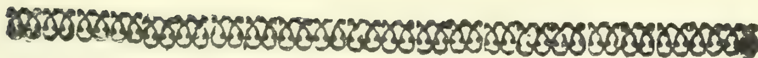
Титульный листъ перваго русскаго журнала, съ 1755 года издававшагося при Академіи, подъ редакціею Мюллера.

ную Сумароковымъ новую трагедію „Вышеславъ", приказала выдать автору 1,000 руб. изъ Кабинета на дорогу и дозволила ему пріѣхать ей откланяться (5 марта 1769 г.). Вскорѣ послѣ того

ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА.

Февраль 1759 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Титулъ журнала, который издавалъ А. П. Сумароковъ съ января 1759 года.

онъ и дѣйствительно переѣхалъ въ Москву, гдѣ и жилъ безвыѣздно до самой смерти.

Но и въ Москвѣ жизнь Сумарокова потекла не по розамъ: онъ и здѣсь сумѣлъ найти терніи, чтобы терзать себя и портить жизнь другимъ. Принявшись писать для московской сцены и начавъ даже весьма ревностно пополнять ея репертуаръ оригиналь- Сумароковъ въ Москвѣ.

ными и переводными произведеніями, Сумароковъ, однакоже, очень скоро вступилъ и здѣсь въ такія же враждебныя отношенія къ директору московской труппы (И. П. Елагину), въ какихъ нѣкогда состоялъ съ графомъ Сиверсомъ, и въ короткое время создалъ себѣ массу враговъ. Понадѣявшись на поддержку со стороны императрицы, онъ (по ея собственному выраженію) *сталъ бомбардировать* ее письмами и докучать ей такими мелкими дрязгами и сплетнями, что Екатерина, несмотря на все свое снисхожденіе къ слабостямъ преданнаго ей поэта, вынуждена была, наконецъ, отъ него отступиться [1]). Мало-по-малу всѣ отъ него отшатнулись, и онъ окончательно погрязъ въ мелочахъ, ссорахъ, тяжбахъ и дрязгахъ той жизни, которую онъ самъ себѣ устроилъ. Къ нуждѣ и другимъ невзгодамъ, въ послѣдніе годы жизни, стали прибавляться и недуги, тѣсно связанные съ безпорядочнымъ и невоздержнымъ образомъ жизни, въ которомъ онъ сталъ искать себѣ печальнаго утѣшенія... Покинутый и забытый всѣми, онъ скончался въ такой бѣдности, что московскіе актеры хоронили его на свой счетъ и на рукахъ снесли его гробъ на кладбище Донского монастыря. Никакой памятникъ не украсилъ его могилы, и она исчезла безслѣдно.

Произведенія Сумарокова. Переходя отъ біографическихъ подробностей и очерка личности Сумарокова къ обзору его разнообразной и обильной литературной дѣятельности, мы прежде всего должны будемъ вернуться къ его трагедіямъ, которыя доставили ему среди современниковъ такую прочную извѣстность, что Сумароковъ сатирикъ, Сумароковъ журналистъ и лирикъ—совершенно исчезаютъ за Сумароковымъ-трагикомъ. Выше мы уже ознакомились съ содержаніемъ его трагедіи „*Хоревъ*“. Послѣдовавшія затѣмъ трагедіи: „*Гамлетъ*“ [2]), „*Синавъ и Труворъ*“, „*Артистона*“ и „*Семира*“ были написаны Сумароковымъ еще *до основанія* театра въ Петербургѣ; „*Ярополкъ и Дамиза*“ и „*Вышеславъ*“ — *послѣ основанія* театра; а „*Дмитрій Самозванецъ*“ и „*Мстиславъ*“ — по переѣздѣ въ Москву. „Семира“ считалась лучшею изъ пьесъ Сумарокова и приводила въ восторгъ его современниковъ. Вотъ почему мы передадимъ нашимъ читателямъ содержаніе этой трагедіи, заимствованной изъ темной эпохи Вѣщаго Олега. Главныя дѣйствующія лица: самъ Олегъ и сынъ его Ростиславъ, и плѣнникъ Олега, прежній князь кіевскій Аскольдъ, съ сестрою своей Семирой. Аскольдъ, хотя

---

[1]) Сначала она предоставила переписку съ нимъ одному изъ своихъ секретарей (Козицкому), потомъ поручала московскому губернатору «выслушивать бредни г. Сумарокова, и, если ему досугъ—стараться бы ихъ обратить въ общую пользу».—Но затѣмъ она уже рѣшилась махнуть рукой на неисправимаго поэта...

[2]) Самъ авторъ объ этой трагедіи напечаталъ: «Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паденія, на Шекспирову трагедію едва, едва походитъ».

Милостивый государь!

іюня 8
1775

Я утруждалъ Ваше высокопревосх: о исходатайствованіи повеленія для полученія годоваго мнѣ жалованья, которое я получалъ отъ 1го маія ежегодно уже многія лѣта. Мнѣ оно нынѣ нужнѣе всѣхъ лѣтъ; ибо я печаталъ мои сочиненія въ Петербургѣ пріѣхавъ на короткое время туда со всѣмъ проѣжился, а домъ мой безъ меня со всѣмъ разорился. А въ деревнѣ все погорѣло, а особливо конской мой заводъ и часть людей [illegible] погорѣли: а я по снисхожденію графовъ Разумовскихъ имѣлъ самыхъ лучшихъ лошадей. Нынѣ не только оставшими лошадьми въ Москвѣ; но ни людямъ моимъ ни мнѣ самому почти не ѣсть ни пить нечего. Такое состояніе близ смерти, а сверхъ того долги грозятъ мнѣ и послѣдняго пропитанія меня лишить. И ежели мнѣ не поможетъ благоволеніе и милосердіе монаршее, такъ я должен погибнуть. О жалованьи я прошу, а прочее теперь оставливъ до того времени, когда у меня отнимать будутъ мой домъ и лишать меня жизни, о которой я мало бы уже и думалъ. Желалъ бы не устрашался бѣдности оставшихъ моихъ дѣтей. Всему сему главная причина бѣдствія моего по [illegible]; ибо я на всё положился и на словесныя науки, не столь по о чинахъ и объ имѣніи радѣлъ какъ о своей музѣ. Книгъ осталося у меня мало, да и тѣ я нынѣ продать намѣренъ [illegible] четыре ста волюмовъ и съ полтораста [illegible] сочиненій на прим: оперъ комедій трагедій и прот: кому по малости [illegible]: Желалъ бы я чтобъ сіи книги пиитическія такъ долго мной [illegible] доставлены въ хорошія руки: я ихъ [illegible] сотнѣ рублевъ продавъ на сей [illegible]; не угодно ли Вашему Превосходительству осмотрѣть, и не будутъ ли они достойны Вашей библіотеки. Покорнѣйше прошу меня увѣдомить.

— Да есть у меня миніатюрной портретъ, Государынѣ И: И: пожалованный при Его отъѣздѣ, который у него [illegible] [illegible], какъ достойный [illegible] [illegible] не изволите ли Его приказать посмотрѣть: такъ же оригинальный Государыни Императрицы Елисаветы Петровны портретъ съ котораго въ Россіи я [illegible] [illegible] поэзіи, или лучше сказать всѣ почти поэзіи [illegible] [illegible] а о жалованьи при прошеніи моемъ [illegible] напоминаю. А самъ я [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и ещё [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] Вашего Высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга А. Сумароковъ.

Снимокъ съ письма А. П. Сумарокова, отъ 8 іюня 1775 года.

и плѣнникъ Олега, оставленъ имъ на свободѣ: онъ замышляетъ вернуть себѣ Кіевъ при помощи своихъ сторонниковъ и подготовляетъ возстаніе, которому вполнѣ сочувствуетъ Семира, хотя она любитъ Ростислава Олеговича. Но вскорѣ наперсникъ Аскольда, Возведъ, открываетъ Олегу замышляемый противъ него заговоръ и выдаетъ ему зачинщика, Аскольда. Олегъ приказываетъ заключить его въ темницу и грозитъ ему смертью. Тогда Семира умоляетъ Ростислава выпустить ея брата изъ заключенія и дать ему возможность бѣжать. Ростиславъ колеблется: онъ видитъ въ этомъ измѣну отечеству. Тогда Семира угрожаетъ ему самоубійствомъ—и Ростиславъ вынужденъ исполнить ея просьбу. Олегъ, узнавъ о бѣгствѣ Аскольда, ищетъ того, кто могъ ему помочь, освободивъ его изъ заключенія; онъ требуетъ отвѣта и отъ Семиры, даже грозитъ ей смертью, но та отвѣчаетъ ему:

«Не мнишь ли, что нашъ полъ къ геройству не способенъ,
И духу мужеску духъ женскій не подобенъ,
Что устремляешься мя къ трепету привлечь?
Нѣтъ робости во мнѣ—твоя безсильна рѣчь»...

Но Ростиславъ, чтобы спасти Семиру, открываетъ отцу, что онъ самъ освободилъ Аскольда. Это признаніе сына наноситъ отцу тяжкій ударъ; — онъ рѣшается казнить сына, въ примѣръ другимъ, какъ измѣнника, и сажаетъ его въ темницу. Слезы и просьбы Семиры не могутъ поколебать рѣшимости отца. Но все кончается благополучно: изъ разсказа, введеннаго въ трагедію, мы узнаемъ, что между Олегомъ и Аскольдомъ произошло сраженіе, что Аскольдъ, смертельно раненый, умирая, просилъ Олега простить сына и бракомъ съ Семирою увѣнчать ихъ давнюю, взаимную любовь.

Для болѣе близкаго ознакомленія съ драмами этого рода, передадимъ здѣсь же содержаніе еще одной трагедіи Сумарокова— „Синавъ и Труворъ“. Дѣйствіе трагедіи происходитъ въ Новѣгородѣ. Бояринъ Новгородскій, Гостомыслъ, сосваталъ дочь свою, Ильмену, за князя Синава, не зная того, что она любитъ его брата, Трувора, и тотъ отвѣчаетъ ей тѣмъ же чувствомъ. Но братья сами доходятъ до объясненія. Труворъ признается Синаву въ своей любви къ Ильменѣ, и открываетъ ему, что Ильмена тоже его любитъ: но Синавъ не можетъ побѣдить въ себѣ страсть къ Ильменѣ. Споръ между братьями доходитъ до мечей; но Ильмена является какъ-разъ во̀-время, чтобы остановить кровопролитіе. Въ дѣло вступается отецъ Ильмены, Гостомыслъ, и уговариваетъ ее выйти за Синава. Труворъ, въ отчаяніи, закалывается мечомъ. Ильмена не въ силахъ перенести роковую вѣсть о смерти милаго—и тоже кончаетъ самоубійствомъ... На самоубійство по- Синавъ и Труворъ.

кушается и Синавъ, но Гостомыслъ и воины его удерживаютъ, и онъ изливаетъ свое горе и раскаяніе въ раздирательномъ монологѣ, которымъ заканчивается трагедія.

Вліяніе псевдо-классическое.

По содержанію трехъ, вышеизложенныхъ трагедій, мы можемъ судить и о всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ этого рода. Всѣ онѣ, одинаково, были и въ общемъ составѣ, и въ частностяхъ, сколками съ французскихъ образцовъ ложно-классической трагедіи, преимущественно Расиновской и Вольтеровской. Отличительною чертою этой трагедіи являлась правильная постановка всего дѣйствія, при очень стѣснительныхъ сценическихъ условіяхъ; а именно: все дѣйствіе подчинялось вовсе не нужнымъ на европейской современной сценѣ [1]) *тремъ единствамъ: времени, мѣста и дѣйствія*. Другою особенностью ложно-классической драмы было совершенно особое, несходное съ нынѣшнимъ, отношеніе автора къ тѣмъ дѣйствующимъ лицамъ, которыхъ онъ выводилъ на сцену трагедіи. Въ ложно-классической трагедіи авторъ избиралъ героями не живыхъ людей въ той обстановкѣ, въ какой они являются въ дѣйствительности, а олицетворенія отвлеченныхъ свойствъ человѣческой души, давалъ имъ болѣе или менѣе громкія полу-историческія, полу-миѳическія имена, и ставилъ ихъ въ разныя, бо̀льшею частью, необычайныя условія и положенія. Притомъ, на сцену дѣйствующія лица выводились только для монологовъ или діалоговъ, бо̀льшею частью очень длинныхъ, а самое дѣйствіе происходило, главнымъ образомъ, за сценой, и доносилось на сцену устами лицъ второстепенныхъ, еще болѣе безцвѣтныхъ и безличныхъ, нежели сами герои пьесы. Лица эти, извѣстныя подъ названіемъ „наперсниковъ“ и „наперсницъ“, не имѣли никакого прямого, дѣйствительнаго значенія въ пьесѣ, и служили только замѣною „вѣстниковъ“ и „хора“, обычныхъ въ древней трагедіи. При такомъ строѣ драмы она сводилась только къ разговорамъ на сценѣ и вынуждала актеровъ къ вычурной декламаціи и неестественной, преувеличенной мимикѣ и жестамъ, которыми они усиливались придать хоть какое-нибудь оживленіе своимъ нескончаемымъ рѣчамъ. Вышеизложенныя условія ложно-классической трагедіи, отдалившія ее отъ дѣйствительности, побуждали авторовъ почерпать сюжеты трагедій преимущественно изъ временъ баснословныхъ и темныхъ, допускавшихъ наибольшій произволъ для изобрѣтенія драматической фабулы; но, въ то же время, авторы нимало не старались входить въ положеніе выведенныхъ ими лицъ, ни сообразоваться съ бытовыми и иными

---

[1]) *Ненужнымъ* потому, что сцена европейскаго театра была близка къ зрителямъ и обставлена кулисами и декораціями. Но три единства имѣли смыслъ при томъ устройствѣ, какое существенно въ театрѣ древнихъ: каменномъ, при каменной, неподвижной сценѣ, при отдаленности сцены отъ зрителей и т. д.

условіями избранной эпохи. По именамъ, и только по именамъ, ихъ дѣйствующія лица являлись Синавами, Хоревами, Громвалами и Ильменами, а всѣми остальными сторонами своей личности и характера вполнѣ принадлежали дѣйствительности XVIII вѣка: говорили языкомъ гостиныхъ и салоновъ, высказывали нѣжныя чувства и убѣжденія, сообразныя съ современною, модною моралью и часто выражали въ рѣчахъ своихъ тѣ упованія, которыми жила лучшая часть современнаго общества.

Недостатки Сумарокова.

Въ трагедіяхъ Сумарокова, конечно, напрасно было бы искать оригинальности въ замыслѣ или въ развитіи основной мысли драмы и ея характеровъ. Онъ кроилъ свои трагедіи съ готоваго образца, прилаживая извѣстныя, другими авторами разработанныя положенія къ русскимъ сюжетамъ, заимствуя иногда изъ иноземныхъ образцовъ монологи и сцены, влагая въ уста своимъ героямъ готовыя рѣчи. Но этотъ недостатокъ оригинальности, эта подражательность произведеній Сумарокова, равно какъ и множество другихъ слабыхъ сторонъ и недостатковъ его трагедій еще не могутъ намъ служить поводомъ для произнесенія надъ ними суроваго критическаго приговора. Не слѣдуетъ забывать, что эти произведенія были нашими *первыми сценическими пьесами*, что онѣ, внутреннею стороною—выраженными въ нихъ чувствами и понятіями—соотвѣтствовали уровню развитія и образованности публики, присутствовавшей при ихъ представленіяхъ, что онѣ волновали и трогали, вызывали слезы и возбуждали сострадание, будили лучшія чувства и затрогивали въ душѣ зрителей ея лучшія струны. Не слѣдуетъ забывать, что такія теперь вызывающія улыбку тирады, какъ заключительныя слова Самозванца, закалывающагося кинжаломъ:

«Ступай, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна:
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!»

—потрясали и приводили въ ужасъ; а монологъ Семиры, начинавшійся словами:

«Отъ знатной крови я на свѣтъ изведена:
Должна ли я такъ быть страстьми побѣждена,
Чтобъ дѣлали онѣ премѣны тѣ въ Семирѣ,
Какія свойственны другимъ дѣвицамъ въ мірѣ...»

казался милымъ и граціознымъ, и не возбуждалъ смѣха въ публикѣ... Не слѣдуетъ забывать, что, въ трагедіяхъ Сумарокова, публика впервые слышала горячія рѣчи о гражданскихъ доблестяхъ, о вѣротерпимости, о святости обязанностей, о долгѣ правителей и судей, о чести и человѣческомъ достоинствѣ, о нѣжныхъ, возвышенныхъ чувствахъ къ женщинѣ,—и несомнѣнно проникалась тѣмъ, что преподавалось ей со сцены. И самая сцена, въ дан-

номъ случаѣ, несомнѣнно оказывала цивилизующее вліяніе. И въ этомъ заключается значеніе трагедій Сумарокова, вполнѣ признанное современниками, величавшими его „Россійскомъ Расиномъ“, въ этомъ и несомнѣнная заслуга автора.

Форма трагедіи, съ ея обязательными пятью актами и неизбѣжной катастрофой въ концѣ, представлялась даже въ такой степени идеально-правильной и совершенной нашему „Расину“, что онъ не хотѣлъ вѣрить въ возможность дальнѣйшаго совершенствованія этой формы, и ужасно возмутился, когда на французской сценѣ явились такъ-называемыя „слезныя комедіи“ (comédies larmoyantes), прототипъ нашей современной драмы. Когда нѣкій Николай Пушниковъ дерзнулъ перевести для Московской сцены одну изъ такихъ комедій Бомарше („*Евгенія*“), Сумароковъ разразился бранью и на переводчика, и на актрису, исполнявшую роль *Евгеніи*. Онъ даже писалъ къ Вольтеру о вредѣ новаго драматическаго рода, и отвѣтъ Вольтера, уклончивый и любезный, показался ему подтвержденіемъ его собственныхъ взглядовъ.

Комедіи Сумарокова.

Сверхъ вышеисчисленныхъ трагедій, Сумароковъ сочинялъ и передѣлывалъ для сцены комедіи; всѣхъ комедій онъ поставилъ на сцену двѣнадцать: „*Опекунъ*“, „*Лихоимецъ*“, „*Три брата совмѣстника*“, „*Ядовитый*“, „*Нарциссъ*“, „*Приданое обманомъ*“, „*Чудовищи*“, „*Трессотиніусъ*“, „*Пустая ссора*“, „*Рогоносецъ по воображенію*“, „*Мать, совмѣстница дочери*“ и „*Вздорщица*“ [1]). Всѣ комедіи Сумарокова, по литературному своему достоинству, несомнѣнно ниже его трагедій и еще менѣе самостоятельны. Лучшими считаются двѣ первыя, но и въ тѣ цѣликомъ внесены характеры, заимствованные у Мольера: а остальныя представляютъ собою не что иное, какъ передѣлки Мольеровскихъ пьесъ, болѣе или менѣе слабыя и произвольныя. Пользуясь готовою рамкою, заимствованною у Мольера, Сумароковъ старается вставить въ нее и лица, и бытовыя сцены, заимствованныя изъ русской современной дѣйствительности; но его наблюденія надъ нею очень поверхностны и мелки, и выводимые имъ типы современности скорѣе напоминаютъ каррикатуры, нежели живыя лица. Притомъ же нѣкоторыя изъ этихъ каррикатуръ основаны и прямо на личностяхъ; такъ, напримѣръ, мы знаемъ достовѣрно, что въ комедіи „*Трессотиніусъ*“, подъ именемъ этого педанта осмѣянъ Тредіаковскій—и всѣ это знали еще во время постановки комедіи на сценѣ, потому, конечно, что самъ авторъ постарался объ этомъ всѣмъ разславить.

---

[1]) Сверхъ всего вышеисчисленнаго, Сумароковъ написалъ еще для сцены лирическую драму «Цефилъ и Прокрась», либретто балета «Прибѣжище добродѣтели» и драму «Пустынникъ».

Комедія эта, о которой Тредіаковскій отозвался справедливо, что въ ней нѣтъ „ни должнаго узла, ни приличной развязки“ -скорѣе походитъ на фарсъ и, подобно другимъ комедіямъ Сумарокова, достигаетъ только одной цѣли: смѣшитъ публику и забавляетъ ее, но нимало не способствуетъ осмѣянію современныхъ нравовъ и общественныхъ пороковъ въ назиданіе массы.

Драматическія произведенія Сумарокова, въ обширной массѣ его сочиненій, составляютъ лишь небольшую часть всего, написаннаго этимъ плодовитымъ авторомъ. Рядомъ съ драматическими произведеніями, видимъ здѣсь въ подавляющемъ количествѣ лирическія и лиро-эпическія произведенія: эклоги, идилліи, элегіи, оды торжественныя, оды разныя, оды *вздорныя* (sic!) и т. д. Въ полномъ собраніи сочиненій Сумарокова находимъ: около 80 одъ, 39 элегій, 76 эклогъ, 151 пѣсню и, сверхъ всего этого, множество мелкихъ лирическихъ произведеній: стансовъ, сонетовъ, мадригаловъ, эпитафій, надписей... Въ этихъ произведеніяхъ очень мало оригинальнаго: это бо́льшею частью слабыя и безцвѣтныя подражанія не менѣе безцвѣтнымъ образцамъ сентиментальной французской лиро-эпической поэзіи XVII вѣка, которыя, однакоже, видимо нравились русской публикѣ въ половинѣ прошлаго вѣка.

Сатиры Сумарокова.

Единственною живою и оригинальною стороною во всей этой массѣ стиховъ являются произведенія *сатирическаго* направленія — сатиры собственно, посланія, басни, эпитафіи и эпиграммы -проникнутыя рѣзкимъ и ѣдкимъ отношеніемъ къ современности.

Тэмы Сумароковской сатиры не блистаютъ разнообразіемъ; это — осмѣяніе дурного устройства правосудія и подьяческихъ ухищреній, рабскаго подражанія иностранцамъ въ языкѣ и обычаяхъ, невѣжества, прикрываемаго внѣшнимъ лоскомъ образованія, и т. п. Внѣшняя сторона сатиры нѣсколько грубовата; но она передаетъ достаточно живо впечатлѣніе автора, недовольнаго современнымъ строемъ русскаго общества. Лучшими сатирами Сумарокова считаются: „*Кривой толкъ*“, „*О благородствѣ*“, „*Наставленіе сыну*“ и „*Хоръ къ превратному свѣту*“; очень любопытна и еще одна его сатира, не только по содержанію, но и потому, что она, и по размѣру, и по внѣшней формѣ, представляетъ собою подражаніе извѣстной народной пѣснѣ: „*Слеталися птицы стадами, садилися птицы рядами*...“ Приводимъ изъ нея отрывокъ, который можетъ служить образцомъ сатиры Сумарокова:

«Прилетала на берегъ синица,
Изъ-за полночнова моря,
Изъ-за хо́лодно-океана.

Спрашивали гостейку пріѣзжу:
«За моремъ какіе обряды?»
Гостья пріѣзжа отвѣчала:
«Все тамъ превратно на свѣтѣ,
За моремъ Сократы добронравны,
Каковыхъ и здѣсь мы видаемъ —
Никогда не суевѣрятъ,
Не хитрятъ, не лицемѣрятъ:
Воеводы за моремъ правдивы:
Дьякъ тамъ цугами не ѣздитъ;
Дьячихи алмазовъ не носятъ,
Дьячата гостинцевъ не просятъ.
За носъ тамъ писцы судей не водятъ,
. . . .
Со крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,
Деревень на карты тамъ не ставятъ,
За моремъ людьми не торгуютъ.
. . . .
Сильные безсильныхъ тамъ не давятъ,
Предъ большихъ бояръ лампадъ не ставятъ.
Всѣ дворянски дѣти тамъ во школахъ,
Ихъ отцы и сами въ тѣхъ учились:
Учатся за моремъ и дѣвки;
За моремъ того не болтаютъ:
Дѣвушкѣ-де разума не надо,
Надобно ей личико да юбка
Надобны румяна да бѣлилы.
Тамъ языкъ отцовскій не въ презрѣніи;
Только въ презрѣньи тѣ невѣжи,
Кои свой языкъ уничтожаютъ,
Кои, долго странствуя по свѣту,
Чужестраннымъ воздухомъ не кстати
Головы пустыя набивая,
Пузыри надутые вывозятъ» и т. д.

Манеру Сумарокова прекрасно передаетъ и другая сатира — „*О благородствѣ*", общимъ характеромъ напоминающая сатиру Кантемира „на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ". Сумароковъ даетъ ей весьма игривое и рѣзкое вступленіе, которое (по сравненіи съ послѣдующимъ періодомъ литературы) поражаетъ насъ вольностью высказываемыхъ въ немъ мыслей и взглядовъ.

«Сію сатиру вамъ, дворяне, приношу.
Ко членамъ первымъ я отечества пишу.
Дворяне безъ меня свой долгъ довольно знаютъ;
Но многіе одно дворянство вспоминаютъ,
Не помня, что отъ бабъ рожденнымъ и отъ дамъ,
Безъ исключенія всѣмъ праотецъ Адамъ.

На то-ль дворяне мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды, по знатности, глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ,—
И тотъ, и тотъ—земли одушевленный комъ.
И если не яснѣй умъ барскій мужикова,
Такъ я различія не вижу никакова.
Мужикъ и пьетъ, и ѣстъ, родился и умретъ.
Господскій также сынъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое не рѣдко славитъ,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ» и т. д.

Тѣ же мысли, тѣ же выраженія, почти дословно повторяются и въ полемическихъ статьяхъ Сумарокова, въ которыхъ онъ также порицаетъ современные нравы и, критикуя общественные пороки, весьма смѣло касается самыхъ больныхъ язвъ нашего быта въ XVIII вѣкѣ. Особенно рѣзко высказывается онъ въ двухъ полемическихъ статьяхъ: „*О безбожіи и безчеловѣчіи*“ и „*О домостроительствѣ*“. Въ послѣдней, гдѣ онъ живыми, яркими красками изображаетъ дурныхъ и своекорыстныхъ помѣщиковъ, исключительно преданныхъ заботамъ о наживѣ, въ ущербъ благосостоянію крестьянъ—есть мѣста, глубоко прочувствованныя и свидѣтельствующія о томъ, что у Сумарокова сердце было прекрасное.

„Помѣщикъ“ — такъ говоритъ Сумароковъ—„обогащающійся непомѣрными трудами своихъ подданныхъ, суетно возносится почтеннымъ именемъ домостроителя и долженъ названъ быть домораззорителемъ. Такой извергъ природы... стократно вреднѣе разбойника отечеству. Увеселяюся ли я тогда, когда мнѣ такой извергъ показываетъ сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, пруды, рыбныя ловли, рукодѣлія и проч.? Но я съ такими домостроителями не схожуся и пищи, орошенныя слезами, не вкушаю. Много оставитъ онъ дѣтямъ своимъ; но и у крестьянъ его есть дѣти...

Искренно сострадая крестьянамъ, работающимъ у иного дурного помѣщика, Сумароковъ справедливо замѣчаетъ, что „блаженство деревни не во единомъ изобиліи помѣщика состоитъ, но въ общемъ“... и увѣщевая „голову заботиться о мизинцѣ“, проситъ всѣхъ помѣщиковъ помнить, что „и крестьянинъ не ради единаго помѣщика отъ Бога созданъ“.

Нельзя не отмѣтить того важнаго и историческаго факта, что всѣ эти мысли высказывались Сумароковымъ въ концѣ царствованія Елисаветы и въ началѣ царствованія Екатерины II и никто не находилъ ихъ ни преступными, ни зазорными для чести дворянскаго сословія, ни опасными для спокойствія государства, между тѣмъ, какъ въ концѣ царствованія Екатерины II несчастный Радищевъ жестоко поплатился и за гораздо болѣе невинныя сѣтованія объ участи крестьянъ.

Коитика и цензура.

По поводу сатиръ и лирики Сумарокова намъ припоминаются и нѣкоторые эпизоды его отношеній къ современникамъ, вызванные произведеніями задорнаго поэта. Эпизоды эти тѣмъ именно и любопытны, и поучительны, что ясно и опредѣленно рисуютъ намъ взгляды современниковъ на условія и основы литературной критики съ одной стороны, и на цензурныя приличія и правила — съ другой. Нельзя не припомнить здѣсь, напр., того, что, въ разгарѣ литературной вражды между Тредіаковскимъ и Сумароковымъ, авторъ Телимахиды подалъ формальную жалобу на то, что академикъ Мюллеръ, „по собственному произволенію", рѣшился напечатать въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" нѣсколько произведеній въ высшей степени предосудительныхъ и неприличныхъ. „Кто удостоилъ печати стишки полковника Сумарокова о беззаконной любви?" — восклицаетъ въ этой жалобѣ Тредіаковскій [1]). „Кто дитирамбъ его, т. е. гимнъ Бахусу отъ древнихъ, да и то не отъ трезвыхъ и благоразумныхъ пѣтый? Кто гимнъ, его же въ прославленіе (о беззаконіе человѣка-христіанина!) прескверной изъ богинь б...ѣ, которой имя Венера? Кто—его же духовныя оды, изъ которыхъ одна, на псаломъ 106, въ силу семидесяти переводчиковъ [2]), содержитъ крайне-ложный и крайне-беззаконный смыслъ, а именно: о безконечности зримаго сего міра, который, по справедливости, есть не безконеченъ, ни по вещественностямъ, ни по продолженію времени, ниже, наконецъ, по наполненію..." [3]). Другого рода цензурѣ, менѣе наивной и болѣе пристрастной, подвергался Сумароковъ со стороны Ломоносова, который, напр., не пропустилъ цѣлый рядъ его „вздорныхъ" одъ, приготовленныхъ къ напечатанію въ „Трудолюбивой Пчелѣ", и не пропустилъ только потому, что эти, въ сущности, совершенно безобидныя стихотворенія представляли собою довольно ѣдкія пародіи на его оды. Приводимъ здѣсь двѣ изъ нихъ:

«Трава зеленою рукою
Покрыла многія мѣста;
Заря багряною ногою
Выводитъ новыя лѣта.
Вы, тучи съ тучками, спирайтесь.
Вы громы, въ громы ударяйтесь,

[1]) Стихи эти, помѣщенные въ книжкѣ 1755 г., за іюнь мѣсяцъ, начинаются такъ:
«Не трать, красавица, ты времени напрасно,
Любися: безъ любви все въ свѣтѣ суета...»

[2]) Подъ «70-ю переводчиками» Тредіаковскій разумѣетъ здѣсь: «70 толковниковъ».

[3]) Онъ намекаетъ здѣсь на слѣдующія, вполнѣ согласныя съ религіею строки, въ переложеніи 106 псалма:
«Ты царствуешь, Владыко, вѣчно,
И все пространство безконечно
Господства Твоего предѣлъ..

Борей на воздухѣ шуми!
Пройду нутръ горный и вершину,
Въ морскую свержуся пучину;
Возникни, Муза, и греми!»

«О Роза! Я пою мятежно:
Согласія въ сей Одѣ нѣтъ.
Цѣлуйся ты съ Зефиромъ нѣжно,
Но помни то, что я—Поэтъ.
Какъ если ты сіе забудешь,
Ты въ вѣкъ моей злодѣйкой будешь,
Не стану я хвалить тебя.
А кто Поэта раздражаетъ,
Велико войско вооружаетъ
Противъ несчастнаго себя.»

Раздраженный строгою и далеко не справедливою критикою своихъ литературныхъ соперниковъ, Сумароковъ старается мстить имъ тѣмъ же, и въ журнальныхъ статьяхъ своихъ подвергаетъ ихъ произведенія неумолимому разбору. Осуждая огульно всѣ произведенія Ломоносова, кромѣ одъ, Сумароковъ особенно нападалъ на его грамматику, которую называлъ въ насмѣшку грамматикою „холмогорскаго“ нарѣчія, а не русскаго языка. Утверждая, что Ломоносовъ не силенъ ни въ языкѣ, ни въ стихосложеніи, Сумароковъ подвергалъ критикѣ каждое его слово, каждое выраженіе, каждую особенность его слога. Многія замѣчанія Сумарокова справедливы, многія остроумны; но вся его критика любопытна и поучительна для насъ только въ одномъ смыслѣ: она ясно указываетъ намъ, какую тяжелую и разнообразную работу надъ литературнымъ языкомъ приходилось производить и выдерживать каждому автору въ тотъ періодъ младенчества нашей литературы, и какимъ упорнымъ трудомъ слагалась и выработывалась даже и та, еще жесткая, еще грубоватая и маловыразительная поэтическая и прозаическая рѣчь, которою писали наши авторы въ половинѣ прошлаго вѣка. Сумароковъ критикъ.

Но, критикуя Ломоносова и издѣваясь надъ Тредіаковскимъ, Сумароковъ все же не видѣлъ кругомъ себя никого, кто бы, кромѣ ихъ, хотя сколько-нибудь способенъ былъ съ нимъ равняться. И вотъ, одною изъ главныхъ его заботъ является желаніе ни въ чемъ не отстать отъ Ломоносова: ни въ качествѣ произведеній, ни въ производительности, ни въ разнообразіи литературныхъ родовъ. Не довольствуясь своей обычной лирикой, онъ старается обратить на себя вниманіе и своими ораторскими произведеніями и тоже создаетъ два похвальныхъ слова: *Петру Великому* и *Екатеринѣ II;* пускается и въ исторію — издаетъ въ свѣтъ краткую московскую лѣтопись и изслѣдованіе о первомъ и второмъ стрѣ-

лецкомъ бунтѣ: вдается и въ область языкознанія, рѣшая запутанные грамматическіе вопросы... Но все же, въ памяти потомства онъ остается только смѣлымъ и горячимъ сатирикомъ, не лишеннымъ остроумія и наблюдательности, и авторомъ первыхъ русскихъ драматическихъ произведеній, годныхъ для сцены. Вся остальная масса его произведеній, находившая себѣ усердныхъ читателей и цѣнителей въ современной ему русской публикѣ— давно забыта и никогда никѣмъ не будетъ извлечена изъ этого забвенія.

Первый литераторъ.

Въ заключеніе этой главы не излишнимъ будетъ отмѣтить и еще одно новое явленіе въ русской общественной жизни—и именно въ той области ея, которая ближе всего стоитъ къ литературѣ. Въ личности Сумарокова мы видимъ *перваго русскаго литератора*, занимающагося литературой не въ связи съ наукой или иною какою-либо спеціальностью, не какъ забавою на досугѣ и между дѣломъ, а какъ спеціальностью, какъ единственнымъ своимъ дѣломъ—и притомъ еще дѣломъ, составляющимъ для него главную сущность всей его жизни.

Первый актеръ.

Рядомъ съ этимъ весьма любопытнымъ типомъ „перваго литератора", видимъ и совершенно новый въ русской жизни типъ *перваго актера*—актера по ремеслу и по призванію, актера, всецѣло принадлежащаго сценическому искусству и даже проникнутаго сознаніемъ достоинства и значенія своей спеціальности. Типъ этотъ былъ совершенно неизвѣстенъ у насъ на Руси до основанія русскаго театра въ Ярославлѣ и затѣмъ—въ Петербургѣ и Москвѣ: и надо признаться, что самое появленіе актера-художника въ русской жизни было несомнѣннымъ доказательствомъ быстраго поступательнаго движенія Россіи по пути просвѣщенія и европейскаго прогресса. До основанія театра, актеръ являлся на Руси скоморохомъ, потѣшникомъ—однимъ изъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, къ которымъ большинство русскаго общества позволяло себѣ относиться съ презрѣніемъ или съ небрежнымъ снисхожденіемъ, какъ къ такому злу, которое можно терпѣть и допускать. Извѣстно, что даже и тѣ клирошане, которые, по приказу духовныхъ властей, принимали на себя роли халдеевъ въ „пещномъ дѣйствѣ", считались уже настолько опозоренными даже и временнымъ исполненіемъ своей роли язычниковъ, что должны были, послѣ окончанія дѣйства, подвергаться извѣстнаго рода покаянію и очищать себя говѣніемъ. И впослѣдствіи, когда иноземныя труппы бывали приглашаемы въ Россію для потѣхъ царя Алексѣя Михайловича и его ближайшихъ преемниковъ, когда подъ руководствомъ такого почтеннаго дѣятеля, какъ Яганъ Грегори, набирались труппы изъ подьячихъ и дьяческихъ дѣтей — взглядъ на актера не измѣнялся даже и въ образованныхъ слояхъ рус-

скаго общества, и онъ, въ общественномъ положеніи своемъ, подпимался немного выше тѣхъ шутовъ и потѣшниковъ, которыми переполнены были и царскія палаты, и боярскія хоромы. Даже и тѣ сценическіе дѣятели, которые набирались изъ разныхъ приказныхъ и грамотныхъ людей и становились „подъ началъ“ принципала-иноземца, сами смотрѣли на свое ремесло съ отвращеніемъ и пренебреженіемъ, какъ на тягостную и постыдную „страду“, которой приходилось подчиняться поневолѣ, потому что того требовало начальство, исполнявшее царскій указъ. Затѣмъ, въ Эпоху Преобразованій, взглядъ на сценическое искусство значительно измѣнился къ лучшему—и даже до такой степени, что юношество „Рыцарской академіи“ уже охотно принимало участіе въ представленіяхъ иноземной придворной труппы и затѣмъ у себя, на своей домашней корпусной сценѣ, по доброй волѣ и съ увлеченіемъ, разыгрывало первыя русскія драмы. Но актера русскаго все еще не было—и это званіе не занимало еще никакой ступени на нашей общественной лѣстницѣ.

Но счастью, первые представители этого званія, главные дѣятели ярославской труппы — ея основатель, *Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ*, и главный его помощникъ, *Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій*,—были люди талантливые, умные, исполненные всякихъ достоинствъ и вполнѣ заслуживавшіе общаго уваженія. Это были актеры-художники и актеры-авторы—какъ и всѣ основатели первыхъ театровъ, во всѣхъ странахъ Европы. Ѳ. Г. Волковъ, кромѣ замѣчательнаго сценическаго таланта, былъ вообще человѣкомъ весьма способнымъ и самоучкой научился рисованью, живописи и рѣзьбѣ по дереву. Благодаря такимъ художественнымъ задаткамъ, онъ и могъ быть душою такого предпріятія, въ которомъ самъ писалъ декораціи, мастерилъ машины, устраивалъ освѣщеніе и удовлетворялъ всѣмъ нуждамъ основанной имъ сцены... На сценѣ онъ восхищалъ всѣхъ своею сильною, выразительною игрою, а внѣ сцены привлекалъ своимъ умомъ и знаніями. Фонъ-Визинъ, видѣвшій его неоднократно въ юности, въ домѣ своего дѣда, отзывается съ восторгомъ о томъ впечатлѣніи, которое на него произвелъ этотъ замѣчательный человѣкъ. Ближайшіе современники, знавшіе Волкова лично, сохранили намъ свѣдѣнія о томъ, что онъ не лишенъ былъ и литературнаго таланта: удачно сочинялъ стихотворенія, въ которыхъ подражалъ складу народныхъ пѣсенъ, и даже задумывалъ написать похвальную оду Петру Великому... Но ни одно изъ его произведеній до насъ не дошло. Ѳ. Г. Волковъ, такъ удачно основавшій частную сцену въ Петербургѣ, по желанію императрицы Елисаветы, въ 1759 году былъ отправленъ въ Москву, чтобы и тамъ устроить и пустить въ ходъ новый русскій театръ. Впослѣдствіи, будучи близокъ къ одному изъ

Первые актеры.

главныхъ дѣятелей переворота, облегчившаго Екатеринѣ II восшествіе на престолъ, Ѳ. Г. Волковъ принималъ въ этомъ переворотѣ несомнѣнное и довольно видное участіе. Можетъ-быть, по особому расположенію къ нему со стороны императрицы Екатерины, именно ему, а не кому-либо иному, было поручено устройство въ Москвѣ коронаціоннаго маскарада. Ѳ. Г. Волковъ задумалъ для этого торжественнаго увеселенія очень широкій планъ, и придалъ его выполненію грандіозные, невиданные размѣры. 30-го января 1763 г. по улицамъ Москвы — Большой Нѣмецкой, обѣимъ Басманнымъ, Мясницкой и Покровкѣ—тронулась громадная шутовская процессія ряженыхъ, въ которой участвовало болѣе 4,000 человѣкъ. Всѣ ряженые шли и ѣхали въ опредѣленномъ порядкѣ, разбитомъ на 12 отдѣленій. Въ каждомъ отдѣленіи была особая комическая группа, изображавшая извѣстный порокъ, такъ какъ основною идеею всей процессіи было: „Торжество Минервы, въ коемъ изъявится гнусность пороковъ и слава добродѣтели"... При каждой группѣ былъ свой хоръ музыки и особый хоръ пѣвчихъ, который распѣвалъ „хоральныя пѣсни", сложенныя Волковымъ, въ объясненіе группы. Сверхъ того, на двухстахъ колесницахъ, запряженныхъ конями, верблюдами и волами, везли въ процессіи различныя аллегорическія изображенія, и при нихъ— на щитахъ и знаменахъ—надписи въ стихахъ, сочиненныхъ юнымъ поэтомъ Херасковымъ, въ поясненіе аллегорій. Это грандіозное зрѣлище, поразившее москвичей и происходившее при трескучихъ морозахъ [1]), оказалось роковымъ для Волкова: онъ простудился на этомъ маскарадѣ, жестоко заболѣлъ и вскорѣ умеръ.

И. А. Дмитревскій.

Еще болѣе привлекательною представлялась современникамъ личность другого знаменитаго актера и друга Ѳ. Г. Волкова — И. А. Дмитревскаго (род. 1736 г.). Юношей, только-что окончившимъ курсъ въ рязанской семинаріи, Дмитревскій увлекся страстью къ сценѣ и вступилъ въ труппу Волкова, въ которой первоначально исполнялъ только женскія роли. Вмѣстѣ съ Волковымъ помѣщенный въ Шляхетный кадетскій корпусъ, Дмитревскій основательно успѣлъ тамъ ознакомиться съ иностранными языками и, повидимому, впослѣдствіи много трудился надъ пополненіемъ своего образованія. Современники передаютъ намъ о немъ восторженные отзывы, какъ объ одномъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени. При этомъ онъ умѣлъ такъ самостоятельно и съ такимъ достоинствомъ вести себя въ обществѣ, что всѣ относились къ нему съ величайшимъ уваженіемъ, чѣмъ онъ не мало способствовалъ возвышенію значенія актера

[1]) Маскарадъ этотъ не закончился однимъ днемъ, и былъ на той же недѣлѣ повторенъ еще два раза.

въ нашей общественной средѣ. Между 1765—1767 гг. онъ былъ за границей и посѣтилъ важнѣйшіе города Голландіи, Франціи и Германіи, изучая европейскія сцены; тогда же дано было ему порученіе составить для Петербурга французскую труппу. Во время этого пребыванія за границей, онъ сообщилъ одному изъ нѣмецкихъ журналистовъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія о развитіи русской литературы, и эти свѣдѣнія считаютъ „*первымъ*" очеркомъ русской литературы, написаннымъ толково, безпристрастно и съ знаніемъ дѣла. Сохранились свѣдѣнія и о томъ, будто бы онъ подбиралъ матеріалы для исторіи русскаго театра и даже написалъ ее отчасти, но этотъ трудъ его не дошелъ до насъ. Несомнѣнно, его перу принадлежатъ три пьесы, передѣланныя имъ съ иностранныхъ оригиналовъ и приспособленныя для русской сцены: „Раздумчивый", „Демократъ" и „Лунатикъ". Въ концѣ жизни, И. А. Дмитревскій, наравнѣ съ другими образованнѣйшими изъ современниковъ Екатерины, былъ удостоенъ избранія въ члены тогдашнихъ ученыхъ обществъ: Россійской Академіи, Бесѣды любителей россійскаго слова и Вольнаго Экономическаго.

Первые русскіе актеры были, несомнѣнно, люди достойные и высоко-талантливые, но самое появленіе русскаго театра и русской труппы среди труппъ иноземныхъ было явленіемъ до такой степени неожиданнымъ и новымъ, что положеніе русской труппы и русскихъ актеровъ долго не могло установиться и хотя сколько-нибудь приравняться къ тому положенію, которое занимала въ царствованіе Елисаветы французская труппа Сереньи и итальянская труппа Локателли. Какъ та, такъ и другая труппы стояли въ очень выгодныхъ, можно почти сказать, въ исключительно-выгодныхъ условіяхъ. Итальянская труппа, приглашенная для балета и оперы-буффъ, давала представленія на отдѣльной сценѣ — на старомъ придворномъ театрѣ, близъ Лѣтняго сада. Локателли за входъ въ театръ бралъ со всѣхъ по рублю; за наемъ ложи на годовой срокъ ему платили по 300 руб.; сверхъ того, онъ еще получалъ отъ императрицы весьма щедрые подарки (до 5,000 руб. и болѣе). Французская труппа, до 1749 г., играла постоянно въ одномъ изъ флигелей дворца, а потомъ во вновь построенномъ театрѣ, около Полицейскаго моста (на мѣстѣ нынѣшняго дома Елисѣева). Директоръ этой труппы, Сереньи, сумѣлъ заключить съ правительствомъ очень выгодный контрактъ, при чемъ посѣщеніе французскаго театра для всѣхъ придворныхъ и высшихъ чиновъ считалось обязательнымъ [1]).

Иностранныя труппы.

Положеніе русской труппы было совсѣмъ иное и, надо ска-

Русская труппа.

[1]) Извѣстенъ даже и такой случай, когда императрица, недовольная пустотою зрительной залы въ театрѣ, пригрозила, что за неприѣздомъ въ театръ будетъ назначено съ знатныхъ персонъ по 50 р. штрафа.

зать правду, далеко не завидное. Опредѣленныхъ средствъ на содержаніе труппы отъ казны не выдавалось; труппа должна была существовать сборами съ публики, а между тѣмъ театральные непорядки въ значительной мѣрѣ этимъ сборамъ вредили. Прежде всего, главною невзгодою, постоянно тяготѣвшею надъ русскимъ театромъ, было то, что русская труппа не имѣла опредѣленнаго мѣста для своихъ представленій, которыя давались то на итальянской, то на французской сценѣ, въ тѣ дни, когда та или другая изъ этихъ сценъ была свободна. Большимъ затрудненіемъ было и то, что для каждаго спектакля въ отдѣльности нужно было получить особое разрѣшеніе отъ гофмаршала, а это разрѣшеніе постоянно запаздывало и иногда приходило почти наканунѣ спектакля. Очень часто случалось, что вмѣстѣ съ этимъ разрѣшеніемъ приходило и увѣдомленіе, что придворные музыканты не будутъ даны въ тотъ вечеръ русской труппѣ, потому что они наканунѣ играли въ маскарадѣ и утомились. Тогда поднималась въ труппѣ суетня: и директоръ, и актеры бѣгали по городу, разыскивая наемныхъ музыкантовъ. Неудивительно, что въ подобныхъ случаяхъ, когда положеніе директора театра становилось совершенно безвыходнымъ, почти трагическимъ, Сумароковъ принимался „бомбардировать" И. И. Шувалова отчаянными и почти „слезными" посланіями. „Я все бы исправилъ",—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ фавориту, — „ежели бы была возможность; а сегодня послѣ обѣда зачавъ, до завтра не знаю, какъ передѣлать... Подумайте, сколько теперь еще дѣла: нанимать музыкантовъ, покупать и разливать воскъ (для свѣчей), дѣлать публикаціи по всѣмъ командамъ, дѣлать репетиціи, посылать по статистовъ, посылать къ машинисту, дѣлать распорядокъ о пропускѣ, посылать по карауламъ; а людей только два копіиста: они и копіисты, они и разсыльщики, они и портіеры..."

И сколько онъ ни старался о томъ, чтобы правительство обезпечило русскій театръ такими же условіями, въ какія были поставлены иноземныя труппы—ему этого не удалось достигнуть.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Записки современниковъ и очевидцевъ эпохи царствованія императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. — Записки княгини Долгорукой, князя Шаховского. Нащокина и Данилова. — Труды академиковъ-нѣмцевъ по Русской исторіи. Споры о происхожденіи Руси.

„Времена мѣняются и мы мѣняемся вмѣстѣ съ временемъ“ — такъ гласитъ извѣстная латинская пословица, и эти перемѣны, вызываемыя теченіемъ времени — этотъ „прогрессъ“ лучше всего выражаются въ литературныхъ произведеніяхъ, принадлежащихъ къ той или другой эпохѣ. Выше, въ одной изъ главъ нашей книги, мы дали бѣглый обзоръ мемуаровъ, непосредственно предшествовавшихъ Эпохѣ Преобразованій и писанныхъ въ самомъ началѣ ея; теперь, переходя къ обзору мемуаровъ, относящихся къ царствованіямъ ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго, мы не можемъ не отмѣтить въ нихъ значительнаго успѣха, по сравненію съ мемуарами предшествующей эпохи. Всѣ они писаны гораздо лучше, писаны простымъ, не книжнымъ и не вычурнымъ русскимъ языкомъ, и всѣ принадлежатъ перу людей не просто грамотныхъ, а уже вкусившихъ отъ плодовъ просвѣщенія и прошедшихъ извѣстную школу. Это уже не грубыя, краткія, аляповатыя записи о событіяхъ, неосвѣщенныя никакою критикою, несвязанныя между собою никакою нитью въ живое повѣствованіе; это уже плавно изложенныя записки людей, которые не просто записываютъ на память событія, совершавшіяся передъ ихъ глазами, а передаютъ и впечатлѣнія свои, высказываютъ и мнѣнія, вставляютъ въ разсказъ и мѣткія замѣчанія, и наблюденія свои. Наконецъ, здѣсь мы встрѣчаемся впервые съ *авторомъ-женщиною*, которая оставила намъ въ своихъ „Запискахъ“ прекрасное, глубоко-прочувствованное произведеніе — памятникъ нѣжной привязанности къ любимому человѣку и глубокаго смиренія передъ Провидѣніемъ. А подобное явленіе нельзя не считать новымъ и замѣчательнымъ; нельзя не указать на него, какъ на важный симптомъ наступленія новаго періода въ исторіи русской жизни и общественности. До-Петровская женщина была безмолвна и безгласна, а ея радости и ея страданія такъ мало привлекали чье бы то ни было вниманіе, что ни одной изъ женщинъ той отдаленной эпохи не пришло бы въ голову описывать событія своей жизни... Притомъ и образованіе женщинъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, поднималось даже до уровня простой грамотности и начитанности въ Св. Писаніи или въ произведеніяхъ религіозно-нравственной письменности. Нѣчто совсѣмъ иное встрѣчаемъ мы въ „Запискахъ“ княгини Н. Б. Долгорукой...

Первая писательница.

Н. Б. Долгорукая.

Наталья Борисовна Долгорукая—дочь Бориса Петровича Шереметева, фельдмаршала и любимца Петра Великаго—принадлежала къ знатному и уже изстари-богатому роду бояръ Шереметевыхъ. Отецъ Натальи Борисовны, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ первыхъ вельможъ Петрова Двора, которые по доброй волѣ и съ полною готовностью перешли отъ прежняго московскаго быта къ европейскимъ условіямъ и обстановкѣ жизни; онъ озаботился и о томъ, чтобы дать дочери образованіе, сообразное съ потребностями наступившей новой эпохи. Красивой, богатой, знатной, молодой дѣвушкѣ жизнь сулила впереди всѣ блага, все счастіе, какое доступно человѣку на землѣ. Но на бѣду ея, наступилъ въ жизни русскаго общества именно тотъ страшный и мрачный періодъ, въ теченіе котораго люди такъ же быстро восходили до высшей степени почестей, богатства и славы, какъ быстро и падали, и лишались всего разомъ, а иногда платились даже жизнью за свое краткое торжество и блескъ. Такъ случилось и съ Натальей Борисовной. Изъ всѣхъ жениховъ, искавшихъ руки богатой невѣсты, ей болѣе другихъ понравился любимецъ Петра II, молодой князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій — „первая персона въ государствѣ“; ему отдала она руку свою и сердце. Обрученіе молодой счастливой четы было обставлено сказочнымъ великолѣпіемъ и роскошью: вся царская фамилія присутствовала на этомъ торжествѣ, вся знать, всѣ высшіе сановники въ государствѣ. Брильянты, золото, безцѣнные дары—рѣкою лились на жениха и невѣсту, окруженныхъ лестью, услугами, всѣмъ торжествомъ и блескомъ, какіе могутъ прійти въ голову избалованному счастіемъ человѣку... И вдругъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, все это исчезло, разлетѣлось прахомъ. Анна Іоанновна вступила на престолъ и „верховники“ пали: ихъ постигла безпощадная опала и ссылка въ далекій, страшный Березовъ... И вотъ именно въ этотъ трагическій моментъ высказалось высокое, героическое благородство характера Натальи Борисовны: въ то время, когда всѣ друзья и родные уговаривали ее отказать опальному жениху и выйти замужъ за другого, который уже готовъ былъ воспользоваться несчастіемъ Долгорукаго, Наталья Борисовна рѣшилась выйти замужъ за избранника своего сердца и раздѣлить съ нимъ всѣ ужасы и бѣдствія ссылки. Прекрасно характеризуетъ ее то мѣсто „Записокъ“, въ которомъ она передаетъ свое душевное состояніе въ этотъ трудный моментъ своей жизни:

„Какое это мнѣ (было бы) утѣшеніе, и честна (ли была бы) эта совѣсть, (что) когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ—отказать ему... Я такъ положила свое намѣреніе: когда сердце одному отдавъ—жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви...

Я не имѣла такой привычки, чтобы сегодня любить одного, а завтра другого; въ нынѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ; и, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него вышла"...

Но героинѣ и испытанія предстояли геройскія. Послѣ того, какъ она провела со своимъ мужемъ семь или восемь лѣтъ въ тяжкой и бѣдственной ссылкѣ, дѣля съ нимъ горе и претерпѣвая всякія лишенія, злобные враги нѣкогда гордыхъ и сильныхъ временщиковъ еще разъ вспомнили о нихъ, и убѣдили императрицу, что „дѣло" ихъ еще разъ надо переслѣдовать—еще разъ ихъ допросить и судить... Несчастныхъ князей Долгорукихъ приказано было взять изъ ссылки и привезти въ Новгородъ; здѣсь они были подвергнуты вторичному допросу и пыткѣ; и затѣмъ казнены... Наталья Борисовна, оставленная въ ссылкѣ, узнала объ ужасной смерти мужа только черезъ три года послѣ того,

Н. Б. Долгорукая.

какъ голова его пала на плахѣ... Возвращенная изъ ссылки императрицею Елисаветою Петровною, въ 1742 году, она жила нѣкоторое время въ Петербургѣ, въ домѣ брата своего, и занималась здѣсь воспитаніемъ своихъ дѣтей; какъ только ей удалось устроить ихъ судьбу, она удалилась въ Кіевъ и постриглась въ монахини, а потомъ приняла схиму. Горестная повѣсть ея жизни, увѣковѣченная ея прекрасными и высоко-назидательными записками, заканчивается извѣстіемъ о пріѣздѣ въ Березовъ. Легко можетъ быть, что „Записки" случайно оборвались на этомъ фактѣ; а, можетъ-быть, ихъ авторъ, по весьма понятному внутреннему побужденію, не захотѣлъ вести ихъ далѣе. Какъ бы то ни было, но эти „Записки" всегда останутся однимъ изъ цѣнныхъ памятниковъ нашей литературы прошлаго вѣка. Въ заключеніе сказаннаго нами не

можемъ не привести здѣсь же еще нѣсколько строкъ изъ „Записокъ“ Натальи Борисовны, ясно указывающихъ на то, что у ней, при составленіи этой скорбной повѣсти, была своя весьма опредѣленная и прекрасная цѣль.

„Господи!—Дай силъ изъяснить мои бѣды!“ восклицаетъ она, „чтобъ я могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобъ помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, всѣ дни живота проводила въ бѣдахъ, и все опробовала: гоненія, странствія, нищету, разлученія съ милымъ,—все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей похвалюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силы, что я перенесла, и по сіе время несу; невозможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда бы не свыше сила Господня подкрѣпляла...“

Трагическая судьба Натальи Борисовны вдохновила одного изъ нашихъ поэтовъ, Козлова, избрать этотъ привлекательный типъ женщины въ героини трогательной поэмы [1]). Нѣсколько сглаживая тѣ историческія условія, въ которыхъ происходили событія жизни избранной имъ героини, поэтъ сумѣлъ прекрасно передать тѣ чувства, которыя должны были волновать несчастную женщину при извѣстіи о кончинѣ мужа, когда отчаяніе вынуждало ее желать смерти, а долгъ матери напоминалъ о необходимости выполнить обязанности свои къ сыну... Когда

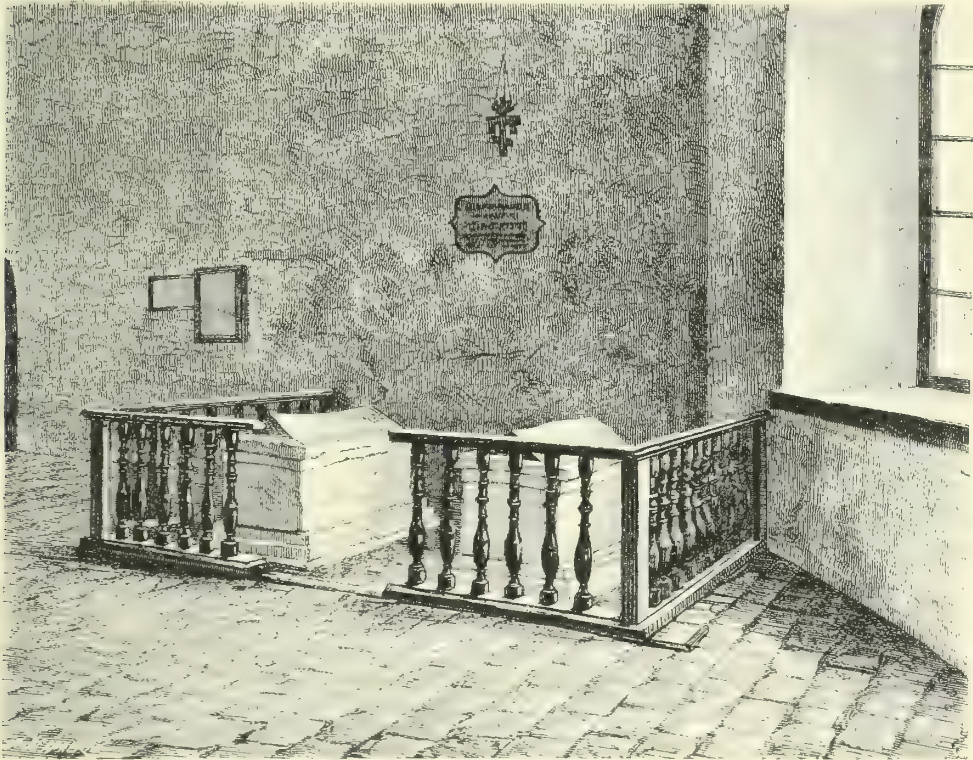
«Его кровавая могила,
Страша, къ себѣ ее манила;
А долгъ святой велитъ терпѣть:
Нельзя ни жить, ни умереть...
Она окована судьбою
Межъ мертвецомъ и сиротою...»

Записки Нащокина.

Прямую противоположность живымъ и высоко-поучительнымъ „Запискамъ“ Натальи Борисовны Долгорукой составляютъ „*Записки Василія Александровича Нащокина*“ и „*Записки князя Якова Петровича Шаховского*“. Эти мемуары возстановляютъ передъ нами во всѣхъ подробностяхъ типы двухъ „русскихъ служилыхъ людей XVIII вѣка: одного — военнаго, другого статскаго. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ „Запискахъ“ мы знакомимся не столько съ личною жизнью, воззрѣніями и убѣжденіями авторовъ, сколько съ ихъ служебною дѣятельностью и карьерою, и съ тою обстановкою, въ которой эта карьера совершалась въ прошломъ вѣкѣ. Подробности объ этой служебной дѣятельности, видимо составляющія единственный интересъ въ жизни автора, даже очень прискучаютъ намъ въ „Запискахъ“ В. А. Нащокина (род. 1707 г.,

[1]) Поэма Козлова и озаглавлена: *Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая.*

† 1761 г.), который отъ ранней молодости попалъ въ военную службу и прошелъ въ ней всѣ чины до генералъ-лейтенанта включительно. Внѣ военной службы, для него нѣтъ ни людей, ни событій, на которыя бы стоило обращать вниманіе: даже о такомъ событіи, какъ открытіе университета въ Москвѣ, В. А. Нащокинъ говоритъ только со стороны тѣхъ служебныхъ льготъ, которыя пребываніе въ новомъ высшемъ учебномъ заведеніи можетъ доставить. Притомъ же, Нащокинъ и самъ человѣкъ простой, ограниченный, и не просвѣщенный даже въ самомъ невзыскательномъ смыслѣ слова; многими своими воззрѣніями и поня-

Могилы князей Долгорукихъ въ Новгородѣ, въ храмѣ во имя Николая Чудотворца, что на Красномъ полѣ.

тіями онъ напоминаетъ намъ своихъ предковъ XVII вѣка, да и вообще недалеко отъ нихъ ушелъ.

„Записки“ князя Я. П. Шаховского (род. 1705 г., † 1772 г.), состоявшаго на службѣ при трехъ императрицахъ, въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ, видѣвшаго всѣ удивительные перевороты, такъ быстро возводившіе и низвергавшіе людей—съ самыхъ верхнихъ, на низшія ступени общественной лѣстницы — представляютъ болѣе интереса, нежели „Записки“ Нащокина, хотя и читаются не особенно легко, потому что писаны тяжелой канцелярской прозой прошлаго вѣка. Дѣловитый и точный служака, извѣстный

Записки Шаховского.

своею честностью и безкорыстіемъ, князь Я. П. Шаховской и на „Записки“ свои смотритъ тоже, какъ на „дѣло“, и ихъ излагаетъ „умѣренно“ и „аккуратно“, какъ служебный журналъ или протоколъ, не волнуясь, не прибавляя красокъ, не внося въ описываемое имъ ни чувства, ни сердечнаго жара. Благодаря такому настроенію душевному, авторъ часто не различаетъ даже событій и по степени важности: одинаково-ровнымъ тономъ разсказываетъ онъ о своихъ мелкихъ служебныхъ невзгодахъ и о томъ, напр., какъ ему пришлось отправлять въ ссылку своихъ недавнихъ покровителей и милостивцевъ. Но все же, и по личности автора — человѣка умнаго и наблюдательнаго, и достаточно образованнаго — и по положенію, которое онъ, какъ сенаторъ, оберъ-прокуроръ и генералъ-кригсъ-комиссаръ, занималъ въ обществѣ — „Записки“ князя Я. П. Шаховского весьма интересны и имѣютъ даже не маловажное историческое значеніе. Его личныя сношенія съ первѣйшими чинами Двора—такими, какъ Биронъ, Минихъ, Волынскій, Шуваловъ и др.,—знакомятъ насъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое эти историческія лица производили на безпристрастнаго сторонняго наблюдателя; а подобныя впечатлѣнія наблюдателей-современниковъ всегда прибавляютъ живыя черты къ характеристикѣ историческихъ личностей.

Записки М. В. Данилова.

Гораздо болѣе важными для изученія бытовой стороны русской жизни прошлаго вѣка оказываются „*Записки артиллеріи-маіора Михаила Васильевича Данилова*“ (род. 1722 г., † 1790 г.), которыя положительно даютъ намъ ключъ къ пониманію многихъ типовъ нашей провинціи XVIII вѣка, мѣтко схваченныхъ и живьемъ внесенныхъ въ литературу и журналистику Екатерининскаго времени. Въ этомъ отношеніи „Записки“ М. В. Данилова—памятникъ весьма характерный и достойный полнаго вниманія: авторъ ихъ поднимаетъ завѣсу, прикрывающую темные углы захолустной жизни средняго и мелко-помѣстнаго дворянства, коснѣвшаго въ застоѣ, невѣжествѣ и нечистоплотной грубости нравовъ. При этой новости и живости содержанія, „Записки“ Данилова отличаются еще однимъ важнымъ достоинствомъ: удивительною простотою языка и изложенія, безъ малѣйшаго притязанія на стиль или риторическія прикрасы. И, несмотря на эту простоту, передъ глазами нашими развертывается полная и живая картина непривлекательнаго, темнаго помѣщичьяго быта, съ его нелѣпыми воспитательными пріемами, съ его дикими понятіями, съ безсмысленною жестокостью въ дѣлѣ обученія, съ его грубымъ насиліемъ и ужасными расправами. Безхитростныя страницы скромнаго бытописателя переносятъ насъ въ темныя, ветхія, покривившіяся хоромы этихъ барскихъ усадьбъ и вводятъ насъ въ среду интересовъ обитающаго въ нихъ мелкаго дворянства, со

всѣми его причудами и предразсудками, со всѣмъ нестройнымъ міровоззрѣніемъ, со всѣми опасеніями со стороны постоянно угрожающаго ему произвола властей или насилія разбойниковъ, пользующихся полною свободою дѣйствій среди административной неурядицы. Многія страницы „Записокъ“ Данилова, послѣ прочтенія ихъ, навсегда врѣзываются намъ въ память и возобновляются въ ней во всей свѣжести своихъ красокъ при чтеніи комедій Екатерины, Фонвизина и Капниста, или при пересмотрѣ сатирическихъ журналовъ Екатерининскаго времени, ратующихъ противъ остатковъ невѣжества и застоя въ среднихъ слояхъ общества и провинціальнаго дворянства.

Изученіе русской исторіи.

Рядомъ съ „Записками“ и мемуарами, составляющими одинъ изъ важныхъ матерьяловъ для исторіи нашего общества, нелишнимъ считаемъ здѣсь же вкратцѣ указать на то, что̀ въ этотъ переходный и темный періодъ (отъ Петровскихъ временъ и до царствованія Елисаветы) было сдѣлано въ области изученія Русской исторіи вообще. Выше мы видѣли уже тѣ первые общіе труды по исторіи Россіи, которые, въ эпоху Преобразованій, явились важнымъ симптомомъ времени — на смѣну наивнымъ, полу-лѣтописнымъ, полудьяческимъ трудамъ Гизеля и дьяка Грибоѣдова. Труды Манкіева и Татищева уже не напоминаютъ собою труды этихъ предшественниковъ: мы уже видимъ въ нихъ попытки создать нѣчто послѣдовательное и цѣльное на основаніи сырого матерьяла, избираемаго съ нѣкоторою критическою осмотрительностью. Татищевъ, какъ мы видѣли уже, сознавалъ и важность изученія и обнародованія древнихъ памятниковъ Русской исторіи и русскаго быта, и важность изученія географіи и топографіи Россіи, которыя находились еще въ зачаточномъ состояніи. Быть-можетъ, именно отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ плановъ изученія Россіи, которые старался провести Татищевъ, но еще гораздо болѣе подъ вліяніемъ предначертаній самого Петра Великаго, съ самаго учре-

Я. П. Шаховской, авторъ извѣстныхъ мемуаровъ.

жденія Академіи Наукъ, изученіе Русской исторіи пошло рука-объ-руку съ изученіемъ Русской географіи и, при широко пробуждавшемся самосознаніи общественномъ, двинулось впередъ быстрыми шагами. И правительство, и общество въ равной степени желали поскорѣе увидѣть первый связно-изложенный трудъ по Русской исторіи... Въ данномъ случаѣ, впрочемъ,—по всей справедливости,—слѣдуетъ воздать должную честь именно тѣмъ дѣятелямъ-иностранцамъ, которые, пріѣхавъ въ неизвѣстную имъ, едва только еще призванную къ жизни страну, отнеслись къ ней съ просвѣщеннымъ вниманіемъ европейцевъ и посвятили изученію Россіи лучшие годы своей жизни и массу матерьяльнаго труда. Во главѣ этихъ иноземныхъ ученыхъ стоятъ два имени дорогихъ для русскаго сердца: Байеръ и Мюллеръ.

Крашенинниковъ, первый изслѣдователь Камчатки.

Путешествіе академиковъ.

Въ то самое время, когда одни обращались къ изученію Россіи изъ горячаго чувства патріотизма, какъ ревностные любители [1]), Академія Наукъ, въ первые же и многотрудные годы своего существованія, обратила вниманіе своихъ членовъ на ту же неисчерпаемо-обильную и обширную область наблюденій. Уже въ 1733 году задумана была и снаряжена въ путь первая ученая экспедиція въ Сибирь и Камчатку, и во главѣ ея поставлены академики Мюллеръ (будущій исторіографъ) и Гмелинъ (естественникъ), а въ помощь имъ и для облегченія ихъ сношеній съ народомъ приданы студенты Красильниковъ и Крашенинниковъ. Эта экспедиція продолжалась около десяти лѣтъ и доставила богатѣйшій матерьялъ по исторіи, географіи, этнографіи и археологіи Россіи,

[1]) Такими именно любителями являются много оказавшіе услугъ Русской географіи и топографіи И. К. Кириловъ и П. И. Рычковъ. Первый, воспользовавшись Петровскими ландкартами, собранными въ Сенатѣ (гдѣ онъ служилъ оберъ-секретаремъ), издалъ около 1734 г. первый атласъ Россіи; второй трудился съ успѣхомъ надъ топографіей Оренбургскаго и Астраханскаго края.

а также и по изученію минеральнаго, растительнаго и животнаго царствъ въ предѣлахъ Россіи. Труды этой экспедиціи, изданные впослѣдствіи (хотя и далеко не въ полномъ составѣ), послужили образцомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій Россіи позднѣйшими путешественниками изъ академиковъ, значительно подвинувшими впередъ наше отчизновѣдѣніе [1]).

Изученіе историческихъ источниковъ. Г. С. Байеръ.

Въ связи со всѣми подобными попытками пробуждающагося самопознанія или и попытки критическаго изученія *основныхъ началъ и древнѣйшихъ источниковъ русской исторіи*. Русскія силы были еще не достаточно подготовлены для этого кропотливаго труда и за него взялись болѣе просвѣщенные, болѣе опытные въ наукѣ иноземцы, волею Великаго Преобразователя вызванные въ Россію. Согласно общему характеру изслѣдованій историческихъ того времени, и эти иноземцы ранѣе всего обратили вниманіе на область историческаго наблюденія, наиболѣе темную и, можетъ-быть, потому именно наиболѣе возбуждавшую пытливость ученыхъ изслѣдователей. Первымъ за эти изслѣдованія принялся ***Готлибъ-Сигфридъ Байеръ*** (род. 1694 г., сконч. 1738 г.), выписанный изъ Германіи для занятія въ Академіи Наукъ каѳедры „или древностей, или восточныхъ языковъ, или исторіи, или же, наконецъ, чтобы сдѣлаться исторіографомъ Ея Императорскаго Величества". Такъ значилось въ посланномъ къ нему предложеніи отъ Академіи. Байеръ, знакомый съ языками семитическими, особенно много занимавшійся китайскимъ языкомъ и одинъ изъ первыхъ европейскихъ ученыхъ, признавшій важность изученія санскрита— избралъ каѳедру древностей и восточныхъ языковъ, на которую былъ принятъ въ Академіи. Продолжая заниматься своею спеціальностью, онъ, однакоже, увлекся древнею русскою исторіею, а также скиѳскою и сѣверною скандинавскою; увлекся и мѣстными древностями, представлявшими тогда еще никѣмъ не обслѣдованную область археологіи. Отлично знакомый съ классическими и восточными языками, онъ, по какому-то странному упорству воли [2]), не хотѣлъ приняться за изученіе русскаго языка, и потому въ своихъ изслѣдованіяхъ по части русской исторіи ограничивался только тѣмъ періодомъ, въ которомъ могъ безъ русскаго языка обходиться, основываясь на писателяхъ иноземныхъ (вопросами

[1]) Собственно говоря, въ этой экспедиціи участвовалъ еще и третій академикъ, Делиль-де-ля-Кроеръ (родственникъ Делиля астронома); но онъ положительно ничего не дѣлалъ: почти шесть лѣтъ ни единою строчкою не давалъ о себѣ знать въ Академію, и болѣе занимался пьянствомъ и запретнымъ торгомъ пушными товарами и табакомъ, нежели научными наблюденіями. Онъ умеръ отъ пьяни на кораблѣ Беринга, когда тотъ подъѣзжалъ къ Камчаткѣ, возвращаясь отъ береговъ Сѣверной Америки.

[2]) Мюллеръ въ своихъ свѣдѣніяхъ о Байерѣ совершенно невѣрно говоритъ, будто заняться русскимъ языкомъ не допустили Байера его лѣта и другія занятія». Байеръ пріѣхалъ въ Россію не старше 31—32 лѣтъ.

о Скиоахъ, Варягахъ, о древней географіи по Константину Порфирородному и Скандинавамъ). Будучи глубокимъ ученымъ и весьма проницательнымъ критикомъ, онъ прежде всѣхъ высказалъ мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ и собралъ всѣ важнѣйшія доказательства этой теоріи, какими и донынѣ пользуются ученые послѣдователи такъ-называемой „скандинавской школы“. Изслѣдованія свои Байеръ писалъ по-латыни [1]) и ими исключительно наполнялъ, въ первые годы изданія, историческій отдѣлъ „Комментаріевъ Академіи“; многія изъ этихъ изслѣдованій, впослѣдствіи, были переведены на русскій языкъ Киріакомъ Кондратовичемъ и Тредіаковскимъ.

Г. Ф. Мюллеръ.

По слѣдамъ Байера вскорѣ пошелъ другой смѣлый ученый *Герардъ Фридрихъ Мюллеръ* (род. 1705 г., ум. 1783 г.), прибывшій въ Россію на двадцатомъ году и привязавшійся въ такой степени къ своему новому отечеству, что онъ уже и не покидалъ его до самой кончины. Извѣстный историкъ нашъ, покойный Бестужевъ-Рюминъ, называетъ его *„настоящимъ отцомъ русской исторической науки“*. Чрезвычайно любопытны были тѣ поводы, которые побудили его къ пріѣзду въ Петербургъ. Вызванъ онъ былъ сюда академикомъ Колемъ (о заслугахъ его намъ еще придется говорить впослѣдствіи), который зналъ талантливаго юношу еще въ Германіи и очень желалъ видѣть его у себя въ Россіи помощникомъ. Чтобы соблазнить юношу къ пріѣзду въ Петербургъ, Коль писалъ ему: „мнѣ такъ же хорошо въ Петербургѣ, какъ и въ Германіи“,—и добавлялъ (зная слабость молодого человѣка къ книгамъ): „библіотека при Академіи превосходная. Nihil deest ad altiora nitenti... Вы и сами со временемъ можете здѣсь быть библіотекаремъ“.

Мюллеръ явился въ Петербургъ въ 1725 г., въ скромномъ званіи „студента“, съ 200 р. жалованья въ годъ, и два года сряду занимался преподаваніемъ латинскаго языка, исторіи и географіи въ академической гимназіи. Но его тотчасъ же оцѣнили и дали ему занятія по способностямъ, сначала при архивѣ академіи, а потомъ при изданіи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* и *„Примѣчаній“* къ нимъ. Около того же времени онъ, по собственной охотѣ, занялся составленіемъ родословныхъ таблицъ, которыя, по его собственному признанію, подготовили его къ занятіямъ Русскою исторіею. Мало-по-малу, Мюллеръ вошелъ въ роль настоящаго помощника Шумахера, и не далѣе, какъ въ 1730 году, былъ даже посланъ за границу отъ Академіи съ различными учеными порученіями. Вспоминая объ этомъ путешествіи въ своей автобіографіи, Мюллеръ говоритъ о себѣ, между прочимъ: „Съ молодыхъ

[1]) На этомъ же языкѣ переписывался и постоянно сносился онъ со своими русскими друзьями, княземъ Антіохомъ Кантемиромъ и Өеофаномъ Прокоповичемъ.

Tobolsk d. 26 Martii 1734.

Wohledelgebohrner
Hochgelahrter Herr Professor

Wenn bishero meine Schuldigkeit im schreiben gegen Ew. Wohledelgeb. aus der acht gelaßen, so ist gewiß die Ursache dieses gewesen, daß die vielen Reise-Geschäfte zu der Zeit da eine Gelegenheit abgegangen mir solches nicht erlaubet haben. Ich gratulire Ew. Wohledelgeb. zu dergleichen Gelegenheit, welche der H. Agent Lange, und der schon vorhin abgereisete H. Bischert, um in der Sinesischen Litteratur erkäntniß zu bringen, ihnen machen werden. Meine bisherige arbeit ist hauptsächlich in beschreibung der Reise und der angetroffenen verschiedenen Nationen bestanden. Auch habe in denen Rußischen Städten zu aufklärung der Großfürstl. Genealogie u. Historie einige wenige Nachrichten gesammlet, denen wolte wünschen, daß sie Ew. Wohledelgeb. Approbation finden mögen. Allhier bin am meisten mit durchsuchung des Tobolskischen Archives beschäfftiget, aus welchem excerpiren u. abschreiben laße was mir nöthig dünket. Ich empfehle mich Ew. Wohledelgeb. nebst der Frau Liebsten u. Jungfer Töchter gewogenheit gehorsamst und beharre mit sonderbahrer Hochachtung

Ew. Wohledelgeb.

ergebenster diener

G. F. Müller

H. Prof. Bayer.

Снимокъ съ письма академика Мюллера изъ Тобольска, отъ 26 марта 1734 года.

лѣтъ до возвращенія моего изъ путешествія по Англіи, Голландіи и Германіи, я былъ болѣе полигисторомъ и занимался болѣе исторіею учености и свѣдѣніями, которыя требуются отъ библіотекаря: обширная библіотека отца воспитывала во мнѣ эту склонность. Въ Петербургѣ я счелъ нужнымъ проложить другой ученый путь;—это была *русская исторія*, которую я вознамѣрился не только самъ прилежно изучать, но и сдѣлать извѣстною другимъ

Академикъ П. С. Палласъ.

въ сочиненіяхъ по лучшимъ источникамъ. Смѣлое предпріятіе! Я еще ничего не сдѣлалъ въ этой области и былъ еще не совсѣмъ опытенъ въ русскомъ языкѣ, однако полагался на литературныя познанія и на мое знакомство съ тѣми изъ находившихся въ академической библіотекѣ книгами и рукописями, которыя я учился переводить при помощи переводчика". „Ничего еще не сдѣлалъ", но твердо вознамѣрился сдѣлать—и избралъ для этого самый вѣрный и правильный путь: основательное изученіе русскаго языка. И вотъ, ободряемый Байеромъ, онъ уже въ 1732 г.

издаетъ первый, а въ слѣдующемъ—второй и третій выпуски „*Сборника матерьяловъ по русской исторіи*" (Sammlung russischer Geschichten), которымъ начался длинный рядъ его изслѣдованій и изданій по русской исторіи.

Сибирская экспедиція.

Въ августѣ 1733 года Мюллеръ отправился вмѣстѣ съ академикомъ Гмелинымъ въ вышепомянутую нами Сибирскую экспедицію, черезъ Казань и Екатеринбургъ, и въ концѣ января достигъ Тобольска. Здѣсь впервые онъ приступилъ къ архивнымъ разысканіямъ, которыя дали ему возможность накопить драгоцѣнный запасъ свѣдѣній по исторіи Сибири, и не только открыть, но и сохранить для потомства массу грамотъ и иныхъ памятниковъ, въ высшей степени важныхъ для исторіи этой отдаленной окраины обширнаго Русскаго Царства. „Я былъ такъ счастливъ", — разсказываетъ Мюллеръ, — „что досталъ въ Тобольскѣ старинную *Сибирскую лѣтопись* съ изображеніями, которая разъясняетъ всѣ недоумѣнія (по вопросу о завоеваніи Сибири) и противъ которой невозможно возражать. По возвращеніи моемъ, я преподнесъ эту рукопись академической библіотекѣ, какъ особенную драгоцѣнность" [1]).

П. И. Рычковъ.

[1]) Рукопись эту Мюллеръ получилъ отъ енисейскаго воеводы Петра Мировича—дяди того Василія Мировича, который былъ казненъ при Екатеринѣ II за покушеніе освободить заключеннаго въ Шлиссельбургской крѣпости принца Іоанна Антоновича.

Сибирскіе архивы.

Съ Тобольска началась работа Мюллера въ сибирскихъ архивахъ и *надъ* сибирскими архивами, такъ какъ онъ не довольствовался тѣмъ, что всѣ архивы просматривалъ и приказывалъ дѣлать себѣ изъ архивныхъ матерьяловъ важныя и нужныя по его соображенію выписки, но еще и приводилъ самые архивы въ строгій порядокъ, располагая ихъ по годамъ, въ хронологической послѣдовательности. Изъ Тобольска—по р. Иртышу, по р. Тарѣ—Мюллеръ отправился въ Омскъ, Семипалатинскъ и Устькаменогорскъ, и съ восторгомъ описываетъ это путешествіе: „по такой странѣ, гдѣ прежде ихъ никто не бывалъ, который бы о сихъ мѣстахъ извѣстіе сообщить могъ“. Заѣхавъ въ Колывань, потомъ въ Кузнецкъ, академики посѣтили Томскъ, Енисейскъ и Красноярскъ, и въ мартѣ 1735 г. пріѣхали въ Иркутскъ. Цѣлый годъ провели они въ поѣздкахъ въ Селенгинскъ, Кяхту и Нерчинскъ; а слѣдующую зиму провели въ Якутскѣ. Здѣсь у Мюллера и Гмелина явилась мысль отдѣлиться отъ экспедиціи, которая должна была далѣе слѣдовать въ Камчатку, и съ разрѣшенія Академіи Наукъ продолжать свое путешествіе по Сибири [1]). Изъ Якутска направились они въ Енисейскъ и въ теченіе 1789 г. изслѣдовали различныя мѣстности и достопримѣчательности Сибири около Енисейска и Красноярска. Въ 1740 г. Мюллеръ, посѣтивъ Красноярскъ, поѣхалъ въ Томскъ, гдѣ изучалъ бытъ остяковъ, посѣтилъ Нарымъ, Сургутъ и пробрался въ Березовъ. „Здѣсь я имѣлъ счастіе,—разсказываетъ Мюллеръ,—при розысканіяхъ въ архивѣ, открыть много старинныхъ и полезныхъ извѣстій, которыя велѣлъ списать для будущаго пользованія“. Затѣмъ занимался изученіемъ быта вогуловъ, и вернулся въ Тобольскъ. Объѣздивъ и обслѣдовавъ всѣ окрестныя и близкія къ Тобольску мѣста, осмотрѣвъ замѣчательные историческіе памятники (въ родѣ „Писанаго Камня“ и „Чудской палатки“), Мюллеръ провелъ еще два года въ посѣщеніи различныхъ мѣстностей Пермскаго края и въ изученіи пермскихъ архивовъ. Отсюда, изъ Верхотурья, черезъ Соликамскъ, Устюгъ Великій, Вологду, Бѣлоозеро и Старую Ладогу, Мюллеръ 14 февраля 1743 г. вернулся въ Петербургъ, пробывъ въ экспедиціи безъ малаго десять лѣтъ и проѣхавъ, по собственному исчисленію, 31.362 версты.

Результаты экспедиціи.

Результаты, добытые Мюллеромъ изъ такого продолжительнаго и труднаго путешествія, были неисчислимы: сверхъ всего того, что онъ пріобрѣлъ для русской науки въ области исторіи и этнографіи, ознакомившись съ мѣстными промыслами и условіями жизни въ отдаленнѣйшихъ областяхъ и окраинахъ Россіи,

[1]) Въ Камчатку, съ Берингомъ и Делилемъ-де-ла-Кройеръ поѣхалъ только студентъ Крашенинниковъ, который и пріобрѣлъ себѣ описаніями этой страны почетное имя въ наукѣ.

онъ имѣлъ полное право сказать, что „привелъ въ полную ясность Сибирскую исторію собраніемъ всѣхъ, до нея принадлежащихъ актовъ, и имѣлъ счастіе извлечь изъ архивовъ подробныя извѣстія о всѣхъ главныхъ происшествіяхъ, случившихся (въ Сибири) съ 7101 года, по греческому времясчисленію“. Другими словами, онъ собралъ всѣ свѣдѣнія по исторіи Сибири, кромѣ первыхъ 16 лѣтъ отъ ея завоеванія Ермакомъ, такъ какъ объ этихъ годахъ никакихъ свѣдѣній въ сибирскихъ архивахъ не сохранилось. Такимъ образомъ, Мюллеру удалось уже заранѣе подготовить полный матерьялъ по исторіи одной изъ окраинъ Россіи въ то время, когда для исторіи самого государства и народа Русскаго матерьялъ только еще начиналъ подбираться.

Мюллеръ и его враги.

Встрѣченный въ Академіи массою непріятностей со стороны Шумахера и его партіи, несправедливо-лишенный обѣщанной отъ правительства награды, Мюллеръ, зная себѣ цѣну, не унывалъ; онъ продолжалъ трудиться и работать въ той области, которая отнынѣ и на всю жизнь стала его любимою и исключительною спеціальностью, и, годъ спустя послѣ пріѣзда изъ Сибири въ Петербургъ, онъ уже представилъ „*Предложеніе объ учрежденіи при Академіи Наукъ историческаго департамента для сочиненія исторіи и географіи Россіи*“. Къ этому своему предложенію онъ присоединилъ прекрасно составленные и вполнѣ разумные планы, по которымъ будущій историческій департаментъ долженъ былъ дѣйствовать при собираніи матерьяловъ по исторіи и географіи Россіи, которыя онъ справедливо считалъ одинаково важными для нашего просвѣщенія и одинаково „*находящимися во младенчествѣ*“. Но и въ этомъ предложеніи, какъ и во всѣхъ своихъ трудахъ, и во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, Мюллеръ встрѣтилъ помѣхи и препятствія всякаго рода со стороны своихъ заклятыхъ враговъ, Шумахера и Теплова, а впослѣдствіи и Ломоносова, когда тотъ пріобрѣлъ вѣсъ и значеніе въ дѣлахъ академическихъ. Какого рода были эти препятствія и помѣхи—теперь даже и повѣрить трудно... Враги Мюллера слѣдили за каждымъ его шагомъ и къ каждому шагу его придирались, чтобы сдѣлать ему хотя что-нибудь непріятное и хоть чѣмъ-нибудь затмить блескъ несомнѣнно заслуженной имъ славы. Такъ, напримѣръ, ему постоянно дѣлали всевозможныя затрудненія въ печатаніи его трудовъ, навлекали на него, по поводу именно его занятій исторіею и географіею Россіи, всевозможныя подозрѣнія со стороны президента Академіи и даже правительства, мѣшали ему въ его занятіяхъ историческими изслѣдованіями [1]), запрещали публичное чтеніе рѣчей только по-

[1]) Такъ, напримѣръ, отъ него требовали подписки въ томъ, что онъ не будетъ заниматься составленіемъ родословныхъ таблицъ.

тому, что находили приводимые въ нихъ факты несогласными съ требованіями узкаго патріотизма [1]) и т. п. Всѣ эти непріятности и мелкая внутренняя академическая борьба еще въ значительной степени усиливались и усложнялись вслѣдствіе того, что Мюллеръ обладалъ такимъ же твердымъ и неукротимымъ нравомъ, какъ и Ломоносовъ, и въ порывахъ гнѣва забывалъ все и готовъ былъ на всякія крайности... Но его мощная, богато-одаренная натура дала ему возможность, какъ и Ломоносову, выйти побѣдителемъ изъ всѣхъ этихъ дрязгъ и борьбы — и не сбиться съ неуклонно-намѣченнаго пути. По возвращеніи изъ Сибири, онъ продолжалъ издавать прежде начатый имъ „*Сборникъ по русской исторіи*" (на нѣмецкомъ языкѣ) и до 1765 г. издалъ еще семь частей его.

Труды Мюллера.

Академикъ А. Шлецеръ.

Затѣмъ онъ началъ по частямъ издавать свою „*Сибирскую исторію*", занимаясь въ то же время дѣлами Академіи, какъ конференцъ-секретарь, и дѣлами академическаго университета, въ качествѣ ректора. Наконецъ, съ 1755 г., онъ затѣялъ при Академіи изданіе ежемѣсячнаго журнала, главною цѣлью котораго было ознакомленіе русской читающей публики съ Россіею. Журналъ Мюллера назывался „*Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія*", и, по заключенію историка Академіи, „при изданіи этого журнала, отъ редактора его требовалось много любви къ

[1]) Ломоносовъ вооружился противъ той актовой рѣчи, которую Мюллеръ собирался посвятить вопросу «*о происхожденіи Руси*», и только потому, что онъ производилъ Русь отъ Варяговъ-Норманновъ. Точно также Ломоносовъ не допустилъ печатаніе статьи Мюллера о завоеваніи Сибири, потому что въ ней упоминалось о разбойничествѣ Ермака.

самому дѣлу и настойчивости несовсѣмъ обыкновенной“ — такъ тяжка была борьба Мюллера съ цензурой, съ общими въ то время притязаніями патріотическими и съ массою неудобствъ, въ родѣ недостатка въ хорошихъ переводчикахъ, корректорахъ и иныхъ мелкихъ дѣятеляхъ въ области литературы.

Норманнскій вопросъ. О дальнѣйшей дѣятельности Мюллера, какъ исторіографа и литератора, дѣятельности, которой была посвящена вся остальная половина его жизни, намъ придется говорить далѣе—при изложеніи исторіи просвѣщенія въ царствованіе императрицы Екатерины II. Настоящую же главу намъ будетъ удобнѣе всего закончить напоминаніемъ объ одномъ историческомъ вопросѣ, который ведетъ свое начало отъ первыхъ шаговъ, сдѣланныхъ нашими учеными на поприщѣ изученія отечественной исторіи и —остается неразрѣшеннымъ, спорнымъ вопросомъ до нашихъ дней. Мы разумѣемъ вопросъ о происхожденіи Руси и о первыхъ русскихъ князьяхъ...

Автографъ А. Шлёцера.

Повторяя мнѣніе Байера и вполнѣ раздѣляя его, Мюллеръ избралъ тэмою для одной изъ своихъ рѣчей на торжественномъ академическомъ актѣ вопросъ „*О происхожденіи народа и имени россійскаго*“. Въ этой своей рѣчи, опровергая разныя вымышленныя происхожденія русскаго народа отъ баснословныхъ родоначальниковъ, Мюллеръ пытается доказать, что варяги „Русь“— были скандинавы, и что, такимъ образомъ, и названіе свое, и первыхъ князей русскихъ народъ получилъ отъ варяговъ, или что то же, отъ скандинавовъ. Когда рѣчь была отдана на разсмотрѣніе историческаго собранія, въ которомъ (какъ мы уже говорили выше) Ломоносовъ былъ однимъ изъ членовъ, нашъ академикъ-патріотъ съ ожесточеніемъ напалъ на дерзновеннаго собрата-иноземца. Опроверженія Мюллеромъ даже и такихъ нелѣпостей, какъ наименованіе „Москвы“ отъ Мосоха (сына Іафетова) и названія „россіянъ“ отъ р. Росси—Ломоносовъ находилъ „темной ночи подобными“; ставилъ Мюллеру въ большую вину то, что онъ „о св. Несторѣ-лѣтописцѣ говоритъ весьма продерзостно и хулительно: *ошибся Несторъ*—и сіе неоднократно“; называлъ мнѣніе его о происхожденіи Руси „скареднымъ“, а всю рѣчь Мюллера „весьма недостойной“ и „русскимъ слушателямъ и смѣшной, и досадительной“ [1]...

[1]) На основаніи этого отзыва, рѣчь Мюллера была опечатана и, впослѣдствіи, запрещена.

Пользуясь разборомъ рѣчи, Ломоносовъ высказываетъ и собственныя свои соображенія о происхожденіи Рюрика съ братьями изъ Пруссіи; въ своей „Древней Россійской Исторіи“, впослѣдствіи, Ломоносовъ еще энергичнѣе поддерживалъ (хотя и весьма слабо доказывалъ) славянское происхожденіе Руси.

Тредіаковскій, одновременно съ Ломоносовымъ призванный къ разсмотрѣнію рѣчи Мюллера, отнесся къ ней не такъ сурово—не нашелъ въ ней „никакого предосужденія“ для русской національной гордости; но съ теоріей Байера, обновляемой Мюллеромъ, не согласился и предложилъ свою теорію о славянскомъ происхожденіи Руси. Онъ высказалъ ее въ своихъ разсужденіяхъ: 1) „о первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ“; 2) „о первоначаліи Россовъ“, и 3) „о Варягахъ-Руссахъ словенскаго званія, рода и языка“. Доказательства свои онъ преимущественно почерпаетъ въ области филологическихъ производствъ и сравненій словъ по созвучію, при чемъ придаетъ этимъ сравненіямъ характеръ полнаго произвола и тѣмъ отнимаетъ у своего пріема всякую научную основу. Въ концѣ концовъ, онъ предлагаетъ свою теорію о происхожденіи Руси отъ померанскихъ Ружанъ (славянъ Ругіевъ) и утверждаетъ, что Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были Ругенскіе (т.-е. Рюгенскіе) князья.

Къ тому же мнѣнію о славянскомъ происхожденіи Руси и древнѣйшихъ русскихъ князей примкнулъ и Сумароковъ, высказавшійся по этому вопросу въ статьѣ „О происхожденіи россійскаго народа“; но доводы свои, подобно Тредіаковскому, онъ почерпалъ изъ той же области произвольныхъ филологическихъ сближеній и игры созвучіями словъ. Этотъ роковой вопросъ, впослѣдствіи много разъ поднимавшійся вновь въ средѣ русскихъ ученыхъ, такъ и остался историческою загадкою.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Духовная литература и важнѣйшіе представители ея во второй четверти XVIII вѣка. Важнѣйшія сочиненія въ этой области, оригинальныя и переводныя.—Еще одно странствованіе къ св. мѣстамъ.—Духовная драма.

Кіевская исключительно-схоластическая школа, какъ мы видѣли выше, сослужила свою службу Московскому Государству и въ Эпоху Преобразованій дала Петру нѣсколько весьма почтенныхъ, весьма полезныхъ литературныхъ дѣятелей и, наконецъ, самого геніальнаго Ѳ. Прокоповича, который проявилъ свои таланты не только на поприщѣ литературы и науки, но и на болѣе обширномъ поприщѣ государственной дѣятельности. И значеніе, и дѣятельность схоластически-построенныхъ духовныхъ школъ Кіевской и Московской мало измѣнились въ долгое царствованіе Петра; онѣ продолжали играть преобладающую роль не только при его ближайшихъ преемникахъ, но и въ Екатерининское время. Всюду, гдѣ нужны были люди съ прочною учебною подготовкою, съ положительными свѣдѣніями въ наукахъ и классическихъ языкахъ, люди умѣлые и опытные въ изложеніи своихъ мыслей на русскомъ языкѣ — Правительство прямо обращалось къ Кіевской, Московской и (позднѣе основанной) Петербургской Академіи, вербовало тамъ способнѣйшихъ изъ числа молодыхъ людей для отправки за границу, для пополненія Академическаго Университета и гимназіи, и эти молодые люди на всѣхъ поприщахъ русскаго просвѣщенія становились первыми піонерами, пролагавшими пути для послѣдующихъ дѣятелей. Но школа духовная, нѣсколько обновленная подъ вліяніемъ различныхъ вѣяній Эпохи Преобразованій, представляла собою такую прочную основу, такой обильный разсадникъ силъ умственныхъ и нравственныхъ, что, несмотря на отвлеченіе многихъ учениковъ на поприще гражданской службы и чисто-свѣтской ученой дѣятельности, поприще дѣятельности духовной (въ видѣ духовной литературы и духовнаго краснорѣчія) все-же не оскудѣвало людьми талантливыми и усердно преданными дѣлу духовнаго просвѣщенія. Дѣятельность ихъ, какъ въ предшествующую Эпоху Преобразованій, такъ и въ царствованіе Елисаветы, выражалась, главнымъ образомъ, въ проповѣдяхъ, которыя, нѣсколько упрощаясь и обновляясь въ языкѣ, въ общемъ характерѣ своемъ оставались вѣрны старымъ образцамъ, т. е. проповѣдямъ Стефана Яворскаго и Ѳ. Прокоповича. Разница заключалась въ томъ, что Эпоха Преобразованій далеко не во всѣхъ представителяхъ духовнаго сословія возбуждала одинаковыя чувства, и лишь немногіе изъ духовныхъ ораторовъ стояли на сторонѣ Ѳеофана Прокоповича,

который явился такимъ разумнымъ и смѣлымъ истолкователемъ Петровскихъ реформъ; напротивъ того, въ эпоху Елисаветы, всѣ высшіе и образованнѣйшіе представители духовенства въ одинъ голосъ прославляли и восхваляли всѣ дѣянія императрицы, ни на шагъ не отставая отъ восторженной и хвалебной лирики того же времени.

Всѣ проповѣдники въ царствованіе Елисаветы составляютъ какъ бы одинъ согласный хоръ, восхваляющій добродѣтели и благодѣянія „дщери Петровой", которая „вернула златыя времена, времена Константина Великаго, времена Ѳеодосія благочестиваго, времена Пульхеріи и Ирины царицы, защищавшихъ благочестивую вѣру". Всѣ единогласно превозносятъ въ ней „преславную побѣдительницу, избавившую отечество отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ"... Въ этихъ похвалахъ и превозношеніяхъ, какъ и въ нѣсколько-преувеличенныхъ восторгахъ лирическихъ поэтовъ, есть несомнѣнно значительная доля искренности, потому что духовенство наше, сильно встревоженное „*Духовнымъ Регламентомъ*" Петра и послѣдовательнымъ проведеніемъ „Регламента" въ жизнь, еще болѣе вынесло тяжкихъ впечатлѣній въ царствованіе Анны Іоанновны и въ правленіе Бирона, когда иноземцы и иновѣрцы получили въ государствѣ такое преобладающее значеніе, и когда духовенство не дерзало поднимать голосъ въ защиту православія или возставать въ проповѣдяхъ противъ общественныхъ нравовъ и обычаевъ, которые были несогласны или даже прямо противны установившимся обычаямъ Православной Церкви. Мы уже видѣли выше, что даже всякая полемика съ лютеранами и протестантами въ области догматической вызывала правительственные запреты и даже могла довести провинившагося въ такой полемикѣ до Тайной Канцеляріи. Понятно, что, когда послѣ этого вступила на престолъ Елисавета Петровна, государыня весьма благочестивая, богомольная, строго соблюдавшая всѣ обязанности по отношенію къ Церкви, любившая заботиться о благолѣпіи храмовъ и церковнаго богослуженія, обратившая серьезное вниманіе на распространеніе православія среди инородцевъ въ Россіи и въ Сибири, давшая многія серьезныя льготы духовенству — всѣ высшіе представители духовной власти радостно привѣтствовали наступившую новую эру ихъ благоденствія. Но и кромѣ этой благодарной и неистощимой тэмы почтительныхъ и признательныхъ восхваленій новаго царствованія, которому противополагалась мрачная эпоха *бироновщины*, у проповѣдниковъ Елисаветинскаго вѣка, впослѣдствіи, была и еще одна излюбленная тэма—порицаніе роскоши и распущенности нравовъ, которыя, дѣйствительно, вмѣстѣ съ французскими модами, французскими свѣтскими обычаями и легкою французскою литерату-

Духовные ораторы.

рою, стали быстро проникать въ Россію и въ ней широко распространяться. На эту тэму обильно проповѣдывали всѣ лучшіе проповѣдники Елисаветинской эпохи: *Амвросій Юшкевичъ, Кириллъ Флоринскій, Стефанъ Калиновскій, Дмитрій Сѣченовъ, Сильвестръ Кулябка* и *Гедеонъ Криновскій* [1]).

Амвросій Юшкевичъ.

Въ первые два-три года царствованія Елисаветы всѣ проповѣди — и придворныхъ, и иныхъ проповѣдниковъ — вращались около одной общей тэмы: восхваленія новаго царствованія и самыхъ рѣзкихъ, самыхъ безпощадныхъ порицаній недавно-минувшей эпохи преобладанія иноземщины. Самыми рьяными въ числѣ этихъ проповѣдниковъ-порицателей и обличителей зловреднаго вліянія иноземцевъ были — *Амвросій Юшкевичъ*, занявшій около 1740 г. каѳедру новгородскаго епископа, и *Кириллъ Флоринскій*, ректоръ Московской академіи (около 1741 г.). Ни тотъ, ни другой не жалѣли красокъ на изображеніе страданій и притѣсненій, перенесенныхъ Россіею въ царствованіе Анны Іоанновны и кратковременное правленіе Анны Леопольдовны. Изображая „внутреннихъ и сокровенныхъ враговъ", которые „отечество наше раззорили", Амвросій восклицаетъ:

„Во-первыхъ, на благочестіе и вѣру нашу православную наступили; но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непотребное и вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ. О коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ, истребили, монаховъ пораз стригли и перемучили! Спроси-жъ за что? Больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ, ни къ чему не годенъ... Сіе же все дѣлали такою хитростью, чтобы вовсе въ Россіи истребить священство православное и завести свою нововымышленную безпоповщину... (?)" и далѣе: „Подъ образомъ будто бы храненія чести, здравія и интереса государства, о коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ, въ тайную похищали, въ смрадныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, голодомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали... Кратко сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ... искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственной похитителей, весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, вотчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали..."

---

[1]) Не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ эти проповѣдники были воспитанниками либо Кіевской, либо Московской духовной академіи.

Кириллъ Флоринскій, не довольствуясь подобными картинами, позволялъ себѣ въ проповѣдяхъ, для усиленія впечатлѣнія ихъ, нападать на личности павшихъ временщиковъ, и, забывая русскую пословицу: „лежачаго не бьютъ"—осыпалъ желчными укорами и бранью Остермана и Миниха, называлъ ихъ и ихъ „стадище"—„человѣкоядными (т. е. хищными) птицами", „эмиссаріями дьявольскими" и т. п., позабывая о томъ, что эти дѣятели не мало принесли и пользы Россіи.

Прославляя Елисавету за то, что она разрѣшила „отъ узъ" извѣстную уже намъ книгу Стефана Яворскаго „Камень Вѣры", а слѣдовательно и полемику съ иновѣрцами въ области догмата, проповѣдники Елисаветинскаго времени широко пользуются этимъ разрѣшеніемъ. Одинъ изъ нихъ, извѣстный духовный ораторъ, *Дмитрій Сѣченовъ* (ум. 1767 г.), въ проповѣди, сказанной имъ въ присутствіи императрицы, даже и прямо ставилъ въ укоръ иновѣрцамъ то, что они не согласуются съ нами въ религіозныхъ догматахъ и церковныхъ обычаяхъ: Дмитрій Сѣченовъ.

„Коликое гоненіе противницы наши на Церковь Христову и на благочестіе возставили! Ихъ были година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали... Догматы христіанскіе, на которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ, въ басни и ни во что поставляли; Ходатаицу спасенія нашего, неусыпную христіанскую Помощницу, Покровъ и Прибѣжище, на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; знаменіемъ креста Христова, его же бѣси трепещутъ, гнушалися..."

Впрочемъ, у того же талантливаго проповѣдника встрѣчаемъ въ проповѣдяхъ и чрезвычайно мѣткія характеристики, и любопытныя картины современныхъ нравовъ, и остроумныя сопоставленія, указывающія на постоянныя противорѣчія помысловъ съ дѣяніями человѣческими:

„Поносимъ праотца нашего Адама",—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей:—„что за яблоко душу продалъ, а мы — за чарку вина, за ласкательство, за честишку, за малую славицу, въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копейку, въ постъ святой за курочку — душу нашу промѣниваемъ. Поднеси чарку винца, поласкай, пошепчи въ ухо: я тебя не оставлю, — возьми и душу, готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступить, готовъ и благочестіе отвергнуть..."

Прекрасную картину встрѣчаемъ въ другомъ словѣ Дмитрія Сѣченова, гдѣ онъ говоритъ о всепоглощающей роскоши, побуждающей всѣхъ забывать о нуждахъ Церкви:

„Осмотримся, какъ любимъ мы Христа? Люблю Христа словомъ: у меня въ различныхъ селахъ каменныя палаты, прекрас-

78*

ные покои, бани, поварни изрядно устроены; а церкви въ тѣхъ же селѣхъ безъ покрова погнили. Люблю Христа: у меня запонки, пряжки, табакерки золотыя, чайники и рукомойники серебряные; а въ церкви Христовой свинцовые сосуды. Люблю

Георгій Конисскій, епископъ Бѣлорусскій. Подъ портретомъ его автографъ.

Христа: у меня златотканыя завѣсы, одѣяла; а страшныя Христовы Тайны крошенинным покрываются покровомъ...“

Гедеонъ Криновскій.

Особенно любимымъ проповѣдникомъ Елисаветы былъ *Гедеонъ Криновскій* (ум. 1763 г.), получившій первоначальное воспитаніе въ Казанской семинаріи, а затѣмъ въ Московской духовной академіи. Еще въ молодыхъ лѣтахъ онъ сталъ уже извѣстенъ

своими проповѣдями (а въ особенности чрезвычайнымъ умѣньемъ ихъ произносить) настолько, что ему дали мѣсто придворнаго проповѣдника и онъ оставался въ этой должности до самой кончины императрицы Елисаветы. Современники безусловно восхищались и ораторскимъ искусствомъ Гедеона, и самымъ содержаніемъ его проповѣдей; но ближайшіе къ той эпохѣ критики церковные находили ихъ недостаточно самостоятельными и укоряли Гедеона въ излишнемъ подчиненіи ораторскимъ произведеніямъ Ильи Миніата или Минятія (ум. 1714 г.), у котораго онъ заимствовалъ манеру внесенія историческихъ примѣровъ и иносказательныхъ притчей въ изложеніе проповѣди. По общему характеру, проповѣдь Гедеона, преимущественно обличительная, тѣсно связана съ порицаніемъ современныхъ нравовъ, закравшагося къ намъ религіознаго вольнодумства, пренебреженія духовными нуждами въ воспитаніи дѣтей и недостаточной заботливости о спасеніи души отъ всякихъ мірскихъ соблазновъ. На послѣднюю тэму онъ прекрасно говоритъ въ своемъ словѣ въ недѣлю 3-ю Великаго поста, и мы приводимъ здѣсь это мѣсто, чтобы ознакомить съ его пріемомъ разсужденія въ проповѣди:

„Есть ли у насъ домъ, — мы огораживаемъ его, покрываемъ и всевозможными образы отъ воздушныхъ защищаемъ напастей. Суть-ли хорошіе сосуды, перемываемъ, перетираемъ и чистимъ ихъ почти ежедневно. Суть-ли въ саду красныя и плодовитыя деревья, поливаемъ ихъ, обрѣзываемъ и еще стражей приставляемъ, чтобы не поломали птицы вѣтвей ихъ... И о статуяхъ, которыя у насъ при палатахъ или въ садахъ, не забываемъ: чтобы ихъ морозъ не повредилъ, сукнами, или чѣмъ инымъ, обертываемъ ихъ... на всякій годъ ихъ починиваемъ, подкрашиваемъ, позлащаемъ, не жалѣя никакого на то иждивенія. А о душѣ ни малѣйшаго попеченія нѣтъ въ насъ: — цѣла-ли она, или повреждена, одѣта или нага, сыта или голодна, — того спросить никогда на умъ не прійдетъ.“

Отмѣтимъ въ проповѣдяхъ нашихъ духовныхъ ораторовъ Елисаветинскаго времени одну новую и весьма любопытную черту: въ нихъ впервые мы слышимъ обращенные къ обществу укоры въ „*авеизмѣ*“, „*фреймасонствѣ*“ (или „*фармазонствѣ*“), хотя и надо сознаться, что укоры эти еще весьма туманны и неопредѣленны. Не слѣдуетъ забывать, что и просвѣщеннѣйшіе изъ этихъ проповѣдниковъ еще упорно держались весьма обветшалыхъ схоластическихъ предубѣжденій во многихъ научныхъ вопросахъ, хотя они уже были внесены въ учебники въ той формѣ, въ которыхъ ихъ установили научныя открытія великихъ европейскихъ ученыхъ XVII вѣка. Такъ, напр., тотъ же Гедеонъ Криновскій, въ одной изъ своихъ проповѣдей высказываетъ, по поводу разрушенія Лисса- Отношеніе къ наукѣ.

бона землетрясеніемъ, такое мнѣніе, что тутъ несомнѣнно силами природы руководилъ перстъ Божій, карающій городъ за грѣхи; а не далѣе какъ въ 1756 г. весь Синодъ, *in corpore*, входилъ къ императрицѣ Елисаветѣ съ докладомъ о необходимости „воспретить“ всякія печатныя объявленія о „множествѣ міровъ“, а на этомъ основаніи — изъять изъ продажи и переведенное княземъ Кантемиромъ сочиненіе Фонтенеля „О множествѣ міровъ“, и ту книжку Мюллеровскихъ „Ежемѣсячныхъ сочиненій“, въ которой помѣщена была ода Сумарокова, упоминавшая о „множествѣ міровъ“. Но надо, однакоже, отдать справедливость императрицѣ Елисаветѣ въ томъ, что она, будучи весьма религіозной и весьма расположенной къ соблюденію всѣхъ обрядовъ православной Церкви, въ то же время умѣла разумно относиться къ заблужденіямъ и предразсудкамъ духовенства, все еще не признававшаго науки въ ея современномъ положеніи, значеніи и развитіи. Она ничего не отвѣтила на докладъ Синода и, что называется, положила его подъ сукно, точно такъ же (мы уже видѣли это выше), какъ и съ спокойнымъ достоинствомъ отнеслась къ другому докладу, въ которомъ жестокія кары призывались на главу Ломоносова за его шутливый „*Гимнъ Бородѣ*“. Время брало свое, и область вѣдѣнія духовныхъ властей все болѣе и болѣе суживалась и ограничивалась...

Новыя духовныя книги.

Но Елисавета, не поощрявшая вмѣшательства духовныхъ властей въ дѣла мірскія, въ то же время, — въ противоположность предшествующему темному періоду, когда не только людей, „но и ученія, и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли“ — разрѣшила полемику съ католичествомъ и лютеранствомъ, въ защиту православія. Поэтому, въ самомъ началѣ ея царствованія (въ 1744 г.), было выпущено въ свѣтъ новое изданіе „*Камня Вѣры*“ Стефана Яворскаго и написанное Арсеніемъ Мацѣевичемъ опроверженіе на извѣстный пасквиль, подъ заглавіемъ „Молотокъ на Камень Вѣры“. Позднѣе, духовная наша литература обогатилась въ царствованіе Елисаветы новыми и важными изданіями; такъ, въ 1756—1757 гг., были изданы вновь *Четьи-Минеи Св. Димитрія Ростовскаго* въ исправленномъ и пересмотрѣнномъ видѣ, а въ 1759 г. явилось исправленное и дополненное изданіе „*Печерскаго Патерика*“. Тогда же было закончено изданіе такъ-называемой *Елисаветинской Библіи*, надъ исправленіемъ текста которой еще въ царствованіе Петра Великаго началъ трудиться Ѳеофилактъ Лопатинскій, а затѣмъ его труды продолжали многіе другіе дѣя-

[1]) Выше мы уже упоминали о полемикѣ, вызванной «Камнемъ Вѣры»; упоминали и о «*Молоткѣ на Камень Вѣры*“. Хотя авторъ этого пасквиля и остался неизвѣстенъ, однакоже русская партія считала авторомъ ея Ѳ. Прокоповича.

тели, и къ окончанію привели—*Варлаамъ Лящевскій*, учитель піитики, и іеромонахъ *Яковъ Блонницкій*, учитель греческаго языка въ Московской духовной академіи.

Страншество-ваніе къ Св мѣстамъ.

Въ заключеніе этой главы, замѣтимъ, что въ духовной литературѣ XVIII вѣка еще занимають не послѣднее мѣсто такіе памятники, которые являются отголосками предшествующихъ и, отчасти, — даже весьма отдаленныхъ эпохъ русской народной жизни. Мы говоримъ о духовныхъ драмахъ, которыя ввелись въ нашихъ духовныхъ училищахъ, вѣроятно, еще съ конца XVI вѣка, въ подражаніе польско-іезуитскимъ образцамъ, и о тѣхъ *странствованіяхъ къ святымъ мѣстамъ*, которыя продолжались, по исконному навыку, и въ XVIII вѣкѣ. Описаніе одного изъ нихъ представляется памятникомъ въ такой степени любопытнымъ, что возбуждало къ себѣ интересъ даже и въ образованнѣйшихъ русскихъ людяхъ XVIII вѣка, и понынѣ не вполнѣ утратило этотъ интересъ. Описаніе это принадлежитъ перу человѣка замѣчательнаго—нѣкоего *Василія Григоровича Бѣляева*, родившагося въ Кіевѣ, но по предкамъ своимъ происходившаго изъ города *Бара* (нынѣ Подольской губ.). Получивъ воспитаніе сначала въ Кіевской, а потомъ въ Львовской академіи, Василій Григоровичъ въ 1723 г. (будучи юношей 22 лѣтъ), по врожденной страсти къ странствованію по святымъ мѣстамъ, отправился пѣшкомъ сначала въ Италію, гдѣ посѣтилъ Римъ, Неаполь, Флоренцію и Венецію. Оттуда направился въ Грецію, Палестину и Египетъ. Два раза побывалъ онъ въ Іерусалимѣ, провелъ много времени на Аѳонѣ, гдѣ внимательно изучалъ жизнь аѳонскихъ монастырей, осматривалъ ихъ библіотеки, перечитывалъ книги и рукописи. Шесть лѣтъ провелъ на островѣ Патмосѣ и въ странствованіяхъ по Греціи, два раза побывалъ въ Царьградѣ и, наконецъ, вернулся въ Кіевъ, проведя въ этихъ странствованіяхъ около 24 лѣтъ [1]). Здѣсь онъ и скончался въ 1747 году. Онъ оставилъ подробное, обстоятельное и весьма правдивое описаніе своихъ странствованій, въ которомъ особенно ярко изобразилъ положеніе восточныхъ христіанъ подъ мусульманскимъ игомъ. Это „*Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ*" стало сначала извѣстно въ рукописи, и очень быстро распространилось повсюду во множествѣ списковъ. Тридцать лѣтъ спустя, оно было издано (въ царствованіе Екатерины II), и издатель книги сообщаетъ въ предисловіи, что „сію книгу съ превеликою жадностью списывали всѣ тѣ, до коихъ о ней хотя малѣйшее дошло свѣдѣніе. Въ Малой Россіи и въ окружающихъ оную губерніяхъ нѣтъ ни

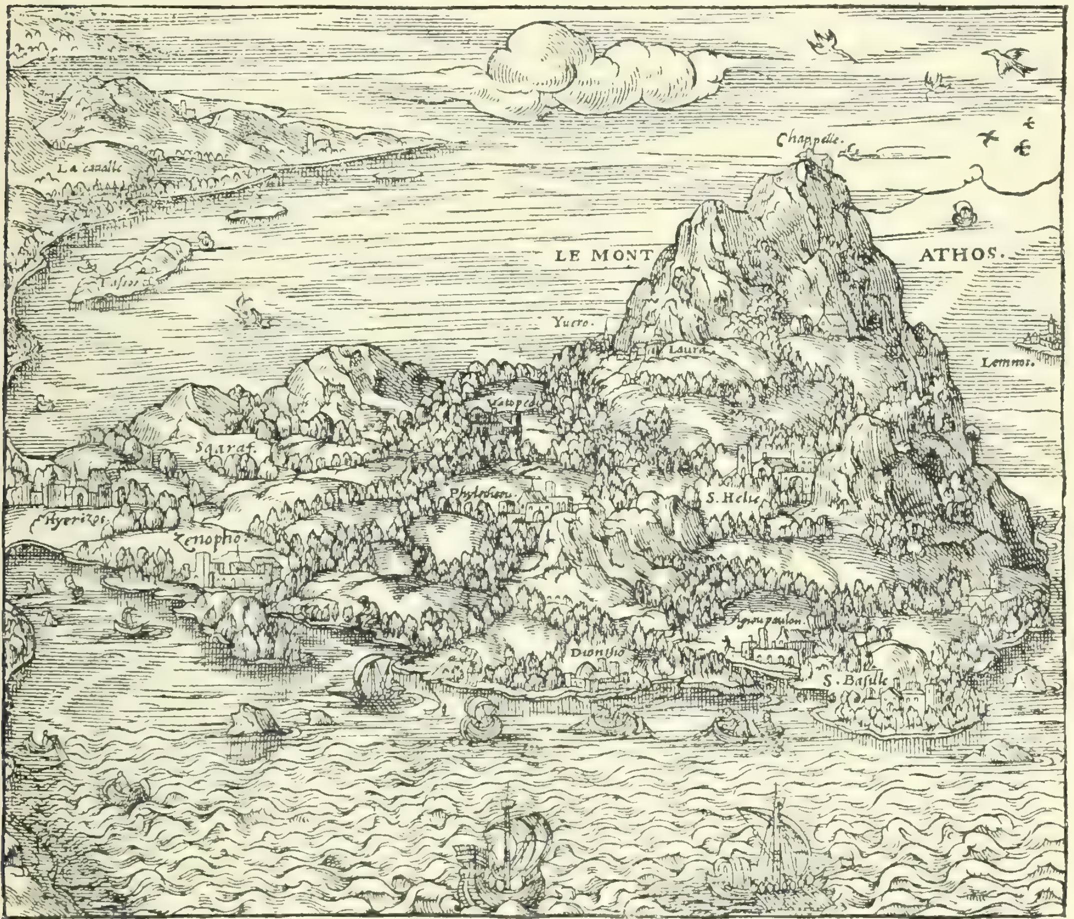
[1]) Во время этихъ странствованій, въ 1734 г., въ Дамаскѣ, Василій Григоровичъ былъ постриженъ въ монахи антіохійскимъ патріархомъ Сильвестромъ.

одного мѣста и дома, гдѣ бы не было ея списка. Почти во всѣхъ россійскихъ семинаріяхъ, для епархіальныхъ архіереевъ, по нѣскольку разъ ее переписывали; благочестивые же люди изъ духовныхъ и мірянъ за великія деньги доставали оную". Отголоски древней Руси сказались въ этомъ общемъ интересѣ, возбужденномъ книгою самоотверженнаго странника по св. мѣстамъ, разсказами своими объ Іерусалимѣ и Аѳонѣ пробудившаго въ русскихъ людяхъ тѣ живыя связи, которыя съ поконъ вѣка соединяли ихъ съ далекимъ православнымъ Востокомъ.

Трагедокомедіи.

Духовныя драмы второй четверти XVIII вѣка любопытны въ другомъ смыслѣ — какъ указаніе на чрезвычайную живучесть схоластическихъ традицій, свившихъ себѣ прочное гнѣздо въ Кіевской Руси. Традиціи эти были настолько сильны, что даже и тогда, когда уже тоническій стихъ вполнѣ укоренился въ русской словесности и пріобрѣлъ всѣ права въ кругу людей, такъ или иначе прилежавшихъ къ поэзіи,—духовныя драмы, продолжавшія существовать въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ и составлявшія тамъ даже обязательное (до нѣкоторой степени) школьное упражненіе, писались неизмѣнно, попрежнему, силлабическими виршами. И эта школьная драматическая литература развивалась, повидимому, совершенно самостоятельно въ Кіевѣ, не находясь ни въ какой связи или зависимости отъ того литературнаго движенія, которое нарождалось въ двухъ главныхъ центрахъ русской жизни—въ Москвѣ и Петербургѣ. Излюбленными формами драматическихъ произведеній въ Кіевскихъ школахъ того времени являлись *трагедокомедіи* и *комедіи* или *комическія дѣйства*, которыя, впрочемъ, ничего „комическаго", въ настоящемъ смыслѣ этого слова, въ себѣ не заключали; такъ, напр., „*Комическое дѣйство на Рождество Христово*", сочиненное іеромонахомъ *Митрофаномъ Довгалевскимъ*, представляетъ собою ничто иное, какъ средневѣковую Рождественскую мистерію, начинающуюся со выступленія на сцену пророковъ, предсказывающихъ пришествіе Спасителя въ міръ, и продолжающуюся явленіями, въ которыхъ изображается поклоненіе пастырей и волхвовъ новорожденному Христу, опасенія Ирода и избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ. Въ концѣ послѣдняго явленія на сцену выступаетъ „Человѣколюбіе" и „Божье Милосердіе" и возвѣщаетъ зрителямъ о спасеніи рода человѣческаго. Комическій элементъ въ этой мистеріи, какъ и во всѣхъ остальныхъ школьныхъ духовныхъ драмахъ, выдѣленъ въ особыя *интермедіи* (междудѣйствія), въ которыхъ выводятся на сцену мужики, казаки, поляки, цыгане и жиды — и разыгрываютъ передъ зрителями аляповато и грубо набросанныя сценки изъ народнаго быта, въ которыхъ весь юморъ заключается въ искаженіи на разные лады русской рѣчи и въ весьма дешевомъ остроуміи.

„Трагедокомедіи“ и „комедіи“, по содержанію своему, пріурочиваются преимущественно къ Рождеству и Пасхѣ, и потому распадаются на *рождественскія* и *пасхальныя*. Содержаніе „рождественскихъ“ комедій, большею частью сходно съ вышеизложеннымъ „комическимъ дѣйствомъ“ Довголевскаго; содержаніе „пасхальныхъ“ пьесъ пріурочивается къ другому, нѣсколько болѣе сложному плану, такъ какъ онѣ начинаются, большею частью, съ грѣ-

Видъ Аѳонскаго полуострова съ его монастырями. По картинѣ, приложенной къ одному изъ западныхъ путешествій XVIII вѣка.

хопаденія человѣка [1]) и изгнанія его изъ рая; затѣмъ пророки предсказываютъ явленіе Спасителя, и сценическое дѣйствіе прямо переходитъ къ представленію страданій и смерти Христа на крестѣ, къ погребенію Его и воскресенію, а заканчивается „*изведеніемъ Адама изъ челюстей ада*“. Такова трагедокомедія іеромонаха *Сильвестра Ляскоронскаго*, подъ заглавіемъ „*Милость Божія*“, и весьма

[1]) Нѣкоторыя пасхальныя драмы начинаются даже и съ созданія человѣка, и съ жизни его въ раю, даже съ совѣщанія между Правосудіемъ и Милостью Божіей, на которомъ рѣшается вопросъ о созданіи человѣка.

близкая къ ней пасхальная пьеса *„Властотворный образъ человѣколюбія Божія"*, сочиненная Митрофаномъ Довголевскимъ.

Кромѣ пьесъ „пасхальныхъ" и „рождественскихъ", въ обычаѣ были еще и особаго рода школьныя драмы, въ родѣ западныхъ „нравственныхъ" комедій (moralités), въ которыхъ на сцену, вмѣсто живыхъ дѣйствующихъ лицъ, выходили олицетворенныя свойства человѣческой души, въ видѣ пороковъ и добродѣтелей — вступали между собою въ діалогъ, который заканчивался споромъ, и, конечно, торжествомъ добродѣтелей надъ пороками. Такою именно нравственною комедіей является *„Брань честныхъ седми добродѣтелей съ седмью грѣхами смертными"* іеромонаха Іоасафа Горленка.

Въ 1744 г., когда императрица Елисавета отправилась въ Кіевъ для поклоненія кіевскимъ святынямъ, ее тамъ встрѣтили торжествомъ особаго рода: въ Кіевской духовной академіи устроено было представленіе духовной драмы *„Благоутробіе Марка Аврелія"*, сочиненной префектомъ академіи, іеромонахомъ *Михаиломъ Казачинскимъ*. Въ драмѣ этой излагалась исторія Марка Аврелія въ ближайшемъ примѣненіи главныхъ основъ ея къ исторіи императрицы Елисаветы; и драмѣ предшествовалъ, тѣмъ же авторомъ сочиненный, панегирикъ Елисаветѣ, написанный силлабическими виршами, которыя были передъ государынею продекламированы студентами.

Нѣсколько инымъ характеромъ и направленіемъ отличаются два драматическихъ произведенія, принадлежащія къ тому же разряду школьныхъ пьесъ: трагедокомедія Варлаама Лящевскаго; *„О награжденіи дѣлъ въ будущей жизни вѣчной"* и трагедокомедія Георгія Конисскаго: *„Воскресеніе мертвыхъ"* [1]). Оба эти произведенія, исходя отъ напоминанія о грядущей вѣчной мукѣ и вѣчномъ блаженствѣ, пользуются этою тэмою для того, чтобы приплести къ ней обличеніе и порицаніе живой современности, въ которой указываютъ на распущенность нравовъ, на отсутствіе правосудія, на преобладаніе алчныхъ животныхъ инстинктовъ надъ высшими духовными стремленіями человѣка. Серьезность и глубина содержанія этихъ двухъ произведеній не избавляетъ ихъ, однакоже, отъ соблюденія авторами установленной формы всѣхъ подобныхъ школьныхъ драмъ; духовный и нравственно-назидательный элементъ въ нихъ отдѣленъ отъ комическаго, и между дѣйствіями трагедокомедій Лящевскаго и Конисскаго вставлены такія же интерлюдіи, какія мы уже видѣли выше, между дѣйствіями рождественскихъ и пасхальныхъ мистерій.

[1]) Довольно одиноко среди кіевскихъ школьныхъ драмъ стоитъ и трагедокомедія *Георгія Щербацкаго* «Фотій», чисто-догматическая по своей основѣ. Въ ней изображается наглядно самый фактъ отступленія Западной Церкви отъ Восточной.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Ученая и учебная литература Елисаветинскаго времени по различнымъ отраслямъ науки.—Академія Наукъ и первый русскій университетъ въ ихъ взаимномъ соотношеніи.—Словари и грамматики.—Первые опыты по исторіи литературы русской и всеобщей.—Переводная и легкая литература.—Журналистика и ея общее направленіе.

Намъ уже неоднократно приходилось говорить выше, въ тѣхъ главахъ, которыя мы посвящали важнѣйшимъ научнымъ и литературнымъ дѣятелямъ второй четверти XVIII вѣка, о томъ значеніи, которое болѣе свѣтлая и болѣе спокойная эпоха царствованія Елисаветы имѣла въ расцвѣтѣ нашей литературы и науки, какъ и вообще въ исторіи нашихъ общественныхъ нравовъ и во всей исторіи нашего просвѣщенія. Мы видѣли изъ предыдущихъ главъ, что все двинулось впередъ, все заговорило и ожпвилось, все стало разсуждать и думать, и относиться осмысленно къ окружающей дѣйствительности. Центровъ просвѣщенія было еще мало; средствъ и способовъ къ воспріятію его — еще менѣе; но движеніе умственное уже началось и стало обосновываться, интересъ къ наукѣ и ученію проявился съ значительною силою — инерція была побѣждена и свѣтъ начиналъ уже проникать въ различные слои общества, еще недавно коснѣвшіе во мракѣ упорнаго невѣжества и застоя. Но, по всѣмъ признакамъ и явленіямъ, доступнымъ нашему наблюденію, и эта болѣе свѣтлая, болѣе свободная въ проявленіяхъ ума и воли, болѣе утѣшительная эпоха Елисаветы все же, несомнѣнно, относится къ той же Эпохѣ Преобразованій, которую она счастливо и удачно заканчиваетъ: мы это видимъ изъ того, что въ теченіе этой эпохи, какъ и въ первой четверти XVIII вѣка, наука у насъ еще рѣзко отдѣляется отъ литературы, и литература, и журналистика, по отношенію къ ней, занимаютъ еще, до нѣкоторой степени, положеніе зависимое и служебное. Наука, какъ и при Петрѣ Великомъ, все еще ищетъ себѣ примѣненія на практикѣ; назначеніе и роль литературы еще не опредѣлились съ полною ясностью. Дѣятельность умственная вообще является еще расплывчатой, излишне разносторонней — еще какъ будто опасается ограниченія строгими гранями какой-нибудь спеціальности... Отчасти, въ этомъ, конечно, сказывается и общее направленіе всей европейской современной науки, въ которой энциклопедизмъ знанія ставился такъ высоко; отчасти же отзывается и другая сторона, уже исключительно свойственная русской жизни во второй четверти XVIII вѣка, когда всѣмъ русскимъ людямъ предстояло такъ много дѣла, а дѣятелей было еще такъ мало...

Академія — разсадникъ наукъ.

Но только изучая исторію Словесности этого переходнаго времени къ Екатерининскому вѣку, мы начинаемъ понимать, какъ плодотворно и важно было въ ту пору значеніе Академіи Наукъ, основанной Петромъ—Академіи, которая и сама являлась какъ бы учрежденіемъ энциклопедическимъ, потому что захватывала въ кругъ своей дѣятельности все, что могло хотя сколько-нибудь имѣть отношенія къ просвѣщенію, къ цивилизаціи Россіи. Академія второй четверти XVIII вѣка—это уже вовсе не то скромное учрежденіе, которое должно было, по первоначальному плану Петра, „переводить полезныя книги и въ то же время двигать науку“—это былъ обширный институтъ наукъ и художествъ, обнимавшій всѣ отрасли знанія и стремленій человѣческаго ума, ненасытимаго въ своей пытливости... Это было цѣлое собраніе учено-литературныхъ и литературно-научныхъ обществъ, стоявшее въ тѣсной связи съ обширной издательской фирмой, съ Академіей Художествъ, съ цѣлымъ рядомъ техническихъ заведеній, съ книжной торговлей, съ журналистикой и прессой... То, что теперь выполняется десятками ученыхъ обществъ и ученыхъ учрежденій, десятками всякаго рода органовъ, основанныхъ на казенной или частной иниціативѣ, десятками торговыхъ и промышленныхъ предпріятій—то все въ зародышѣ носила и воспитывала въ себѣ одна Академія Наукъ Елисаветинскихъ временъ. Понятно, что при такомъ центральномъ и основномъ положеніи ея, Академія должна была служить разсадникомъ для другихъ просвѣтительныхъ центровъ Россіи и опорою всего просвѣтительнаго движенія, которое стало шире и шире распространяться во всѣ стороны при ближайшихъ преемникахъ Петра.

И дѣйствительно, мы видимъ, что, какъ только основался Московскій университетъ, профессорами въ немъ явились, рядомъ со всѣми полезными и почтенными дѣятелями изъ иноземцевъ, воспитанники Академіи Наукъ — профессора: *Поповскій* и *Барсовъ*. Но, служа разсадникомъ научныхъ дѣятелей для вновь возникающихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій, Академія, въ воспитанныхъ ею первыхъ профессорахъ, посылала въ новые центры людей, которые сохраняли въ своей дѣятельности академическія традиціи Эпохи Преобразованій: каждый изъ нихъ могъ замѣнить многихъ, и свободно переходя отъ одной спеціальности къ другой, преподавалъ студентамъ то одинъ, то другой предметъ или даже два совершенно различные предмета одновременно. Такъ, напримѣръ, Поповскій, занимавшій при Московскомъ университетѣ каѳедру философіи, преподавалъ въ послѣдніе годы жизни Словесность; а по кончинѣ его, ту же каѳедру Словесности занималъ Барсовъ, бывшій профессоръ математики при Московскомъ университетѣ. Сверхъ того, каждый изъ воспитанныхъ

Академіею научныхъ дѣятелей, оставался во всю жизнь, по давнему навыку и доброй волѣ, *переводчикомъ*, и охотно посвящалъ свои досуги пересажденію на русскую почву различныхъ классическихъ произведеній иностранной словесности или, по примѣру своего великаго учителя, Ломоносова, переводилъ учебники по важнѣйшимъ отраслямъ знанія. Благодаря, именно, воспитанникамъ Академіи Наукъ, смѣнившимъ бывшихъ переводчиковъ Посольскаго Приказа и справщиковъ московской типографіи—переводная литература наша стала быстро разрастаться и обогащаться во второй четверти XVIII вѣка. Къ сожалѣнію, многое полезное и заслуживающее полнаго вниманія въ научномъ отношеніи, еще пропадало безъ пользы для Русской Словесности, потому что какъ въ самой Академіи, такъ и въ Московскомъ университетѣ, по старому схоластическому обычаю, многія руководства, изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ и торжественныя рѣчи, все еще писались на языкѣ латинскомъ. Упомянемъ здѣсь о важнѣйшихъ дѣятеляхъ и важнѣйшихъ явленіяхъ въ этой области ученой и учебной литературы, какъ оригинальной, такъ и переводной.

Н. Н. Поповскій.

Прежде всего и ранѣе всего посчастливилось философіи. *Николай Никитичъ Поповскій* (род. 1730 г., ум. 1760 г.), опредѣленный на каѳедру философіи съ самаго основанія Московскаго университета, открылъ свои лекціи рѣчью „*О пользѣ и важности теоретической философіи*". Опредѣливъ въ этой рѣчи важное значеніе философіи, какъ основы всѣхъ наукъ, онъ доказываетъ, совершенно справедливо, что эту „науку всѣхъ наукъ" можно преподавать и по-русски, ибо „нѣтъ такой мысли, которую бы по-россійски изъяснить было невозможно." Онъ и заявляетъ о своемъ намѣреніи преподавать философію такъ, „чтобы каждый, россійскій языкъ разумѣющій, могъ удобно ею пользоваться". Слѣдуя примѣру своего учителя, Ломоносова, написавшаго посланіе къ Шувалову „о пользѣ стекла", Поповскій обратился къ Шувалову, какъ куратору Московскаго университета, съ посланіемъ „*О пользѣ наукъ*" — слѣдовательно, написаннымъ на такую тэму, которая въ тотъ вѣкъ была еще и модною, и для всѣхъ одинаково представлялась интересною и поучительною. Что эта тэма была далеко не всѣмъ одинаково близка и ясна — это не трудно видѣть изъ эпизода, случившагося съ однимъ изъ юношескихъ произведеній Поповскаго. Еще будучи студентомъ Академіи Наукъ, онъ перевелъ стихами съ французскаго прозаическаго перевода первое письмо „*Опыта о человѣкѣ*", — сочиненія англійскаго поэта Попе. Тихонравовъ съ нѣкоторымъ основаніемъ предполагаетъ, что этотъ переводъ былъ даже „заказной тэмой Ломоносова", который и представилъ произведеніе молодого сту-

дента Шувалову, отзываясь о переводѣ Поповскаго съ большою похвалою. Шуваловъ пожелалъ напечатать этотъ переводъ, но встрѣтилъ серьезное препятствіе въ духовной цензурѣ, которая заявила, что „издатель оныя книги ни изъ Св. Писанія, ни изъ содержимыхъ въ православной нашей Церкви догматовъ ничего не заимствуя, единственно всѣ свои мнѣнія на естественныхъ и натуральныхъ понятіяхъ поясняетъ, присовокупляя къ тому и *Коперникову систему и мнѣніе о множествѣ міровъ*—съ Св. Писаніемъ несогласныя"... Шувалову стоило большихъ хлопотъ провести этотъ злосчастный переводъ черезъ руки духовенства, при чемъ, однакоже, всѣ стихи, „Св. Писанію несогласные", были замѣнены стихами духовнаго цензора, и самый переводъ явился въ свѣтъ спустя три года, когда студентъ Поповскій былъ уже профессоромъ Московскаго университета [1]).

Научные труды.

Различнымъ вопросамъ философіи же были посвящены рѣчи и другихъ двухъ профессоровъ Московскаго университета—*Д. С. Аничкова* и *А. М. Брянцева*, проводившіе въ науку систему новой философіи Бэкона, Декарта и Лейбница въ истолкованіи Вольфа и его ученика Баумейстера. Эта система не только во всей Европѣ, но и у насъ на Руси явилась на смѣну отжившей свой вѣкъ философіи схоластической школы, и очень быстро проникла не только въ духовныя академіи наши, но даже и въ образованнѣйшіе классы обществъ, гдѣ многихъ занимало рѣшеніе различныхъ отвлеченныхъ философскихъ вопросовъ. На такое пристрастіе къ философіи,—въ томъ весьма обширномъ смыслѣ, какое придавали ей въ прошломъ вѣкѣ,—указываетъ и самое появленіе книги адъюнкта Академіи Наукъ, Г. Н. Теплова, подъ заглавіемъ: „*Знанія, до философіи вообще касающіяся*".

Къ отвлеченному вопросу о пользѣ наукъ и о ихъ значеніи въ жизни и воспитаніи возвращается (послѣ кончины Поповскаго) и его товарищъ по Московскому университету, Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ, занявшій его каѳедру Словесности. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ разбираетъ вопросъ о томъ, „*съ какимъ мы намѣреніемъ наукамъ обучаться долженствуемъ*". Въ этой рѣчи мы должны отмѣтить одну любопытную и важную черту: допуская, по нуждѣ, и всякое практическое примѣненіе наукъ для матеріальной пользы, Барсовъ, однакожъ, признаетъ, что, главнымъ образомъ, „мы должны учиться наукамъ для наукъ, т. е. чтобы разумъ нашъ пополнить потребными въ жизни знаніями". Это уже значительный шагъ впередъ, сравнительно съ тѣмъ узкимъ утилитаризмомъ, который служилъ главнымъ побужденіемъ ко

[1]) Шуваловъ совѣтовалъ Поповскому обработать и сгладить стихи цензора; но тотъ не только не захотѣлъ этого сдѣлать, а еще напечаталъ стихи цензора особымъ, болѣе крупнымъ шрифтомъ, какъ бы слагая съ себя всякую за нихъ отвѣтственность.

введенію наукъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Тотъ же Барсовъ, преподавая Словесность въ Московскомъ университетѣ, руководствуясь примѣромъ своего учителя Ломоносова, внесъ значительное обновленіе въ преподаваніе этого предмета тѣмъ, что не довольствовался уже однимъ изложеніемъ теоріи (риторики и піитики) и приведеніемъ образцовъ и примѣровъ на правила, а занимался на лекціяхъ разборомъ произведеній классическихъ писателей римскихъ—Виргилія, Горація, Цицерона —а изъ русскихъ писателей — Ломоносова, риторикой и грамматикой котораго онъ постоянно пользовался при всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ.

Къ тому же времени, т. е. къ концу царствованія Елисаветы, относятся и первыя попытки послѣдовательно изложенныхъ обобщеній въ области исторіи Словесности Россійской и иностранной. Пріятно отмѣтить тотъ фактъ, что первыя подобныя попытки исходятъ почти одновременно отъ русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.

Г. Н. Тепловъ.

Труды изъ словесности.

Не останавливаясь на трудахъ академика Якова Штелина [1]) и датчанина Адама Селлія [2]), такъ какъ они были изданы на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ и только впослѣдствіи переведены на русскій языкъ, припомнимъ здѣсь уже упомянутое нами выше „*Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ*", составленное И. А. Дмитревскимъ, извѣстнымъ актеромъ; въ этомъ „Извѣстіи" заключаются весьма толково и ясно изложенныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ русскихъ писателяхъ, начиная отъ временъ Петра Великаго. Этотъ небольшой, но весьма толково составленный трудъ былъ сначала напечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ „Лейпцигской библіотекѣ", журналѣ Христіана Вейссе (въ 1768 г.), затѣмъ явился и во французскомъ переводѣ; но для насъ онъ особенно важенъ тѣмъ, что послужилъ главнымъ побужденіемъ и основой для послѣдующаго историко-литературнаго труда Новикова, который принадлежитъ къ первоисточникамъ нашей Исторіи Словесности. Немного ранѣе этого труда, Сумароковъ написалъ свою довольно обстоятельную и довольно безпристрастную статью „*О россійскомъ духовномъ крас-*

[1]) Яковъ Штелинъ составилъ на нѣмецкомъ языкѣ *Записку о современныхъ ему русскихъ писателяхъ*, и двѣ статьи о русскомъ театрѣ и русскихъ танцахъ и балетахъ. Болѣе извѣстны его *сборники Анекдотовъ* о Петрѣ Великомъ и о Ломоносовѣ.

[2]) Адамъ Селлій составилъ по-латыни «Каталогъ писателей, писавшихъ о церковно-политической исторіи Россіи». Тамъ перечислены 161 писателя.

норѣчіи", довольно любопытную по характеристикамъ русскихъ духовныхъ ораторовъ, которыхъ Сумароковъ сравниваетъ съ проповѣдниками французскими. Около того же времени, директоръ Академіи Наукъ, *С. Г. Домашневъ* напечаталъ (въ 1762 году, въ журналѣ „Полезное увеселеніе"), статью „*О стихотворствѣ*"; —въ сущности бѣглый обзоръ исторіи поэзіи у различныхъ народовъ, начиная отъ классической древности, отъ Гезіода и Гомера и до новѣйшихъ временъ поэзіи европейской. Первымъ русскимъ поэтомъ, почему-то, названъ тамъ Симеонъ Полоцкій, а затѣмъ помянуто очень коротко и о поэтическихъ произведеніяхъ Кантемира, Тредіаковскаго, Ломоносова, Сумарокова и Хераскова.

Переводы и словари.

Рядомъ съ этими первыми и весьма еще скромными по объему трудами по Русской Словесности, возрастала и множилась весьма разнообразная и обильная *литература переводная*, при посредствѣ которой, главнымъ образомъ, развивался и вырабатывался нашъ литературный языкъ и слогъ. Уже съ самаго начала сороковыхъ годовъ, многіе, весьма почтенные дѣятели, посвящали, съ легкой руки Тредіаковскаго, труды свои на составленіе необходимѣйшихъ пособій, которыя бы могли облегчить трудъ переводчика, т. е. на составленіе грамматикъ и словарей. Смѣлый и предпріимчивый Мюллеръ и здѣсь положилъ первый камень къ будущему зданію: въ 1731 году онъ издалъ *нѣмецко-латинскій лексиконъ Вейсмана* съ переводомъ словъ на русскій языкъ и съ небольшимъ очеркомъ основъ русскаго языка (на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ). Этотъ лексиконъ служилъ долгое время единственнымъ пособіемъ для нѣмцевъ, желавшихъ знакомиться съ русскимъ языкомъ, и для русскихъ, изучавшихъ языкъ нѣмецкій. Вслѣдъ за тѣмъ явился *французскій лексиконъ* (довольно обширный)—съ объясненіемъ словъ на нѣмецкомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ, составленный (въ 1755 г.) С. С. Волчковымъ, переводчикомъ и секретаремъ Академіи Наукъ. Въ 1762 году Барсовъ перевелъ съ нѣмецкаго латинскую грамматику Целларія. Около того же времени, причетникъ Русской посольской церкви въ Лондонѣ, нѣкто *Михаилъ Пермскій*, составилъ самостоятельно *первую на русскомъ языкѣ грамматику англійскаго языка*.

Самое появленіе всѣхъ этихъ пособій указываетъ уже на значительное оживленіе потребности къ изученію иностранныхъ языковъ и къ знакомству съ иностранными литературами. Въ началѣ Эпохи Преобразованій, при Петрѣ Великомъ, кругъ переводимыхъ книгъ былъ весьма ограниченнымъ и строго опредѣленнымъ: „только полезное и необходимое" — было постояннымъ девизомъ Петра, да еще и изъ этого выпускалось многое, признаваемое излишнимъ многословіемъ. Въ концѣ второй четверти XVIII вѣка, условія общественной жизни значительно измѣни-

лись; кругъ образованныхъ людей расширился, явилась не только потребность, но и мода на чтеніе, а удовлетворять этой потребности одними произведеніями русской словесности было немыслимо. Даже и академическихъ переводчиковъ уже не хватало для той массы литературнаго и ученаго матеріала, которую требовалось перенести съ Западно-Европейской почвы на нашу отечественную. Академическая канцелярія, вслѣдствіе этого, въ 1748 году, нашла себя вынужденною объявить, чтобы „каждый, кто пожелаетъ какую книгу перевесть съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго или съ другихъ какихъ языковъ—тѣ бы явились въ канцелярію Академіи Наукъ". И Академія Наукъ, дѣйствуя по указу и волѣ императрицы Елисаветы, стала отвлекаться отъ своего спеціально-научнаго назначенія, и, сообразуясь съ новыми потребностями русскаго общества, „*печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ*". Другими словами, рядомъ съ литературою ученою, серьезною и полезною, въ самомъ тѣсномъ практическомъ смыслѣ, стала подниматься литература легкая, беллетристическая, предназначенная для развлеченія, для удовлетворенія потребности развивающагося изящнаго вкуса.

Легкое чтеніе.

Отцомъ этой новой и легкой переводной литературы—какъ ни странно это сказать—былъ несомнѣнно Тредіаковскій, угодившій чрезвычайно русской публикѣ своимъ переводомъ повѣсти Тальмана: „*Путешествіе на островъ Любви*". Лучше другихъ знакомый съ современнымъ русскимъ литературнымъ языкомъ, Тредіаковскій старался переводить эту повѣсть какъ можно проще, не примѣшивая къ своему языку никакихъ прикрасъ высокаго слога, требовавшихъ заимствованія изъ церковно-славянской рѣчи. „Языкъ славянскій" —говоритъ по этому поводу Тредіаковскій,— „у насъ есть языкъ церковный, а сія книга мірская..." Притомъ: „языкъ славянскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ есть очень теменъ и многіе, его книги читая, не разумѣютъ; а сія книга есть сладкія любви, того ради всѣмъ должна быть вразумительна". Въ этихъ словахъ — цѣлая эпоха въ исторіи русскаго сознанія. Нарождающаяся „мірская" литература должна создавать для себя новый „мірской языкъ", для всѣхъ одинаково понятный и вразумительный... Тредіаковскій, въ предисловіяхъ къ другимъ своимъ переводамъ („De arte poëtica" Горація и „L'art poëtique" Буало) старается даже преподать и внушить переводчикамъ важнѣйшія правила переводческаго искусства. Самъ онъ среди современниковъ, даже и враждебно относившихся къ нему, считался превосходнымъ переводчикомъ, съ которымъ на одну степень достоинства не могъ быть поставленъ ни одинъ изъ его

современниковъ и ни одинъ изъ академическихъ присяжныхъ переводчиковъ, а между тѣмъ число этихъ переводчиковъ было весьма значительно [1]). Минуя переводы уже извѣстныхъ намъ литераторовъ, о которыхъ мы, своевременно и въ своемъ мѣстѣ, упоминали выше, не упоминая здѣсь ни объ извѣстныхъ намъ переводахъ Кантемира, ни о передѣлкахъ Сумарокова, остановимся только на указаніи важнѣйшихъ произведеній нашей переводной литературы Елисаветинскаго времени.

Въ противоположность Петровскому времени, меньшинство книгъ составляютъ исключительно научныя сочиненія, а значительное большинство—сочиненія чисто-литературныя, повѣствовательныя, драматическія и поэтическія. Изъ классиковъ переведено очень немногое. *Иліада и Одиссея—Кондратовичемъ*, исторія Геродота—*Нартовымъ*. Тотъ же Кондратовичъ перевелъ *избранныя рѣчи Цицерона*; *Козицкій—„Превращенія“* Овидія; *Барсовъ—сатиры Горація* и *Басни Федра*. Изъ англійской литературы—*„Потерянный рай“* Мильтона переведенъ *Амвросіемъ Серебренниковымъ*, архіепископомъ Екатеринославскимъ; изъ итальянской — *„Влюбленный Орландъ“* Аріосто переведенъ былъ Булгаковымъ. Болѣе же всего было переведено съ французскаго; тутъ видимъ и драматическія пьесы Мольера, Вольтера и Дидро, переведенныя *Дмитревскимъ*, *Ельчанинымъ*, *Елагинымъ*, *Кропотовымъ и Ольсуфьевымъ*; и правоучительныя повѣсти Мармонтеля, Вольтера и аббата-Прево—переведенныя Полунинымъ, Домашневымъ и Елагинымъ; и философскія сочиненія: Монтаня и Монтескьё—въ переводахъ С. Волчкова и А. Мятлева. Очень немногое переведено съ нѣмецкаго: двѣ комедіи Гольдберга [2]) и одна комедія Лессинга. Широкимъ потокомъ вливалась къ намъ во времена Елисаветы и въ послѣдовавшій затѣмъ ближайшій вѣкъ Екатерины II, все болѣе и болѣе входившая въ моду, французская литература, а нѣмецкая надолго отодвинулась на задній планъ; и при этомъ легкая и граціозная французская беллетристика начинала въ такой степени преобладать надъ всѣми остальными литературными родами, что одинъ изъ выдающихся современныхъ проповѣдниковъ, указывая на недостатокъ новѣйшаго воспитанія, ставитъ въ особый укоръ родителямъ именно то, „что они своимъ дѣтямъ не Евангеліе Христово, не Законъ Божій, но амурныя нѣкія книжицы въ руки ихъ съ самаго младенчества втираютъ...“

Вѣдомости. Одновременно съ этими первыми шагами на пути развитія у

[1]) Важнѣйшіе изъ нихъ, во 2-й четверти XVIII в., были: Адодуровъ, Ильинскій, Поповскій, Волчковъ, Кондратовичъ, Барсовъ, Козицкій, Мотонисъ, Полетика, Свѣтовъ, Нартовъ и др.

[2]) Одна изъ нихъ „Генрихъ и Пернила“ приводила въ восторгъ Ф. Визина въ юности.

насъ легкаго и пріятнаго чтенія, явилась и стала весьма успѣшно развиваться и *журналистика*, въ которой приняли участіе всѣ наличныя литературныя силы и открылась возможность печатанія первыхъ литературныхъ опытовъ для молодыхъ, начинающихъ талантовъ. Исторія нашей прессы и нашей журналистики, въ первой половинѣ XVIII вѣка, очень небогата фактами и немногосложна. До-Петровская Русь, какъ мы видѣли выше, не знала ни прессы, ни журналистики, въ которыхъ русское общество XVII вѣка совсѣмъ не нуждалось. „Куранты“ не были, въ собственномъ смыслѣ слова, газетами и имѣли специальное, дипломатическое назначеніе. Потребность въ газетѣ—въ такомъ изданіи, которое должно было сообщать необходимыя для всѣхъ свѣдѣнія и новости—явилась не ранѣе, какъ при Петрѣ Великомъ, который понималъ значеніе органа, сообщающаго во всеобщее вѣдѣніе извѣстія о дѣйствіяхъ правительства и о политическихъ событіяхъ. Такою первою газетою въ Россіи и были „*Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ*“. Эти „Вѣдомости“ первоначально стали выходить въ свѣтъ въ Москвѣ съ 1703 г.; онѣ печатались еще церковнымъ шрифтомъ, выходили безсрочно и въ неравномъ числѣ листовъ. Печатались въ количествѣ 1000 экземпляровъ. По мѣрѣ того какъ центръ тяжести политической жизни переносился въ Петербургъ—туда же должно было перейти и изданіе первой нашей газеты, которая съ 1710 г. стала печататься гражданскимъ шрифтомъ, а въ слѣдующемъ году окончательно перешла въ Петербургъ, хотя нѣкоторое время номера ея и перепечатывались въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ смерти Петра, который былъ и первымъ редакторомъ—и первымъ сотрудникомъ первой русской газеты, она прекратилась (въ 1727 г.)... Но уже въ слѣдующемъ году возродилась вновь въ видѣ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей*, которыя стали издаваться подъ редакціею студента (будущаго академика и исторіографа) Мюллера. Мюллеръ до половины 1730 года завѣдывалъ редакціей газеты, печатавшейся одновременно на двухъ языкахъ — русскомъ и нѣмецкомъ. Мюллеру пришла въ голову счастливая мысль — печатать при „Вѣдомостяхъ“ особыя „*Примѣчанія*“, служившія объясненіемъ для читателей всего, что могло быть не совсѣмъ понятно читателю въ текстѣ газеты. Эти „Примѣчанія“, состоявшія изъ отдѣльныхъ статей, заключали въ себѣ любопытныя и поучительныя научныя свѣдѣнія и очень понравились публикѣ. Самъ Мюллеръ говоритъ о нихъ, что „въ первый годъ онъ предназначалъ „Примѣчанія“ только для русскихъ читателей“, но потомъ, убѣжденный въ хорошемъ пріемѣ ихъ, „сталъ печатать и на нѣмецкомъ“. Въ изданіи этихъ Примѣчаній принимали участіе,

кромѣ Мюллера, и другіе академики: Эйлеръ, Гмелинъ, Бекенштейнъ. Они писали статьи на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, а Тредіаковскій и Адодуровъ переводили ихъ на русскій.

Около того же времени предпринято было и другое, весьма полезное изданіе, и также при Академіи Наукъ: это такъ называемое „*Краткое описаніе Комментаріевъ Академіи Наукъ*", т. е. извлеченіе изъ латинскаго періодическаго изданія Академіи [1]). Изданіе предполагалось сдѣлать періодическимъ; но вышла только одна часть его, въ 1728 году; слѣдующія двѣ, изготовленныя къ печати, почему-то не явились въ свѣтъ.

Академическій журналъ.

Тотъ же неутомимый, живой и подвижной Мюллеръ, по возвращеніи изъ своего долгаго десятилѣтняго странствованія по Сибири, въ самый разгаръ своей ученой и литературной дѣятельности, затѣялъ изданіе при Академіи Наукъ новаго органа, также предназначеннаго для массы публики; органъ этотъ назывался: „*Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія*". Онъ послужилъ прототипомъ для всѣхъ послѣдующихъ учено-литературныхъ русскихъ журналовъ, и издавался съ успѣхомъ въ теченіе десяти лѣтъ — отъ 1755 г. до 1764 г. [2]). Само собою разумѣется, что и заглавіе журнала, и весь его планъ, и значительная доля содержанія, заимствованы были Мюллеромъ изъ иностранной журналистики, такъ какъ и въ Англіи, и въ Германіи около этого времени журналистика была сильно развита. Въ ней преобладало направленіе поучительное, назидающее—и, отчасти, оно было внесено и въ журналъ Мюллера, гдѣ, среди литературнаго отдѣла, преобладало нравоученіе, то въ формѣ притчей, то въ формѣ аллегорическихъ разсказовъ и всякаго рода иносказаній. Въ большомъ ходу были статьи нравственно-религіознаго и нравственно-философскаго содержанія, иногда излагавшіяся въ формѣ разговоровъ, иногда въ формѣ размышленій на самыя разнообразныя тэмы. Въ отдѣлѣ статей ученыхъ, Мюллеръ помѣщалъ свои и чужія статьи по русской географіи, исторіи и вообще отчизновѣдѣнію; и всѣ онѣ были прекрасно написаны и изложены общедоступнымъ и понятнымъ языкомъ. Много помѣщалось и переводныхъ статей, какъ въ ученомъ, такъ и въ литературномъ отдѣлѣ; въ послѣднемъ, напр., были помѣщены повѣсти Вольтера: *Задигъ* и *Микромегасъ*, статьи Даламбера, Гольберга и другихъ. Сотрудниками „Ежемѣсячныхъ сочиненій" были всѣ выдающіеся литературные дѣятели и всѣ литературные работники того времени [3]),

[1]) Полное заглавіе этого изданія было: «Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae».

[2]) Журналъ Мюллера расходился въ количествѣ отъ 600 до 700 экземпляровъ.

[3]) Между сотрудниками «Ежемѣсячныхъ сочиненій» встрѣчается, между прочимъ, и имя знаменитаго впослѣдствіи героя, А. В. Суворова.

кромѣ Ломоносова, который былъ въ постоянной ссорѣ съ Мюллеромъ и съ самаго начала относился къ его журналу съ крайнею непріязнью. Вначалѣ и Сумароковъ былъ однимъ изъ усердныхъ вкладчиковъ Мюллерова журнала; но потомъ разссорился съ редакторомъ и вздумалъ основать свой органъ. Нѣкоторое время въ немъ сотрудничалъ и Тредіаковскій, но затѣмъ подвергся, со стороны Мюллера, за разныя свои неблаговидныя продѣлки усиленному гоненію, и, сгорая желаніемъ непремѣнно участвовать въ этомъ общераспространенномъ журналѣ, пускался даже и на презабавныя хитрости. „Сочинилъ я оду“,—такъ разсказываетъ онъ самъ,—„назвавъ ее „*Вешнее Тепло*“, и тѣмъ утаивъ мое имя въ двухъ начальныхъ буквахъ, да и вручилъ конференцъ-секретарю (т. е. Мюллеру) посторонними руками. Расхвалена сія ода и въ книжкахъ напечатана. Хотя жъ мнѣ и посчастливилось въ подставѣ чужого автора, однако сей самый успѣхъ низвергъ меня, почитай, въ отчаяніе — ибо увидѣлъ подлинно, что презрѣніе стремится токмо на меня, а не на труды мои“.

Успѣхъ, которымъ Мюллеровъ журналъ пользовался непрерывно въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ, вызвалъ подражателей, также задумавшихъ привлечь къ себѣ вниманіе и расположеніе публики. Въ Петербургѣ, одновременно, въ 1750 году, явились два журнала: „*Праздное время, въ пользу употребленное*“, издававшееся при Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ (еженедѣльно по одному листу въ 16 страницъ), и „*Трудолюбивая Пчела*“, которую Сумароковъ задумалъ издавать на свои средства. Оба журнала не просуществовали болѣе года; но они прекратились по совершенно различнымъ поводамъ. Первый представлялъ собою рабское подражаніе журналу Мюллера и составлялъ какъ бы сколокъ съ отдѣла „Ежемѣсячныхъ сочиненій“. Но, видимо, у журнала не было опредѣленнаго плана, при чемъ былъ недостатокъ въ матерьялѣ и въ сотрудникахъ, и онъ погибъ естественною смертью. Не то было съ „Трудолюбивою Пчелою“ Сумарокова. Этотъ журналъ, исключительно литературный, составлялся очень живо и талантливо. Въ сотрудникахъ не было недостатка: въ числѣ ихъ мы видимъ Тредіаковскаго, Дмитревскаго, Нартова и неизбѣжныхъ академическихъ переводчиковъ — Козицкаго, Мотониса, Полетику [1]). Публика относилась къ журналу очень сочувственно, и раскупала книжки его весьма охотно [2]). Но Сумароковъ, по свойственной

Частные журналы.

---

[1]) Въ то время отношеніе сотрудниковъ къ редактору было чрезвычайно оригинальное: сотрудники считали для себя за честь что-нибудь напечатать въ журналѣ изъ своихъ произведеній; платы за это никакой не полагалось; единственный гонораръ, на который они могли разсчитывать, заключался въ оттискахъ ихъ статей.

[2]) Впослѣдствіи, по кончинѣ Сумарокова, Академія Наукъ сочла полезнымъ перепечатать «Трудолюбивую Пчелу» вторымъ изданіемъ.

ему суетливой горячности и полной непрактичности, постоянно со всѣми ссорился и постоянно нуждался въ матерьяльныхъ средствахъ для изданія; а Ломоносовъ, пользовавшійся въ то время большимъ значеніемъ въ Академіи и постоянно враждовавшій съ Сумароковымъ, не упускалъ случая тѣснить его и въ разсчетахъ съ академической типографіей, и въ смыслѣ цензурномъ. И Сумароковъ, раздраженный частыми столкновеніями изъ-за журнала, рѣшился прекратить его печатанье. Не слѣдуетъ, однакожъ, забывать, что это была попытка замѣчательная: *первая попытка частнаго лица издавать журналъ на свои средства.* За этою попыткою, какъ видимъ далѣе, появились, въ царствованіе Екатерины, и другія подобныя же, но болѣе плодотворныя по результатамъ.

Московскіе журналы.

Въ то время, когда въ Петербургѣ, благодаря „Ежемѣсячнымъ Сочиненіямъ" Мюллера и такому литературному центру, какъ Академія Наукъ, произошло значительное оживленіе въ области журналистики, Москва также старалась не отстать отъ своей младшей соперницы. Здѣсь, послѣ учрежденія Московскаго университета, который основанъ былъ въ 1755 г., тоже является и своя, мѣстная газета, и свои журналы. Послѣ перенесенія „Вѣдомостей" изъ Москвы въ Петербургъ, въ Москвѣ не издавалось никакой газеты, и только съ 1756 года стали издаваться при университетѣ и печататься въ собственной университетской типографіи „*Московскія Вѣдомости*", подъ редакціею первыхъ двухъ русскихъ профессоровъ—сначала Поповскаго, потомъ Барсова. Очень долгое время, почти въ теченіе цѣлаго двадцатилѣтія, „Московскія Вѣдомости" имѣли исключительно офиціальный характеръ: въ нихъ печатались Высочайшіе указы, приказы мѣстнаго начальства, придворныя извѣстія и казенныя объявленія. Никакихъ добавленій къ этому, литературныхъ или научныхъ—не было вовсе.

При томъ же Московскомъ университетѣ (очевидно, что другого умственнаго центра въ Москвѣ, около этого времени, не было) появились, года три-четыре спустя, и два первые московскіе журнала: „*Полезное Увеселеніе*" и „*Собраніе лучшихъ сочиненій, къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія*" [1]).

Послѣдній журналъ былъ нѣчто въ родѣ сборника разнородныхъ статей по естественнымъ наукамъ и вопросамъ техническимъ и другимъ, относящимся къ практической жизни. Издателемъ журнала былъ профессоръ Московскаго университета, Рейхель, а сотрудниками—студенты университета, которые являлись въ данномъ случаѣ только переводчиками, такъ какъ статьи, помѣщаемыя въ журналѣ Рейхеля, были исключительно перевод-

[1]) Это длинное заглавіе было въ сущности еще длиннѣе, и продолжалось такъ: «или смѣшанная библіотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ, такожъ до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вопросахъ».

ныя. Цѣль издателя заключалась въ томъ, чтобы доставить желающимъ чтеніе полезное и пригодное для жизни.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличался другой журналъ: „*Полезное Увеселеніе*“, также издававшійся при Московскомъ университетѣ въ 1760—1762 гг. Во главѣ его стоялъ небольшой (впослѣдствіи разросшійся) литературный кружокъ, собиравшійся въ радушномъ домѣ М. М. Хераскова, служившаго при университетѣ членомъ конференціи. Херасковъ, незадолго передъ тѣмъ начавшій свою литературную дѣятельность въ „*Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ*“ Мюллера, былъ самъ издателемъ „*Полезнаго Увеселенія*“; онъ съумѣлъ придать журналу тотъ же, чисто-литературный характеръ, который такъ нравился публикѣ въ „Трудолюбивой Пчелѣ“ Сумарокова. Ближайшею помощницею Хераскова, при изданіи его журнала, была его супруга, по свидѣтельству современниковъ, „*также извѣстная того времени стихотворица*“. Страницы журнала Хераскова открыты были, какъ и его богатый и радушный домъ, не только тѣмъ сотрудникамъ, которые уже заявили себя кое-какими трудами въ литературѣ, но и начинающей молодежи изъ числа студентовъ Московскаго университета: между именами сотрудниковъ „Полезнаго Увеселенія“ подъ статьями этого журнала встрѣчаемъ уже имена юношей — Фонъ-Визина и Богдановича, будущихъ крупныхъ литературныхъ дѣятелей, всецѣло принадлежащихъ Екатерининскому вѣку... Заря этого новаго, блестящаго вѣка нашей литературы, блестящаго расцвѣта всѣхъ ея отраслей, уже начинается...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Оглавленіе.

„Исторія Русской Словесности"

П. Н. ПОЛЕВОГО.

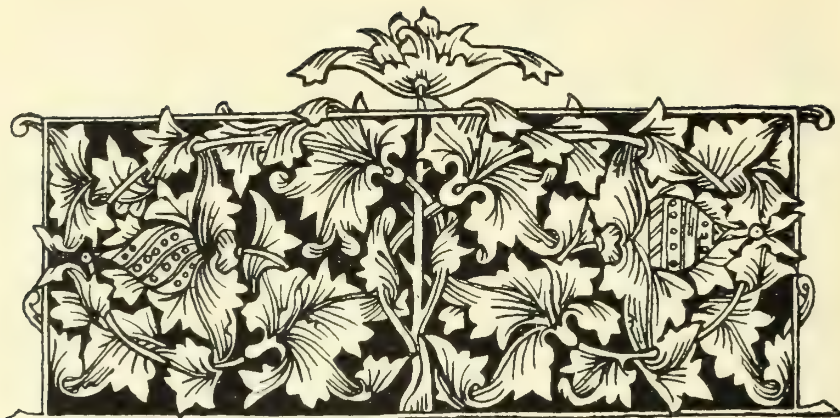
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Отъ начала татарщины до временъ Грознаго.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Отъ начала XVI вѣка и до половины XVII вѣка.

Списокъ рисунковъ перваго тома

Исторіи Русской Словесности.

Списокъ хромолитографическихъ и другихъ приложеній къ I тому.

Примѣчаніе 1. Между этими снимками №№ 14, 15, 20, 21, 22, 23—заимствованы нами изъ превосходныхъ изданій «Общества Древней Письменности».

Примѣчаніе 2. Всѣ объясненія, транскрипціи и переводы рукописныхъ памятниковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ перваго тома «Исторіи Русской Словесности» (какъ напр. на стр. 324, 325, 328 и др.), а также и въ приложеніяхъ къ тексту (какъ напр. № 12 или 16)—будутъ нами приведены въ концѣ всего нашего труда.

